

**НОМИНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
РАЗМЕРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ПАРАМЕТРЫ И КОНСТРУКЦИИ**

**Nominale Konzeptualisierungen von Dimensionen im Russischen:
Parameter und Konstruktionen**

Abhandlung
zur Erlangung der Doktorwürde
der Philosophischen Fakultät
der
Universität Zürich

vorgelegt von
Anna Möhl

von Salmsach TG und Russland

Angenommen im Herbstsemester 2012
auf Antrag von Herrn Prof. Dr. Daniel Weiss
Frau Prof. Dr. Ekaterina Rakhilina
Frau Prof. Dr. Olga Timofeeva

моим мужчинам

Как на чьи-то именины испекли мы каравай:
Вот такой *вышины*, / Вот такой *нижины*,
Вот такой *ширины*, / Вот такой *ужины*!
Каравай, каравай, / Кого любишь - выбирай!

Русская народная песня

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список иллюстраций	5
Благодарности	8
ВВЕДЕНИЕ	10
ЧАСТЬ I. Теория и методология обозначения параметров	20
ГЛАВА 1. От имени к эталону	20
1.1. К терминологии: имена пространственных параметров	20
1.2. Размер, величина, параметр	32
1.3. Семантико-синтаксические ограничения параметрических имён	51
1.3.1. Семантика	51
1.3.2. Синтаксис	57
1.3.3. Морфология	60
1.4. Наивная картина мира и пространство Наблюдателя	61
1.5. Сравнение, градуирование, параметризация	67
1.6. Семантические типы шкал	72
1.7. Норма и эталон	74
1.8. К типологии параметрических слов	88
1.9. Выводы по ГЛАВЕ 1	91
ГЛАВА 2. Обозначение размера в теории	93
2.1. Семантические примитивы в структурном подходе М. Бирвиша	93
2.2. Обозначение размера в системе Э. Ланга: трёхуровневая система	98
2.3. Трёхмерная модель зрительного восприятия пространства, или 3 D model	112
2.4. Форма и размер: топологический подход Е.В. Рахилиной	117
2.5. Алгоритм обозначения размера в теории Э. Спанг-Ханссена	119
2.6. Геометрические примитивы в подходе А. Вежбицкой	122
2.7. Теория прототипов в описании параметров	128
2.8. Теория «позиционирования», или Vantage Theory	132
2.9. Выводы по ГЛАВЕ 2	135

ЧАСТЬ II. КОРПУСНЫЙ ПОРТРЕТ ПАРАМЕТРОВ	137
ГЛАВА 3. ГЛУБИНА	137
3.1. <i>Глубина</i> в первом приближении: существующие теории и подходы	137
3.2. <i>Глубина</i> в словарях	140
3.3. <i>Глубина</i> в НКРЯ	145
3.4. Параметр и прототип	152
3.4.1. Тип объекта	153
3.4.1.1. Контейнер	153
3.5. Конструкции с <i>глубиной</i>	161
3.6. Тип X-а: попытка классификации	163
3.6.1. Предметный X	163
3.6.1.1. Полые трёхмерные ёмкости	165
3.6.1.2. Углубления и ниши	168
3.6.1.3. Части тела и части частей	169
3.6.1.4. Душа как 'контейнер' внутренних состояний	174
3.6.1.5. Предметы одежды и обуви	178
3.6.1.6. Вещества и водоёмы	182
3.6.1.7. Следы	183
3.6.1.8. Слои	186
3.6.2. Отпредикатный X	187
3.6.3. На периферии <i>глубины</i>	189
3.7. <i>Глубина</i> ₂ : метонимия	192
3.8. <i>Глубина</i> vs. <i>глубины</i> : лексикализация множественного числа	194
3.9. <i>Глубина</i> vs. <i>глубь</i> vs. <i>глубинность</i> vs. <i>глубоководность</i>	195
3.10. <i>Глубина</i> : метафора	196
3.10.1. Метафора пространственного контейнера	197
3.10.2. Метафора центра и периферии	200
3.10.3. Метафора содержимого контейнера	201
3.10.4. Метафора элемента-вторженца	205
3.10.5. Метафора дистантного расположения	206
3.10.6. Метафора отрицательного контейнера	210
3.10.7. Метафора слоя	211
3.11. Семантические типы и конструкции: конструкционный профиль <i>глубины</i>	216

3.12. Выводы по <i>глубине</i>	222
ГЛАВА 4. ВЫСОТА	226
4.1. <i>Высота</i> в первом приближении: существующие теории и подходы	226
4.2. <i>Высота</i> в словарях	231
4.3. <i>Высота</i> в НКРЯ	235
4.4. Параметр и прототип	243
4.4.1. Таксономические категории объектов	244
4.5. Тип X-а: попытка классификации	249
4.5.1. Предметный X	250
4.5.1.1. Здания и сооружения	251
4.5.1.2. Природные объекты	254
4.5.1.3. Артефакты	255
4.5.2. Отпредикатный X	259
4.6. <i>Высота</i> : метонимия	260
4.6.1. Дистантная <i>высота</i> : модель 'размер → расстояние'	261
4.6.2. Точечная <i>высота</i> : модель 'расстояние → пиковая точка шкалы'	265
4.6.3. <i>Высота</i> ₂ : модель 'расстояние → место или пространство на высоте'	266
4.7. На периферии <i>высоты</i>	268
4.8. <i>Высота</i> vs. <i>высоты</i> : лексикализация множественного числа	270
4.9. <i>Высота</i> vs. <i>вышина</i> vs. <i>высь</i>	271
4.10. <i>Высота</i> vs. <i>рост</i>	274
4.11. <i>Высота</i> : метафора	275
4.11.1. Метафора большого количества	276
4.11.2. Метафора высокого качества и степени	277
4.11.3. Метафора 'возвышенного' содержания	278
4.11.4. Метафора 'возвышенного' пространства	279
4.11.5. Метафора цели	279
4.12. Семантические типы и конструкции: конструкционный профиль <i>высоты</i>	280
4.13. Выводы по <i>высоте</i>	286
ГЛАВА 5. ПАРАМЕТРЫ НЕВЕРТИКАЛЬНОЙ ОСИ: ДЛИНА vs. ШИРИНА	291
5.1. <i>Длина</i> и <i>ширина</i> в первом приближении: существующие теории и подходы	291

5.2. <i>Длина и ширина</i> в словарях	299
5.3. <i>Длина и ширина</i> в НКРЯ	301
5.4. Параметр и прототип	310
5.4.1. Тип X-а: попытка классификации	310
5.4.1.1. Предметный X	312
5.4.1.1.1. Топографические объекты	315
5.4.1.1.2. Инструменты	317
5.4.1.1.3. Здания и сооружения	319
5.4.1.1.4. Части тела	321
5.5. Метафоры <i>длины</i> : 'пространство → время'	324
5.6. Метафоры <i>ширины</i> : сближения с <i>широтой</i>	326
5.7. <i>В необъятную ширь</i> vs. <i>в неведомую даль</i>	328
5.8. Семантические типы и конструкции: конструкционный профиль <i>длины/ширины</i>	330
5.9. Выводы по <i>длине</i> и <i>ширине</i>	336
 ГЛАВА 6. ТОЛЩИНА	 341
6.1. <i>Толщина</i> в первом приближении: существующие теории и подходы	341
6.2. <i>Толщина</i> в словарях	346
6.3. <i>Толщина</i> в НКРЯ	347
6.4. Параметр и прототип	351
6.4.1. Тип X-а: попытка классификации	351
6.4.1.1. Слои вещества	356
6.4.1.2. Человек и части тела	357
6.4.1.3. Артефакты	360
6.5. Семантические типы и конструкции: конструкционный профиль <i>толщины</i>	363
6.6. Выводы по <i>толщине</i>	367
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	371
БИБЛИОГРАФИЯ	380
Словари	380
Корпуса	380
Литература	381
Об авторе	407

Список иллюстраций

Графики

График 1:	<i>Вышина</i> . График изменения частоты на один миллион словоупотреблений (НКРЯ: 1800-2010 гг.)	272
График 2:	<i>Высь</i> . График изменения частоты на один миллион словоупотреблений (НКРЯ: 1800-2010 гг.)	273
График 3:	<i>Даль</i> . Изменение частоты на один миллион словоупотреблений (НКРЯ: 1800-2010 гг.)	329
График 4:	<i>Ширь</i> . Изменение частоты на один миллион словоупотреблений (НКРЯ: 1800-2010 гг.)	329

Диаграммы

Диаграмма 1:	Распределение конструкций <i>X</i> величиной <i>с/в Z</i> и <i>X</i> размером <i>с/в Z</i> в НКРЯ по функциям преувеличения (MAX) и преуменьшения (MIN) размера <i>X</i> -а	41
Диаграмма 2:	<i>Глубина X</i> -а. Распределение прямых и переносных значений в НКРЯ	147
Диаграмма 3:	<i>Глубина X</i> -а. Распределение неметафорических значений <i>глубины</i> в НКРЯ	148
Диаграмма 4:	<i>Глубина X</i> -а. Распределение переносных значений <i>глубины</i> в НКРЯ	150
Диаграмма 5:	Распределение <i>глубины</i> по конструкциям в НКРЯ	218
Диаграмма 6:	<i>Высота X</i> -а. Распределение прямых и переносных значений в НКРЯ	237
Диаграмма 7:	<i>Высота X</i> -а. Распределение неметафорических значений <i>высоты</i> в НКРЯ	238
Диаграмма 8:	<i>Высота X</i> -а. Распределение переносных значений <i>высоты</i> в НКРЯ	240
Диаграмма 9:	Таксономические типы объектов в конструкции <i>высота X</i> -а	257
Диаграмма 10:	Распределение <i>высоты</i> по конструкциям в НКРЯ	282
Диаграмма 11:	<i>Длина X</i> -а. Распределение прямых и переносных значений в НКРЯ	303
Диаграмма 12:	<i>Ширина X</i> -а. Распределение прямых и переносных значений в НКРЯ	304
Диаграмма 13:	<i>Длина X</i> -а. Распределение параметрических значений <i>длины</i> в НКРЯ	306
Диаграмма 14:	<i>Ширина X</i> -а. Распределение параметрических значений <i>ширины</i> в НКРЯ	306
Диаграмма 15:	Распределение <i>длины</i> и <i>ширины</i> по конструкциям в НКРЯ	333
Диаграмма 16:	<i>Толщина X</i> -а. Распределение прямых и переносных значений в НКРЯ	348
Диаграмма 17:	Распределение <i>толщины</i> по конструкциям в НКРЯ	365

Иллюстрации

Иллюстрация 1:	Мереологическая структура шкалы сравнения	68
Иллюстрация 2:	Шкала величины	85
Иллюстрация 3:	Типология параметрических прилагательных	88
Иллюстрация 4:	Семантическая система организации пространства (Greimas 1966)	93
Иллюстрация 5:	Когнитивные компоненты, участвующие в процессе приписывания параметра пространственным объектам	99
Иллюстрация 6:	Ось наблюдателя в модели пространственных параметрических имён	101
Иллюстрация 7:	Увеличение размера n -мерных предметов (Landau & Jackendoff 1993)	113
Иллюстрация 8:	Три типа осей, задающих ориентацию объекта в пространстве	115
Иллюстрация 9:	Значения <i>głęboki</i> (глубокий) – <i> płytki</i> (мелкий) (Linde-Usiekniewicz 2000b)	140
Иллюстрация 10:	Способы помещения объекта в 'контейнере', кодируемые предлогом <i>in</i> (Garrod)	157
Иллюстрация 11:	Вход траектора в сферу ориентира (Dewell 2005)	160
Иллюстрация 12:	<i>Глубина</i> лодки: возможные прочтения	168
Иллюстрация 13:	<i>Глубина</i> проймы	179
Иллюстрация 14:	Особенности строения нор и расположения гнезд разных видов млекопитающих	191
Иллюстрация 15:	Внешние референциальные рамки (Jackendoff 1996)	230
Иллюстрация 16:	Схема 'часть-целое' на примере лестничного марша	254
Иллюстрация 17:	<i>Высота памятника</i> : возможные прочтения	264
Иллюстрация 18:	<i>Длина</i> кочерги vs. <i>длина</i> нити	297
Иллюстрация 19:	Континуум референтов <i>толстый</i> в греческом языке (Zubin & Svorou 1984)	344
Иллюстрация 20:	<i>Толщина</i> (триумфальной) арки	354

Схемы

Схема 1:	<i>Глубина</i> : семантическая сеть	144
----------	-------------------------------------	-----

Таблицы

Таблица 1:	Генитивные конструкции с участием параметрических имён	12
Таблица 2:	Распределение конструкций <i>X величиной с/в Z</i> и <i>X размером с/в Z</i> в НКРЯ	36
Таблица 3:	Синтаксические конструкции с участием параметрических существительных	58
Таблица 4:	Концептуальная структура семи типов объектов в модели Э. Ланга	109
Таблица 5:	Распределение прилагательных размера по топологическим типам объектов	118

Таблица 6:	<i>Глубина X-а</i> : распределение по функциональным стилям в НКРЯ	152
Таблица 7:	Частота распределения <i>души</i> в генитивных конструкциях с <i>глубиной</i>	163
Таблица 8:	Тип предметного контейнера в беспредложной генитивной конструкции <i>глубина X-а</i>	164
Таблица 9:	Топ 10 частей тела в конструкциях с <i>глубиной</i>	173
Таблица 10:	<i>Душа</i> в генитивных конструкциях с <i>глубиной</i> (по НКРЯ)	176
Таблица 11:	Предметы и части одежды в конструкциях с <i>глубиной</i>	180
Таблица 12:	Параметр <i>глубина</i> : типы семантических расширений	213
Таблица 13:	Генитивные конструкции с участием параметра <i>глубина</i>	216
Таблица 14:	<i>Глубина X-а</i> метафорическая: распределение по генитивным конструкциям	220
Таблица 15:	<i>Глубина X-а</i> физическая: распределение по генитивным конструкциям	221
Таблица 16:	Сравнение частот отдельных параметров по НКРЯ	224
Таблица 17:	<i>Высота X-а</i> : распределение по письменным сегментам в НКРЯ	242
Таблица 18:	<i>Высота X-а</i> : распределение по функциональным стилям в НКРЯ	242
Таблица 19:	Классификация объектов по типу референциальной рамки (Gou 2002)	246
Таблица 20:	Тип предметного объекта в беспредложной генитивной конструкции <i>высота X-а</i>	251
Таблица 21:	<i>Высота X-а</i> : критерии 'критичность' и 'функциональность'	258
Таблица 22:	<i>Высота X-а</i> : распределение ед. и мн. числа по физическим контекстам	270
Таблица 23:	<i>Высота X-а</i> : распределение ед. и мн. числа по метафорическим контекстам	271
Таблица 24:	Генитивные конструкции с участием параметра <i>высота</i>	280
Таблица 25:	<i>Высота X-а</i> физическая: распределение по генитивным конструкциям	285
Таблица 26:	<i>Высота X-а</i> метафорическая: распределение по генитивным конструкциям	285
Таблица 27:	<i>Длина X-а</i> vs. <i>ширина X-а</i> : распределение по письменным сегментам в НКРЯ	309
Таблица 28:	<i>Длина X-а</i> vs. <i>ширина X-а</i> : распределение по функциональным стилям в НКРЯ	309
Таблица 29:	Тип предметного объекта в генитивной конструкции <i>длина X-а</i> по НКРЯ	313
Таблица 30:	Тип предметного объекта в генитивной конструкции <i>ширина X-а</i> по НКРЯ	314
Таблица 31:	Генитивные конструкции с участием параметров <i>длина</i> и <i>ширина</i>	332
Таблица 32:	<i>Длина X-а</i> физическая: распределение по генитивным конструкциям	335
Таблица 33:	<i>Ширина X-а</i> физическая: распределение по генитивным конструкциям	335
Таблица 34:	<i>Толщина X-а</i> : распределение по письменным сегментам в НКРЯ	350
Таблица 35:	<i>Толщина X-а</i> : распределение по функциональным стилям в НКРЯ	351
Таблица 36:	Тип предметного объекта в генитивной конструкции <i>толщина X-а</i> по НКРЯ	353
Таблица 37:	<i>Толщина X-а</i> : топологический тип vs. функция	362
Таблица 38:	Генитивные конструкции с участием параметра <i>толщина</i>	364
Таблица 39:	<i>Толщина X-а</i> физическая: распределение по генитивным конструкциям	366
Таблица 40:	Номинальные концептуализации размера: параметры и конструкции	376

Благодарности

Как говорится в одной африканской пословице, *it takes a village to raise a child*. Так вот, чтобы «вырастить» диссертацию, нужно много людей. Нужно родство кровное и родство по духу. А такое не всегда найдёшь в ближайшей деревне и даже не в стране, где писалась эта работа с 2008 по 2012 гг.

Чтобы создать оптимальные условия для созревания и рождения диссертационного проекта, нужны прежде всего «научные» мамы и папы, терпение и мудрость которых безграничны. С «научными» мамами и папой мне несказанно повезло. Я хочу высказать свою благодарность прежде всего Даниэлю Вайссу за то, что он на протяжении всех лет совместной работы дал мне свободу выбора в бескрайнем поле науки, но в то же время всегда умел вовремя напомнить мне, что всё-таки лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Отдельно выражаю свою благодарность Ольге Тимофеевой за внимательнейшее прочтение работы и за все критические замечания (в особенности, что касается анализа корпусных данных) и советы, благодаря которым удалось исправить многие ошибки и лучше структурировать текст.

И, конечно же, особая благодарность – Е.В. Рахилиной, без которой этот проект никогда не был бы начат и никогда не был бы закончен. Именно её «Когнитивный анализ предметных имён» во многом стал для меня книгой-посвящением, книгой-ключём, которая открыла мне дверь в мир когнитивной семантики. Особенно благодарю Екатерину Владимировну за то, что она согласилась быть одним из моих научных руководителей, и за то, что она, долго и терпеливо дожидавшаяся рукописи диссертации, всё-таки нашла время и силы, чтобы преодолеть тысячи километров и специально приехать из Москвы на защиту моей докторской работы в Цюрих.

Есть и другие феи. Выражаю свою признательность незаменимому человеку Славянского семинара Цюрихского университета – библиотекарю Аните Михалак. Её невероятная способность «доставать из-под земли» самые труднодоступные тексты всегда вызывала моё восхищение. Особенное спасибо – ещё одной восхитительной фее, Корнелии Хюттенмозер Олива, которая со швейцарской обстоятельностью ввела

меня в непостижимый мир статистики. Без неё многие из высказываемых в данной работе положений не нашли бы строгого научного обоснования.

Глубокая благодарность моим мужчинам – мужу и сыну. Оливеру – за поддержку и веру в меня и в мои силы. Джану – за терпение и стойкость маленького человечка в те часы, дни, недели, месяцы, которые он провёл без мамы.

А ещё хочу сказать спасибо всем тем людям, которые не раз сбивали меня с толку простейшим вопросом: «Так о чём же всё-таки твоя диссертация?»

Анна Мёль

Цюрих, октябрь 2012 г.

Введение

Настоящее исследование посвящено концептуализации *размера* и лексическим средствам его обозначения в русском языке. Вербальные обозначения *размера* присутствуют во всех пластах лексики. Кроме «объективных» наименований *размера*, закрепленных за параметрическими существительными¹ (*высота, цена, температура*), прилагательными (*высокий, дорогой, тёплый*) и наречиями (*высоко, дорого, тепло*), существуют еще и «субъективные» отсылки к размеру посредством глаголов (*составлять, стоить, весить, вмещать*) и ряда предложных конструкций (*под пятьдесят, по уши, по колено, с палец* и т.д.).

Объектом исследования являются генитивные конструкции размера с участием параметрических слов *высота, глубина, длина, толщина, ширина*, а также *величина* и *размер (рост)*, ср.: *высота дома, глубина колодца, длина очереди, толщина слоя, ширина дивана* и т.д.

Эмпирической базой для анализа послужили данные из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), дополненные опросами носителей русского языка.

Несмотря на то, что на материале русского языка уже есть основополагающие работы по этой тематике, – все они затрагивают различные аспекты параметрической лексики, при этом большинство работ посвящено классу параметрических прилагательных, а не существительных (Рахилина 1997a, 1999, 2000, 2010; Tribushinina 2008a, 2008b, 2010, 2011a, 2011b). Впервые тематика пространственных прилагательных заинтересовала русских лингвистов в 1970-е гг. Тогда одним из первых на значимость наивной параметризации пространства обратил внимание Ю.Д. Апресян (1971, 1974), указав на ряд важных особенностей функционирования параметрических прилагательных при определении понятия лексической многозначности и антонимии. Попытки описания семантической структуры пространственных прилагательных принадлежат перу А.Н.

¹ В класс параметрических существительных традиционно не включается метрологическая лексика, т.е. такие параметрические единицы измерения, как, например, *верста, сажень, дюйм, четверть* и др. (ср. в особенности диахроническое исследование русских наименований мер длины в Г.Я Романова 1975).

Журина (1971), проведшего психолингвистическое исследование на материале русского языка. Обобщая существующие исследования в рамки теоретических подходов, можно констатировать, что пространственная лексика изучается в двух направлениях – лексико-семантического и когнитивного анализа предметных имен.

Лексико-семантическое направление представлено теоретиками Московской семантической школы (Апресян 1971, 1974, 1983, 2009 и адъективные обозначения размера Урысон 2005, 2006) и примыкающими к ним работами польских исследователей в русле структурной семантики (Grzegorzczukowa 1996, Grzegorzczukowa et al. 2000-2003, Linde-Usiekniewicz 1997, 2000a, 2000b, 2001, 2002, 2003).

Когнитивный анализ параметрической лексики представлен целым рядом работ самого широкого спектра и направлений, включая не только анализ обозначений пространства в рамках теории прототипов и образных схем (Vogel 2004, Tribushinina 2008a), теории геометрических примитивов и топологической организации пространства (Рахилина 2000, 2010), но и когнитивный анализ конструкций размера² (ср. Шеманаева 2008a, 2008b) в рамках теории грамматики конструкций (Fillmore 1985; Kay & Fillmore 1999; Goldberg 1995, 2006), а также исследование прилагательных *неввысокий* и *низкий* (Tribushinina 2008a, 2008b, Tribushinina 2010) с точки зрения теории «позиционирования», или Vantage Theory, Р. МакЛори (MacLaury 1995, 1997, 2002, 2003).

Одним из импульсов к написанию данной работы послужило следующее замечание немецкого семиотика Клауса Роберинга (Robering 2005: 1560) о том, что на материале русского языка отсутствуют системные описания размерной лексики, такие, какие есть, например, на материале немецкого (Bierwisch 1987; Lang 1987), польского (Linde-Usiekniewicz 2000a) и шведского языков (Vogel 2004).

Еще одним положением, подлежащим, на наш взгляд, проверке, послужила гипотеза Анны Фогель, которая вслед за когнитивистами Унгерером и Шмидом утверждает (Ungerer & Schmid 1996¹, 2006²: 108), что для прилагательных сенсорный опыт взаимодействия человека с другими объектами, людьми или с нашим собственным телом более значим, чем для существительных (Vogel 2004: 355). Нам кажется, что в

² В (Шеманаева 2008a и 2008b) анализируются, в частности, конструкции вертикального размера, или уровня, типа *платье мне по щиколотку*, *снег рыхлый по колено ей*, а также «общего» размера, такие как *слой пыли в палец толщиной* и проч.

описании семантики существительных «человеческий», или антропоцентрический, фактор, наряду с тактильной и визуальной информацией об объекте, а также его ориентированностью в пространстве, играет не менее важную роль. Следовательно, в настоящей работе предпринимается попытка проследить взаимосвязь и даже взаимозависимость между параметризацией и антропоцентричностью, что, безусловно, требует пересмотра опыта существующих подходов в этой области и постановки новых целей и задач.

Цели и задачи

Исследование ставит перед собой ряд новых задач, касающихся как непосредственного объекта описания, так и методологии. В центре внимания – не отдельно взятые параметрические существительные *глубина*, *высота*, *длина*, *ширина*, *толщина*, а двухвалентные генитивные конструкции с участием пяти линейных параметров (*глубина X-а*, *высота X-а*, *длина X-а*, *ширина X-а*, *толщина X-а*, где X – носитель признака), которым до сих пор не уделялось внимания. Эти именные группы выделяются как базовые, или прототипические, конструкции с участием носителя признака. Рассматриваются также «склеенные», или предложные генитивные конструкции, ср. Таблицу 1.

высота	глубина	длина	толщина	ширина
<i>высота X-а</i>	<i>глубина X-а</i>	<i>длина X-а</i>	<i>толщина X-а</i>	<i>ширина X-а</i>
<i>на высоте X-а</i>	<i>на глубине X-а</i>			
<i>на высоту X-а</i>	<i>на глубину X-а</i>			
<i>с высоты X-а</i>	<i>из глубины X-а</i>			
<i>в высоте X-а</i>	<i>в глубине X-а</i>			
<i>в высоту X-а</i>	<i>в глубину X-а</i>	<i>в длину X-а</i>	<i>в толщину X-а</i>	<i>в ширину X-а</i>

Таблица 1. Генитивные конструкции с участием параметрических имён

Ограничив круг нужных нам контекстов генитивными конструкциями, мы, таким образом, исключили из рассмотрения менее регулярные употребления, а именно атрибутивные конструкции, в которых параметр принимает форму родительного падежа, т.е. так называемый характеристический генитив (*кустарник небольшой высоты*), а также группы при предикатах вида *в + ВИН* (*кот-гигант достигает больше метра в длину*). Заметим, что атрибутивные параметрические конструкции вида *высокий X* будут привлекаться лишь в качестве фона для выяснения общих и различных свойств атрибутивных и субстантивных конструкций.

Новым также стало включение в работу параметров, которым до сих пор практически не уделялось внимания в русистике, – это наименования *размер* и *величина*; частично в рассмотрение входит параметр *рост*.

Существующие описания русской размерной лексики базируются главным образом на интроспекции и эмпирической интуиции автора. Данное исследование не намерено принести интроспекцию в жертву статистике. Тем не менее, в работе преследуется цель статистического обоснования тех или иных положений, чего нельзя было бы добиться без привлечения данных НКРЯ. Дается статистический профиль пяти линейных параметров (*глубина, высота, длина, ширина, толщина*) и их распределение по конструкциям в русском языке. Порядок следования корпусных портретов объясняется, в первую очередь, рангом частотности параметра в НКРЯ.

Специфичными для параметров *высота* и *глубина*, в отличие от *длины, толщины* и *ширины*, являются переносные употребления для обозначений 'высокого' и 'глубокого' (ср. *высота поэзии, глубина таланта*). Представляется, что семантическое описание *высоты* и *глубины* не было бы полным без анализа переносных, нефизических употреблений. Это значит, что помимо прямых, физических контекстов, таких как *высота башни* и *глубина ямы*, в рассмотрение включались и случаи семантических переходов (метафора, метонимия).

Многие модели описания параметрической лексики априори отказываются от исследования обозначений параметров человека и частей тела, а также одежды и животных. Такой отказ зачастую аргументируется отсутствием существенных, с лингвистической точки зрения, отклонений от результатов, полученных без привлечения соматизмов (ср. Vogel 2004: 355). Тем не менее, результаты данной работы показывают,

что антропоцентричность напрямую сопряжена с конструкциями «наивной геометрии» пространства. Именно поэтому меры, отождествленные через человека, заслуживают в диссертации особого упоминания.

Постановка вопроса

На сложность семантики параметрических существительных уже не раз указывал Ю.Д. Апресян (1974, 2009):

На самом деле линейные параметры предметов, несмотря на их кажущуюся простоту, семантически сложнее, чем любые другие параметрические существительные, даже антропоцентрические. Ни в одном другом случае говорящие не учитывают столь большого комплекса свойств предмета речи, как при выборе определенного линейного параметра для характеристики физического объекта, действия или процесса. (Апресян 2009: 165).

Важной особенностью параметрических существительных является также то, что их лексическая парадигма, в отличие от параметрических прилагательных *высокий, глубокий, длинный, толстый, широкий*, – дефектна: русский язык не кодирует отсутствие *высоты* как **низина*, отсутствие *глубины* как **мелкота*³, отсутствие *длины* как **короткота*, отсутствие *толщины* как **тоньшина*, а отсутствие *ширины* как **узота*.

Почему линейные параметры входят в разные языковые конструкции? Если исходить из общей семантической составляющей линейных параметров предметов, то, в принципе, можно ожидать схожесть конструкций с их участием. Однако подтверждений этому в языке не находится. Вполне нормально сказать *пять метров в длину*, но шероховатость фразы *пять метров в толщину* очевидна. Или *гора* может быть *необычайной высоты*, но *дерево необычайной толщины* звучит, по крайней мере, «необычайно».

³ *Мелкота* как в *мелкота букв* – пример субстантивации прилагательного *мелкий* в значении общего обозначения размера, ср. пару *мелкий – крупный*, а не в значении, противоположном *глубокий* (*глубокий – мелкий*).

Таким образом, в наши задачи входит не единичное описание определенного круга параметров и выявление прототипа носителя искомого признака, а выявление взаимосвязи между значением и конструкцией. В частности, обсуждается вопрос, почему конструкции размера имеют свои предпочтения в выборе того или иного параметра и какие ограничения возникают на их составляющие.

Теоретическая база

Работа выполнена в русле двух подходов – лексико-семантического анализа в соответствии с положениями Московской семантической школы (Ю.Д. Апресяна и др.) и грамматики конструкций (Fillmore 1985; Kay & Fillmore 1999; Goldberg 1995, 2006), всплеск интереса к которой отмечается в последнее десятилетие как в западной, так и в русской лингвистической традиции. С 2009 г. в Санкт-Петербурге в Институте лингвистических исследований РАН каждый второй год проводится круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», посвященный этим двум направлениям лингвистического описания. Как показывают результаты круглого стола, совмещение этих двух подходов в описании семантики конструкций русского языка не только возможно, но даже имеет свои преимущества: недостатки одного теоретического подхода компенсируются достоинствами другого; кроме того, оба подхода обнаруживают сходность многих позиций⁴ и ориентированы на обращение к корпусным данным с целью подтверждения или опровержения предположений о семантико-синтаксических свойствах конструкций. Тем самым, актуальность данного исследования обусловлена как теоретическим переосмыслением и практическим применением этих двух подходов, так и подключением данных корпуса. Актуальным является также использование в исследовании метаязыка и инструментария когнитивной лингвистики, достижения которой «пронизывают» все направления существующих системных описаний лексики.

⁴ Ср. прежде всего постулируемые обоими направлениями ключевые положения о взаимозависимости семантики и синтаксиса, о некомпозициональности конструкций и праве каждой переменной конструкции на «свои» семантико-синтаксические ограничения (см. также Рахилина/Плунгян 2011).

Корпус и методология

Материалом для анализа послужили данные Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), размещаемые в сети Интернет по адресу <http://www.ruscorpora.ru>. Общий объем корпуса составляет более 300 млн. словоупотреблений. НКРЯ состоит из основного, синтаксического, газетного, параллельного, обучающего, поэтического, диалектного, устного, акцентологического, мультимедийного и исторического (церковнославянского) корпусов. В работе мы пользовались данными основного корпуса (объем: 209 203 107 слов – июль 2012 г.), состоящего из двух главных массивов письменных текстов – современные (середина XX – начало XXI века) и ранние (середина XVIII – середина XX века). В оба массива входят как оригинальные произведения художественной литературы (проза, драматургия, поэзия) (доля всех художественных текстов не превышает 40 %), так и нехудожественные тексты, в том числе эссеистика, публицистика, научные и бытовые тексты (личная переписка, дневники) (около 60 %).

Сбор данных по основному корпусу проводился в июле 2011 г. – июле 2012 г. Так как НКРЯ периодически пополняется, сразу оговоримся, что основная статистика относится к состоянию корпуса на июль 2012 г. Анализ по корпусу производился через поиск одной из пяти параметрических единиц (*глубина, высота, длина, толщина, ширина*) в заданной конструкции, например, по маске *высота* + GEN (расстояние от – 1 до 1⁵). На основе полученных вхождений для каждого параметра производилась выборка первых 1500-1800 результатов запроса. На дальнейших этапах работы поиск дифференцировался по дополнительным синтаксическим (к примеру, сочетаемость с определенным предлогом – *на глубине*) и семантическим показателям (ср. ограничения на семантические разряды первого элемента конструкции – предметная, абстрактная лексика, части тела и т.д.).

В корпусный портрет параметров *высота* и *глубина* вошли также метафорические и метонимические расширения, составляющие, например, в случае *глубины* 75 % от

⁵ Сравнение контактного (– 1 до 1) и дистантного расположения запроса (– 2 до 2 или – 3 до 3) не выявило значительных расхождений в результатах. Напротив, контактное расположение «сузило» количество ошибок аннотации, а сама помета + GEN при втором элементе не отсеивает возможные прилагательные и другие модификаторы при зависимом.

общего количества употреблений. Остальные три параметра – *длина*, *ширина* и *толщина* – не обнаруживают такого широкого набора семантических наращений, а их отсылки к размеру встречаются прежде всего в параметрических контекстах. Дополнительные «штрихи» к корпусному портрету параметров дает привлечение текстового параметра ‘функциональный стиль’, который позволяет сравнить распределение метафорического и неметафорического круга употреблений заданного параметра.

В некоторых случаях результаты корпуса проверялись в поисковых системах Яндекс и Google. Ряд примеров и толкований взяты из толковых словарей русского языка (БАС, МАС, БТС, СУШ, СОШ), а также семантического словаря (РСС) и словаря сочетаемости слов русского языка (ССС). К анализу данных НКРЯ привлекался также Частотный словарь современного русского языка (ЧСРЯ 2009) под ред. О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, созданный на основе подкорпуса 1950–2007 гг. объемом 92 млн. словоупотреблений.

Для проверки статистической значимости результатов распределений контекстов и вычисления случайности распределения признаков использовалось непараметрическое оценивание, а именно критерий хи-квадрат (χ^2), который высчитывается по формуле:

$$X^2 = \sum_{i=1}^n \frac{(O_i - E_i)^2}{E_i},$$

где O – наблюдаемая частота, E – ожидаемая частота.

Для проведения семантического и сочетаемостного анализа конструкций размера с участием параметрических слов *глубина*, *высота*, *длина*, *ширина*, *толщина* за основу был взят метод конструкционного профилирования (выявление по НКРЯ базовых и периферийных конструкций с участием искомого параметра). Ср. (Janda/Solovyev 2009: 384): «We present the constructional profile, the relative frequencies of constructions a word appears in, as a possible measure of a word's meaning». Основной оперативной единицей этого подхода являются конструкции, а не коллокации. На уровне анализа параметрических конструкций для каждого из пяти параметров был сформулирован ряд предложных и беспредложных генитивных конструкций, и за поисковую единицу выбиралась, соответственно, целая конструкция, а не отдельно взятая словоформа.

В дополнение к работе с корпусом, проводился точечный опрос носителей русского языка в случаях параметрической «двузначности», когда одному и тому же линейному параметру приписываются разные «ярлыки» (ср. *высота кузова, глубина лодки, ширина дивана* и проч.). И, last not least, в конструировании и оценке приемлемых или неприемлемых, с точки зрения языка, примеров использовался метод лингвистического самонаблюдения (интроспекция).

Перспективы и ограничения

В данной работе мы ограничимся генитивными конструкциями с названными параметрами модели *глубина / высота / длина / ширина / толщина* X-а. С нашей точки зрения, этот тип конструкций представляет прототипические употребления параметрических существительных. Другой тип прототипических структур с именами размера – субстантивные конструкции вертикального размера вида X *глубиной / высотой* с(в) Z – были подробно описаны в (Шеманаева 2008а) и, следовательно, этот круг контекстов был априори исключен из рассмотрения. Кроме того, в этой работе мы не проводили анкетирование носителей языка на выявление статистически центральных референтов параметра Y, поскольку подобный эксперимент уже был проведен в (Tribushinina 2008a) на материале прилагательных *высокий, невысокий* и *низкий*⁶.

Интересным, на наш взгляд, было бы типологическое сопоставление полученных данных с базой других славянских и неславянских языков на основе имеющихся электронных корпусов, однако сопоставительный анализ (с привлечением существующих корпусов современного английского (BNC), немецкого (DWDS) и др. языков) не входил в основные задачи исследования, а производился лишь «по ходу» размышлений. Безусловно, глубокие типологические исследования обозначений размера в разных языках, которые еще ждут своего часа, могли бы выявить универсальность и специфичность наивной параметризации русского языка.

⁶ Так, в эксперименте Е. Трибушиной носители языка должны были назвать три существительных, которые особенно хорошо сочетаются с прилагательными *высокий, невысокий, низкий* (Tribushinina 2008a: 419-423).

Структура и объем работы

Диссертация в объеме 407 страниц состоит из Введения, двух Частей, шести Глав, Заключения и Библиографии, включающей более 430 наименований, Списка словарей, корпусов и Списка иллюстраций.

В **Введении** представлен объект исследования, мотивируется выбор темы, а также её актуальность и научная новизна, определяются цели и в соответствии с ними ограничивается круг поставленных задач, приводятся сведения об эмпирической базе исследования, очерчивается круг нерешенных проблем, намечаются перспективы исследования.

В **Главе I** «Теория и методология обозначения параметров» представлены теоретические и методологические рамки работы, описан терминологический аппарат, характеризуется место параметрических имен в системе обозначений размера и их типология, выявляются проблемы дефиниционной омонимии, указываются особенности семантики и синтаксиса размерных слов.

В **Главе II** «Обозначение размера в теории» были рассмотрены существующие подходы к изучению отсылок к размеру различных языках. Из огромного множества существующих описаний дименсивной лексики были выбраны именно те, которые представляют новые направления теоретического обобщения описываемой проблемы, а также выявляются их преимущества и недостатки.

Главы III-VI посвящены корпусным портретам параметров *глубина*, *высота*, *длина*, *ширина* и *толщина*. Подробно анализируются генитивные конструкции с участием пяти линейных параметров в русском языке, при этом предпринимается попытка объяснения закономерностей лексико-синтаксического поведения данных конструкций на материале данных, полученных из НКРЯ.

В **Заключении** в обобщенном виде излагаются результаты исследования и намечаются перспективы дальнейших работ в области наивной параметризации пространства.

ЧАСТЬ I. Теория и методология обозначения параметров

ГЛАВА 1. От имени к эталону

1.1. К терминологии: имена пространственных параметров

До сих пор основополагающие исследования параметрической лексики были посвящены классу прилагательных. Прилагательные ряда *высокий, низкий, длинный, короткий* и пр. трактуются лингвистами по-разному: их причисляют как к *параметрическим* (Апресян 1974) и *пространственным* прилагательным (Журинский 1971, Исмаилов 1978), так и к *размерным* прилагательным (Арутюнова 1988), прилагательным *размера* (Рахилина 1994), именам *пространственных параметров* (Семенова 2000) и прилагательным *линейного пространственного измерения* (Иванова 1981). При этом список кандидатов в эти группы варьируется. Попытаемся в этой главе разобраться в терминологии для обозначения интересующего нас пласта лексики, определить круг распространения обозначений параметров и сформулировать критерии их отбора.

Одним из первых на особенность семантики прилагательных, обозначающих параметры объектов, обратил внимание Э. Лайзи (E. Leisi 1953/75). По всей видимости, устоявшийся в немецкоязычной литературе термин *Dimensionsadjektiv*⁷ для обозначения параметров предметов впервые был введен в лингвистический обиход именно им. Сюда Лайзи относит такие немецкие прилагательные, как *gross, klein, lang, kurz, breit, schmal, weit, eng, hoch, niedrig, tief* (1953: 84).

В русской лингвистике термины *параметрическое существительное* и *параметрическое прилагательное* в отношении интересующего нас класса слов

⁷ Ср. ярлыки для английского языка: *special (sic!) adjective* (Lehrer 1974: 122), *adjectives of physical size* (Keenan/Faltz 1985: 121) и *dimension adjectives* (Wierzbicka 2006b: 141).

использует Ю.Д. Апресян (1974, 1980, 1983, 2009; ср. также Урысон 2006), выделяя их на метаязыке Московской семантической школы (МСШ) в отдельный лексикографический тип (ЛТ). Из огромного числа параметрических слов, существующих в русском языке (Ю.Д. Апресян приводит список из 125 лексем, среди них: *величина, вес, возраст, времена, время, высота, габариты, дистанция, калибр, масса, размах, размер, рост, скорость, степень, стоимость, температура, толщина, цена, число* и мн.др.), можно вычленить прототипические параметрические существительные, или параметры, которым даётся следующее определение:

Прототипические параметрические существительные (или, для краткости, параметры) – это двухактантные существительные, называющие различные признаки (характеристики) человека и других живых существ, а также предметов, действий, процессов и состояний. Первый актант таких существительных (A1) представляет объект, которому приписан данный признак P, а второй (A2) – значение признака (что превращает признак в свойство); ср. *гора [A1] высотой [P] в 5 000 метров [A2]*. (Апресян 2009: 161) (выделено мной – А.М.)

Среди существительных, подпадающих под определение параметрических, выделяются три группы параметров: *числовые, классификационные и квалификационные*, или *качественные* (Апресян 2009: 172). Значение *числовых* параметров, таких как *возраст, длина, рост, скорость, температура* и т.д., поддается точному измерению и может быть выражено специальными единицами измерения. Линейные измерения *высота, глубина, длина, толщина, ширина* исчисляются *сантиметрами, метрами, километрами* и единицами других систем измерений (*футами, дюймами, милями*). *Время* измеряется *секундами, минутами, часами, днями, неделями, годами*. *Возраст* измеряется *неделями, месяцами и годами*, а *температура и крепость* алкогольных напитков – *градусами*.

Классификационные параметры, в отличие от числовых, не имеют точного числового выражения. Их значение соответствует определенному отрезку шкалы, т.е. выражаемый ими признак шкалируется. Таковы *тридцать шестой, тридцать восьмой, сороковой* и т.п. для *размера одежды*; *барон, граф, князь* и т.п. для дворянского *титла*;

черви, бубны, трефы, пики для масти игральных карт; мужской и женский для пола; и т.д. (подробнее см. Апресян 2009: 162-163). Примечательно, что эта группа признаков занимает промежуточное положение между числовыми и качественными параметрами.

Квалификационные, или качественные, параметры также соотносятся с определенным отрезком шкалы, однако в их семантике заложен другой тип шкалы (о шкалах см. ниже Главу 1.6.), каждый отдельный отрезок которой может быть представлен по принципу центр (прототип) – периферия. При этом важной особенностью таких категорий является градуальность признака и, соответственно, размытость границ областей. Ср. *сладкий, горький, кислый* для вкуса; *высокий, средний, низкий* для роста, *красный, оранжевый, желтый* для цвета; и т.д.

Таким образом, интересующий нас ряд параметрических существительных, обозначающих пять линейных параметров (*высоту, глубину, длину, толщину, ширину*), входит в группу числовых параметров и, по классификации Ю.Д. Апресяна, представляет прототипический, классический набор этого лексикографического типа, «в котором хорошо отражаются типовые свойства всех или большинства числовых параметров, а также существенные свойства параметрических существительных двух других групп» (Апресян 2009: 164).

Другое терминологическое обозначение описываемого пласта лексики находим в статье А.Н. Журина (1971), где слова ряда *длинный, высокий, широкий* и др. классифицируются как *пространственные прилагательные*. Несмотря на то, что А.Н. Журицкий оперирует ограниченным рядом слов, не вполне логична его отсылка на описание немецких параллелей пространственных прилагательных в работах Э. Лайзи и М. Бирвиша. Представляется, что термин *пространственное прилагательное* не совсем точен в нашем понимании описываемой группы слов. Ведь к пространственным причисляется целый ряд имен, не всегда допускающих параметризацию: *далекий – близкий, верхний – нижний, передний – задний, туземный – иноземный* и многие другие.

В дальнейшем семантика, морфология и грамматика параметрических прилагательных станет темой проекта М. Бирвиша и Э. Ланга (Bierwisch/Lang 1987). В попытке очертить круг параметрических прилагательных М. Бирвиш дает следующий список: *gross, klein, lang, kurz, hoch, niedrig, breit, schmal, tief, flach, dick, dünn, weit, nah, eng*. Состав этого списка аргументируется следующим образом:

Obwohl die Zusammengehörigkeit und gewisse Züge der Struktur dieser Gruppe leicht zu erkennen sind, ist ihre genauere Abgrenzung keineswegs offensichtlich. Entscheidend ist jedoch nicht die Frage, ob (17) eine abgeschlossene Liste darstellt oder ob und wie sie zu ergänzen ist (etwa durch das Antonym steil zu flach), sondern die Bestimmung der Faktoren, die den Zusammenhängen innerhalb dieser Gruppe, ihren Beziehungen zu anderen Einheiten und den verschiedenen Distinktionen zugrunde liegen.

Diese Bestimmung kann sich an der folgenden vorläufigen Charakterisierung orientieren:

- (I) Dimensionsadjektive geben quantitative Bewertungen bestimmter Aspekte bzw. Dimensionen von Objekten oder Sachverhalten wieder.
 - (II) Bei räumlichen Dimensionsadjektiven werden die zu quantifizierenden Aspekte durch Bedingungen der Gestalt und des Umgebungsbezugs der Dimensionsträger determiniert“.
- (Bierwisch 1987: 11-12)

Итак, определение параметрических прилагательных Бирвиша впервые основывается на критериях отбора, а не на интуиции и, обобщая, их можно суммировать так:

- (1) параметрические прилагательные описывают квантитативные аспекты или параметры объектов или ситуаций;
- (2) помимо описания квантифицируемой величины объектов, характеристика пространственных параметрических прилагательных обусловлена формой и пространственными отношениями между носителями определенной величины или параметра.

Из этого определения можно заключить, что пространственные параметрические прилагательные составляют подгруппу параметрических обозначений, тем не менее автор не затрагивает критерии разграничения этих двух групп, а вслед за ним российские лингвисты употребляют оба термина – пространственный и параметрический – синонимически, переводя таким образом немецкое *Dimensionsadjektiv* или английское *dimension adjective*. На наш взгляд, более уместным было бы переводить обсуждаемый

термин как параметрическое, а не как пространственное прилагательное⁸. Учитывая то, что Бирвиша интересуют прилагательные именно второго типа, не вполне понятно, почему он использует для обозначения этой группы имен широкий термин параметрических прилагательных⁹.

Следующая трудность возникает при переводе данного ряда параметрических прилагательных на другие языки. Так, вышеприведенный список Бирвиша в англоязычном издании выглядит несколько иначе. Ср.: Spatial dimensional adjectives (almost closed set of lexical items):

(i)	tall, long, high, wide, deep, big	
(ii)	short, low, narrow, flat, small	(Bierwisch/Lang 1989: 2)

Недоумение вызывает выбор антонима к слову *deep* – *flat*, на этом месте следовало бы ожидать *shallow*¹⁰. Более того, по наблюдению Э. Ланга, немецкое *flach* является прилагательным не *размера*, а *оценки* (Lang 1987: 330). То же относится к русскому языку. При переводе прилагательного *flach* на русский возможен выбор между оценочным *плоский* и параметрическим *мелкий*. Как мы смогли убедиться, разница между языками и разница в переводе затрудняют задачу отграничения параметрических прилагательных в четко очерченную группу. Возможно, в разных языках список рассматриваемых лексем будет варьироваться.

Несмотря на синонимическое употребление ярлыков 'параметрические' и 'пространственные', Бирвиш, тем не менее, проводит другой, не менее важный, «водораздел», а именно разграничение **параметрических** (DA) и **оценочных** (EA = Bewertungsadjektive) прилагательных. К оценочным автор относит прилагательные типа *ленивый* (*faul*), *прилежный* (*fleissig*), *красивый* (*schön*); к параметрическим он приписывает имена, указывающие на возраст: *молодой* (*jung*), *старый* (*alt*), а также температурные

⁸ Мы еще вернемся к термину 'пространственные прилагательные' в обсуждении статьи А.Н. Журина (1971).

⁹ См. сходную критику термина *Dimensionsadjektiv* в понимании Бирвиша в Wurzel (1987: 459): «Im Rahmen von Bierwischs Ansatz müssten die hier interessierenden Adjektive genauer als 'räumliche' Dimensionsadjektive bezeichnet werden».

¹⁰ На подобные трудности перевода обратила внимание Линде-Усекневич в обсуждении параметрической терминологии в работах А. Вежицкой (Linde-Usiekniewicz 2000: 13). *Gross* из списка Бирвиша Вежицкая переводит на английский язык как *large*, в англоязычном списке Бирвиша эквивалентом немецкому *gross* выступает английское *big* (Wierzbicka 1972: 100-104).

прилагательные, такие как *тёплый* (warm), *холодный* (kalt), *горячий* (heiss). По модели Бирвиша, оценочные прилагательные отличаются от параметрических по трем исходным пунктам (Bierwisch 1987: 108-112, 217-241): шкале, норме и способу построения антонимических отношений. Надо полагать, что эти критерии универсальны и применимы также к разграничению оценочных и параметрических существительных.

(1) Шкала

В концепции Бирвиша антонимы параметрических слов относятся к одной и той же шкале измеряемого параметра. Антонимы оценочных наименований отсылают к разным шкалам или отрезкам шкалы. Если *X* – *ленивый*, это еще не значит, что ему присуща определенная степень усердия. Даже если параметрическое прилагательное относится к малому полюсу шкалы (ср. *короткий*, *низкий*), оно, тем не менее, обладает определенной степенью градуируемого признака. Так, *короткий* и *длинный* оба относятся к одному и тому же параметру – *длине*. Т.е. *короткий* предполагает наличие параметра *длина*. Разумеется, нельзя сказать, что *ленивый* тем или иным образом имплицитно подразумевает степень прилежности. Другими словами, оценочная лексика не может образовывать крайние точки одной и той же шкалы измерения. Похоже ведут себя параметрические существительные – они соотносятся только с одним (в данном случае положительным) полюсом шкалы (*высота*, *глубина*, *длина*, *толщина*, *ширина*).

(2) Норма

Понятие *нормы*¹¹ имеет принципиально разное наполнение у этих двух типов прилагательных. Норма у параметрических прилагательных представляет собой среднестатистический эталон. Поэтому *большой* значит больше среднего, а *маленький* – меньше среднего. Оценочные прилагательные не соотносятся с общими характеристиками определенного референциального класса. По Бирвишу, существование

¹¹ Подробнее о 'норме' см. в 1.7.

высоких людей имплицитно отсылает к существованию маленьких, однако существование *прилежных* не обязательно содержит намек на существование *ленивых*. Заметим, что норма присутствует и в семантике лексем *высота*₂ (= 'место или пространство на большой *высоте*') и *глубина*₂, (= 'место или пространство на большой *глубине*'), которые всегда предполагают значительную *высоту* или *глубину*.

(3) Антонимические отношения

Оценочные и параметрические слова различаются по способу образования антонимов. Параметрические прилагательные имеют точные антонимы и легко образуют антонимические пары: *длинный* – *короткий*, *широкий* – *узкий* и т. д. Оценочные прилагательные, как правило, не могут формировать бинарную оппозицию. Ср.: *мужественный*, *храбрый*: *трусливый*, *боязливый*, *робкий*¹². Обозначения линейных размеров в этом смысле ведут себя похожим образом: они не образуют антонимов, хотя и здесь встречаются случаи *ad hoc* употреблений и языковой игры, как в известной детской песне: *Как на <имя ребенка> именины испекли мы каравай: / Вот такой вышины, / Вот такой нижины, / Вот такой ширины, / Вот такой ужины, / Каравай, каравай / Кого любишь – выбирай!*

В терминологии Московской семантической школы (МСШ) в классе параметрических прилагательных способ антонимообразования представлен типом <БОЛЬШЕ> - <МЕНЬШЕ>. Ср. *высокий* = 'имеющий высоту больше нормы'; *узкий* = 'имеющий ширину меньше нормы' (Сепир 1944; Апресян 1974). Для образования антонимов оценочных прилагательных, как правило, используется тип отрицания ('Р' – не 'Р'). Ср.: *красивый* – *некрасивый*, *логичный* – *алогичный*.

Удачное решение проблем терминологии предлагает в своей более поздней статье Э. Ланг (Lang 2001). Используя термин *Spatial Dimension Term* (SDT), ему, на наш

¹² Такой способ построения антонимических пар наблюдается и у немецкого *flach*, образующего пять антонимов, что дает основания причислить его к прилагательным оценки, ср.: *flach* (*низкий*) – *hoch* (*высокий*), *flach* (*мелкий*) – *tief* (*глубокий*), *flach* (*пологий*) – *steil* (*крутой*), *flach* (*плоский*) – *erhaben* (*выпуклый*), *flach* (*равнинный*) – *hügelig* (*холмистый*) (Lang 1987: 326).

взгляд, удается совместить значение параметризации и пространства. В системе Э. Ланга пространственные параметрические обозначения (ППО) имеют следующие характеристики (Lang 2001: 1251):

(a) ППО указывают на пространственные параметры, такие как *высота, длина, ширина, глубина, толщина, размер, объем, расстояние*.

(b) ППО выступают как [+ N αV], обычно в парах полярных антонимов и обладают морфосинтаксическими особенностями, которые позволяют им сочетаться с фразами измерения, а также входить в грамматику градации и сравнения. Эти черты играют решающую роль в отграничении ППО от обычных терминов, обозначающих форму, таких как *круглый (round), овальный (oval), плоский (flat), квадратный (square), круговой, кольцевой (circle)* и др.

Итак, важное отличие Э. Ланга – разграничение пространственных параметрических наименований и наименований, описывающих **форму** предмета, таких как *круглый, овальный, плоский, квадратный* и т.д. Любопытно в этом смысле замечание Е. Рахилиной, которая считает, что «в русском языке почти нет [...] прилагательных, которые бы описывали собственно форму» (2000: 152). Тем не менее, к «достойным исключениям» она относит *круглый*, в то время как *овальный, квадратный* и др., по ее мнению, не представляют интереса для лингвистов (там же).

Во французскоязычной литературе доминирует термин *пространственные прилагательные* (adjectifs spatiaux: см. Greimas 1966, Spang-Hanssen 1990, Kor Chahine 1999; adjectifs de dimension: см. Spang-Hanssen 1993). Однако данный класс слов прочитывается в более узком значении у К. Ванделуаза (Vandeloise 1988, 1993, 2004). К. Ванделуаз не относит французское прилагательное *gros*, входящее в три пары антонимов¹³, к параметрическим. Ср.: „In contrast to dimensional adjectives *gros* as the adjective *plat* (flat) cannot be used with measurements. This similarity may be taken as evidence that *gros*, as *plat* is an adjective related to the shape of an object (Lang 1987) rather than to its dimensions.” (Vandeloise 1993: 44). Как видим, легко убедиться в том, что в

¹³ Ср. пары антонимов всех трех значений французского *gros*: *gros*₁ – *fin*, *gros*₂ – *petit*, *gros*₃ – *mince*.

разных языках одни и те же прилагательные могут принадлежать к разным семантическим группам.

В русле французской лингвистической традиции польский лингвист Рената Гжегорчикова придерживается обозначения *пространственное прилагательное* (*przymiotnik przestrzenny*; Grzegorzczkova 1996). К этой группе Гжегорчикова относит шесть основных пар польских пространственных прилагательных, описывающих конкретные предметы. Критерием выбора при этом служит обозначение общей величины или определенных размеров предметов. Ср. польские пары прилагательных: *duży (wielki) – mały, wysoki – niski, długi – krótki, szeroki – wąski, głęboki – płytki, gruby – cienki*.

Более широкий термин в описании интересующего нас класса слов использует Е. В. Рахилина (1994, 1997a, 1997b, 2000). К *прилагательным размера*¹⁴ она относит «пять пар русских прилагательных, описывающих размеры предметов в русском языке, а также пару большой – маленький» (Рахилина 1994: 60; 2000: 116-117). Эта пятерка пар включает ряды: *толстый – тонкий, высокий – низкий, длинный – короткий, широкий – узкий, глубокий – мелкий*.

Подобное обозначение в польском языке – *przymiotniki miary* (прилагательные меры) – находим у Линде-Усекневич (Linde-Usiekniewicz 2000). В ее подробном исследовании польского материала *прилагательные размера* (*przymiotniki wymiaru*) трактуются отдельно от *пространственных прилагательных* (*przymiotniki przestrzenne*) и составляют подгруппу параметрических прилагательных (Linde-Usiekniewicz 2000). Автор предлагает свой критерий выбора прилагательных меры и ставит под сомнение выделение универсальной группы таких словоформ, которая бы была релевантна сразу для нескольких языков. Скорее всего, этот список в разных языках будет выглядеть по-разному. В целях семантического очерчивания класса искомых слов Линде-Усекневич формулирует критерий отграничения прилагательных меры от других классов прилагательных на основе особенностей сравнительной степени рассматриваемого класса имен. Ср. формулу (Linde-Usiekniewicz 2000: 28-33):

¹⁴ Ср. также термин Н. Д. Арутюновой *размерные прилагательные*, то есть прилагательные, «относящиеся к физическим свойствам объектов» (Арутюнова 1988: 231). В данной группе автор рассматривает пары количественных прилагательных, «указывающие на поляризованные значения, принимаемые соответствующими параметрами предмета», а именно слова: *большой-маленький, высокий-низкий, глубокий-мелкий* и др. (там же).

$((X - \text{а-ее, чем } Y) \text{ и } ((Y - \text{а-ый}), \text{а } (X - \text{не а-ый})))$

Согласно Линде-Усекневич, прилагательные меры, в отличие от других параметрических прилагательных, отвечают этой формуле при сохранении трех условий: 1. сохранении порядка слов предложений с позитивом; 2. конъюнкция между предложением, содержащим сравнительную степень, и предложениями с позитивом оформляется союзом *и*; 3. существительные, выступающие в роли аргументов прилагательных, употребляются в конкретно-референтном значении, подчеркиваемом демонстративными местоимениями в скобках. Ср.:

(Эта) палка длиннее, чем (этот) карандаш, и (этот) карандаш – длинный, а (эта) палка – короткая (Linde-Usiekniewicz 2000: 29)¹⁵.

В то же время использование других параметрических прилагательных в этой формуле не вполне корректно¹⁶. Ср.:

?(Этот) хлеб тверже, чем (эта) булка, и (эта) булка – твердая, а (этот) хлеб – мягкий (там же).

Таким образом автор заключает, что основной критерий отбора прилагательных меры сопряжен с особенностью функционирования этого ряда слов в сравнительной степени, которая в таком случае не имплицитно употреблению соответствующего прилагательного в позитиве. При всем том, использование параметрических прилагательных не-меры, согласно автору, предполагает, что искомая лексема в отношении того же самого объекта может быть употреблена в позитиве.

¹⁵ Ср. в польском: (ta) Laska jest dłuższa od (tego) ołówka i (ten) ołówek jest długi, a (ta) laska jest krótka.

¹⁶ Другие параметрические прилагательные становятся приемлемыми в данной формуле, по мнению Линде-Усекневич, если вместо сочинительного союза *и* использовать противительный союз *но*, либо поменять местами предложения с прилагательными в позитиве (Linde-Usiekniewicz 2000: 29).

Результат применения этого критерия – следующие ряды слов: *большой (duży) – маленький (mały)*, *длинный (długi) – короткий (krótki)*, *высокий (wysoki) – низкий (niski)*, *широкий (szeroki) – узкий (wąski)*, *толстый (gruby) – тонкий (cieńki)*, *глубокий (głęboki) – мелкий (płytki)* и *тяжелый (ciężki) – легкий (lekki)*. На наш взгляд, приведенный список охватывает не все прилагательные меры, отвечающие предлагаемой формуле. Как быть, к примеру, с прилагательными *быстрый – медленный* или *дорогой – дешевый*? Как показал опрос информантов, предложения типа *(Этот) мопед быстрее, чем (этот) велосипед*, и *(этот) велосипед – быстрый, а (этот) мопед – медленный* вполне приемлемы, как в русском, так и в польском языке. Если *А быстрее Б*, это еще не значит, что *А – быстрый*. То же относится к предложению *(Этот) дом дороже (этой) квартиры*, и *(эта) квартира – дорогая, а (этот) дом – дешевый*. Если дом дороже дорогой квартиры, это еще не значит, что он дорогой. Остается заключить, что либо данная формула нуждается в корректировке, либо список прилагательных меры в принципе не может быть ограничен рамками дефиниции.

Другой пункт, в котором позволим себе не согласиться с автором, касается соотношения отсылок к мере и норме. Как утверждает Линде-Усекневич, обозначения меры не содержат ссылку на норму и употребляются независимо от нее – в отличие от других параметрических прилагательных и прилагательных оценки. В поддержку этого утверждения исследователь приводит известный тезис А. Богуславского (Bogusławski 1994), согласно которому позитивы прилагательных типа *высокий* не обязательно выражают отношение 'больше нормы' (ср. также Wierzbicka 1972a: 75). А. Богуславский обозначает функцию таких позитивов как 'привлечение внимания'. Иными словами эта формула выглядит так (Bogusławski 1994: 329):

$$F \text{ pos } (X) = m_F (X) > \text{possible } m_F (X) \text{ which would not attract one's attention}$$

Например, *А – высокий* = размер *А* (возможно: бросающийся в глаза) больше, чем его возможный размер, который не привлек бы внимания.

По Линде-Усекневич, другим отличительным признаком обозначений меры от общего класса параметрических имен является возможность непосредственного

сравнения двух предметов на основе общего параметра по шкале 'больше/меньше' без использования технических средств (Linde-Usiekniewicz 2000: 40). Нельзя согласиться и с этим различием. Думается, что приблизительное измерение других параметров, будь то температура предмета или скорость движущегося объекта, без использования вспомогательных измерителей более чем возможно и даже часто имеет место в языковой параметризации. Нельзя при этом забывать, что язык не пользуется точными приборами измерения и понятиями евклидовой геометрии. Речь тут идет о 'наивной параметризации', отличной от параметризации в научном представлении (Апресян 1974: 58-59).

Отличие обозначений *меры* от обозначений *оценки* и *эстимации* (другие обозначения не-меры; Linde-Usiekniewicz 2000: 41) Линде-Усекневич постулирует на основе различий *норм* у разных классов объектов и различий в использовании с разными категориями объектов. Так, прилагательные эстимации (*твёрдый, громкий, светлый*) не сравнивают объекты, принадлежащие к разным таксономическим классам, чего нельзя сказать о прилагательных меры. Мы не сравниваем твердость хлеба и матраца или теплоту супа и компота. С другой стороны, подобные ограничения прагматического толка могут накладываться и на обозначения меры. *Длина* забора вряд ли будет сравниваться с *длиной* карандаша, а *толщина* матраца с *толщиной* ноутбука.

В настоящей работе мы не ставим перед собой задачу строгого построения формул, четко отграничивающих интересующий нас круг параметрических слов от других лексикографических типов. Особенности семантики и прагматики параметрических конструкций станут предметом рассуждений ниже, см. Главы 3-6.

Итак, что касается терминологии, в данном исследовании мы будем использовать ярлыки *параметрический* и *размерный* в одном синонимическом ряду, однако особого внимания заслуживают: более широкая отсылка к обозначениям *размера* – *размерный* и более узкая интерпретация ярлыка *параметрический*. Кроме того, особо следует остановиться на квазисинонимичном использовании выражений конструкции *размера* и *величины*. Для начала обратимся к ключевым в этой работе понятиям, таким как *размер, величина, параметр*.

1.2. Размер, величина, параметр

Говоря о *размере*, мы прибегаем к разным стратегиям описания параметров предмета или человека в определенных измерениях. Помимо точных определений с использованием параметрических существительных, включающих количественную группу (ср. *ёлка высотой в три метра; участок длиной в сорок и шириной в двадцать метров*), существуют и другие, более приблизительные, оценки величины. В обиходной речи наиболее частотным является сравнение искомого предмета по размеру с другим предметом, входящим в область общего когнитивного множества знаний участников коммуникации. Этот описательный способ обозначения размера, называемый нами в дальнейшем *наивной параметризацией*, заслуживает более пристального внимания, так как подобная стратегия отсылки к параметрам предметов обнаруживает свои собственные внутренние механизмы и наиболее интересна с лингвистической точки зрения.

При развернутом сравнении, апеллирующем к активизации когнитивных множеств каждого из участников коммуникации, и, в частности, в случае выражения *пробоина размером с футбольный мяч* каждый из собеседников опирается на экзистенциальное, общее референциальное и другие виды знания¹⁷, то есть оба понимают, о каком размере идет речь, так как и тот, и другой имеют представление о среднем размере футбольного мяча. Однако возможна и иная стратегия говорящего, прибегающего к знаниям, общим только для двух участников дискурсивной ситуации; ср. *крохотный магазинчик размером с нашу бывшую кухню в блочной пятиэтажке в Медведевке*.

Оценивая размер, мы сопоставляем в большинстве своем однородные предметы и реже – разнородные. Нередко семантические отношения между предметом и объектом сравнения выражаются рядом '**гипероним** → **гипоним**', ср.: *кольцо размером с обручальное, часы размером с хороший будильник, домик величиной в русскую теплушку, собака величиной с обыкновенную дворняжку* и т. д. Заметим, что сравнение, как правило, не реализуется в объектных парах '**гипоним** → **гипероним**', что противоречило бы направлению категориального вектора сравнения, так как эталон

¹⁷ О видах знания, передаваемых в когнитивной трансакции, см. (Yokoуama 1986; Йокояма 2005).

сравнения, с точки зрения гипотезы базисного уровня¹⁸, таксономически ниже по классу, чем объект сравнения, который находится на базисном уровне. Ср.: *птица величиной с голубя, зверь величиной с медведя*, но: **голубь величиной с птицу, *медведь величиной со зверя*. В то же время частотны и соотнесения семантически равноценных **КОГИПОНИМОВ**, категориальный статус которых в родо-видовой иерархии одинаков, ср.: *жигуль размером с хаммер, носовой платок размером в добрую старинную салфетку, бриллианты размером чуть ли не с булыжник* и т. д.

Какую бы стратегию измерения ни выбрал говорящий, стандартная актантная структура именных параметрических групп включает две семантические валентности – X, или характеризуемый объект, и Y, или актант, содержащий указание на измеряемую величину параметра¹⁹.

На поверхностном уровне синтаксическая валентность подобных конструкций может иметь различные реализации. К наиболее распространенным образным обозначениям размера относятся именные группы с участием двух предлогов – с и в: *X размером с/в Y, X величиной/ою с/в Y*. На первый взгляд, данные конструкции используются синонимично и имеют тождественные валентные структуры. Ср.: *шар размером с кулак/ шар величиной с кулак; булыжник размером в кулак/ булыжник величиной в кулак*. Однако языковая интуиция нам подсказывает, что здесь выявляется ряд семантических отличий. Вряд ли мы скажем: *?сугроб величиной в футбольное поле*, но вполне возможно: *сугроб размером с футбольное поле*. Казалось бы, как *величина*, так и *размер* отсылают к параметрам объекта в том или ином измерении, однако далеко не каждый из них может выступать в роли другого при описании протяженности предмета по одному функционально значимому параметру.

Подобные стратегии отсылки к параметрам предметов уже привлекали внимание исследователей (Рахилина 2000; Семенова 2000; Шеманаева 2006, 2008). Однако в существующих работах термины *конструкции размера* и *величины*, как правило, употребляются синонимически. Тем не менее, как показывают приведенные выше

¹⁸ О теории базисного уровня (basic level hypothesis) см. (Rosch 1975, 1976, 1978; Lakoff 1987; Ungerer & Schmid 1996¹, 2006²).

¹⁹ Нестандартной актантной структурой обладают, в частности, параметрические имена с «расщепленной» первой и второй валентностью, такие как, например, двухобъектные параметры (*расстояние от X-а до Y-а*) и параметры с интервальным значением (*инфляция в границах от 5 до 14%*); подробнее об этом см. Семенова 1996.

примеры, далеко не во всех контекстах *размер* и *величина* допускают взаимозамену в данного рода конструкциях.

Пересечение, но не полное совпадение значений *величины* и *размера* становится явным уже при анализе их толкований. Судя по толкованиям из разных словарей (МАС, Ожегов, Ефремова, РСС), можно заключить, что в своем пространственном значении *величина* и *размер*, в принципе, взаимозаменяемы. Ср.:

величина ₁ : размер, объем, протяженность чего-л. (МАС)
величина ₁ : размер, объем, протяженность предмета (Ожегов/Шведова)
величина ₁ : протяженность, объем, размер чего-л. (Ефремова)
величина ₁ : общее свойство предмета, определяемое по совокупности его признаков (размеру, объёму, протяжённости) (РСС)
размер ₁ : величина чего-н. в каком-л. измерении (МАС)
размер ₁ : величина чего-н. в каком-н. измерении (Ожегов)
размер ₁ : величина чего-л. (в одном или нескольких измерениях) (Ефремова)
размер ₁ : величина кого-чего-н. в точном измерении (РСС)

Заметим, что при кажущейся полной взаимозаменяемости этих двух лексем, лишь словарь Ефремовой (2006) подчеркивает одно важное различие: *размер* в отличие от *величины* имеет больший спектр применения в пространстве – он может обозначать как величину предмета в одном измерении, так и в нескольких. *Величина* описывает параметры предмета в совокупности, а следовательно не может измерять протяженность предмета только по одному измерению.

Данное различие в толкованиях объясняет несовпадение морфо-синтаксической сочетаемости в парах. Ср.: *размер X-а в высоту, ширину, длину*; **величина X-а в высоту, ширину, длину*. Кроме того, описание отдельных линейных параметров предметов возможно только через *размер*. Ср.: *вертикальный / горизонтальный размер* vs. **вертикальная / *горизонтальная величина*²⁰. Тем не менее, как показывают корпусные данные, возможны и контексты, в которых в параметрическом значении может выступать

²⁰ Наблюдение, высказанное в устной беседе Е.В. Рахилиной.

только *величина*: *гравюра в величину* / **размер картины*; *семя в величину* / **размер горошины*.

Из сказанного можно заключить, что данная пара слов проявляет бóльшую близость их пространственных значений только в прочтении *размер = величина чего-л. в нескольких измерениях*. Именно в этом значении наиболее частотными оказываются четыре конкурирующие конструкции (*X размером / величиной с Z* и *X размером / величиной в Z*), в которых различие между двумя лексемами как будто нейтрализуется, так как здесь речь идет о параметрах предмета или объекта в их совокупности, а не о конкретных измерениях, и, следовательно, в них будут сниматься некоторые ограничения, накладываемые семантикой элементов конструкции.

Поиск контекстов по НКРЯ²¹ отчасти проясняет картину. Прежде всего отметим, что *размер* встречается в корпусе приблизительно в два раза чаще, чем *величина*. Общее число вхождений слова *размер* во всех значениях составило 28 541, в то время как *величина* встречается в корпусе в 14 901 контекстах. Поскольку выявление числа пространственных значений обеих лексем во всех их словоформах не входило в нашу задачу, мы ограничились поиском числового распределения заданных лексем в конструкциях одного типа *X размером с/в Z* и *X величиной/ою с/в Z*, который дал следующие результаты: наиболее частотной оказывается именная группа *величиной/ю с/со* (689 вхождений), реже всего используется конструкция *размером в/во* (149 вхождений)²². Ср. Таблицу 2:

²¹ По состоянию корпуса на июль 2012 г.

²² В поиске были учтены словоформы с инверсией *X с/в Z размером / величиной*, как в выражениях *град в орех величиною*, *бульжник с кулак размером*, а также варианты морфем *величиной/величиною* и варианты предлогов *с/со* и *в/во* (ср. *X размером со слона*, *стакан*, *стадион*, *швейную машину*; *X величиною во всю монету* и т. д.).

	величина		размер		всего
с	<i>Х величиной/ою с Z</i>	689	<i>Х размером с Z</i>	537	1226
в	<i>Х величиной/ою в Z</i>	167	<i>Х размером в Z</i>	149	316

Таблица 2. Распределение конструкций *Х величиной с/в Z* и *Х размером с/в Z* в НКРЯ

Как иллюстрирует данная таблица, *величиной с* – наиболее универсальный способ описания общих параметров предмета, при этом явное предпочтение в обеих конструкциях отдается предлогу *с* – он примерно в четыре раза превосходит своего конкурента *в*. На основании полученных данных можно предположить, что конструкция *Х величиной/ою с Z* является более распространенным вариантом обозначения общих параметров предметов. Безусловно, числовое превосходство данной конструкции отчасти объясняется наличием у *величины* морфов-вариантов *-ой/-ою*. Тем не менее, даже без учета форм на *-ою величина* в конструкциях этого типа получает предпочтение.

О. Шеманаева, анализируя измерительные конструкции русского языка с этими предлогами, делает следующее наблюдение: именные группы с предлогом *в* дают более точную оценку размеров предметов в отличие от номинаций с предлогом *с*, описывающих размер лишь приблизительно (Шеманаева 2006, 2008а). Более того, конструкция *Х величиной/размером в Y*, ориентированная на более точное описание размера, имеет еще одно условие реализации. По всей видимости, топология формы сравниваемых предметов в конструкциях *с в* получает больший акцент, чем в конкурирующих конструкциях. Итак, выходит, что компарат₂ – второй член сравнения – в сочетаниях *с в* выступает своеобразным эталоном, единицей измерения, а в выражениях с предлогом *с* – объектом сравнения. Обратимся к примерам:

- (1) Другая же дама, очень полная и багрово-красная, с пятнами, видная женщина, и что-то уж очень пышно одетая, с **брошкой** на груди, величиной в чайное блюдечко, стояла в сторонке и чего-то ждала. [Достоевский. Преступление и наказание]

- (2) Вдруг как из-под земли вырос небольшой человек, почти мальчик, весь как бы золотой в лице: волосы ярко рыжие, **веснушки величиной в брусничную ягоду**, ноги босые, в руке веревка. [Пришвин. Дневники]

Как в (1), так и в (2), круглая топология формы компаратов является важной основой для их сравнения. Предмет сравнения, вводимый предлогом *в*, будто бы повторяет топологию формы объекта сравнения. Любопытно, что в примере (2) компаратом₂ выступает не гипероним *ягода*, а гипоним *брусничная ягода*, имеющая четко выраженную шаровидную форму. Прямоугольная форма предметов также может задавать соответствующие критерии отбора кандидатов для сравнения. Ср.:

- (3) Федор Иванович, не вставая с дивана, все еще находясь в семнадцатом году, стал механически рассматривать висящую против него на стене мутноватую **фотографию величиной в половину газетной страницы**. [Дудинцев. Белые одежды]

Таким образом, сопоставление *величины* и *размера* предметов в рассматриваемых конструкциях приводит к следующему наблюдению: в синонимичном употреблении *размер* и *величина* подчеркивают общие параметры предметов в нескольких измерениях, более или менее сопоставимые друг с другом, однако форма предметов и максимальная приближенность размеров акцентируются предлогом *в*. Предлог *с*, вводящий компарат₂, не задает таких жестких рамок для сравнения, т.е. действительные размеры объектов, сравнение которых вводится этим предлогом, могут значительно разниться. Это дает почву для образования многочисленных гиперболических и литотических конструкций с предлогом *с*. Ср.: *часы размером с хороший будильник, урна размером с наперсток, дверь с игольное ушко*.

Отдельного упоминания заслуживает частичное несовпадение семантической **сочетаемости** конструкций с *размером/величиной*. Большинство примеров в подобных реализациях иллюстрируют разницу в сочетаемости актантов. При этом далеко не маловажную роль играет *форма* и *тип* описываемого предмета. Объекты, имеющие конкретную форму и постоянную величину, легче поддаются более точной параметризации, чем объекты с непостоянной величиной и слабо фиксированной внутренней структурой. По всей видимости, язык кодирует размеры конкретных

предметов иначе, нежели величину объектов с нечетко выраженной или непостоянной структурой/формой. Так, в русском языке *размером* обладают конкретные предметы и объекты (*размер шкафа, дерева*), а также протяженности, ограниченные видимыми пределами (*размер лужи*). При этом со всеми этими типами объектов *размер* взаимозаменяем с *величиной*. Протяженности, не ограниченные видимыми границами, не обладают *размером* – здесь, скорее, принято говорить о *величине озера, пустыни* и реже об их *размере*. Хотя, безусловно, можно представить себе контекст, в котором речь идет о конкретном размере, скажем, *озера*, но в таком случае имеются в виду, скорее, более точные его параметры, такие как *площадь* или *глубина*.

Заметим также, что язык не всегда кодирует *размер*, даже если мы имеем дело с конкретным предметом, обладающим четко заданными параметрами. По наблюдению В.Б. Борщева (1996), для нас не является существенно значимой, а значит и не находит словесной реализации акцентуация параметров предметов, ставших своеобразными эталонами²³. Ср.:

Про *кружок металла*, по размерам в точности равный *пятак* [...] можно сказать, что он *средних размеров* и довольно *тонкий*, но так не принято говорить о самом *пятаке*, вернее не принято вообще присовокуплять к *пятаку* какие-нибудь описания его размеров²⁴ (Борщев 1996: 83)

Исходя из этого, предположим, что выделяемый нами ряд конкретных предметов подвергается дальнейшей классификации: в типе объектов «конкретные предметы» можно выделить подтип «**предметы-эталоны**» или «**предметы-прототипы**» (*копейка, визитная карточка, кредитная карта, спичечный коробок*²⁵, *футбольный мяч, бильярдный шар, буханка хлеба*), которые обладают фиксированными, шаблонными размерами, а, следовательно, дополнительное описание их параметров будет излишним и, если и встречается, то, скорее, подчеркивает приближенность либо удаленность от

²³ Ср. сходное замечание Е.В. Рахилиной о том, что «некоторые имена вообще не сочетаются с прилагательными размера и величины – такие имена описывают объекты, для которых значимы постоянные размеры и форма, ср. **большой* / **широкий* / **толстый рубль* или ?*большой орден Почетного Легиона*» и т. д. (Рахилина 2000: 128).

²⁴ Современный носитель языка предпочтет «присовокупить» к вышедшему из употребления *пятаку* атрибут *советский, доперестроечный* и пр.

²⁵ Неслучайно, именно спичечный коробок стал в СССР эталоном в обозначении количества корма для аквариумных рыбок и дозы черного чая в тюрьме.

эталона: ср. *пятно величиной с хороший/целый пятак*; дыра размером с небольшой футбольный мяч.

Таким образом, шкала величины и размерности будет предположительно включать следующий типовой набор объектов по степени «уменьшения – увеличения» признака измеряемости: конкретные предметы с постоянной величиной (*копейка, лист А4*) – конкретные предметы с непостоянной величиной (*стол, камень*) – протяженность, ограниченная видимыми пределами (*помещения, водоемы* и пр.), – протяженность, не ограниченная видимыми пределами (*пространства*). Проводимое нами различие таксономических категорий объектов по их типу будет положено в основу дальнейших глав, посвященных анализу размера в русском языке. Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показал, что *величиной* и *размером* в равной степени обладают: *предметы, отверстия, протяженности, растения, насекомые, животные и части тела*. Метафорический перенос лежит в основе расширительных значений *размера* и *величины*, распространяемых на явления, процессы, события и людей. Так, говоря о масштабе какого-либо события или явления, мы ссылаемся на его *размер* (*размер₄* по МАС) или *размеры* – ср. *размеры катастрофы, размеры наводнения*, а о человеке, выдающемся в какой-либо области деятельности, принято говорить как о 'величине' (*величина₃* по МАС).

Представляется необходимым рассматривать размеры данных категорий объектов в отдельности, однако в рамках нашей работы ограничимся лишь общим экскурсом в семантику русского размера.

Перейдем к другой общей характеристике способов описания величины, а именно к их заведомой **маркированности**. Описанию размера как таковому предшествует оценка ситуации, а сама отсылка к размеру должна, в первую очередь, привлечь к себе внимание говорящего. Упоминание размеров предмета, как правило, сопряжено с нестандартностью ситуации. Видимо, основная функция подобных номинаций в языке – привлечение внимания, ведь, как уже упоминалось выше в связи семантикой эталонов, предметы нейтральных размеров в принципе не столь явно маркируются языком²⁶.

²⁶ К подобному выводу приходит Линде-Усекневич в своем анализе толкований польских обозначений размера *wymiar* и *rozmiar* (Linde-Usiekniewicz 2000: 48-61), далеко не тождественных русским обозначениям величины. Ср. предлагаемые ею толкования:

В этом смысле уместно вспомнить предложенное А. Богуславским определение позитивов прилагательных типа *высокий* (Bogusławski 1994), основная функция которых заключается в 'привлечении внимания' (*A – высокий = размер A больше, чем его возможный размер, который не привлёк бы внимания*). Сходно с приведенной выше формулой Богуславского, уже сами отсылки к размеру типа *X размером/величиной с/в Y* – маркированы. Аналогично позитивам прилагательных размера, субстантивные конструкции, описывающие параметры предметов, также обладают значением когнитивной 'выделенности'. Подобные именные группы маркируют, как правило, отклонения от среднестатистического размера предмета, который не привлёк бы внимания. Поскольку отклонения возможны как к большому (*град величиной с дыню, клубника размером с кулак*), так и к малому полюсу шкалы (*чашка величиной с наперсток, ёлочка размером с юлу*), то основными функциями рассматриваемых нами субстантивных конструкций будут функции преувеличения (*максимизации*) и преуменьшения (*минимизации*) размера – MAX и MIN, сопоставимые с выделяемой Московской семантической школой лексической функцией Magn и ее параметрами Plus (больше) и Minus (меньше), в смысл которой входит градуируемый компонент.

Примеры из НКРЯ с участием конструкций *X размером/величиной с/в Y* подтверждают вышесказанное. Ср. Диаграмму 1.

„*x ma rozmiar y* = można powiedzieć, że jest duży lub że jest mały lub nie można powiedzieć żadnej z tych rzeczy” (Linde-Usiekniewicz 2000: 54)

„*x ma wymiar y* = można powiedzieć, że jest duży lub że jest mały lub nie można powiedzieć żadnej z tych rzeczy ze względu na jakiś kierunek w przestrzeni” (Linde-Usiekniewicz 2000: 57).

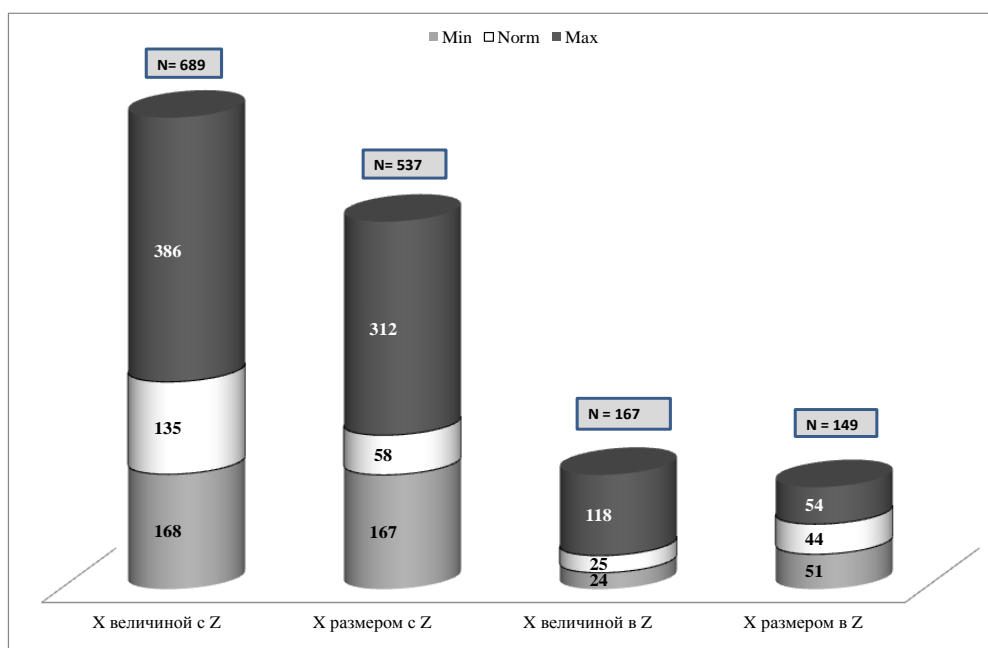

Диаграмма 1. Распределение конструкций *X величиной с Z* и *X размером с Z* в НКРЯ по функциям преувеличения (MAX) и преуменьшения (MIN) размера X-а

Судя по распределению примеров по типу функции 'преувеличение (MAX) или преуменьшение (MIN) размера X-а', можно утверждать, что номинации с отклонением размера в большую или меньшую сторону в численном выражении явно превосходят обозначения средних, эталонных параметров ($\chi^2 = 64.1$, $df = 6$, $p < .001$). Более того, любопытно то, что конструкции *размера / величины* во всех четырех синтаксических реализациях маркируют отклонения от средних, эталонных размеров к большому полюсу шкалы. Иными словами, в русском языке указания на размер обнаруживают тенденцию к гиперболизации. Из общего числа контекстов конструкции *X величиной/ою с Z* ($N = 689$) 554 употребления (80%) обнаруживают маркированность размера в ту или иную сторону; из них 386 номинаций (56%) представляют собой гиперболические употребления и 168 – литотные (24%). Синонимичная конструкция *X размером с Z* имеет сходное распределение прочтений. Из общей суммы употреблений ($N = 537$) в 479 примерах (90% всех употреблений) находим маркированные оценки размера; при этом в 312 контекстах (58%) представлена функция преувеличения и в 167 (31%) – преуменьшения размера.

Сходная картина наблюдается в случае конструкций с предлогом *в*. Здесь из 167 вхождений структуры *X величиной в Z*, 142 оценки (85%) демонстрируют отклонение от нормы ожидания, причем гиперболические употребления составляют 71% (118 употреблений) всех примеров. Интересно, что именная группа *X размером в Z* демонстрирует несколько иное соотношение нейтральных и маркированных контекстов: здесь числовая разница в употреблениях нивелируется, приближаясь к норме. Из 149 употреблений 105 оборотов (70%) обнаруживают выделенность описываемых параметров. Тем не менее, все три участка употреблений (норма, преувеличение и преуменьшение размера) распределены примерно одинаково (44 vs. 54 vs. 51). Симметрия в распределении маркированных и немаркированных контекстов объясняется в первую очередь большей грамматикализованностью конструкций *X размером в Z*, в актантной структуре которых чаще всего реализуется количественная группа, состоящая из числительного и наименования единицы измерения, ср.: *удобье размером в 125 га, квартира размером в 100 квадратных метров, кредит размером в 140 млн. долларов, алименты размером в пять тысяч рублей* и т.д. Таким образом, тип измерения *X размером в Z* менее всего характерен для маркированных контекстов, так как его структура предусматривает самую точную оценку размера. Распределение гиперболических и литотных употреблений в выражениях с предлогом *в* симметрично типу измерения с предлогом *с*: преувеличение параметров (*максимизация*) в обоих способах измерения явно превосходит их преуменьшение (*минимизацию*). Причем данная тенденция четко прослеживается во всех таксономических категориях объектов. Используя разные способы обозначения размера, мы склонны преувеличивать либо преуменьшать истинный размер компаратов, независимо от того, являются ли они артефактами, пространствами, отверстиями, явлениями, растениями, насекомыми, животными или частями тела. Ср. ряд примеров:

- (4) Напротив, над камином, помещались **настенные часы** размером с собачью будку.
[Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все]
- (5) А у нас **области** очень большие, **каждая** величиной с целую Германию. [Борис Хазанов. Дорога]

- (6) Конечно, если задаться целью, можно вырастить один **арбуз размером с герцогство Люксембург**. [Илья Одесский. И я на это не мастак (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 2004.11.15]
- (7) Не удивлюсь, если увижу **блоху размером с авианосец**. [Вадим Бурлак. Хранители древних тайн]
- (8) Рядом с ним, у окна, читает сатирический журнал маленький человечек, розовощекий, курносый, с круглыми и очень **голубыми глазками**, размером в пуговицу жилета. [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина]

Лишь небольшую часть примеров составляют немаркированные сравнения X-а с соразмеримыми по объему предметами и объектами, в которых немаркированность величины реализуется за счет дополнительных атрибутов компарата², представляющего собой предмет-эталон. Как правило, к этим атрибутам относятся дискретные обозначения размера²⁷, такие как *обычный, обыкновенный, стандартный, нормальный*, ср.: *кусочек материи размером с обыкновенный лист бумаги, клочок земли размером с обычный теннисный корт, лист величиной в нормальный лист писчей бумаги*.

Базой для еще одного теста на совпадение сочетаемости пары синонимов *размер* – *величина* может послужить следующее их общее качество, а именно способность к элидированию. И в том, и в другом случае параметрическое имя может опускаться, как, например, в высказываниях (9)-(12):

- (9) Командор махнул рукой — и в центре заднего стекла образовалась дыра Ø с ладонь. [Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие...]

²⁷ Другие типы маркированности размера выражают комбинации с оценочными прилагательными, которые развивают количественное значение, ср. *хороший, целый, добрый, здоровый, заправский*, как в *комар размером со здорового шмеля, цветы величиной с заправский мак* (подробнее о сдвиге оценочных слов в зону количества см. Шеманаева 2008а: 177-183).

- (10) Потом вдруг батюшка-регент выносит ей из алтаря огромную, Ø с кулак, просфору, я таких и не видела даже. [Мария Желнавакова. Письма Н. С. Фуделю (1987-1997) (1987-1997) // «Альфа и Омега», 1999-2000]
- (11) Потолок в этой бане черный и низкий. Звезды — Ø с кулак. Их кажется больше, чем полагается быть. [Василий Песков, Борис Стрельников. Земля за океаном]
- (12) Белый гриб Ø с наперсток, Ø с кулак или Ø с тарелку не имеет разных названий, но называется одинаково — белый гриб. [Владимир Солоухин. Третья охота]

Во всех вышеперечисленных контекстах элидированным элементом может выступать как *величина*, так и *размер*. Важно, однако, заметить, что подобного эксперимента почти не допускают конструкции с предлогом *в*. Ср.: ?дыра Ø в ладонь, ?гриб Ø в наперсток, ?звёзды Ø в кулак.

Рост

Если *величиной* и *размером* обладают предметы и животные, то *рост* в своем пространственном значении закреплен за человеком и животным. При этом под *ростом* как физической величиной понимается:

рост: высота человека, животного; размер по высоте (Ефремова)

рост: размеры человека или животного в высоту (Ожегов; МАС)

Несмотря на четкую закрепленность за таксономическими категориями 'человек', 'животное', в НКРЯ находятся примеры, в которых обозначение высоты объектов, например растений, не всегда правомерно заменяется на *рост*, ср. НКРЯ: *сосенки ростом с человека, сосны ростом с горы*. Можно предположить, что подобные замены *высоты* на *рост* объясняются контаминацией двух конструкций *в рост человека/в человеческий рост* и *высотой с человека, с человеческий рост*, а не степенью

грамматикализованности конструкции *ростом* с, т.е. в данном случае отсутствием лексических запретов на сочетаемость с разными таксономическими классами объектов.

Аналогично функции максимизации/минимизации (MAX/MIN) параметров, присущей конструкциям с *величиной/размером*, обозначение *рост* маркирует в предложении отклонение от бытующего в языковом обиходе представления о среднем росте человека или животного. Ср.: *мужчина высокого/маленького роста, какой-то малый ростом с дверь, собака ростом с доброго волка, лошадь ростом с немецкую овчарку* и т.д. В этой связи Е. Урысон отмечает, что степень отклонения от среднего («признак, 'пронизывающий' весь класс параметрических прилагательных») – один из общих признаков единиц, описывающих рост человека (Урысон 2006: 733). Ср.: «Практически все лексические единицы, характеризующие человека по росту и объему тела, указывают на о т к л о н е н и е от некоторого обычного, среднего, роста и некоторого обычного, среднего, объема» (Урысон 2006: 733).

Здесь очевидна параллель с наблюдениями Н. Мечковской о гиперболах и литотах во фразеологическом представлении роста и размеров человека (Мечковская 2005: 106-111). Ср.:

Рост и размеры человека представлены в русской образной фразеологии максимально подробно, однако отображено здесь преимущественно то, что отклоняется от некоторых средних размеров – всё большое (высокое, крупное, толстое) и всё небольшое (маленького роста, худое, тонкое). Во фразеологии значения обеих групп даются с экспрессивным усилением – преувеличением или преуменьшением, поэтому почти вся образная фразеология, обозначающая рост и размеры человека, предстает как две полярные зоны экстремальных значений (Мечковская 2005: 107).

Как уже не раз отмечалось лингвистами, эти две полярные зоны экстремальных значений не симметрично представлены в языке: система преувеличительных оборотов намного превосходит инструментарий преуменьшительных средств языка, и это относится не только к фразеологизмам. Н. Мечковская видит в этом своеобразную языковую универсалию, имеющую «когнитивные основания» (там же). При этом отрицательная сторона явлений, разные виды асимметрии отклонений от привычного вызывают больший интерес, чем нормальная сторона вещей. Ср. в этой связи весьма спорное

замечание Л. Иорданской о том, что «неприятные чувства дифференцируются русским языком гораздо тоньше, чем приятные» (Иорданская 2004: 401).

Безусловно, *рост* фигурирует в обозначениях средней высоты, однако оценки, относящиеся к среднему промежутку шкалы величины в данном случае почти всегда сопряжены с генитивной конструкцией *X среднего роста* и не находят выражение в образованиях типа *X ростом с Y*, часто ассоциируемых с пейоративами или мейоративами, ср.: *существо ростом с карлика, мужик ростом с Петра Великого*. Именно поэтому, описывая рост знакомых нам людей, дабы избежать уничижительной оценки, мы прибегаем к референциальному знанию, то есть к эталонам оценки из круга знакомых всем участникам коммуникации людей; ср.: *он ростом с меня; Сашка ростом с Олега; я ростом с неё* и т.д.

Другое важное наблюдение касается разной степени аппроксимативности конструкций, описывающих размер. Немаловажную роль здесь играет изменение порядка слов. Сравним два варианта:

(13) Паша ростом с меня

(14) Паша с меня ростом

Очевидно, что более приблизительной будет оценка в (14), ср. также: *узкая, кулака в два, дорога; сучок пальца в два толщиной; рассказ листа в два; дом этажа в два*.

Другими средствами аппроксимации оценки служат эпистемические и аппроксимативные маркеры, смягчающие абсолютность высказывания, такие как *должно быть, наверное, скажем, сказал(а) бы, почти, примерно, где-то* и т.д., ср.: *он, должно быть, ростом с меня; запонки чуть ли не с бильярдный шар*.

Как видим, за наименованием *рост* закреплён целый пласт антропоцентрических и зооморфных употреблений, который требует отдельного рассмотрения. Подробнее о сближениях и расхождениях параметрических обозначений *рост* и *высота* речь пойдёт ниже, см. Главу 4.10.

Шкала величины

Несколько иной подход к анализу понятия *величина* предлагает В.Б. Борщев в статье «Семантические типы размера» (Борщев 1996). Разделяя предметы на *фиксированные* и *переменные* по величине, автор предлагает использовать понятие **шкала величины**. При этом он различает две шкалы величины: **непрерывную** и **дискретную**. Непрерывная шкала величины строится отношением «больше-меньше» и предполагает возможность линейного увеличения размеров искомого предмета до бесконечности либо их уменьшения «до нуля». Каждый предмет, по Борщеву, обладает своей индивидуальной шкалой, отображающей всеобщую шкалу величины, – шкалу «всех возможных предметов всех видов» (Борщев 1996: 84). Дискретная шкала формируется из дискретных оценок размера, таких как: *нормальный, средних размеров, большой, очень большой, гигантский, громадный, необычайно большой, небольшой, маленький, крошечный* и т.п. (там же). В наивной параметризации дискретная шкала, будучи асимметричной, «проецируется» на непрерывную шкалу, причем «проекция» эта сугубо индивидуальна, ведь каждый носитель языка имеет свое видение размеров предмета.

Одновременно Борщев проводит важное различие между самими оценками размеров и их словесными выражениями. Одному и тому же типу оценки, например *очень маленький*, соответствует бесконечное количество выражений: *крошечный, малюсенький, махонький, лилипутский, игрушечный* и т.д. Некоторые предметы не поддаются преобразованиям в ту или иную сторону, их шкала величины в таком случае оказывается дефектной. Именно этим Борщев объясняет несовместимость оценок ряда *крошечный* со словами типа *башня*: предпочтительнее здесь будет автоматическое преуменьшение величины предмета средствами морфологии, в данном случае – диминутивом; ср. *крошечная башенка, маленький стаканчик* и ?*крошечная башня, ?маленький стакан*. Ср.:

Если шкала для *башни* дефектна и не содержит оценки *маленький* (точнее, оценки, соответствующей слову *маленький*), то выражение *маленькая башня* уже не будет правильным (опять же, с точки зрения глубинного синтаксиса). А дискретная шкала величины таких предметов, как *камень* или *дерево* может быть соотнесена с «рекомендательной» диминутивной функцией, переводящей для оценок *маленький, очень маленький* и т.д. соответствующие виды предметов в

производные от них виды предметов – диминутивы. Тогда выражения *крошечное деревце*, *маленький камешек* будут предпочитаться выражениям *крошечное дерево* и *маленький камень*. (Борщев 1996: 91)

Сказанное верно и для предметов, претерпевающих масштабирование в сторону максимального полюса шкалы величины. Так, дискретные оценки *огромный*, *громадный*, *колоссальный*, *непомерный* будут, скорее, сочетаться с аугментативами типа *зверюга*, *домище*, *детина*. Ср.: *кулачище величиной с хороший Астраханский арбуз*, *детина ростом с большой камень-валун*. Подобное сочетаемостное поведение объясняется тем, что в семантику некоторых слов, обозначающих «ингерентно большие и ингерентно малые объекты» (Спиридонова 1999: 15; цит. по Урысон 2006: 728), уже входит указание на размер. «Таким образом, – заключает Урысон, – сведения о размере объекта в одном случае являются частью «наивной энциклопедии», а в другом – компонентом значения слова» (Урысон 2006: 730).

Параметр

Наряду с рассмотренными нами *размером* и *величиной*, в синонимичный ряд обозначений разных типов измерений входит слово *параметр*. Обратимся к его словарному представлению в МАС:

ПАРА́МЕТР, -а, м.

1. *Мат.* Величина, входящая в математическую формулу и сохраняющая свое постоянное значение лишь в условиях данной задачи.
2. *Физ., тех.* Величина или величины, характеризующие основные свойства какого-л. предмета, явления. *Параметр электронной лампы.*
3. *перен.* Размеры, границы проявления чего-л. *Параметры развития производства. Отклонение от заданных параметров в выпуске продукции.*

[От греч. παραμέτρειω — соразмеряю]

В основе математического, физического, технического толкования этого слова лежит *величина*₂ - *Мат.* – все то, что можно измерить и исчислить (МАС). Иными словами соотносящееся с этими значениями прилагательное *параметрический* можно отнести ко всему тому, что допускает *параметризацию*. Разумеется, искомая лексема широко используется в разных видах параметризации: параметры могут быть *геометрическими*, *физиологическими*, *качественными*, *грамматическими*, *временными*, *пространственными*, *статистическими* и т.д. Мы говорим о *параметрах компьютера* и *параметрах рентгеновского излучения*, о *параметрах кредитов* и *параметрах гаража*. Налицо две основные области функционирования данной смысловой единицы – точное измерение величины, подразумевающее обязательное или восстанавливаемое наличие количественной группы (например, *параметры тела 90-60-90*), и переносное употребление, которое можно трактовать как *основная характеристика чего-либо*. В подтверждение этому приведем пример (15), где к параметрам *квартиры*, кроме имплицитных пространственных измерений, равным образом причисляются её местоположение, состояние и прочие факторы:

- (15) Чёрт меня дернул за язык: она не поняла, при чём тут "Аэрофлот", но усиленно пыталась понять, и пока я оценивал вслух местоположение, состояние, а также прочие **параметры** этой несчастной квартирешки, Нина Михайловна смотрела мне в переносицу затуманенными работой мысли глазами, совершенно не схватывая того, что я говорил по делу. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир, № 1-2, 2001]

Более того, имя *параметр* не может составить конкуренцию рассмотренным выше *величине* и *размеру* уже хотя бы с синтаксической точки зрения, так как оно имеет менее свободные валентные возможности: можно сказать *X имеет параметр Y*, *параметр(ы) X-а*, но **X параметром с/в Y*, **X большого/малого параметра*.

Подводя итоги рассмотренным толкованиям слов *размер*, *величина*, *рост*, *параметр*, необходимо отметить, что выбор термина для обозначения таких имен, как *высота*, *длина*, *глубина*, *ширина* и *толщина* и соответствующего ряда прилагательных *высокий – низкий*, *длинный – короткий*, *глубокий – мелкий*, *широкий – узкий*, *толстый –*

тонкий, ярлык параметрический не может составить конкуренцию более ёмким обозначениям имени размера и меры, а также величины (большой-маленький).

С одной стороны, *параметрический* – слишком технический термин, подразумевающий точную параметризацию предметов, явлений и т.д. (*параметрическая статистика, информация, диагностирование*). С другой стороны, *параметрический* может относиться ко всему, что подлежит измерению в самом широком смысле слова, и тогда этот же ряд будут составлять слова *дорогой-дешевый, тяжелый-легкий, быстрый-медленный* и др.

И, наконец, еще одной немаловажной характеристикой исследуемых обозначений размера в русском языке является их непосредственное участие в наивной параметризации, в отличие от параметризации научной. Нельзя не согласиться с Н. Мечковской в том, что «в онто- и филогенезе градуальных представлений пространственные оценки ('большой-маленький', 'далеко-близко', 'высокий-низкий', 'широкий-узкий', 'толстый-тонкий') относятся к самым ранним, доступным и массовым (частотным)» (Мечковская 2005: 106). Таким образом, рабочее определение *прототипических параметрических существительных* должно, на наш взгляд, содержать следующую важную оговорку в своем толковании. Ср.:

Прототипические параметрические существительные –

существительные, называющие линейные физические параметры, наиболее часто используемые в наивной параметризации, а, следовательно, допускающие сочетаемость с антропоцентрическими эталонами.

1.3. Семантико-синтаксические ограничения параметрических имен

1.3.1. Семантика

Функционирование параметрических слов в языке более чем наглядно иллюстрирует, насколько своеобразна 'наивная геометрия' и насколько органичны её законы, во многом не совпадающие с законами евклидовой геометрии. Одним из примеров несовпадения этих двух систем может послужить слово *высота*, имеющее в интересующих нас планах разные смысловые наполнения. В абсолютной геометрии *высота* обозначает 'перпендикуляр из вершины геометрической фигуры к прямой, содержащей противоположную сторону', а, следовательно, *высот* у такого объекта будет столько, сколько у него вершин. В наивной же геометрии объект обладает только одной *высотой* (Ср. Апресян 1974: 58). На сложность 'наивных наук' не раз обращал внимание Ю.Д. Апресян:

Казалось бы, употребление русских слов *высота*, *высокий*, *низкий* вполне регулируется следующими словарными толкованиями: *высота* = 'протяженность предмета снизу вверх', *высокий* = 'большой в высоту', *низкий* = 'небольшой в высоту'. Однако анализ связанной с ними наивной геометрии показывает, что в языке существует более сложная система правил употребления этих слов, отражающая разные особенности их значения, которой превосходно владеют и интуитивно пользуются в речевой практике носители русского языка (Апресян 1974: 58).

Эта система правил учитывает целый ряд свойств, релевантных для процесса параметризации. Если представить себе ситуацию измерения как некую прототипическую ситуацию, или фрейм, то в нем можно выделить следующие центральные аргументы: участник измерения *S* или наблюдатель, объект измерения *X* или его конкретное линейное измерение *Y* и некий эталон *Z*, который может иметь точное числовое наполнение в виде параметрических единиц (*сантиметры*, *метры*, *километры*) либо выражаться антропоцентрическими мерами (*палец*, *голова*, *плечо* и т.д.). Такие факультативные участники фрейма 'измерения', как инструмент измерения и способ

измерения, могут опускаться, однако нередко их «невидимое» участие прочитывается в выборе предлога или предиката V. Исходя из структуры описываемой ситуации, можно себе представить, что каждый её элемент задаёт свои правила игры. В итоге конечный продукт – конструкция измерения – будет учитывать запреты и ограничения, накладываемые каждым из элементов конструкции. По аналогии со структурой фрейма, тип факторов, которые «накладывают вето» при выборе нужного признака, будет соотноситься с тем или иным участником ситуации.

Наибольшее количество нетривиальных правил выбора задается измеряемым объектом X. Существующие описания параметрической лексики относят к наиболее существенным из них: *число линейных измерений* объекта, *структуру и фасадность* предмета (наличие у него «собственной анатомии» (Апресян 2009)), наличие самостоятельной точки *опоры* на земле или любой другой поверхности и мн.др.

Так, при выборе параметра *n*-мерность объекта является центральной. Одномерный объект имеет только одно измерение – *длину* (ср. *длина отрезка, длина линии*). *Высота* и *ширина* предполагают наличие по меньшей мере двух измерений (*высота двери, ширина тротуара*), а *глубина* и *толщина* измеряются только у трехмерных объектов (*глубина котлована, толщина слоя*).

Структурные характеристики объекта X также могут менять тип измерения. Предметы жесткой конфигурации легче поддаются параметризации, что объясняет полноту их пространственного описания. Между тем, «гибкие» предметы (нефиксированной конфигурации, ср. *мешки, волосы, канаты, провода* и т.д.) не измеряются по вертикали.

Предметам с канонической ориентацией в пространстве (см. Главу 2.2.) приписывается такое свойство, как фасадность. У *комода*, например, всегда можно выделить фасадную сторону, независимо от его положения в пространстве, при этом *высота* комода при смене положения остается *высотой*.

Наличие или отсутствие самостоятельной точки опоры на земле или другой поверхности может повлиять на выбор параметра *высота* или *длина* объекта X. Ср. пример Ю.Д. Апресяна: «У сброшенной из вертолета вниз веревочной лестницы есть только *длина*, даже если она касается земли, а стремянка всегда имеет только *высоту*» (Апресян 2009: 166).

Помимо факторов, таких как задействованная плоскость измерения и топологическая форма объекта, имеется ряд иных особенностей, имеющих значение при выборе соответствующего параметрического слова. Так, например, одним из факторов, влияющих на выбор размерного слова, может выступать *изолированность* или *автономность* предмета от других объектов. Именно этот фактор играет роль в ставшем уже хрестоматийным примере с водосточной трубой, которую называют *длинной*, а не *высокой* (см. Leisi 1953: 85; Апресян 1974: 58). То же действительно для параметров-признаков: водосточная труба имеет *длину*, а заводская труба измеряется в *высоту*.

Важно, что участник измерения S может смещать фокус внимания с одного параметра на другой. В этой связи говорится о роли 'наблюдателя' в процессе параметризации. Наблюдатель, меняя свое положение в пространстве, по-другому воспринимает размеры описываемого объекта. Стоя на краю *окопа*, мы говорим о *глубине окопа*, но человек, находящийся на *глубине* окопа, оценит это измерение как *высоту*. Аналогичный эффект дает смена направления взгляда наблюдателя: ср. семантическую разницу в *глубокие* vs. *высокие сапоги*.

Помимо правил, задаваемых субъектом и объектом ситуации измерения, существуют свои законы наивной геометрии пространства, вносящие в процесс измерения определенную долю релятивизма (ср. Апресян 1974). *Длина* как параметр, как правило, больше *ширины*, а *ширина* традиционно превосходит *толщину*. Более того, *ширина* априори не может превосходить *высоту*, иначе то, что было *шириной*, становится *длиной* (ср. *высота* vs. *ширина* vs. *длина* забора). Подобные «взаимопревращения» линейных измерений будут подробнее рассмотрены при обсуждении отдельных параметров.

Очевидно, что наивные картины разных языков – идеосинкратичны. «С "русской" точки зрения, – как верно отмечает Ю.Д. Апресян, – диван имеет *длину* и *ширину*, а с "английской", по свидетельству Ч. Филмора, – *длину* и *глубину*. По-немецки можно измерять *ширину* дома в окнах (*zehn Fenster breit* 'шириной в десять окон' – пример М. Бирвиша), а в русском такой способ измерения по меньшей мере необычен, хотя и понятен (Апресян 1974: 59).

Еще одна важная особенность семантики параметрических существительных касается метафорических и метонимических расширений на их основе. В этом отношении *высота* и *глубина* – единственные параметры, которые ведут себя иначе, предполагая оба типа переносных значений. Метонимические значения *высота*₂ (= ‘место или пространство на большой высоте’) и *глубина*₂ (= ‘место или пространство на большой глубине’) (подробнее см. Главы 3.7. и 4.6.3.) обнаруживаются только у этих двух линейных параметров²⁸. Ю.Д. Апресян также замечает, что ни классификационные, ни квалификационные параметры не обнаруживают подобных семантических наращений (Апресян 2009: 167). Другое отличительное свойство *высоты*₂ и *глубины*₂ относится к метафорическим переносам для обозначения ‘высокого’ и ‘глубокого’ на разных поприщах человеческой деятельности: *высота духа*, *глубина постижения*.

Не раз уже упоминалась следующая общая черта всех линейных параметров-признаков: их лексическая парадигма дефектна, а их название определяет положительный полюс шкалы, ср. непарность параметров: *высота* vs. ?; *глубина* vs. ?; *длина* vs. ?; *толщина* vs. ?; *ширина* vs. ? (ср. выше Введение).

Наряду с вышеперечисленными лексико-сочетаемостными особенностями и разницей в языках, обозначения размера обладают рядом других общих и не менее интересных характеристик. Сюда относится, в частности, Апресяновское понятие *предельности – непредельности* (Апресян 1974: 65-66). В ряду шкалируемых слов *высокий – низкий*, *длинный – короткий*, *глубокий – мелкий*, *широкий – узкий*, *тонкий – толстый*, *далекий – близкий* и т. п. прилагательные, относящиеся к малому полюсу шкалы, являются предельными, так как отсчет к «минусу» от среднего участка шкалы достигает предельной точки, а в случае слов, обозначающих большой полюс, предельной точки не существует. Этим объясняется шероховатость сочетаемости прилагательных большого полюса с наречиями полной степени признака. Ср. *совсем низкий*, *короткий*, *узкий*, *мелкий* vs. **совсем высокий*, *длинный*, *широкий*, *глубокий* (пример Ю.Д. Апресяна).

²⁸ В качестве исключений Ю.Д. Апресян приводит семантические смещения в лексемах *давление*₂, *скорость*₂ и *напряжение*₂, однако по сравнению с *высотой*₂ и *глубиной*₂ перечисленные слова не имеют коннотаций ‘большого’. Ср. *прибавить скорость*: здесь *скорость* прочитывается, скорее, как ощутимая, но не обязательно как *высокая*. В то же время, *сбавить скорость* предполагает её превышение.

Безусловно, данное наблюдение приложимо к наивной геометрии и других языков. Уже в 1953 г. Э. Лайзи одним из первых обратил внимание на особенности функционирования параметрических прилагательных в английском и немецком языках. По его наблюдению, параметрические прилагательные, также как и некоторые другие части речи, – к примеру глагол, – обладают свойствами *скалярности* и *векторности*. *Скалярное* прилагательное описывает протяженность обозначаемого объекта в любом направлении, *векторное* – в заданном направлении. К *скалярным*, следуя этому определению, можно с уверенностью отнести только пару *большой-маленький*, так как *большой* предполагает значительную протяженность объекта, как правило, в трех измерениях. Четкая закреплённость за протяженностью в одном измерении при этом отсутствует. Однако не во всех языках прилагательное *большой* можно отнести к скалярным. В немецком языке, по замечанию Э. Лайзи, прилагательное *gross*, применяемое в отношении человека, становится одномерным по вертикали, а следовательно – векторным (Leisi 1953: 84). Иначе обстоит дело в английском и русском языках. Английское *big* подчеркивает либо протяженность во всех трех измерениях (*высота, толщина, ширина*), либо протяженность только горизонтальных плоскостей (значение: *толстый*)²⁹. Русское прилагательное *большой* стоит несколько особняком: оно может обозначать объект с явно выраженной протяженностью больше нормы; причем двух измерений, в отличие от английского, – вполне достаточно. Е.В. Рахилина также отмечает, что при обозначении параметров объекта *большой* используется преимущественно при обозначении линейных размеров – *длины* и *ширины* (Рахилина 1994: 68; 2000: 125). Сложнее обстоит дело с употреблением параметрического значения *большой* в отношении человека. Примеры (16)-(19) дают несколько нестандартную картину, не соответствующую лексикографическим портретам этой лексемы. Ср.:

- (16) Я подумал тогда, что великие люди двуполы — казалось, что голос вождя принадлежит рослой, большой женщине. [Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930-1959)]

²⁹ Одной из часто встречающихся языковых интерференций носителей немецкого языка является неправильное употребление в английском языке прилагательного *big* не в скалярном, а в векторном значении, что нередко приводит к конфузам, особенно в ситуациях описания внешности высоких девушек (ср, например, неверный перевод на английский язык немецкого *Sie ist ein grosses Mädchen* как *She is a big girl*).

- (17) Интересно, зачем ей кудряшки на голове, если на талии килограммов сорок лишних? С грацией гиппопотама она прошаркала на кухню. — Птицу покорми! — бросила на ходу большая женщина. — Птицу покорми! — раздался из клетки на шкафу голос попугая, явно с интонациями Клавдии. Никита засуетился в поисках корма ... [Аркадий Гайкин. Один день с солнцем (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 2004.10.15]
- (18) На допрос. Передо мной в легкой, белой рубашке плотный большой мужчина с человеческим лицом и человеческими глазами — необычно, не соответствует кабинету. — Полковник Рублев Иван Федорович. [Татьяна Окуневская. Татьянин День, 1998]
- (19) Потом она мановением руки, на которой блеснет колбаска обручального кольца, подзовет двух больших мужчин, брюнетов, не то матросов, не то тореадоров, и они положат комок на носилки, которые так живо напоминают гамак, звездную ночь... [Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930-1959)]

Очевидно, что во всех четырех употреблениях, значение лексемы *большой* получает новые оттенки смысла. В примере (16) значение *большой* объясняется аппозитивным *рослый*, то есть высокого роста, что подразумевает выделенность вертикального измерения. Однако в (17) *большой* подчеркивает, скорее, горизонтальную плоскость референта, что прочитывается из контекста («зачем ей кудряшки на голове, если на талии килограммов сорок лишних?»). Третье употребление (18) может иметь двоякую интерпретацию, ведь *большой* здесь может быть отнесено как к горизонтальному размеру, так и к вертикальному. В (19) *большой* подразумевает наличие физической силы и может толковаться как переносное значение *большого*₁ = значительный по величине, размерам.

Как видим, в описании общих параметров человеческого тела слову *большой* достаточно превышения нормы уже хотя бы по одному измерению — это может быть как вертикальная плоскость (*высота*), так и горизонтальная (*ширина, толщина*).

Наконец, сложность семантической структуры параметрических слов наглядно представлена их (*квази*)синонимией и (*квази*)антонимией. В зависимости от значения синонимами и антонимами, например, к *длинный* будут выступать разные слова. Если

длинный обозначает протяженность физического объекта в *длину*, то синонимом к нему могут выступать *продолговатый, вытянутый, протяжной*. Антоним к *длинный* в этом случае – *короткий*. При обозначении роста человека синонимический и антонимический ряды к *длинный* уже будут выглядеть иначе. Ср.: *длинный, высокий, рослый* vs. *низкий, низкорослый, малорослый*. Аналогичный пример можно привести из немецкого языка, где параметрическое *gross* (1. *большой*, 2. *высокий*) может антонимизироваться в зависимости от значения как с *klein*, так и с *niedrig*. Ср. пару *gross – klein* (*большой – маленький*), применимую как к человеку, так и к неодушевленным предметам, и ярлыки *gross – niedrig* (*высокий – низкий*), описывающие только параметры неодушевленных носителей признака.

1.3.2. Синтаксис

Конструкции размера, т.е. конструкции с участием параметрических слов, задают два типа измерения – точное измерение с участием числовых нумеративов (*ёлка высотой в три метра*) и «наивное», или приблизительное, измерение с включением аппроксимативных (*ёлка высотой под потолок*), сравнительных (*юноша ростом выше двух метров*) или антропоцентрических эталонов (*пыль толщиной в два пальца*). И в том, и в другом случае измерительная конструкция содержит три слота, где [X] – объект измерения, [Y] – параметрическое существительное, [Z] – обязательное зависимое, вводящее единицу измерения или эталон сравнения.

Самый «минимальный» вариант конструкций с участием параметрических существительных – это двухчастные генитивные конструкции ряда *глубина X-а, высота X-а, длина X-а, ширина X-а, толщина X-а*, где X – носитель признака, а Y – параметр-признак. В эти конструкции входят все пять линейных параметров (*высота, глубина, длина, ширина, толщина*), ср. Таблицу 3.

ПАРАМЕТР	ЭТАЛОН	КОНТЕЙНЕР	РАССТОЯНИЕ	ПУТЬ	АТРИБУТ
высота X-а	X высотой в (с) Z	в высоте X-а в высоту X-а	на высоте ₂ на высоту ₂ с высоты ₂	X präd Z в высоту	X-ая высота ₂
глубина X-а	X глубиной в (с) Z	в глубине X-а в глубину X-а из глубины X-а	на глубине ₂ на глубину ₂ из глубины ₂	X präd Z в глубину	X-ая глубина ₂
длина X-а	X длиной в (с) Z			X präd Z в длину	
ширина X-а	X шириной в (с) Z			X präd Z в ширину	
толщина X-а	X толщиной в (с) Z			X präd Z в толщину	

Таблица 3. Синтаксические конструкции с участием параметрических существительных

«Склеенные» или предложные варианты генитивных конструкций предполагают включение в их структуру предлогов, каждый из которых задает «свою» модель управления и сочетаемости. В качестве примера возьмем генитивные конструкции с участием *глубины*:

глубина X-а (генитивная конструкция): *глубина колодца, пруда, канавы...*

на глубине X-а (конструкция уровня): *на глубине моря, бурения, залегания...*

на глубину X-а (направительная конструкция уровня): *на глубину лопаты...*

в глубине X-а (локативная конструкция): *в глубине сада, леса, острова...*

в глубину X-а (направительная конструкция): *в глубину арки, двора, ящика...*

из глубины X-а (исходно-отложительная): *из глубины веков, сада, комнаты...*

Синтаксическим конструкциям с *глубиной* соответствуют разные типы семантических отношений, для которых мы будем использовать следующие ярлыки: *параметр*, *эталон*, *контейнер*, *расстояние*, *путь* и *атрибут* (ср. заголовки колонок Таблицы 3).

Параметр определяет тип семантических отношений в беспредложной генитивной конструкции *глубина X-а*, так как параметрическое значение, выражаемое в числовом эквиваленте, возможно только при наличии X-а, т.е. носителя или посессора признака *глубина*. *Эталон* характерен для конструкций вида *X глубиной в (с) Z*, а

атрибут описывает тип семантических отношений, при котором носитель признака *X* «уходит» в согласованное определение, смещая акцент с параметрических на характеристические свойства.

Кроме того, среди предложных конструкций можно выделить три функционально значимых группы употреблений, сводимых к образным схемам³⁰ 'контейнер' (CONTAINER), 'путь' (PATH) и конечная точка пути – 'расстояние' (DISTANCE).

Предлог *в* сопряжен с представлением о некоем 'контейнере' – вместилище, которое может измеряться по глубине. Концептуализация объектов по схеме контейнеров налицо в локативных конструкциях с предлогом *в* (*в глубине сада, в глубине двора, в глубине арки*) и в конструкциях с предлогами, указывающими на направительное (*в глубину арки*) и исходно-отложительное движение (*из глубины арки*) (см. Глава 3).

Предлог *на* «обслуживает» конструкции уровня, ср.: *на высоте полета, на глубине приманки*. В основу схемы 'путь' (PATH) заложен тип параметризации, при котором будто бы повторяется движение потенциального мерщика или движение взгляда наблюдателя, необходимое для оценивания размера по одному из параметров.

Здесь нужно принять во внимание, что направительные, исходно-отложительные конструкции и конструкции уровня возможны как с *глубина₁ / высота₁*, так и с *глубина₂ / высота₂*, однако нас будут интересовать только такие способы выражения параметрического признака, в которых измеряемый *X* находит «объективное» выражение, чего не может быть при *глубине₂ / высоте₂*, ср. *опуститься на глубину₂, подняться из глубины₂, ловить рыбу на глубине₂*.

Более сложный вид схождения конструкций с участием параметрических имен представляют случаи синтаксической омонимии, ср.: *высота Эйфелевой башни, толщина пальца, ширина ладони* и проч. При появлении глагола омонимия может сниматься: *быть на высоте Эйфелевой башни* значит быть на башне, более высокой, чем Эйфелева (ср. также примеры омонимии Ю.Д. Апресяна: *высота Эльбруса, глубина лужи*) (Апресян 2009: 169).

Подчеркнем, что вариант генитивного оформления носителя признака представляет лишь один из способов его реализации. Значение параметра может

³⁰ Подробнее о понятии 'образной схемы' (image schema) см. Главу 3.4.1.

входить в различные синтаксические конструкции³¹. Отдельного упоминания, на наш взгляд, заслуживают менее частотные атрибутивные конструкции (столбец АТРИБУТ), в которых предметный X оформляется прилагательным. Любопытно, что такие употребления возможны только с *глубина*₂, (*морская глубина, колодезная глубина*) и хуже или вовсе не образуются с *высота*₂ (?*мачтовая высота*). В то же время, подобные смещения вполне естественны для лексикализованного множественного *высоты* и *глубины* (*горные высоты, океанские глубины*). Примечательно, что параметры *длина, толщина* и *ширина* не образуют подобных конструкций (**столовая длина, *уличная ширина, *карандашковая толщина*).

Приведенные в Таблице 3 параметрические конструкции, измеряющие собственно конкретный параметр (столбец ПАРАМЕТР) объекта X (ср. *колодец глубиной в сто локтей, отверстие толщиной в палец*), представляют другой тип структуры, в которой числовые наполнения параметра выражены не в форме родительного падежа, а в виде дополнительной предложно-именной группой, вводимой предлогами *в* (с), *по*, *до* и т.д. (ср. описание конструкций *размера, уровня* и *предела* в Мель 2009).

Теперь перейдем к морфологическим особенностям искомых линейных параметров.

1.3.3. Морфология

Из пяти линейных параметров *высота* и *глубина* отличаются от других параметров еще по одному существенному признаку – это единственные параметры, которые образуют формы множественного числа, ср: *высо́ты, глуби́ны*, но: **дли́ны, *толщи́ны, *шири́ны*. Правда, если *длина, толщина* и *ширина* дефектны по числу³² и являются классическими случаями *singularia tantum*, то *высота*₁ и *глубина*₁ могут принимать форму

³¹ Другие, менее системные, способы выражения линейного параметра представлены в (Апресян 2009: 169). Сюда, в частности, относятся разговорные формы с пропуском предлога, такие как *высотой пять метров, весом три килограмма*.

³² Впрочем, в НКРЯ всё же находятся примеры не вполне удачных употреблений форм множественного числа в случае *длины, ширины* и *толщины*, ср. НКРЯ: *данные о толщинах брони современных зарубежных танков; разность в длинах волн; летание в ширинах воздушных*. Примечательно, что два последних примера относятся к XIX веку.

множественного числа, хотя и в очень ограниченном круге контекстов³³, ср.: *У России три глубины и три высоты, а что выше, то не дано... / Ты в две глубины проник, а третью берегись, там гнездо Змея...* (Александр Проханов. Господин Гексоген (2001)).

*Высота*₂ и *глубина*₂ легче образуют множественное число как в прямых, так и в переносных контекстах. Кроме того, по данным НКРЯ, эти формы будут более частотными во всех переносных контекстах исходных лексем. Так, 432 (= 23%) вхождения (из выборки в 1849 примеров) иллюстрируют *глубину*₂ (о статистическом распределении значений см. Главу 3.3. «Глубина в НКРЯ»). Данные корпуса свидетельствуют также о преобладании форм единственного числа в обозначении пространства или места на *глубине*: из 432 употреблений *глубины*₂ 292 (= 67.5%) выступают в формах единственного числа (*судоходная глубина, подземная глубина*), и, соответственно, в 140 контекстах употребляется лексикализованная форма множественного числа как в прямом (*космические глубины, океанские глубины, морские глубины*), так и в переносном значении (*евангельские глубины, жизненные глубины, грешные глубины*) (Подробнее о *глубине*₂ речь пойдет в Главе 3.7. «Глубина₂: метонимия»).

1.4. Наивная картина мира и пространство Наблюдателя

Обозначение общего размера или конкретных параметров предметов – область, как нельзя более наглядно иллюстрирующая своеобразие наивной картины мира. Соизмеряя и соотнося вещи в пространстве, человек не только прибегает к основным категориям таких «псевдонаук», как наивная математика или наивная геометрия, но и руководствуется другими составляющими, из которых складывается общая картина мира или отдельные ее фрагменты. «Складывающаяся веками наивная картина, – как пишет Ю.Д. Апресян, – в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная

³³ Ср. замечание Ю.Д. Апресяна о формах множественного числа у линейных параметров: «Неупотребительность или невозможность формы МН можно считать характерным признаком линейных параметров» (Апресян 2009: 172).

психология и т.д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка и поэтому может быть специфичной для него в двух отношениях» (Апресян 1974: 57). К этим двум отношениям Ю. Апресян относит, с одной стороны, то, что видение мира через призму языка разительно отличается от научного представления тех же знаков и понятий. С другой стороны, естественно предположить, что «свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков»³⁴ (Апресян 1995а: 350-351). Не преследуя цели типологического сопоставления наивной параметризации разных языков, в этой работе мы ограничимся проблемами первого круга, что и определит ряд поставленных нами задач: 1. проверить на прочность существующие толкования параметрических слов; 2. выявить специфичные для русской языковой картины способы параметризации окружающих человека объектов и явлений.

Приступая к реконструкции фрагментов русской концептуализации пространства, следует коротко охарактеризовать такие универсальные доминанты наивной параметризации, как **антропоцентричность и пространство наблюдателя**.

Антропоцентричности, или «человеческому фактору» в языке, посвящено множество работ³⁵, обзор которых не входит в рамки настоящей главы. Антропоцентричный подход к языку предполагает ориентированность на человека во многих аспектах. Антропоцентричность является доминантой целого ряда лексикографических подходов. Это и понятие «наивной картины мира» Ю.Д. Апресяна (1974), ориентированность на человека в семантическом метаязыке, предлагаемом А. Вежбицкой (Wierzbicka 1985), идея «экспериенциальной» базы метафоризации, т.е. когда мир воспринимается человеком в повседневном опыте через органы чувств (ср. 'embodiment', или идею воплощенности, разрабатываемую в работах Lakoff & Johnson 1980, Lakoff 1987, Johnson 1987, Lakoff & Johnson 1990, Sweetser 1990, Varela, Thompson

³⁴ Ключевым идеям русской языковой картины мира посвящены, в частности, работы (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005), а также (Wierzbicka 1997).

³⁵ Подробный экскурс в историю вопроса об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку см. в (Алпатов 1993).

& Rosch 1991). В более поздних работах А. Вежбицкой речь идет о «телоцентричности» семантического анализа (Wierzbicka 2006b: 118).

Языковые описания пространства в высшей степени «телоцентричны». Человек постигает пространство теми измерительными приборами, которые в него «встроены», прежде всего зрением и осязанием, что и закреплено в пространственной лексике. На телоцентричный и даже эгоцентричный характер основных концептов, связанных с параметрами, формой и размерами предметов, не раз указывала А. Вежбицкая, ср.:

Among the conclusions emerging from this study the most striking one, perhaps, is the one concerning the anthropocentric and bodycentric character of many basic concepts in the area of space, shape and dimension (cf. Johnson 1987). As I have tried to show, in English it is not only verbs like *stand*, *sit* and *lie* (used in relation to objects), or clearly impressionistic adjectives like *tall* and *broad*, but also seemingly objective words such as *high* and *low*, *deep* and *shallow*, *wide* and *narrow*, and last but not least, *straight*, which reflect a subjective, anthropocentric, and often bodycentric, and even egocentric, perspective on the world (Wierzbicka 2006b: 166-167).

На уровне грамматики антропоцентричность находит выражение в таких лингвистических универсалиях, как, например, агентивность, контроль и иерархия одушевленности. Так, говоря о гуманизации грамматики (*humanization of grammar*), Клод Ажеж приходит к следующему выводу: «humans have greater cognitive salience, as a topic, for humans themselves» (Hagège 1993: 97).

В сущности, человек представляет собой одновременно исходный ориентир и конечную цель в восстанавливаемой лингвистами языковой картине мира.

Именно как ориентир человек присутствует в реконструкции пространственных моделей мира, а тесно связанный с ними дейктический компонент очень широко представлен в языке и пронизывает многие его пласты (ср. термин «личная сфера говорящего», введенный Ю.Д. Апресяном в середине 1980-х).

Так называемая антропоцентрическая модель ориентации в пространстве, в отличие от «пастушеской», или зооморфной модели (термин Мартина Хаспелмата, см. также Svorou 1994: 74), наиболее прототипична в языковом моделировании пространства

(Рахилина 2000, Гак 2000). Вещи и предметы зачастую очеловечиваются: так, мы говорим о *макушке айсберга* и *подножии горы*; у столов и стульев есть *ножки* и *бока*, а у кресел и сидений – *спинка*.

"Человек как цель" в нашем смысле интерпретируется с точки зрения функциональности языковых конструкций, их «включенности» в жизнь человека.

Приведем еще один пример параметризации пространства по принципу „*homo mensura*“. Анализируя, в частности, пары прилагательных *длинный* – *широкий*, Е.В. Рахилина делает важный акцент на «ориентированность объекта относительно человека». Ср.:

Представим себе плоский прямоугольник: мы всегда называем «длинной» его длинную часть, а «шириной» – широкую. Однако если этот прямоугольник оказывается крышкой нашего письменного стола, мы немедленно изменим свое мнение и объявим его длинную сторону – шириной, ср. *широкий письменный стол*. Если же этот прямоугольник будет сиденьем дивана, мы тоже, говоря о *широком диване*, будем иметь в виду его длинную сторону. Но если мы приляжем на этот диван, все переменится: ширина опять станет длиной (ср. *длинный / короткий диван*). Здесь важна ориентированность объекта относительно человека, использующего этот объект, в процессе функционирования объекта: фасадная часть, т.е. часть, «повернутая» к человеку и обычно представляющая собой «рабочую» сторону объекта, называется шириной даже в том случае, если она оказывается длиннее длины, т.е. боковой, «нефасадной» части, ср. *широкий принтер*, *широкий экран* и др. (Рахилина 1994: 74; Рахилина 2000: 132-133).

В наивной параметризации человеку отводится роль не только измерителя и измеряемого, но и стандарта измерения и своеобразного инструмента измерения³⁶. Симптоматично, что человек и его размеры, а также размеры частей тела человека осваиваются как эталон, сравнение с которым изначально «встроено» в семантику ряда параметрических слов. Так, выбор параметра в выражении *огромный медведь*

³⁶ Ср. в этой связи замечание Е.В. Рахилиной: «Получается, что говорящий, в каком-то смысле конструирующий язык (по выражению французского лингвиста Клода Ажежа [Hagège 1993], являющийся его строителем, *language builder*), одновременно и изначально сам встроен в его мир» (Рахилина 2000: 14).

индуцирован не только сравнением внутри одного референциального класса *медведей*, но и может предполагать, что медведь в этой ситуации превосходит размеры человека. А такое прилагательное, как *увесистый* содержит, по Е. Урысон, в своем толковании дополнительное указание на эталон веса и размера объекта, задаваемый такими факторами, как способность человека взвесить искомый предмет на ладони и возможность держать его в руке (ср. Урысон 2006: 721).

Важно отметить, что надежным и практичным инструментом измерения в наивной параметризации выступают, прежде всего, части тела человека (Мель 2009). Не останавливаясь на исторических мерах, восходящих к частям тела (*аршин, фут, дюйм, локоть*), достаточно упомянуть многочисленные измерительные конструкции с участием частей тела человека. Ср. *пыль толщиной в палец, сын на две головы выше отца* и т.д.

Своеобразной универсалией является также то, что в языковой картине мира именно человек определяет количество при градации и норму при параметризации. Как подчеркивает Н.К. Рябцева, одной из основных процедур освоения человеком предметного пространства является «выделение особо значимых точек: нормы – "ни много, ни мало", минимума и максимума, которые оказываются наиболее эмоционально окрашенными, ведь они обозначают пределы, границу вещи и мира – особо выделенные точки пространства» (Рябцева 2000: 109). Норма – антропоцентрична сама по себе, так как ее установление – «дело рук человека», в то же время определение предельных точек максимума и минимума и исходной точки отсчета диктуется не только функциональной значимостью, но и психологически значимыми для человека моментами.

Принцип *homo mensura* тесно соприкасается с основополагающими для параметризации понятиями **наблюдатель**³⁷ и **пространство наблюдателя**³⁸. В Главе 2 («Обозначение размера в теории: алгоритмы, примитивы, прототипы») этот аспект будет рассмотрен подробнее при обсуждении существующих подходов к обозначению размера. Заметим, что в западной лингвистической традиции включение «наблюдателя» в анализ пространственной лексики происходит на разных уровнях. Аналогичный русскому термин «позиция наблюдателя» (*Vantage*) лег в основу теории «позиционирования» (*Vantage*

³⁷ В русской лингвистической практике этот термин впервые использовал Ю.Д. Апресян (Апресян 1986, 1995а).

³⁸ В идею ментального сканирования („*mental scanning*“) и фиктивного движения („*fictive motion*“) также «встроено» представление о незримом наблюдателе (Langacker 2003; Talmy 2000).

Theory; ср. MacLaury 1995, 1997, 2002) (подробнее об этой теории см. Главу 2.8.). Пространство наблюдателя понимается и как Anschauungsraum³⁹ в терминологии К. Роберинга (Robering 2005), а в модели параметризации пространства, предложенной М. Бирвишем и Э. Лангом (Bierwisch 1967; Bierwisch & Lang 1987; Lang 1990a, 1990b, 2001; см. также Главу 2.2.), выделяется дополнительная ось наблюдателя (OBSERVER AXIS), которая совпадает с направлением взгляда реального или воображаемого наблюдателя или пользователя (!) предмета и отвечает за наличие либо отсутствие маркера OBS (\pm Observ) в семантике параметрических слов.

Рассмотрим некоторые простые примеры. Как выясняется, позиция наблюдателя может быть критична для выбора параметрического слова или измерительной конструкции. Так, например, выбор обозначения в парах слов *широкий* – *длинный* предопределен позицией наблюдателя, который может находиться в середине измеряемого предмета (*широкий*) или в его начале / конце (*длинный*). То же верно для измерения *высоты* – *глубины* объектов: в *глубокий* семантически заложено прочтение направления взгляда наблюдателя сверху вниз (*глубокий колодец*, *глубокий снег*); *высокий*, напротив, указывает на движение взгляда наблюдателя снизу вверх (*высокая ограда*, *высокий мальчик*⁴⁰) (ср. также интерпретации этих слов в Рахилина 2000: 133; Kog Shahine 1999: 411-412).

Позиция наблюдателя дает возможность выбора и в ряде других измерительных конструкций. Ср. *по колено в воде* и *до колена в снегу*. Предлог *по* в подобных конструкциях измерения *глубины* подчеркивает некоторое движение по траектории, совпадающее с направлением движения взгляда наблюдателя. Наоборот, предлог *до* является индикатором определенного уровня, границы распространения признака; в его значении акцент на траекторию движения не присутствует.

Положение наблюдателя существенно и в вариативности единственного или множественного числа парных частей тела в конструкциях уровня. Сравним пары *по щиколотку в грязи* vs. *по брови в пыли*. Многие парные части тела ведут себя в

³⁹ В кантианстве реальному пространству противопоставляется Anschauungsraum, или пространство «наглядного созерцания», которое строится на опыте взаимодействия человека с геометрическими объектами в пространстве.

⁴⁰ Возможно, но, скорее, с перспективы ребенка, не взрослого. Благодарю О. Тимофееву за данное замечание. Ср. также важное уточнение Е. Урысон о том, что обозначения высокого роста (*высокий*, *длинный*, *долговязый* и др.) «предпочтительно характеризуют взрослых людей или подростков, по росту не отличающихся от взрослых; они не употребляются, если речь идет о детях, на которых взрослый в норме смотрит сверху вниз» (НОСС 2004: 210).

подобных конструкциях неоднозначно: они могут употребляться здесь как в единственном, так и во множественном числе. Думается, что вариативность единственного и множественного числа объясняется здесь не в последнюю очередь фронтальным или боковым положением наблюдателя по отношению к описываемому объекту.

Таким образом, эти и другие примеры, которые будут рассматриваться ниже, указывают на то, что наблюдатель является неотъемлемой частью семантического описания параметрической лексики.

1.5. Сравнение, градуирование, параметризация

Параметрические слова – единицы, достаточно часто допускающие в языковом обиходе операции *сравнения* и *параметризации*. Базой для осуществления данных когнитивных процессов является *градация*⁴¹ признака, или его «способность [...] быть представленным в языке в разной мере» (Норман 2001: 381). Именно эта способность измеряется в процессе, называемом языковое *градуирование* (Bierwisch 1987: 130).

Прототипическая ситуация сравнения предполагает наличие трех семантических компонентов: то, кто/что сравнивается (компарат₁); то, с кем/чем сравнивается (компарат₂) и *tertium comparationis*, или общий признак, по которому проводится сравнение, - в нашем случае это параметры, присущие телу человека или частям тела и физическим объектам, такие как *высота (рост)*, *длина*, *ширина*, *глубина*, *толщина*.

Как показывают ситуации сравнения с участием параметрических слов, наибольшую сложность для семантического анализа представляет положительная, а не сравнительная степень, так как в толковании позитива заведомо участвует компаратив, ср. *высокий* <*низкий*> = 'выше <ниже> нормы'. Исходя из того, что при сопоставлении размеров двух объектов положительная степень прилагательного уже содержит указание на определенную степень признака, допускающую измерение и обозначение на шкале

⁴¹ Необходимо отметить, что в этом значении употребляются также термины *градуальность* (Kiklevič 2001, Плотников 2001, Сятковский 2001, Тафель 2001) и *градационность* (Руденко 2001). Здесь мы отдаем предпочтение первому ярлыку – *градация*.

сравнения, то, логичным образом, сравнительная степень будет обозначать более высокую точку шкалы, чем степень положительная. В случае линейных размеров понятие шкалы напрашивается само собой. М. Бирвиш (1987) предпринимает попытку создания аксиом, лежащих в основе когнитивной операции сравнения. Ср. мереологическую структуру сравнения в Илл. 1.:

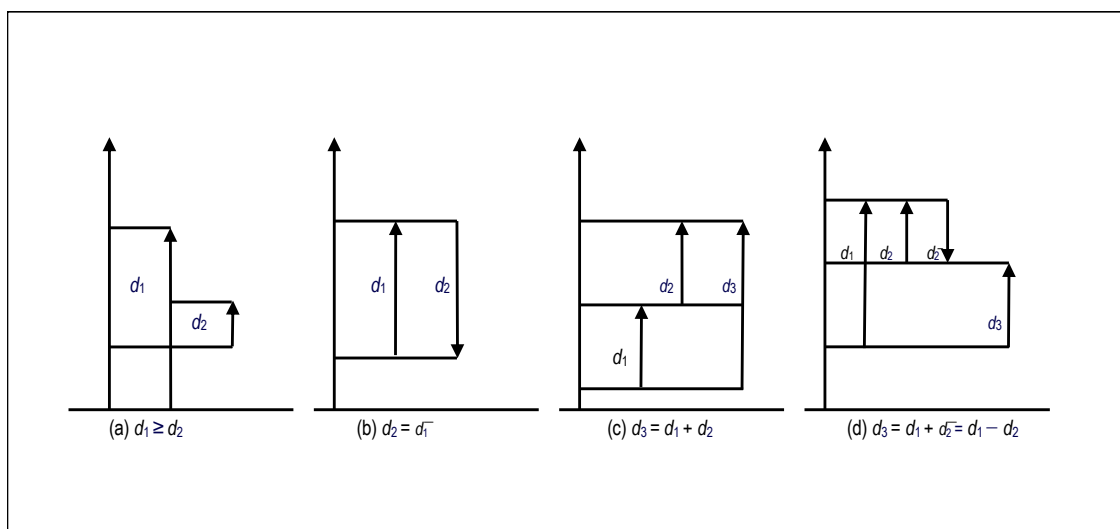

Иллюстрация 1. Мереологическая структура шкалы сравнения (Robering 2005: 1553)

Основу разработанной М. Бирвишем системы операции сравнения составляют прямые d , каждая из которых репрезентирует ментальные структуры, производимые в процессе операции сравнения, и изображает определенные отрезки шкалы d_1 , d_2 , d_3 и т.д., имеющие одно и то же направление и одну и ту же точку отсчета. У каждого отрезка d имеется соответствующий ему отрезок обратного направления d^- . Отношение охвата \geq маркирует реляцию часть-целое между отрезками шкалы. Так, в (a) отрезок d_2 является частью отрезка d_1 , а отрезок d_1 содержит отрезок d_2 . Операция сложения (+), сопряженная с реляцией часть-целое, позволяет объединить два отрезка шкалы d_1 и d_2 , имеющие одинаковую точку отсчета, в один отрезок d_3 , образующий верхнюю точку шкалы, ср. (c). Четвертая шкала (d) иллюстрирует возможность операции вычитания, так как каждому

отрезку d соответствует отрезок противоположного направления, имеющий ту же величину, отсюда ср. (d) в Илл. $d_3 = d_1 - d_2$. Подобным образом мы пользуемся операцией вычитания внутри сравнения в предложении X ниже, чем Y , соответствующем на нашей схеме варианту (d), в то время как предложение Y выше, чем X будет иллюстрировать вариант ментальной структуры (a).

Очевидно, что перенос определенного признака на шкалу измерения представляет наименьшую трудность для параметров линейных размеров (*глубины, высоты, длины, ширины, толщины*). Сложнее обстоит дело с объектами, размеры которых описываются сразу по нескольким плоскостям измерения (ср. прилагательное *большой*⁴²), причем ни одна из этих плоскостей не является доминантной. В таком случае при сравнении двух объектов посредством шкал невозможно выдержать условие, при котором искомые отрезки шкалы имеют одно и то же направление и одну и ту же точку отсчета. Это условие блокирует сравнение, например, шара с квадратом или мячика с линейкой. При всем том можно представить себе, что в языковом плане некоторые многомерные физические объекты (шар, цилиндр, куб) можно в редуцированном виде представить на линейной шкале, ведь в наивной геометрии действуют свои законы представления идей, регулируемые перцептуальными механизмами представления наблюдаемого пространства.

Одновременно при сравнении или описании параметров объектов в распоряжении говорящего, как было замечено лингвистами, есть несколько стратегий сравнения. Так, Леон Стассен (Stassen 1985) выделяет три типа когнитивных стратегий сравнения (*scanning strategies*) (см. также Tafel 2001), в основе которых лежат операции сканирования объекта, имеющие разную временную упорядоченность. При этом важная роль отводится трем аспектам сравнения: а). шкале сравнения, б). двум сравниваемым объектам А и В, с). интервалам шкалы, отражающим степень интенсивности проявления или наличия признака. Каждый из этих аспектов является ключевым в зависимости от выбранной стратегии сопоставления.

⁴² В случае если *большой* определяет общий размер объекта, а не выделяет один из зрительно бросающихся в глаза параметров, как при описании размеров человека.

независимая стратегия (independent strategy):

За основной параметр берется **шкала** сравнения. При этой мыслительной операции сравнение объектов А и В проводится не относительно друг друга и не по *tertium comparationis*, а на основе соотнесения объектов к тем полюсам шкалы, которые для них оказываются ближайшими. Существенно, что выделенной является сама ось шкалы сравнения. Чаще всего результатом данной операции является приписывание объекту таких ярлыков, как *большой – маленький* или *большой – небольшой*. Данная стратегия лежит в основе двух типов антонимии, различаемых Ю. Апресяном, – Anti₃ (тип 'больше' – 'меньше') и Anti₂ (тип 'Р' – 'не Р'). Ср.: *Сенбернары – большие собаки; таксы – маленькие собаки* (пример из Tafel 2001: 31). Важно, что при независимой стратегии логическая операция 'проекции' двух объектов на шкалу сравнения не зависит от логической упорядоченности когнитивных структур, то есть производится синхронно. Таким образом, процесс лингвистического картирования можно представить следующим рядом пропозиций:

(а БОЛЬШОЙ) &⁴³ (b МАЛЕНЬКИЙ)
(а БОЛЬШОЙ) & (b НЕБОЛЬШОЙ)
(b МАЛЕНЬКИЙ) & (а БОЛЬШОЙ)
(b НЕБОЛЬШОЙ) & (а БОЛЬШОЙ)

упорядоченная стратегия (ordered strategy):

Относящийся сюда тип параметрического описания приписывает обоим объектам (А и В) определенную **степень признака**, ассоциируемую с большим или маленьким полюсом шкалы. Тем самым соизмерение объектов относительно друг друга носит упорядоченный, последовательный характер. Тот объект, который расположен ближе к полюсу шкалы, как правило, занимает позицию до компарата₂. Ср.: *Сенбернары – больше, чем таксы; Лена – выше Петра*. Исходным пунктом в последовательном упорядочивании величин на

⁴³ Знак '&' обозначает здесь логическую операцию 'конъюнкция' и читается как 'и'.

шкале сравнения может стать как большой полюс шкалы, так и маленький. Одним из классических типов ориентирования по описываемой стратегии будут пропозиции вида:

(b БОЛЬШОЙ) & (a БОЛЬШОЙ) (от минуса к плюсу)

(a БОЛЬШОЙ) & (b БОЛЬШОЙ) (от плюса к минусу)

относительная стратегия (relative strategy):

Ключевыми для этого когнитивного представления являются непосредственно **сравниваемые объекты** А и В и их соотношение. Данная стратегия когнитивного картирования относит лишь один из объектов сравнения (А или В) к параметру, представленному определенной шкалой признака. Здесь четко прослеживается тяготение к большому полюсу шкалы. Ср.: *большой сенбернар* ('для сенбернаров – Х большой'). В виде пропозиций схема относительного соотношения будет выглядеть так:

(a БОЛЬШОЙ) & (a ПО-ЗА b)

(b БОЛЬШОЙ) & (a ПО-ЗА b)

(a ПО-ЗА b) & (a БОЛЬШОЙ)

(a ПО-ЗА b) & (b БОЛЬШОЙ)

Обращает на себя внимание сразу ряд несогласованностей в вышеприведенных стратегиях сравнения. Как видим, в основе всех типов стратегий лежит одна операция сравнения, участниками которой являются два объекта, независимо от того, присутствует ли Y как второй участник или нет. При наличии эксплицитного X-а мыслительная операция измерения и систематизации конципируемых параметров объектов, на наш взгляд, подразумевает сравнение с неким эталоном Y, олицетворяющим среднестатистические либо стереотипные размеры представителя определенной референциальной группы. Понятно, что для оценки роста сенбернара или таксы нужно иметь общее представление о размерах этих пород собак. Предположим, что некая порода собак нам неизвестна, тем не менее, при визуальном, слуховом или даже тактильном образе мы бессознательно сравниваем размер нового для нас образчика с неким общим размером собак как разновидности животных. Однако если перцептуальный

образ отсутствует, то вряд ли можно будет с уверенностью сказать: *Московский дракон – большая собака*.

Между тем, говоря о наличии в подсознании определенного образа или эталона сравнения, мы постепенно подошли к наиболее обсуждаемым понятиям градационной семантики, а именно к понятиям *нормы* и *шкалы*.

1.6. Семантические типы шкал

В основе **шкалирования** степени признака в прототипической ситуации лежит каноническая порядковая шкала, имеющая нулевую точку отсчета⁴⁴. Шкалируемой является не только величина, но и оценка. И здесь уместно различать разные виды шкал для разных классов параметрических слов. Если для параметрических имен возможно соотнесение степени признака с определенным участком одной шкалы, то в случае оценки в игру вступают разные виды шкал. Напомним, что шкала является одним из критериев разграничения оценочных и параметрических обозначений (Bierwisch 1987: 108-112). Так, антонимы параметрических прилагательных относятся к одной и той же шкале измеряемого параметра. Антонимы оценочных прилагательных, напротив, предполагают наличие разных шкал или разных отрезков шкалы. Следовательно, шкалы могут быть **размерными**, или **параметрическими**, и **аксиологическими**. О сходном различии **шкалы величины** и **шкалы оценки** уже шла речь в главе, посвященной *размеру, величине и параметру* (Глава 1.2.).

Внутри одного класса размерных слов шкалирование может производиться по разным осям измерения. Для прилагательных линейных размеров (*высокий – низкий, длинный – короткий, глубокий – мелкий, толстый – тонкий, широкий – узкий*) достаточно **одномерной** шкалы, а в значение таких прилагательных *величины*, как *большой – маленький*, в принципе, встроены **многомерные** шкалы.

⁴⁴ Семантике шкалирования посвящены работы (Kaiser 1979, Cruse 1980, Varnhorn 1993, Bierwisch 1987).

Другой важной характеристикой параметрических шкал является их подразделение на шкалы **предельные** и **непредельные**, тесно связанное с Апресяновским понятием *предельности-непредельности* параметрических прилагательных (Апресян 1974: 65-66), получающее, однако, несколько иное наполнение в трактовке Д. Круза (Cruse 1980: 15). На основе пар прилагательных типа *быстрый – медленный* Д. Круз предлагает различать **абсолютные** и **относительные** шкалы. Ср.:

Consider the *fast:slow* scale. It seems natural to conceive the scale of velocity as having an origin at one end, representing zero velocity, and extending indefinitely in the other direction. Yet, in a sense, there is no limit to slowness – something can go on going slower for ever without becoming motionless. Furthermore, one cannot use the expression *completely slow* to mean 'stationary': *slow* never reaches zero velocity. We must therefore distinguish two separate scales, an absolute scale which has an endpoint, and a relative scale, which has a variable position with regard to the absolute scale, and which extends indefinitely in both directions. (Cruse 1980: 15)

Иными словами, абсолютные шкалы имеют конечную точку шкалы, которая может маркировать как начало, так и конец шкалы⁴⁵. Выделяются также относительные шкалы, в определенном смысле симметричные абсолютным. Так, адъективные пары ряда *чистый – грязный* приближаются по своей шкалируемости к абсолютным обозначениям *законченности – незаконченности* степени признака.

Кроме того, Д. Круз различает еще один вид шкал, ограниченных как со стороны минуса, так и со стороны плюса. Примером шкалирования подобного типа выступают прилагательные ряда *полный – пустой*, с четко выраженными показателями предельных точек шкалы 'минус' – 'плюс'. Примечательно, что этот тип шкал заложен в семантику и пары существительных *полнота – пустота*.

На основании приведенного обзора шкал легко заключить, что значение какого-либо признака во многом определяется семантическим типом шкалы, которая в нем

⁴⁵ В терминологии Д. Круза абсолютная шкала соответствует шкалируемости по признаку *предельности – непредельности* в смысле Ю. Апресяна.

заложена. Типология параметрических слов выстраивается вокруг шкалы, независимо от того, имеем ли мы дело со шкалой с четко определенными границами или со шкалой-континуумом, выстраивающейся по принципу центр – периферия.

Помимо шкалы, другое важное отличие параметрической лексики от оценочной – это норма. Насколько определяемо это понятие в семантике, будет рассмотрено ниже.

1.7. Норма и эталон

Понятие *нормы*, введенное в лингвистический обиход Э. Сепиром (Sapir 1944), неоднократно обсуждалось в связи с исследованием семантики параметрических прилагательных (Leisi 1953; Апресян 1974; Арутюнова 1988; Урысон 2000, 2005, 2006, 2011; Кронгауз 2004; Robering 2005; Трибушинина 2008). Нетрудно убедиться в том, что лингвисты, анализируя этот класс лексем, вкладывают в это понятие разный смысл.

На относительность значения применительно к прилагательным размера обращает внимание Э. Сепир в ставшем основополагающим эссе «Градуирование: семантическое исследование» (Sapir 1944). Градуирование, как он отмечает, всегда предшествует параметризации и счету. Сравнивая два предмета, мы в первую очередь делаем 'заметки', 'зарубки' на определенной модели шкалирования и выбираем точку отсчета, релевантную для данной ситуации, которая будет меняться в каждой ситуации сравнения. В модели градуирования, предложенной Э. Сепиром, *градационная шкала* обозначает упорядоченный ряд относительных "больше" и "меньше" ("an ordered series of relative mores and lesses") (Sapir 1944: 93). При этом Э. Сепир различает два вида градуирования: градуирование относительно нормы и градуирование относительно степеней сравнения. Норма в его системе имеет выход в язык и выражается, как правило, лексемами средней величины: *средний, обычный, нормальный, среднестатистический*.

Градуирование относительно нормы также легло в основу модели толкования значений антонимических пар параметрических прилагательных И. А. Мельчука (1964), семантическая структура которых сводится к оппозиции 'больше' - 'меньше'. Ср.: *большой* = 'больше нормы'; *маленький* = 'меньше нормы'; *высокий* = 'имеющий большую высоту' =

'имеющий высоту больше нормы'; *низкий* = 'имеющий маленькую высоту' = 'имеющий высоту меньше нормы'; *широкий* = 'имеющий большую ширину' = 'имеющий ширину больше нормы' и т.д. Таким образом, в языке Московской семантической школы различие 'больше' – 'меньше' становится элементарным⁴⁶ и составляет, по системе Ю. Д. Апресяна, третий тип антонимии – Ant₃, или тип 'больше' – 'меньше' (Апресян 1974: 295).

Кроме того, в МСШ элемент *норма* входит в состав словаря семантического языка и образует группу имен элементарных предикатов. В толковании параметрических прилагательных *норма* выступает своеобразным 'пустым' знаком. Другими словами, она «является переменной, которая заполняется в конкретных словосочетаниях информацией о соответствующем параметре» (Кронгауз 2004: 137).

Любопытно, что *норма* в семантическом метаязыке считается понятием неопределяемым, тем не менее Ю.Д. Апресян так поясняет его смысл (Апресян 1974: 74):

Если X направляется в какое-то место В и интересуется у прохожего Y, далеко ли до В, ответы Y-а, при реально одном и том же расстоянии от В до места, где встретились X и Y, могут быть очень разными: *далеко, не слишком, средне, недалеко, близко, рукой подать*. Что же тогда является нормой расстояния? Чтобы решить этот вопрос, необходимо понять, чем объясняется разброс в ответах Y-а. По-видимому, ответы Y-а зависят 1) от способа передвижения X-а (он может ползти, лезть (на вершину), идти, ехать и т. д.), 2) скорости его перемещения (ср. езду на велосипеде и езду на «Волге»), 3) состояния пути и некоторых других факторов. Из рассмотрения этого примера следует, что норма обозначает такое положение вещей, которое должно представляться (или представляется) большинству говорящих как наиболее вероятное в данной конкретной ситуации. Очевидно, что русское слово норма указанного значения не имеет. (Апресян 1974: 74) (подчеркнуто мной – А.М.).

Как видим, слово 'норма' в семантическом метаязыке и в представлении среднестатистического носителя языка используется в двух разных значениях, что нередко, как замечает Е.В. Урысон (2000: 244), ведет к смешению двух смыслов — лексикографического и общелитературного, согласно которому:

⁴⁶ Важно отметить, что в первой версии лингвистики семантических примитивов, разработанной Анной Вежбицкой, это значение представлено более простым примитивом 'быть частью' (Wierzbicka 1972: 76).

НОРМА, -ы, ж.

1. Узаконенное установление. *Правовые нормы*. || Обычный, общепринятый, обязательный порядок, состояние чего-л. *Нормы поведения. Нормы литературного языка*. || Образец, правило. *Он совершил единственную поездку из своей деревни до Москвы и эту поездку взял за норму всех вообще путешествий*. И. Гончаров, Обломов.
2. Установленная мера, размер чего-л. *Норма выработки*. □ *Существовало множество всяких норм питания: были нормы обыкновенные, нормы повышенные, нормы для слабых и для сильных*. Макаренко, Педагогическая поэма. — *Ледовую дорогу через пролив мы сделали за два дня. По нормам те же люди должны были строить ее восемь дней*. Ажаев, Далеко от Москвы. || Величина, выражающая отношение между чем-л. *Норма прибыли* (в капиталистическом производстве — отношение прибавочной стоимости к затраченному капиталу).
3. *Полигр.* Сокращенное заглавие книги, даваемое мелким шрифтом на первой странице каждого печатного листа внизу с левой стороны. (МАС)

Обращает на себя внимание то, что *норма₁* и *норма₂* – базовые лексемы слова *норма* – сопряжены с идеей «социального установления» (ср.: *нормы поведения, правовые нормы, языковые нормы, нормы питания, нормы охраны труда*), а кроме того, прочитываются в аксиологическом контексте, ведь уже в выражениях *этические нормы, нормы морали* присутствует оценочный компонент (Урысон 2000, 2011). Отклонение от нормы воспринимается как нечто отрицательное, ср. толкование лексемы *худой* = 'такой, тело которого меньше нормы по объему'. Данное толкование, как предлагает Е.В. Урысон, требует поправки: *худой* = 'такой, тело которого меньше нормы по объему, потому что в нем отсутствуют жир и лишнее, с точки зрения современной культурной нормы, мясо'. Важное добавление 'с точки зрения современной культурной нормы' – релятивирует абсолютный характер нормы, тем самым приближая её к семантическому статусу переменной толкования. Другое важное добавление Е.В. Урысон касается корректировки понятия норма, используемого в экспликациях значений, и замене его на более прозрачную лексику *средний*. По новой схеме толкование параметрических прилагательных выглядят приблизительно так: *высокий* <*низенький*> = 'такой, рост которого намного больше <меньше> среднего' = 'такой, рост которого намного больше

<меньше> роста большинства людей того же класса' (ср. *высокий мужчина* = 'такой мужчина, рост которого намного больше роста большинства мужчин').

Думается, что предлагаемая Е.В. Урысон схема толкования параметрических прилагательных без использования слова 'норма' годится только в том случае, если норма говорящего совпадает с нормой 'большинства' носителей языка. Однако данное толкование не учитывает прагматические аспекты нормы и, в частности, такие явления, как норма говорящего и норма адресата .

Н.Д. Арутюнова рассматривает понятие нормы в рамках *скалярно-антонимического комплекса*, образуемого прилагательными и определяемого как «объединение поляризованных значений, относящихся к одному параметру объекта (класса объектов) и разделенных градационной шкалой, в середине которой проходит ось симметрии, соответствующая норме признака» (Арутюнова 1988: 231).

Как не раз отмечалось лингвистами, норма может соответствовать разным участкам градационной шкалы. В скалярно-антонимическом комплексе норма занимает серединную часть шкалы, т.е. большее или меньшее пространство вокруг оси симметрии. Одновременно параметрические прилагательные получают толкование через компаратив, ср.: *маленький* = 'меньше нормы', *большой* = 'больше нормы' (Sapir 1944: 42; Wierzbicka 1972a: 75-77; Арутюнова 1988).

Иное местоположение нормы характерно для оценочных предикатов, норма которых соответствует позитивному флангу шкалы. «Таким образом, – заключает Н.Д. Арутюнова, – употребление оценочных предикатов и, прежде всего предикатов общей оценки, организовано отношением "норма – не-норма (отклонение от нормы)"». (1988: 235).

Хороший, в семантическом метаязыке А. Вежбицкой, получает следующее толкование:

X_1 is good. = X_1 is a good X. =

One can say about X_1 what we could want to be able to say about any X.

(Wierzbicka 1972a: 84)

Итак, X_1 *хороший* = X_1 *является хорошим* X = Об X_1 *можно сказать то, что мы бы хотели иметь возможность сказать о любом X*. При этом мы в данном случае ссылается на автора нормы, и здесь налицо дальнейшее расщепление актанта на говорящего и слушающего, которые оба, для того чтобы было возможным использовать оценочное *хороший*, должны принадлежать к одной и той же группе *мы*. В случае размерных прилагательных, как легко убедиться, необходимо дальнейшее подразделение носителей нормы на норму говорящего и норму слушающего, которая не всегда совпадает.

Хорошие сигареты, по А. Вежбицкой, соответствуют норме, а не превышают ее. Заметим, что поляризованность значений в данном случае несколько категорична, ведь сигареты, не соответствующие стандарту, не становятся автоматически плохими. Не вполне тогда понятно, к какому участку шкалы отнести *средние сигареты*, т.е. ни хорошие, ни плохие. По всей видимости, наполнение понятия норма в разных семантических подходах варьируется. Рассмотрим, какие виды норм выделяются лингвистами и какие из них наиболее релевантны для обозначений физических параметров.

В системе параметрической лексики Э. Лайзи выделяет разные виды норм: *видовая норма* (Speziesnorm), *норма пропорции* (Proportionsnorm), *норма ожидания* (Erwartungsnorm), *ситуативная норма*, или *норма пригодности* (Tauglichkeitsnorm) (Leisi 1953: 99-103).

Видовая норма представляет собой некий среднестатистический эталон вида (естественных родов и артефактов). Позитивная степень параметрических слов уже содержит отсылку на некий параметрический эталон, который в свою очередь может подвергаться дальнейшему варьированию в соответствии с подразделением вида на подвиды и т.д. Так, *он – высокий* может означать: 1. *он – высокий для нормального мальчика*; 2. *он – высокий для нормального мальчика 12-ти лет*; 3. *он – высокий для нормального английского мальчика 12-ти лет*.

Зависимость нормы от типа референции уже подчеркивалась разными лингвистами (Chafe 1970, Арутюнова 1988). Постоянный сдвиг нормы «в сторону более высокой таксономической единицы» можно наблюдать при смещении типа референции от конкретно-референтного *Этот слон крупный (для слона)* (референция относительно

вида) до универсального *Слоны – крупные (животные)* (референция относительно рода) (Chafe 1970: 224). Именно это свойство нормы У. Чейф называет *подвижностью*.

Норма пропорции базируется на соотношении параметров сравниваемого объекта и объекта, пропорции которого в нашем представлении соответствуют некоему стандарту пропорций среднего представителя класса. В выражениях типа *широкая улица, широкая скамейка* проявляется отклонение от привычных пропорций данного класса в сторону одного из параметров (*ширина - длина*). Но *высокий шкаф* может касаться как видовой нормы, так и нормы пропорции.

Норма ожидания – самый индивидуальный вид нормы, напрямую связанный с нашими субъективными установками. Этот механизм действует при сравнении существующего с ожидаемым. Восклицание *Какой большой!* при встрече с ребенком, которого мы давно не видели, подразумевает не то, что он большой для трехлетнего ребенка, а то, что он вырос по сравнению с прошлым разом или то, что он стал выше, чем мы ожидали.

Норма пригодности, или *ситуативная норма*, проявляется при несоответствии габаритов предмета размерам, необходимыми для того, чтобы этот предмет был пригодным. Отклонение от предъявляемых этой нормой требований делает предмет непригодным для использования или функционирования. Обозначение *узкие ворота* предполагает, что эти ворота слишком узкие для того, чтобы через них можно было пройти или проехать. Функциональность объектов подчеркивается выбором прилагательного в таких сочетаниях, как *широкая скамейка, глубокая шахта, высокий забор* и т. д. В то же время прилагательное *глубокий* может обозначать как пригодность, так и непригодность (Leisi 1953: 102). В случае корабля *глубокий канал* подразумевает возможность судоходства по этому каналу, для человека – *глубокая река* может сигнализировать опасность.

Подробный анализ ситуативной нормы принадлежит Е. А. Поцелуевскому (1974), который различает нормы, касающиеся конкретных предметов (*Костюм мне мал, Ты слишком мал, чтобы это понять*)⁴⁷, и нормы, релевантные для серий или классов

⁴⁷ При этом семантика избыточного признака, которую развивает краткая форма прилагательного, не берется во внимание.

объектов (*Этот предмет слишком велик, чтобы быть отнесенным к данной серии*). Несоответствие требуемому размеру определяется через "перебор" и "недобор". Важно, что норма, локализуемая в середине шкалы, концептуализируется через положительную степень прилагательного и модификатор (*мал* = недостаточно мал, *слишком большой*, *велик* = недостаточно велик, *слишком маленький*).

Окказиональная норма, как отмечает Поцелуевский, имеет две интерпретации. Возможен вариант, когда установка на норму автоматически ведёт к исключению как максимальной, так и минимальной реализации искомого параметра. В таком случае «и превышение нормы и ее недостижение равно нежелательны...» (Арутюнова 1988: 240). Для подобного сценария Поцелуевский приводит пример подбора пробки к бутылке. Соответствие требуемому размеру обусловлено тут функциональностью пробки. В противном случае пробка будет либо слишком мала (= недостаточно велика), либо слишком велика.

Другой вариант исключает только одну сторону шкалы, а не обе. В случае прохождения через отверстие можно быть сколь угодно маленьким в сравнении с его диаметром, но нельзя быть сколь угодно большим (Поцелуевский 1974). Аналогично, слишком длинное платье, даже превышая ожидаемую длину, все еще будет выполнять функцию платья, а кроме того его можно укоротить. Слишком короткое платье, напротив, удлинить нельзя (Арутюнова 1988: 240).

Как уже не раз отмечалось лингвистами, в русском языке несоответствие габаритам нормы выражается в позиции предиката краткого прилагательного; ср.: *туфли маленькие* и *туфли малы*; *чемодан был тяжелым* и *чемодан тяжел для меня* (там же)⁴⁸. Краткая форма размерного прилагательного имплицитно включает сему "слишком"⁴⁹, отсылающую к пространству не-нормы (большого или малого полюса), чего нельзя сказать о полной форме прилагательного. «Понятие "недостаточно", – пишет Арутюнова, – указывающее на "недобор" при подходе к норме (также с той или другой стороны) имплицитным быть не может» (там же). Поэтому в языковой реализации этого значения

⁴⁸ В частности Ю.Д. Апресян трактует конструкции рассматриваемого типа как случай регулярной многозначности прилагательных с параметрическим значением. Ср.: 'Больше нормы X-а' – 'слишком большой по X-у' (второе значение реализуется, как правило, в краткой форме, часто с указанием цели): *длинный* <*короткий*, *толстый*, *тонкий*, *широкий*, *узкий* и т.п.> (Апресян 1974: 214).

⁴⁹ Анализ подобных "слишком"-значений признаков слов посвящена статья (Кустова 2005). Ср. также (Iordanskaja/Mel'čuk 2004).

всегда присутствует модификатор "недостаточно"; ср. примеры из НКРЯ: *Морской канал между Петербургом и Кронштадтом недостаточно глубокий; Ассортимент товаров шведской компании недостаточно широк, чтобы составить конкуренцию во всех сегментах.*

Важно отметить, что модификатор "недостаточно" может употребляться как с краткой, так и с полной формой прилагательного:

Во-первых, они были недостаточно широкие; во-вторых, недостаточно длинные; в-третьих же, они были просто желтые, в то время как настоящие модные брюки были не чисто желтые, а с зеленоватым оттенком. [Николай Носов. Незнайка в Солнечном городе (1958)]

Наличие компонента "слишком" в семантике кратких форм делает излишней сочетаемость с модификаторами, маркирующими недобор до нормы. Ср.: **брюки слишком коротки, *костюм слишком широк*. В случае оценочных прилагательных, как указывает Арутюнова, краткие формы не содержат отсылки на качество. Так, например, *хорош* в размерном употреблении (*Туфли мне оказались хороши*) означает "в самый раз", "впору", то есть соответствует желаемому требованию (1988: 240).

Обращает на себя внимание также то, что краткая форма размерных прилагательных, включающая сравнение как таковое, теряет связь с семантикой соответствующей положительной степени: *мал* не значит "маленький", *узок* – "узкий", а *велик* – "большой".

Если представление о 'норме' преимущественно ассоциируется со средним размером физического объекта, то ярлык 'эталон' – далеко не всегда является показателем среднего, обычного. Е.В. Урысон различает два возможных типа эталонов размера – **абсолютный** и **относительный** (Урысон 2005, 2006). Абсолютный эталон размера, или антропоцентричный, ориентирован на размер человека. Приписывая объектам параметрическую оценку размера, мы по умолчанию соотносим размер сравниваемого объекта с размером человека. Ср.: *Впереди из кустов выскочил*

*большущий зверь; Старуха вошла через маленькую дверь; Огромная волна утопила войско фараона*⁵⁰.

Относительный эталон, в отличие от абсолютного, отсылает к средним, обычным для данного класса объектов параметрам⁵¹. Ср.: *Однокурсник заехал за мной на огромном автомобиле; На запястье висела миниатюрная кожаная сумочка.*

В то же время легко представить себе случаи, когда установить эталон невозможно в силу отсутствия достаточного контекста. Ср. примеры (20)-(21):

(20) На крутом склоне горы в конце улицы с незапамятных времён высился огромный круглый камень. [Василь Быков. Камень (2002)]

(21) Память надолго сохраняет день, когда мы в первый раз идём в школу, вооружившись пока ещё лёгкими ранцами и огромными букетами цветов. [Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу]

Как в том, так и в другом случае возможна двоякая интерпретация эталона. С одной стороны, речь, казалось бы, идет о превышении размеров объектов заданного класса – *камни* или *букеты цветов*. С другой стороны, *огромный* может сигнализировать, что данный объект превосходит антропоцентричный эталон – размеры человека.

В целом, предлагаемое Е.В. Урысон различие двух типов эталонов сравнения нуждается в небольших корректировках. Первое соображение относится к установке на размер и параметры человеческого тела в случае абсолютного эталона. Здесь, по всей видимости, требуется более широкая трактовка антропоцентрического элемента. Кажется, что при сравнении объектов, помимо физических характеристик, решающую роль могут играть также и способности человека, а также человеческая деятельность в целом. Обратимся к примеру (22):

⁵⁰ Как показывают эти примеры, абсолютный эталон применим не только к ряду объектных пар 'человек – животное' (ср. примеры в Урысон 2006: 716), но может быть задействован и при сопоставлении человека и предметов материального мира.

⁵¹ Безусловно, при описании размеров человека абсолютный эталон будет тождественен эталону относительному, так как основой для сравнения в данном случае являются представления о росте и объеме тела среднего, стандартного человека.

- (22) Павильон огромный – пешком не скоро обойдешь. [Юлия Пешкова. Ярмарка тщеславия (2002) // «Домовой», 2002.06.04]

Ясно, что в этой реализации лексема *огромный* предполагает превышение не внешних физических характеристик человека, а его физических способностей, в частности, способности обойти пешком павильон.

Второе соображение касается самой установки на антропоцентричность абсолютного эталона, ограниченной рамками референциального класса людей. Как выясняется, абсолютным эталон может быть и в отношении животного. Ср. следующие примеры:

- (23) "Забавно, - думал он. - Из меня и вправду может выйти отменная затычка для какой-нибудь бочки. Или пробка для здоровенной бутылки". Слонёнок усмехнулся, представив огромный бочонок, где затычкой он сам, только хобот торчит... [Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», № 1-5, 2003]
- (24) Обойти пешком весь огромный парк муравью было не по силам. [Нина Бедер. Путешествие рыжего муравья]

Безусловно, такого рода абсолютные прочтения лексемы *огромный* можно объяснить, ссылаясь на вторичную референцию несобственно-прямой речи, за которой скрывается сам рассказчик. Однако вполне можно найти примеры, в которых рассказчик прибегает к эталонам зооморфного мира, одновременно занимая позицию наблюдателя и животного. Ср. анекдот:

- (25) Дикий Запад. Скачет ковбой по пустыне. Ему преграждает путь скалистая пропасть. Ковбой, приостанавливаясь, говорит про себя: "Я ковбой, я перепрыгну!" И, перепрыгнув, скачет дальше. На пути снова пропасть, но побольше прежней. "Я ковбой, я перепрыгну!" И снова благополучно приземляется. Скачет дальше, пока впереди не появляется *огромная* пропасть. "Я ковбой, я перепрыгну!!!" Лошадь сбрасывает с себя ковбоя и говорит: "Ты ковбой, ты и прыгай!!!" [<http://anekdot.kharkiv.in.ua/cowboy>]

Разумеется, *огромная* пропасть в этом контексте имплицитно подразумевает некий эталон расстояния (вернее, невозможность его достижения), которое лошадь в состоянии перепрыгнуть. На первый взгляд, помимо абсолютного антропоцентричного эталона, имело бы смысл выделять и абсолютный зооморфный эталон, которого в действительности не существует, так как каждое животное имеет собственный параметрический стандарт. Очевидно, что немаловажную роль в разграничении абсолютного и относительного эталонов играет то, принадлежат ли объекты сравнения к одному референциальному классу или к разным. Так, сравнивая предметы одного референциального класса, мы пользуемся относительным эталоном сравнения (ср. *крупный бриллиант*), в то время как при наличии абсолютного эталона размера, будь то человек, животное или даже артефакт, сравнение выходит за рамки одной совокупности объектов. Ср.: *крошечная клетка, крошечная шляпа, громадный пиджак*. В принципе, как уже указывала Е.В. Урысон, в значение таких лексем, как *крошечный, большой, маленький, огромный*, «не встроено указание на эталон сравнения» (Урысон 2006: 722), а, следовательно, они могут употребляться как при относительном, так и при абсолютном стандарте. Однако, семантически согласуясь с определенными именами, эти лексемы приобретают новые оттенки значения. Так, адъективное сочетание *крошечная клетка* предполагает наличие еще одного участника ситуации, и тогда *крошечный* соотносится не с относительным эталоном (клетка средней величины), а с размером сидящего в ней животного, зверя или птицы. На синтаксическом уровне эта латентная валентность реализуется предложным распространителем в виде именной группы, ср.: *крошечная для медведя клетка*. То же верно и для выражений *крошечная шляпа* и *громадный пиджак*, допускающих разное наполнение актантных позиций. Наряду с субъектной валентностью 'носитель признака', в данных парах открывается еще одна семантическая валентность – 'носителя носителя признака', не реализуемая синтаксически зависимым актантом: *?громадный для меня пиджак, ?крошечная для нее шляпа*. Очевидно, что здесь возможно сравнение как с относительным эталоном, так и с абсолютным⁵².

⁵² Разумеется, превышение эталона размера в лексике одежды и обуви семантически связано с размерами самого человека. Размер предметов одежды представляет собой метонимический перенос размера с части тела человека на предмет одежды. Здесь абсолютный (антропоцентричный) и относительный эталоны сближаются. Понятно, что среднего размера пиджак предназначен для человека средних, стандартных параметров.

Примечательно, что выбор эталона сравнения далеко не всегда «спаян» с лексическим значением. Возможны ситуации, когда новый смысл индуцируется самой конструкцией, как в уже обсуждаемых выше примерах с краткой формой прилагательного (*сапоги ему малы, поводок для собаки слишком короток*).

Обозначения размера позволяют не только установить эталон сравнения, но и указывают на **степень отклонения** от выбранной точки отсчета⁵³. Общепринято выделять три участка шкалы размера – *среднюю* область, охватывающую центр шкалы и прилегающие к ней участки, область *большого*, или область отклонения от средней части в сторону плюса, и область *малого*, направленную к меньшему полюсу шкалы. Соответственно каждую из перечисленных областей обслуживает свой ряд параметрических имен. Ср. иллюстрацию шкалы величины у Е.В. Урысон (2006: 724):

Иллюстрация 2. Шкала величины (Урысон 2006: 724)

По аргументации Е.В. Урысон, каждый отрезок шкалы получает новую точку отсчета. Так, для предмета, описываемого лексемой *большой*, точкой отсчета будет *средняя величина*, а для предмета, обозначающего словом *колоссальный*, исходной величиной будет размер *очень большого* предмета. Симметрична этой ситуации на обратном полюсе шкалы: *маленький* лишь немного отклоняется от предмета *средней величины*, в то время как для отрезка шкалы, к которому принадлежит *крошечный*, исходным пунктом будет выступать *очень маленький* (Урысон 2006: 724).

К участку средней величины будут относиться прилагательные, указывающие на средний, эталонный размер предмета, а также ряд слов, подчеркивающих

⁵³ Подробнее о степенях отклонения от эталона в обозначении размера см. (Урысон 2006: 723-724).

незначительную удаленность от среднего отрезка шкалы: *большой, крупный* с одной стороны, и *маленький, мелкий, небольшой*, – с другой.

Ряд, обслуживающий следующий отрезок по направлению к максимальному полюсу шкалы, включает слова *огромный, громадный, колоссальный* и др., имеющие исходной точкой *очень большую* величину.

Отметками на отрицательном отрезке шкалы будут оценки типа *крохотный, малюсенький, махонький, игрушечный* и пр.

Представляется, что предлагаемая Е.В. Урысон шкала величины не ограничивается тремя отрезками шкалы. Помимо трех базовых участков шкалы можно, на наш взгляд, выделить еще две пороговые зоны размера: зону *бесконечно большого*, или зону высшей степени проявления признака, и зону *бесконечно малого*, или зону высшей степени отсутствия признака. С точки зрения логики, размер предмета можно увеличивать до бесконечности, именно поэтому шкала размера не имеет предельной точки со стороны большого полюса. Но уменьшать предмет до бесконечности невозможно, так как тогда он перестает быть самим собой либо более не существует. И все же, вопреки законам логики, язык находит средства выражения безгранично *малого*. Ср.: *маленький до невозможности шрифт, донельзя маленькая ванная*.

Носителями закрепленных за этими зонами значений будут интенсификаторы типа 'безгранично', 'беспредельно', приставки *сверх, архи*, а также определенные лексемы. К примеру, область выражения *безгранично большого* обслуживают прилагательные *неохватный, необъятный, безмерный, неизмеримый, безразмерный* и пр.

Любопытно, что аналитические конструкции, описывающие подобные пороговые зоны, представляют собой комбинации типа 'интенсификатор + оценка лишь незначительного отклонения от среднего участка шкалы' (*безгранично большой, безгранично маленький*). Одновременно интенсификаторы безграничности не сочетаются с прилагательными зон, прилегающих к среднему участку шкалы, что блокирует такие выражения, как: **бесконечно исполинский, безгранично крошечный*.

Предлагаемая Е.В. Урысон концепция шкалы величины представляет собой прототипический случай описания всевозможных реализаций величины предметов. В данном случае это ряд всевозможных оценок размера, проецируемых на одну порядковую шкалу. Такими же порядковыми шкалами обладают, в принципе, и другие

параметры – *высота, глубина, длина, ширина* и т.д.⁵⁴. Необходимо также заметить, что предметы, к которым применимы все эти оценки размера, будут относиться к предметам-прототипам, обладающим непрерывной шкалой величины, хотя в действительности, как уже отмечалось выше (см. Главу 1.2. Размер, величина, параметр), шкалы большинства предметов – дефектны, т.е. определенные отрезки прототипической шкалы в них не представлены (ср. **колоссальный спичечный коробок, *крошечный медведь*).

Другое замечание относится к существованию ряда прилагательных размера, производных от исходных форм, таких как *большой, длинный, высокий, толстый* и т.д. Сюда, в частности, относятся прилагательные, развивающие дополнительный компонент значения 'слишком' (ср. *великоватый, толстоватый, высоковатый, длинноватый, широковатый* и пр.), уменьшительно-ласкательные прилагательные (ср. *толстенький, толстоватенький, высоковатенький, длинненький, длинноватенький* и т.д.) и увеличительно-устрашающие формы (ср. *большущий, длиннющий, высоченный, толстенный*).

По всей видимости, отклонение от эталона в случае этих прилагательных незначительно, а, стало быть, их тоже можно отнести к отрезку средней величины. Иную трудность представляет их упорядочивание на шкале величине по отношению друг к другу: можно ли трактовать *толстоватенький* как 'толще, чем *толстоватый*', или они выражают приблизительно одинаковую степень удаленности от исходной точки отрезка шкалы? Эти и другие уточнения свидетельствуют о том, что в случае конкретных параметров имеет смысл рассматривать морфологические средства градации размера как поверхностный срез представления размера, которому соответствует шкалирование иного рода на глубинном семантическом уровне.

⁵⁴ Как замечает Е.В. Урысон, средствами маркировки разных участков шкалы обсуждаемых параметров будут выступать суффиксы. «Ср. *длиннющий* 'такой, который намного длиннее очень длинного', *толстенный* 'такой, который намного толще очень толстого', *тонюсенький* 'такой, который намного тоньше очень тонкого'» (Урысон 2006: 724).

1.8. К типологии параметрических слов

На основе рассмотренных выше понятий абсолютного и относительного эталона сравнения, а также степеней отклонения от него Е.В. Урысон предлагает довольно развернутую классификацию возможных типов параметрических прилагательных (Урысон 2006: 724-727). Выделяются четыре основных класса параметрических слов, в значение которых входят компоненты: 1. *больше*; 2. *меньше*; 3. *намного больше* *очень большого*; 4. *намного меньше* *очень маленького*. Каждый класс распадается на еще четыре подгруппы в зависимости от того, с каким эталоном производится сравнение, – только с *абсолютным*, только с *относительным*, сравнение возможно с *абсолютным* или с *относительным* эталоном или же в сравнении есть указание на два эталона сразу – *относительный* и *абсолютный*. Дальнейшим критерием разграничения параметрических слов на еще два класса выступает признак больше – меньше эталона. На основе этой типологии автор выделяет двадцать четыре типа параметрических слов, в русском языке из них представлены, по Е.В. Урысон, лишь десять типов. Обратимся к их схематичному представлению. Ср. Иллюстрацию 3.

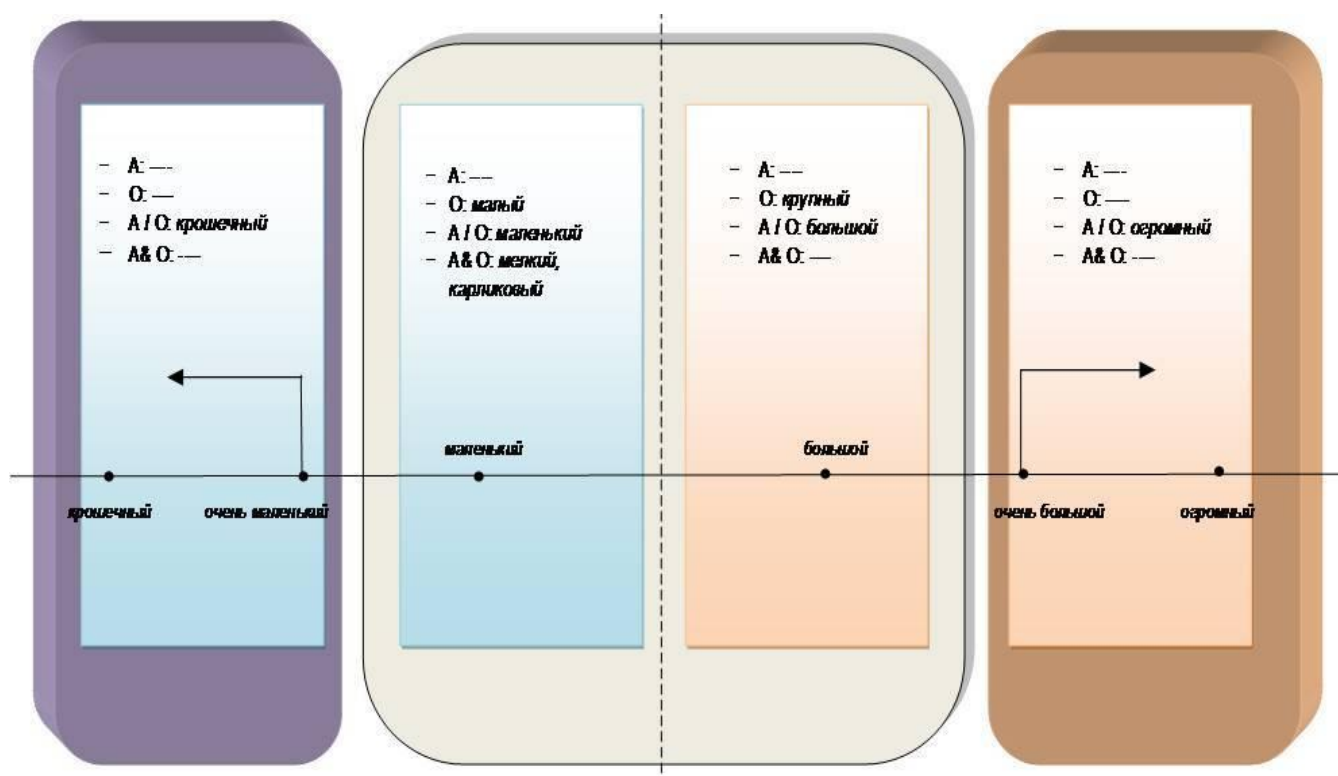

Иллюстрация 3. Типология параметрических прилагательных: А (абсолютный эталон); О (относительный эталон); А / О (абсолютный или относительный эталон); А & О (абсолютный и относительный эталоны)

Основу данной типологии составляют три базовых блока прилагательных. Из них средний участок включает параметрические слова, описывающие незначительное отклонение от выбранного эталона А (абсолютный) или О (относительный) в сторону большого или малого полюса шкалы. Внутри каждого блока предусмотрено деление на четыре комбинации сравнения с эталоном, описанные выше. См. расшифровку обозначений А, О, А и О, А & О. Так, в значение слова *большой* встроена ссылка на два возможных эталона сравнения – А или О. Это означает, что объект, описываемый этим словом, сравнивается либо с совокупностью однотипных ему объектов, либо с эталоном 'человек'. Ср.: *большой дом vs. большой зверь*.

Ко второму блоку, тяготеющему к крайней правой точке шкалы, относятся номинации размера, толкуемые через компонент 'намного больше очень большого'. Точкой отсчета релевантных для этого участка прилагательных является размер 'очень большого' предмета. В русском языке эта группа представлена, в частности, лексемой *огромный*, допускающей сравнение относительного типа и абсолютного. Ср.: *огромная кошка vs. огромный слон*.

Третий блок, выделяемый на малом полюсе шкалы, имеет в своем составе параметрические имена, в значение которых входит элемент 'намного меньше очень маленького'. Пример этого типа параметризации – слово *крошечный*, не закрепленное за определенным стандартом сравнения А или О. Ср. *крошечная бабочка*.

Как видим, в значение ряда слов уже заложено указание на эталон сравнения, что накладывает определенные ограничения на сочетаемость. Так, например, ярлыки *крупный* и *мелкий* подразумевают наличие совокупности однотипных предметов⁵⁵ (ср. *крупный карась*), на базе которых устанавливается соответствующий относительный эталон. Однако прилагательное *крупный*, в отличие от *мелкого*, подразумевает сравнение только внутри одного класса или совокупности объектов и не сопряжено с антропоцентричностью. В то же время *мелкий* фигурирует как в сравнениях с относительным стандартом, так и с абсолютным, ведь мелкие объекты априори гораздо

⁵⁵ Подробнее о семантике слова *крупный* см. в (Урысон 2006: 717-719). Аналогичную аргументацию ср. в статье (I. Kor Chahine 1999).

меньше размеров человека⁵⁶. Ср.: *мелкий дождь, мелкий жемчуг, мелкий гравий vs. мелкий камушек, мелкие листочки, мелкий гвоздь*.

Между тем, основную часть параметрических слов составляют прилагательные, значение которых не сопряжено только с одним типом: это может быть как относительный, так и абсолютный стандарт сравнения. К ним относятся: *большой, маленький, огромный, крошечный* и пр.

Обращает на себя внимание то, что данная типология применительно к русскому языку имеет множество лакун. Так, например, некоторые типы параметризации не представлены в русском языке; ср., в частности, отсутствие в данной классификации примеров типа А & О для класса, толкуемого через компонент 'намного больше очень большого'. Думается, что прилагательное *исполинский* отвечает заданным параметрам сравнения. Сочетания ряда *исполинский тулуп, исполинская арфа, исполинская сосна* допускают сравнение не только с совокупностью однотипных объектов, но и подразумевают, что сравниваемый объект превосходит размеры человека или его способности (ср. *исполинская вершина, скала*). Безусловно, комбинации *исполинский голубец* или *исполинский комар* не соотносятся с размерами человека, однако данные употребления характерны, прежде всего, для языковой игры или для описания сказочных фантастических персонажей.

Другую лакуну представляют слова, описывающие отклонение от средней величины и закрепленные только за абсолютным эталоном. Следуя Е.В. Урысон, таких лексем в русском языке нет. В связи с этим возникает вопрос: куда в таком случае отнести прилагательные ряда *рослый, низкорослый*, отсылающие к отклонению от среднего роста человека и не применимые в описании параметров предметов? Естественнo предположить, что *рослый* и *низкорослый* – оценки конкретного параметра объектов – их высоты, а, следовательно, они образуют собственную порядковую шкалу по параметру 'высота' предметов, а не их 'величина'.

Еще одно наблюдение относится к существованию пороговых зон. По-видимому, далеко не каждое параметрическое слово допускает однозначную категоризацию с точки

⁵⁶ Е. Урысон объясняет отсылку к антропоцентричному эталону в случае *мелкий* тем, что мелкие объекты, как правило, свободно помещаются на ладони (Урысон 2006: 719).

зрения степени отклонения от эталона. Возьмем, к примеру, обозначение *лилипутский*, синонимичное слову *карликовый*. В этом случае довольно сложно установить, является ли точкой отсчета для *лилипутский* 'маленький' или 'очень маленький' размер предмета и сопоставим ли *лилипутский* размер с размером *крошечного*? Очевидно, что точка отсчета в случае отклонения от стандарта не всегда встроена в семантику слова, что затрудняет проецирование некоторых параметрических обозначений на предложенную шкалу размера.

Подводя итоги предложенной Е.В. Урысон типологии параметрических слов, можно заметить, что, в принципе, круг слов, называемых параметрическими, достаточно широк. Сюда, судя по данной типологии, относятся не только собственно прилагательные размера в узком смысле, но и обозначения массы тела (*увесистый*, *тяжелый*), устроенные, видимо, одинаковым образом. Из сказанного следует, что ряд параметрических слов, вписывающийся в предложенную схему, – не ограничен. Более того, думается, что аналогичные типы сравнения применимы и к словам, выходящим за рамки параметрических в понимании автора.

1.9. Выводы по ГЛАВЕ 1

В первой главе, предваряющей обзор существующих теорий и алгоритмов описания размера, нам важно было очертить круг проблем, связанных с обоснованием специфичности и универсальности описываемого пласта лексики.

Как было показано в этой главе, в научной литературе нет четкого противопоставления пространственной и параметрической лексики (ср. *имена пространственных параметров*, *числовые параметрические существительные*, *пространственно-параметрические термины* (SDT) и проч.). В этом же смысле употребляются атрибуты *размерная* и *дименсивная* лексика. В данном исследовании при описании конструкций с участием линейных параметров мы будем использовать ярлыки *параметрический* и *размерный* в одном синонимическом ряду.

Другое важное замечание касается квазисинонимичного использования наименований *размер* и *величина*. Сравнение конструкций с их участием показало, что

размер и *величина* будут синонимичны в конструкциях *X размером / величиной с (в) Z*. Причем, чем больше участников задается фреймом конструкции, тем большее количество семантических различий нужно принимать во внимание. Предлог выступает в роли «рычага», который задает свой тип параметризации, смещая фокус внимания со «что» измеряем на «как» измеряем. С опущением эталона *Z* центр тяжести переносится на измеряемый признак, что требует более тщательного отбора *Y*-а. Так, генитивные конструкции *размер X-а* и *величина X-а* обнаруживают лишь частичную взаимозаменяемость: если *величина* отсылает ко всем или нескольким функционально значимым измерениям *X*-а, то *размер*, в отличие от *величины*, может отсылать лишь к одному измерению.

Помимо терминологической «размытости», слова-параметры сложны еще тем, что находятся на стыке языковой (наивной) и научной параметризации, чем и объясняется сложность их лексикографического представления. Список факторов, существенных для выбора нужного ярлыка при описании параметра *Y*, намеченный в Главе 1, будет уточняться и корректироваться при более пристальном рассмотрении отдельных признаков. Действительно, иерархия факторов и их состав будут меняться в зависимости от параметра *Y* и конструкции, в которой он участвует, – более подробное рассмотрение следует в Части II («Корпусный портрет параметров»).

И, наконец, как показывают наблюдения в Главе 1, важным компонентом значения линейных физических параметров типа *высота, глубина, длина, ширина, толщина* следует считать не столько возможность числового выражения признака, сколько их частотность в наивной параметризации, и, следовательно, сочетаемость с антропоцентрическими эталонами.

ГЛАВА 2. Обозначение размера в теории: алгоритмы, примитивы, прототипы

2.1. Семантические примитивы в структурном подходе М. Бирвиша

Одна из пионерских работ в области семантики размера принадлежит М. Бирвишу (Bierwisch 1967). В основу этой работы лег разбор немецких параметрических прилагательных, для анализа которых автор предлагает использовать ряд универсальных семантических маркеров, достаточных для обозначения первичных пространственных значений. Безусловной отправной точкой для М. Бирвиша стал структурно-семантический подход А. Ж. Греймаса (Greimas 1966), одним из первых указавшего на ряд смыслов, или сем, выделяемых в значениях пространственных лексем французского языка, ср.: *haut – bas*, *long – court*, *large – étroit*, *vaste – épais*. Так, Греймас указывает на то, что каждая из этих лексем характеризуется присутствием или отсутствием следующих сем: пространственность (*spatialité*), размерность (*dimensionnalité*), вертикальность (*verticalité*), горизонтальность (*horizontalité*), перспективность (*perspectivité*), продольность (*latéralité*), а также безразмерность (*non-dimensionnalité*), поверхность (*superficie*) и объём (*volume*). Ср. Иллюстрацию 4.

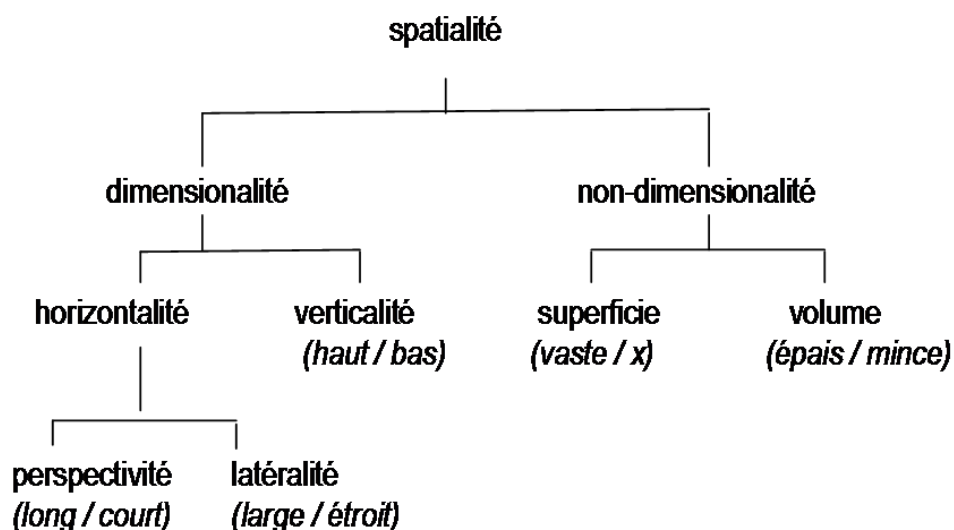

Иллюстрация 4. Семантическая система организации пространства по (Greimas 1966: 33)

Как видим, семантическая система пространства, по Греймасу, строится на противополжении ряда бинарных оппозиций, лежащих в основе семантических осей.

Семантическая ось *пространственность* (*spatialité*) включает дихотомию *размерность* / *безразмерность*, реализуемую в языке противопоставлением *пространства* (*espace*) и *протяженности* (*étendue*). Внутри *размерности* (*dimensionnalité*) в свою очередь выделяются дальнейшие семы — вертикальность (*verticalité*) и горизонтальность (*horizontalité*). Если вертикальность, по схеме Греймаса, представлена французскими прилагательными *haut* и *bas*, то горизонтальность сочленена из перспективности (*perspectivité*) и продольности (*latéralité*). Как утверждает автор, перспективность (т.е. перспектива 'от говорящего') закреплена в физическом параметре *длина*, в то время как *ширине* на семантическом уровне соответствует реляционная категория поперечность.

М. Бирвиш значительно усложняет компонентный анализ пространственных прилагательных, выделяя ряд дополнительных маркеров-примитивов. Таким образом, немецкие пространственные прилагательные характеризуются комбинацией выделенных признаков, ср. (Bierwisch 1967: 32):

lang:	(+Pol) [(1 Space) [*[(+Inherent)[(+Max)]]]]
kurz:	(–Pol) [(1 Space) [*[(+Inherent)[(+Max)]]]]
breit:	(+Pol) [(1 Space) [*[(+Second)]]]
schmal:	(–Pol) [(1 Space) [*[(+Second)]]]
hoch:	(+Pol) [(1 Space) [*[(+Vert)]]]
niedrig:	(–Pol) [(1 Space) [*[(+Vert)]]]
weit:	(+Pol) [(1 Space) [*[(–Inherent)]]]

Полный список маркеров, по М. Бирвишу, включает такой набор признаков, в которых, кроме (1 Dim), (2 Dim), (3 Dim), основная часть признаков имеет положительную либо отрицательную реализацию: (± Pol), (± Vert), (± Second), ± (Observer), (± Inherent), (± Main), (± Max), (± Round), (± Distance), (± Plain), (± Consistence), (± Density).

Маркеры (1 Dim), (2 Dim), (3 Dim) отсылают к размерности предметов, обозначаемых параметрическими прилагательными *lang* (длинный), *breit* (широкий), *hoch* (высокий). Так, атрибут *lang* (длинный) предполагает выделенность одной салиентной величины физического объекта (ср. *длинная доска*), а *breit* (широкий) апеллирует к двум линейным измерениям X-а (ср. *широкий шкаф*). Прилагательные, акцентирующие один, два или три физических параметра предмета, получают соответственно ярлык (*n Space*).

Помета 'полярность' (\pm Pol) реализует одно из двух полярных значений, встроенных в семантику соответствующего слова. Если большой полюс шкалы задается прилагательными *lang* (длинный), *breit* (широкий), *hoch* (высокий), то малый полюс шкалы представлен их антонимами *kurz* (короткий), *schmal* (узкий), *niedrig* (низкий) и т.д.

Характеристика 'вертикальность' (\pm Vert) присутствует в значении прилагательных *hoch* (высокий) и *niedrig* (низкий), получаемых помету (+ Vert). Отсутствие 'вертикальности' в семантике прилагательных *lang* (длинный) и *breit* (широкий) маркируется как ($-$ Vert). При этом, если искомая величина является вторичным, а не первичным, линейным измерением объекта, М. Бирвиш вводит дополнительное обозначение (\pm Second). Ср. *lang* ($-$ Second) vs. *breit* (+ Second).

Семантическая структура прилагательного включает маркер (+ Observ) в том случае, когда имеет место ориентация по наблюдателю, т.е. ось направления взгляда наблюдателя будет совпадать с осью расположения предмета. Важно отметить, что данный параметр характеризует не только пространственные прилагательные, как, например, *tief* (глубокий), но и другие части речи: *vorn* (вперед), *hinten* (сзади), *Rücken* (спина) и т.д.

Непосредственно с маркерами вертикальности и ориентации по наблюдателю сопряжено значение ($-$ Inherent), предполагающее, что направление основной оси расположения предмета не является его ингерентной физической характеристикой, а зависит от положения предмета в пространстве. Одновременно выбор определенного обозначения параметра предмета может оставаться неизменным, независимо от положения предмета в окружающей его среде. В этом случае вводится маркер (+ Inherent), подчеркивающий автономность данного параметра от других факторов, влияющих на выбор необходимого параметрического слова. Как следствие, наличие пометы (+ Inherent) в семантической структуре слова по умолчанию исключает

присутствие наблюдателя (+ Observ). Согласно логике М. Бирвиша, прилагательные *lang* (длинный) и *kurz* (короткий) содержат значение ингерентности, что в дальнейшем будет корректироваться другими исследователями семантики величины (см. работы Э. Ланга и Э. Спанг-Ханссена).

Маркер (\pm Main) необходим для различения главных и второстепенных пропорций предметов. В частности ($-$ Main) определяет семантику прилагательного *dick* (толстый), в то время как указатель (+ Main) релевантен для всех линейных обозначений имени *groß* (большой).

Максимальная величина объекта кодируется маркером (+ Max). Заметим, что далеко не каждый объект обладает подобной характеристикой. Существенно, что речь тут идет об ожидаемых пропорциях предметов, тем не менее вычленение максимальной величины X-а не всегда однозначно. Если обозначения *lang* (длинный) и *hoch* (высокий) идентифицируемы с максимальной по величине осью предметов (ср. *длинная доска*, *высокая башня*), то прочтение максимальной величины у таких предметов, как *палка*, будет зависеть от положения предмета в пространстве. Ясно, что *палка* в вертикальном положении будет *высокой*, в горизонтальном – *длинной*.

Предметы, имеющие круглую или шаровидную форму, получают отрицательный маркер ($-$ Max) и в то же время схематически кодируются как (+ Round). Этот маркер представлен в семантической структуре объектов, имеющих по крайней мере два измерения, и содержится, в частности, в пространственной матрице слов ряда *яблоко*, *колесо*, *кастрюля* и т.д.

Следующим семантическим примитивом, выделяемым М. Бирвишем, является маркер (\pm Plain), релевантный для пары немецких пространственных прилагательных *tief* (глубокий) и *flach* (мелкий, плоский). Многозначность немецкого *tief* позволяет рассматривать в его семантической структуре ряд примитивных компонентов, предсказывающих его сочетаемостное поведение. Так, пространственная характеристика *tief* включает маркеры: [(+Pol) [($-$ Plain)]] [(1 Space) [(+Observ)]]]. В отличие от *tief*, в семантике *flach* присутствует элемент [+ Plain], указывающий на то, что измерение, обозначаемое этим прилагательным, характеризует внутреннее пространство предмета. Именно поэтому *tief* и *flach* в немецком языке являются квазиантонимами, образуя антонимический ряд лишь по признаку (Plain).

Обозначение расстояния (\pm Distance) существенно для разграничения антонимических пар немецких прилагательных *weit* (далекий) и *nahe* (близкий) с одной стороны, ассоциируемых с одномерностью, и *weit* (широкий) и *eng* (узкий) с другой стороны, описывающих расстояние между границами объекта, т.е. в каком-то смысле индуцирующих ингерентность измеряемых величин.

Пометы (\pm Consistence) и (\pm Density) реализуются в непространственном значении немецкого *dick* (*густой* – в отличие от пространственного *толстый*) и его коррелята *dünn* (*жидкий* – в отличие от пространственного *тонкий*).

Несмотря на то, что концепция М. Бирвиша изначально была разработана для целей немецкого языка, выделяемый автором арсенал семантических пространственных примитивов, безусловно, представляет собой языковые универсалии, приложимые к анализу пространственных слов и других языков. Данная модель будет в дальнейшем уточнена и скорректирована Э. Лангом (см. следующую главу), а также станет отправной точкой споров вокруг семантического анализа пространственных единиц (ср. в частности модель толкования пространственных слов на естественном семантическом метаязыке в работах Wierzbicka 1972a: 100, Wierzbicka 1972b: 1626, Wierzbicka 2006b, Wierzbicka 2007).

2.2. Обозначение размера в системе Эвальда Ланга: трехуровневая система

Система обозначения размера, разработанная Эвальдом Лангом (Bierwisch & Lang 1987, 1989; Lang 1990a; Lang 1990b; Lang 1991; Lang, Carstensen & Simmons 1991), восходит к теории генеративной грамматики и изначально была направлена на воссоздание возможности генерирования правильных предложений с участием размерных имен и правильной их интерпретации. В своей последующей работе Э. Ланг (Lang 2001), привлекая наряду с материалом индоевропейских данные из других языков, в том числе азиатских, кавказских и финно-угорских, развивает универсальную семантико-типологическую модель пространственных параметрических имен (SDTs = spatial dimensional terms)⁵⁷.

Универсальность имен пространственных параметров, по Э. Лангу, заключается в ряде характеристик: (1). в описании таких пространственных параметров, как *высота*, *длина*, *ширина*, *глубина*, *толщина*, *размер*, *объем*, *расстояние*; (2). в образовании антонимических пар, а также (3). в широком участии параметрических имен в конструкциях измерения (Lang 2001: 1251). Кроме того, универсальным для типологического сопоставления оказывается сам процесс приписывания параметра, распадающийся на такие когнитивные операции, как сравнение, градация, измерение и их последующая концептуализация в языке.

Итак, в основе когнитивной модели приписывания параметра Э. Ланга лежит разделение на три уровня, существенных для процесса параметризации. Ср. Иллюстрацию 5.

⁵⁷ Концептуально предлагаемая Э. Лангом модель описания размера является продолжением теоретических основ, представленных в пионерской работе М. Бирвиша (Bierwisch 1967).

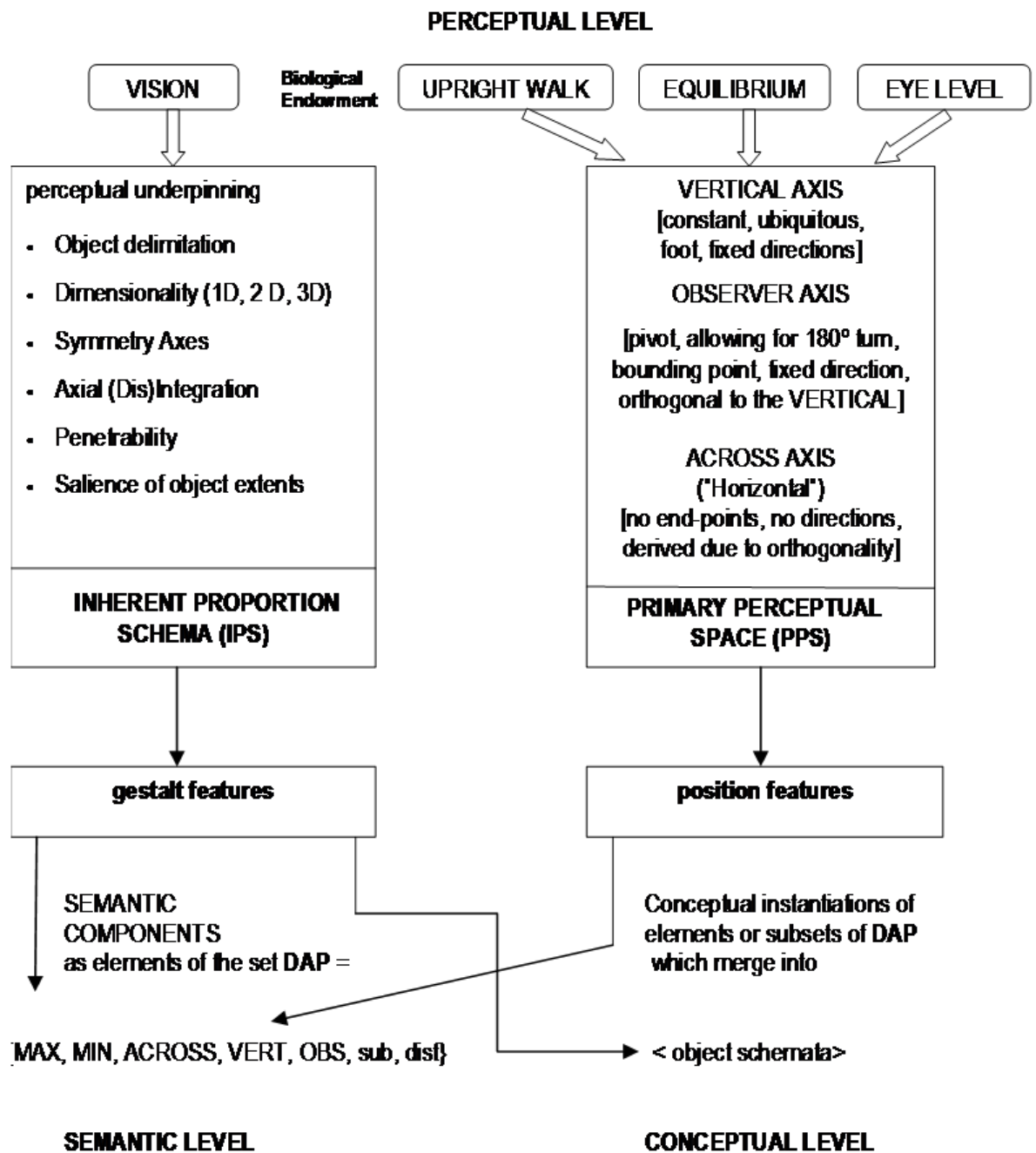

Иллюстрация 5. Когнитивные компоненты, участвующие в процессе приписывания параметра пространственным объектам (Lang 2001: 1253)

Уровень **восприятия**, или **перцепционный уровень** (perceptual level), первичен в том отношении, что человек изначально воспринимает стимулы внешнего мира, которые в

дальнейшем обрабатываются сенсорными системами организма (зрительной, акустической, вестибулярной и т.д.). Существенной для отражения человеком физических характеристик объектов становится, в первую очередь, система органов, отвечающих за равновесие, а также положение и ориентацию тела в пространстве.

На **концептуальном** уровне (conceptual level) происходит фильтрация информации, релевантной для нужд «наивной» физики пространства, в концептуальное знание.

На **семантическом** уровне (semantic level) информация, прошедшая через концептуальный фильтр, перекодируется в лексические единицы⁵⁸.

Поскольку для описания пространственных характеристик объектов первостепенную роль играет пространственно-наглядная форма (гештальт) воспринимаемых предметов и положение предметов в пространстве, то, следовательно, процесс приписывания параметра – результат взаимодействия двух понятийных структур, лежащих в основе человеческого восприятия действительности, – **первичное пространство восприятия (PPS: Primary Perceptual Space)** и **схема ингерентных (изначально присущих) пропорций (IPS: Inherent Proportion Schema)**.

Первичное пространство восприятия (PPS) характеризуется положением предметов в пространстве, а значит, основополагающими для его структуры будут три оси измерения – *вертикальная ось (Vert)*, *ось наблюдателя (Obs)* и *горизонтальная ось (Across)*.

Вертикальная ось (Vert) – ключевая ось в человеческой организации пространства, доминантность которой является следствием, с одной стороны, физического закона гравитации и, с другой стороны, определяется канонически заданным вертикальным положением человека. Вектор её протяженности симметричен или совпадает с вертикальной протяженностью человеческого тела и допускает аналогичное членение на 'верх' и 'низ'. Более того, первичность этой линии объясняется её

⁵⁸ Следует отметить, что далеко не все когнитивисты разделяют отстаиваемое Э. Лангом разграничение семантической формы и концептуального уровня (Bierwisch/Lang 1987, 1989; Lang 1991). Ср., в частности, противоположную позицию Джэкендоффа (Jackendoff 1983, 1990), согласно которой концептуальная и семантическая структуры представляют собой один и тот же уровень описания.

независимостью от других осей, участвующих в моделировании пространства, а также её повсеместностью и постоянством.

Ось наблюдателя (Obs) задается направлением взгляда реального или потенциального наблюдателя, имеет фиксированную исходную точку в пункте О, откуда берет начало направление взгляда наблюдателя, и способна к вращению на 180° по вертикали или горизонтали. Уже то, что наблюдатель представляет собой не фиксированный в пространстве предмет, а движущийся объект, говорит в пользу подвижности и непостоянства этой оси восприятия пространства.

В немаркированной позиции, задаваемой взглядом наблюдателя, смотрящего прямо перед собой, ось наблюдателя будет ортогональна вертикальной оси измерения. В остальных конфигурациях ось наблюдателя – симметрична вертикальной оси в одном или противоположном ей направлении. Ср. Илл. 6.

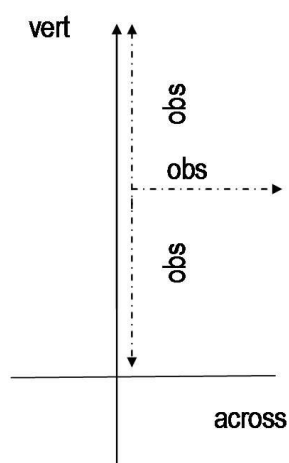

Иллюстрация 6. Ось наблюдателя в модели пространственных параметрических имён (Lang 2001)

Направление взгляда наблюдателя существенно и для описания такого параметра, как *глубина*, и, кроме того, эта ось играет немаловажную роль в *перспективизации* пространственных объектов, т.е. в определении их 'переда' и 'зада', а также в локализации положения объекта X относительно других объектов.

В отличие от первых двух осей измерения **горизонтальная ось** (Across) полностью подчинена первым двум. Именно поэтому она ненаправленна и не имеет

фиксированных конечных точек. С этим ярлыком не спаян ни один из параметров, и приписывание ярлыка ACROSS конкретному параметру объекта происходит по принципу «если не Q, то P» (stop gap). Эта ось будет горизонтальной при описании траектории направления, не совпадающего с вертикальной осью или взглядом наблюдателя. В ином случае она будет ортогональна оси, описывающей максимальную вовлеченную (MAX) либо не максимальную невовлеченную (SUB) протяженность предмета.

Схема ингерентных пропорций (IPS) также берет свое начало в визуальном восприятии и определяется следующими гештальт-чертами: зрительное выделение объекта из окружающей среды (object delimitation) и его разложение на линии, углы, плоскости и объемы; *n*-мерность объекта (наличие 1-го, 2-х, 3-х измерений); оси симметрии; выделенность (salience) и невыделенность осей⁵⁹; проницаемость объекта для взгляда наблюдателя (penetrability) и задействованность (незадействованность) осей измерения, иными словами – различение или выделяемость осей измерения по конкретным параметрам предмета⁶⁰.

В системе Э. Ланга решающая роль отводится ключевым параметрам, участвующим в процессе приписывания размера или параметризации (**DAP: Dimension Assignment Parameters**)⁶¹, на основе которых возможно типологическое сопоставление имен пространственных параметров в разных языках. Искомые параметры составляют арсенал пространственных характеристик, задаваемых двумя структурными уровнями IPS и PPS, и имеют два уровня представления: концептуальные конкретизации пространственных параметров (max, vert, obs, across, min) и части лексического значения, или семантические компоненты пространственно-параметрических слов (MAX, VERT, OBS, ACROSS, MIN)⁶². В семантическом плане данные параметры представляют собой сложные теоретические конструкторы, отражающие процессы градации и квантификации, формат которых не будет являться предметом рассмотрения в этой главе. Остановимся

⁵⁹ Так, например, прилагательное *высокий* маркирует выделенность вертикальной оси объекта X.

⁶⁰ Примером разной степени вовлеченности (axial integration) осей измерения может послужить *куб*, во внутренней структуре которого задействованы все три оси измерения. Две оси измерения представлены в геометрической фигуре *квадрат* и лишь одна ось – в *линии*.

⁶¹ Э. Ланг так определяет эти параметры: “DAPs are the stuff which the lexical meanings of SDTs are made of” (Lang 2001: 1254).

⁶² В системе Э. Ланга различение обозначений между этими двумя видами представления пространственных параметров проводится на основе шрифта: маленькими буквами обозначаются концептуальные реализации параметров, а прописными – части лексического значения пространственно-параметрических имен и обозначений.

лишь на тех основных пространственных значениях, которые кодируются выделяемыми в данной модели параметрами:

MAX: Этот параметр ассоциируется с максимальной протяженностью объекта X, при условии, что таковая имеется. У одномерных объектов с одной осью протяженность по этой оси будет одновременно максимальной (ср. *линия*).

VERT: Ярлык VERT приписывается той протяженности объекта X, которая совпадает с вертикальной осью первичного пространства восприятия.

OBS: Обозначение OBS сопряжено с тем измерением объекта X, которое совпадает с направлением взгляда реального или воображаемого наблюдателя (observer).

ACROSS: Данная характеристика семантически «склеена» с той протяженностью объекта X, которая является ортогональной MAX, VERT или OBS.

MIN: Помета MIN присваивается наименьшей протяженности трехмерного объекта X, не описываемого параметрами MAX или ACROSS.

Помимо пяти вышеобозначенных, Э. Ланг выделяет еще ряд параметров, существенных для семантически релевантных гештальт-характеристик объектов, а именно SUB и DIST.

Параметр SUB (substance) описывает немаксимальную невовлеченную протяженность объекта X и/ли поперечник плоскости, формируемой двумя немаксимальными осями измерения. В отличие от других параметров, маркер SUB мотивирован не только визуальным стимулом, но и связан с вещественно-материальной структурой объекта. Этот параметр является ключевым для параметрических имен *толстый – тонкий*⁶³. Так, к примеру, толщина слоев (*мех, травяной покров, ледяной покров*), не имеющих четких границ, функциональна именно благодаря вещественной характеристике, общей для описываемого ряда объектов, а именно их непроницаемости

⁶³ Критика Э. Ланга в статье Х. Вейдта и Б. Шлибен-Ланге (Weydt / Schlieben-Lange 1998) по поводу причисления таких обозначений, как *толстый – тонкий* к параметрическим прилагательным опирается на данные из других языков. Ср.: „Limiter l'analyse de *dick* à la signification spatiale, comme le fait Bierwisch, est une entreprise vouée à l'échec parce qu'une telle signification n'existe pas” (Weydt 1972: 63; цит. по: Weydt / Schlieben-Lange 1995: 734).

для внешних влияний, будь то свет, ветер, влага, тепло/холод и т.д. (Lang 1987: 384-386). Для другого таксономического класса объектов – трехмерных предметов – параметр SUB описывает самую невыделенную протяженность объекта и является релевантным с точки зрения прочности, консистенции и устойчивости объекта (ср. такие объекты, как *стена*, *ковер*, *дверь*, *стекло* и т.д.).

Параметрический маркер DIST (distance) значим для той оси объекта X, которая обозначает внутренние габариты объекта или расстояние между его конечными точками, за исключением всех внутренних точек, лежащих на этой оси (ср. прилагательные *широкий* – *узкий*). К объектам, маркируемым данным параметром, относятся преимущественно полые предметы с входным отверстием или объекты, полученные в результате очерчивания отверстий внутри других объектов (*туннель*, *оконный проём* и т.д.)

Характеристика SIZE задействована в параметрических описаниях, представленных парой *большой* – *маленький*⁶⁴. В категорию объектов, маркируемых данным ярлыком, входят как пространственные, так и абстрактные объекты. Напомним, что Э. Ланг причисляет вышеназванную пару к обозначениям пространственных параметров с оговоркой на то, что эти выражения далеко не всегда удовлетворяют критериям, представленным в Главе 1.1. «К терминологии: Имена пространственных параметров».

На основе имеющегося набора параметров семантическая форма немецких пространственно-параметрических обозначений представлена в теории Э. Ланга в следующем виде^{65 66} (Lang 1991: 27):

⁶⁴ Подробнее о семантике немецких прилагательных *gross* – *klein* см. (Lang 1987: 422-445).

⁶⁵ Ср. расшифровку обозначений данной схемы у Э. Ланга: „QUANT is a semantic prime for a scaling operation which assigns a scale value composed of *v* and *c* to some spatial object *x* with regard to a dimension *d*. [...] The component '±' is responsible for the polar organization of DAdjs” (Lang 1991: 25).

⁶⁶ Отдельно вынесенный ярлык FLACH Э. Ланг объясняет тем, что немецкое прилагательное *flach* не является лексическим антонимом к *tief* и не имеет статус пространственных параметрических имен. Автор приписывает *flach* к ряду прилагательных формы, которое в зависимости от контекста может выступать антонимом к *hoch*, *tief* или *steil*.

[[QUANT MAX x]	= [v ± c]]	- lang - kurz
[[QUANT ACROSS d' x]	= [v ± c]]	- breit - schmal
[[QUANT SUB x]	= [v ± c]]	- dick - dünn
[[QUANT DIST x]	= [v ± c]]	- weit - eng
[[QUANT VERT x]	= [v ± c]]	- hoch- niedrig
[[QUANT OBS x]	= [v + c]]	- tief

Из пяти основных параметров, играющих роль в определении размера, MAX и MIN реализуют гештальт-характеристики объекта, т.е. относятся к схеме ингерентных пропорций (IPS), в то время как VERT и OBS закреплены за параметрами, указывающими на положение объекта в пространстве. Иначе ведет себя параметр ACROSS, задействованный как в схеме ингерентных пропорций (IPS), так и в первичном пространстве восприятия (PPS). В схеме ингерентных пропорций (IPS) ACROSS дополняет параметры MAX и MIN, характеризуя величину, не идентифицируемую с вышеназванными (ср. *широкий тротуар*). В первичном пространстве восприятия (PPS) ACROSS совпадает с горизонтальной осью, не совпадающей с VERT и OBS (ср. *широкая река*).

Как показывает типологическое исследование Э. Ланга, идентификация параметра ACROSS представляет наиболее наглядный случай языкового варьирования. Если в английском языке предложение *The board is 50 cm wide* в референциальном плане допускает двоякое толкование, при условии что определение величины, ортогональной ACROSS, не устанавливается контекстом⁶⁷, то в мандаринском ярлык ACROSS связан только с пропорцией объектов, и позиция наблюдателя не является существенной для выбора соответствующего параметрического слова. В корейском языке, напротив, выбор параметрического слова, реализующего параметр ACROSS, полностью закреплен за

⁶⁷ То же действительно и для русского языка. Из предложения *Доска 50 см в ширину / шириной* не ясно, какая сторона доски закреплена за *шириной*. Безусловно, решающую роль в выборе кандидата на идентифицируемую величину играет позиция наблюдателя.

направлением взгляда наблюдателя и реализуется словесно двумя разными лексемами, находящимися в отношениях дополнительной дистрибуции (Ср. кор.: *kalo* vs. *selo*⁶⁸).

Таким образом, относительная природа параметра ACROSS выводится из трех стратегий параметризации, выделяемых в типологически разных языках. В соответствии с характерной для искомого языка стратегии описания перпендикулярных параметров, языки могут подразделяться на языки, ориентированные по пропорции (**proportion-based**), и языки, ориентированные по наблюдателю (**observer-based**). Кроме того, можно выделить смешанный тип, в котором наблюдаются обе стратегии обозначения размера (Lang 2001: 1260-1261).

Концептуальная сочетаемость параметров в модели Э. Ланга соотносится с двумя основополагающими для когнитивного процесса параметризации планами: схемой ингерентных пропорций (IPS) и первичным пространством восприятия (PPS). В соответствии с этим разработанная Э. Лангом модель представляет размерные характеристики каждого предмета в виде комбинации различных параметров, ограничения на сочетаемость которых накладываются рядом факторов. В объектной схеме (object schema) предмета семантически возможны следующие сочетаемостные типы параметров⁶⁹:

Max Vert, Min Vert, Across
Vert
Max Obs, Min Obs, Across

Второй элемент комбинации в парах параметров указывает на дальнейшую обусловленность первого параметра. Так, объектная схема предметов, описываемых прилагательным *высокий* (ср. *башня, дерево*), содержит описание Max | Vert, где первый параметр Max (максимальная протяженность объекта) конкретизируется вторым элементом – Vert (совпадение с вертикальной осью). Совпадение вертикальной оси с

⁶⁸ Д. Зубин и С. Чой так описывают употребление корейских пространственных обозначений *kalo* и *selo*: „the spatial terms *kalo* and *selo* [...] pick out the edges of a surface which are *across* and *in line with* the observer's visual field, respectively, with no regard for the relative extension of these edges“ (Zubin & Choi 1984: 337; цит. по: Lang 2001: 1259).

⁶⁹ Каталог разных таксономических классов объектов и возможные комбинации описания их параметров с участием рассматриваемых ярлыков см. в (Lang 2001: 1256).

максимальной протяженностью предмета в данном случае объясняется **канонической** ориентацией предметов с подобными параметрическими характеристиками в пространстве, которая предполагает единственное "нормальное" положение объекта в окружающей его среде (ср. *шкаф, башня, бутылка*). Безусловно, можно представить себе данные объекты в перевернутом положении, но тогда их позиция будет считаться маркированной (*перевернутый стол, бутылка на боку* и т.д.).

Объекты **фиксированной** ориентации обнаруживают ось, полностью совпадающую с вертикальной осью первичного пространства восприятия, включая общую исходную точку. Как правило, к этому категориальному ряду относятся неподвижные природные и материальные объекты, прилегающие к поверхности земли и направленные вверх; ср. *гора, холм* vs. *набережная, крепостной вал*.

Ряд объектов обладает **ингерентной** (изначально присущей им) ориентацией, при которой *X* может занимать любое положение в пространстве (ср. *книга, коробка, фотография*). Такому объекту присущи собственные внутренние оси измерения, проходящие вдоль протяженности предмета сверху вниз, не обязательно совпадающие с вертикальностью. При этом выбор параметрического слова будет меняться в зависимости от положения объекта: *длина* доски, лежащей на плоскости, превращается в ее *высоту* в вертикальном положении.

Объекты типа *кирпич* не обладают ориентацией по положению, так как обозначение их конкретных параметров (*длина, ширина, высота* и т.д.) остается неизменным независимо от положения объекта в пространстве.

Следует отметить, что устойчивые комбинации параметров характерны для объектов канонической ориентации, в то время как объекты, таковой не имеющие, получают параметрический индекс в процессе **контекстной спецификации**, т.е. приобретают ориентацию благодаря контексту. Так, *длинная жердь (pole)* превращается в *высокую жердь* при изменении её положения в пространстве, из чего следует, что значение вертикальности выявляется тогда только из контекста. Однако в прототипической ситуации свойство вертикальности закреплено за объектами, имеющими каноническую ориентацию в пространстве.

Следующим важным критерием, влияющим на набор параметрических ярлыков, определяющих размерные качества объекта, и напрямую связанным с ориентацией,

является **перспективизация**, задаваемая направлением взгляда наблюдателя, его перспективой. Как и в случае с ориентацией, Э. Ланг выделяет объекты с неизменной или канонической перспективизацией, с ингерентной перспективизацией и объекты, не имеющие точных указаний с точки зрения их перспективизации. В отличие от ориентации не существует объектов с фиксированной перспективизацией в пространстве, иначе бы это означало «смерть» наблюдателя.

Другое дело – **каноническая** перспективизация объекта, при которой возможны три сценария. При первом сценарии, называемом также вариантом по умолчанию, взгляд наблюдателя направлен вперед, образуя линию, ортогональную канонической вертикальной оси ($\text{Vert} \perp \text{Obs}$). Примером в этом случае могут послужить предметы, глубина которых простирается вперед, симметрично направлению взгляда наблюдателя прямо перед собой. Так, объектная схема концепта *шкаф* включает комбинацию параметров *vert*, *across*, *obs*, описывающих все три измерения объекта. Второй случай канонической перспективизации объекта предполагает наличие оси, ассоциируемой с глубиной X-а и простирающейся на 180° от вертикальной оси, т.е. в обратном ей направлении ($\text{Vert} \updownarrow \text{Obs}$). Этот вид перспективы наглядно представлен объектами, такими как *канава*, *колодец*, *река*. Возможен и третий тип перспективизации, при котором взгляд наблюдателя не только симметричен вертикальной оси, но и имеет с ней одно направление ($\text{Vert} \uparrow \text{Obs}$) – в концептуальном смысле малорелевантный вариант (см. Lang 1987, 1989).

Тем самым, каноническая перспективизация тесно связана с представлением о глубине объектов и концептуализируется в размерном прилагательном *глубокий*.

Ингерентная перспективизация проецирует на оси объекта X свойства осей первичного пространства восприятия независимо от положения объекта в пространстве. Что касается ингерентной *глубины*, то она приписывается неподвижным полым объектам (*дыра*) либо подвижным объектам с внутренней полостью (*чашки*, *кружки*, *бутылки* и т.д.). Поскольку любая полость воспринимается как отсутствующая, но неотъемлемая часть предмета, то ей не свойственно самостоятельно менять свое положение в пространстве.

Понятие перспективизации тесно переплетается с различением ориентации по внутреннему (*intrinsic*) и внешнему ориентиру (*non-intrinsic*). Так, предметы канонической

или ингерентной ориентации локализуются в пространстве по их внутренним ориентирам, в то время как ссылка на предметы, не имеющие указаний на способ их перспективизации, осуществляется с помощью дейктических ориентиров.

Концептуальная структура объектов в модели Э. Ланга представлена в форме матрицы объектной схемы предмета, содержащей указания на определяющие свойства данного пространственного класса объектов. На основе таких признаков, как *n*-мерность объектов (*a*, *a b*, *a b c*), связность осей измерения и разная степень их задействованности⁷⁰, Э. Ланг выделяет семь типов объектов, объектные схемы которых представляют следующие возможные комбинации оценок⁷¹ (ср. Lang *et al.* 1991: 62-63):

I	II	III	IV	V	VI	VII
<a>	<a b>	<(a b)>	<a b c>	<a (b c)>	<(a b) c>	<(a b c)>
max	max across	dist	max vert sub	max dist vert	diam f-vert	diam
линия	тротуар	дыра	стена	бутылка	холм	мяч
	vert across	diam	vert across i-obs	vert dist obs	dist vert	
	дверь	круг	ниша	колодец	кастрюля	
			i-vert ø sub		dist vert obs	
			книга		нора	

Таблица 4. Концептуальная структура семи типов объектов в модели Э. Ланга (Lang *et al.* 1991: 62-63)

Комбинация элементов, из которых складываются объектные схемы предметов, подчиняется определенным правилам сочетаемости⁷² (подробнее см. Bierwisch/Lang 1987, 1989). Не останавливаясь подробно на них, обратим внимание на другое важное следствие сочетаемости параметров, касающееся реализации пространственных характеристик предметов на лексическом уровне. Концептуальная сочетаемость

⁷⁰ Связность осей измерения представлена в объектной схеме угловыми скобками, а их задействованность – круглыми скобками. Интегрированным в круглых скобках осям соответствует один параметр на концептуальном уровне либо одна оценка на уровне семантической формы.

⁷¹ Обозначение *vert* прочитывается как каноническая ориентация объекта, *i-vert* – ингерентная ориентация и *f-vert* – фиксированная ориентация (ср. холм). Перспективизация маркируется знаками *obs* (каноническая перспективизация) и *i-obs* (ингерентная перспективизация) (ср. ниша).

⁷² Ряд сочетаемостных ограничений касается не только комбинации, но и последовательности расположения элементов в объектной схеме. Так, ярлыки *max*, *sub*, *dist*, *ø* всегда следуют в начале объектной схемы, а указания *sub*, *across*, *obs* – в конце. Если объектная схема уже содержит указание на *obs*, то в ней не может присутствовать параметр *sub* и наоборот.

параметров, как подчеркивает Э. Ланг, предсказывает сочетаемое поведение лексем на поверхностном уровне: «What is more, the list of admissible combinations [...] is also the conceptual basis from which possible semantic encodings of Dimension Assignment Parameters at the lexical level can be predicted» (Lang 1991: 60). Соотнесение параметрических имен с конкретными предметами происходит на основе трех возможных операций наложения искомых параметров на объектные схемы предметов: *идентификации, спецификации и деспецификации*.

Идентификация обозначает полное соответствие параметра P, обозначаемого прописными буквами (MAX, SUB, DIST, VERT, OBS, ACROSS), его оценке p, кодируемой строчными max, sub, dist, vert, obs. Так, например, оценка vert в схеме объекта *башня* (max, sub, vert) соответствует параметру VERT прилагательного *высокий*.

Спецификация, или уточнение, в отличие от идентификации, предполагает приписывание определенному параметру Q неравнозначной ему оценки p, что имеет место, в частности, при контекстном описании размера. В сочетании *высокая жердь* оценка vert, закрепленная за параметром *высокий*, уточняет элемент max в объектной схеме *жерди* (max, sub) – предмете, вертикальная протяженность которого задается лишь контекстом, но не априори.

Деспецификация – операция, обратная спецификации. Именно ею объясняются определенные импликации (entailments), порождаемые предложениями типа *the pole is 3m high*, которое в свою очередь имплицирует *the pole is 3m long*, в то время как из *the wall is 3m high* не вытекает *the wall is 3m long*. Таким образом, деспецификация предусматривает внеконтекстное прочтение характеристик объекта, его изначальные параметрические описания.

Подводя итоги, обозначим место модели Ланга в ряду различных теорий описания пространственного знания, а также её основные преимущества и недостатки. Как подчеркивает Э. Ланг, в центре его (изначально) двухуровневого подхода к описанию пространственных характеристик объектов находятся сам объект и оси его измерения, а само пространственное знание представлено в виде первичного пространства восприятия, состоящего из ряда релевантных осей координат.

Акцент на объект и его геометрические свойства ставит концепцию Э. Ланга по другую сторону баррикад от антропоцентричных теорий представления ориентации в

пространстве, ставящих во главу угла человеческий фактор (роль наблюдателя) и ситуативность. Сюда, в частности, относятся модели локализации объектов в пространстве, предложенные А. Херсковиц (Herskovits 1986: 156 и далее), а также другие направления в рамках теории семантики прототипов (Vandeloise 1986, 2004; Langacker 1987, Lakoff 1987, 1988) и теории «позиционирования» (MacLaury 1995, 1997, 2002).

Безусловно, формальный метод Э. Ланга выявляет ряд бесценных преимуществ многоуровневого подхода к описанию размера. Сюда, прежде всего, следует отнести типологическую релевантность и универсальность разработанных Э. Лангом «подручных средств» анализа параметрических имен, а также применимость данной теории к анализу пространственных наречий, предикативных слов и предлогов (ср. Lang 1993).

Тем не менее, синтетическое генерирование сочетаемости в параметрике возвращает нас к извечному «камню преткновения» в лингвистике, а именно оторванности подобного подхода от прагматики. Существенной корректировки требует комбинация параметров объектов, при которой не учитывается такой важный фактор, как их функциональность для человека, ведь далеко не всякая искусственно моделируемая сочетаемость параметров будет действительно отражать их языковое поведение.

2.3. Трехмерная модель зрительного восприятия пространства, или 3 D model.

Аналогичную модель описания предметов в пространстве, опирающуюся на геометрические свойства физических объектов, представляют, в частности, когнитивисты Б. Ландау и Р. Джэкендофф (Landau & Jackendoff 1993; Jackendoff 1996). Примыкая к традиции компонентного⁷³ подхода к представлению формы объектов в языке (Biederman 1987, Lowe 1985, Marr 1982, Marr & Vaina 1982 и др.), Б. Ландау и Р. Джэкендофф корректируют данные направления, выделяя, помимо представления сложного объекта в виде совокупности простых объектов – обобщенных конусов, или геонов⁷⁴, также другие релевантные пространственные классы физических объектов. Тем самым авторы расширяют ряд используемых в компонентном подходе пространственных примитивов (volumetric primitives), включая в арсенал исходных форм-объемов также формы-поверхности, «отрицательные» части объектов и контейнеры⁷⁵.

Геометрический класс *поверхности* применим к двумерным объектам (*квадрат, круг, овал* и т.д.) или объектам, визуализируемым как двумерные, где третья величина – *толщина* – зачастую редуцируется в их схематичном представлении (ср. *озеро*), а также к обозначениям «утолщенных поверхностей» (*пластина, слой, плёнка, наложение*). Как замечают Б. Ландау и Р. Джэкендофф, различие геометрических форм-объемов и форм-поверхностей становится значимым при сочетании этих двух типов объектов с размерным прилагательным *большой*. В сочетании *большой квадрат* увеличение размера предмета происходит по двум измерениям, в то время как размер трехмерных

⁷³ Представляется более логичным заменить термин «компонентный анализ» (componential analysis) в употреблении американских когнитивистов на «фрагментарный анализ», дабы не путать два разных способа описания формы. Традиционный компонентный анализ (см. далее раздел о теории М. Бирвиша) строится на семантических пометах, приписываемых объектам: [± длинный], [± высокий] и т. д. Фрагментарный анализ, напротив, направлен на «разбиение» сложного объекта на узнаваемые геометрические примитивы.

⁷⁴ Согласно теории восприятия образа, предложенной И. Бидерманом (recognition by components; Biederman 1987), распознавание формы объекта человеком сводится к идентификации его простейших составляющих. Другими словами, любой предмет состоит из ряда элементарных геометрических форм – геонов (geons: geometrical ions). И. Бидерман выделяет 36 трехмерных геонов, включающих такие формы, как *цилиндры, конусы, сферы, пирамиды, кубы, арки* и т.д.

⁷⁵ Более расширенный арсенал топологических форм объектов находим у Л. Талми – основоположника топологической теории пространства в лингвистике (Talmy 1983, 2000).

объектов увеличивается по всем трем измерениям (Landau & Jackendoff 1993: 222). Ср. Иллюстрацию 7.

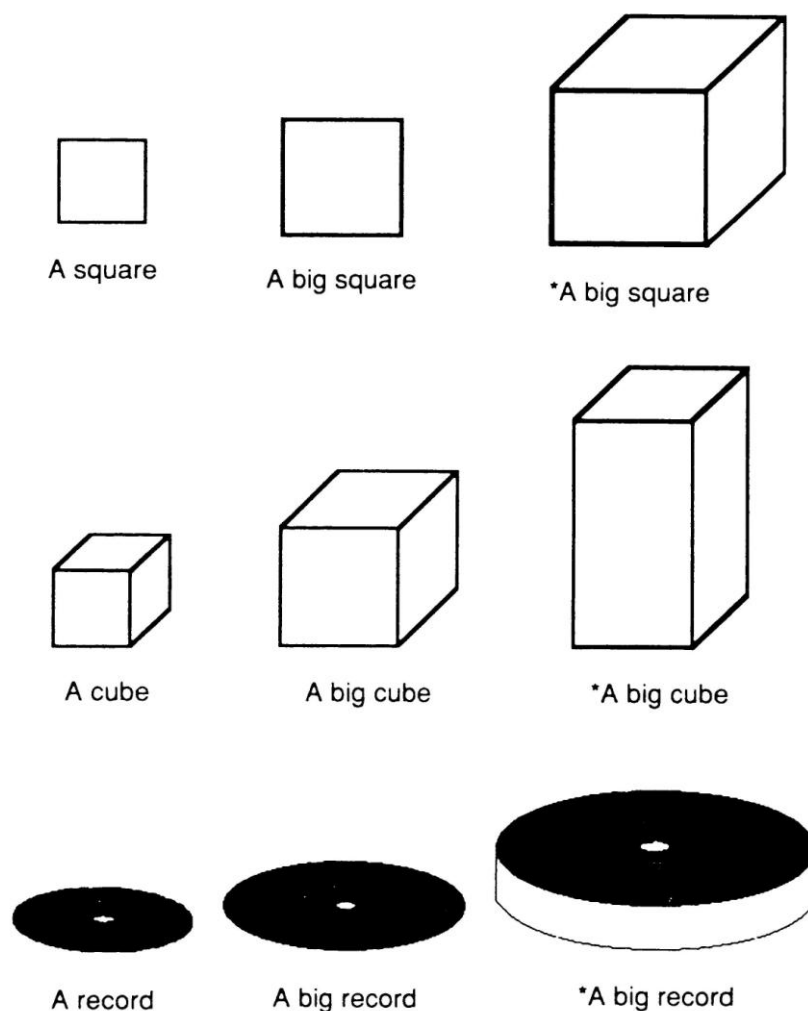

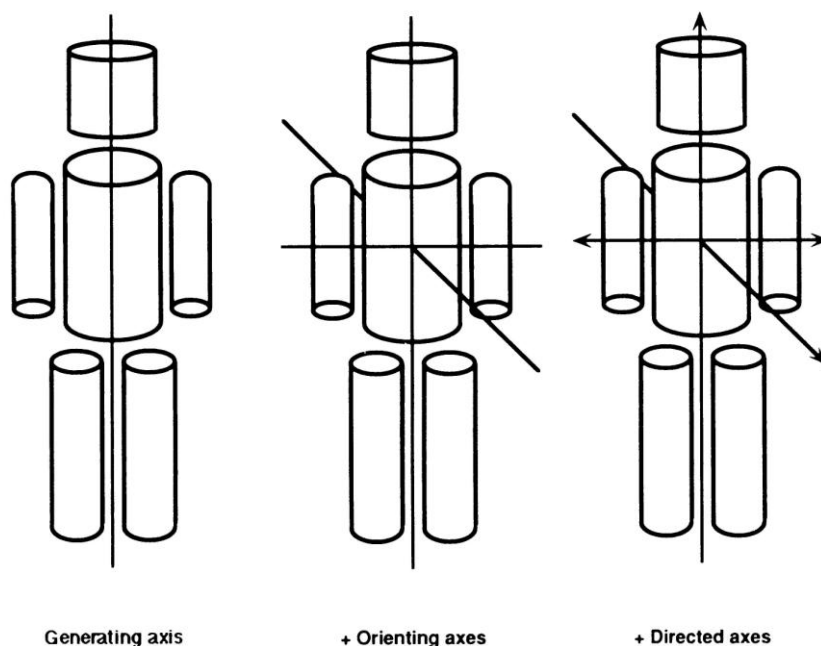
Иллюстрация 7. Увеличение размера n -мерных предметов (Landau & Jackendoff 1993: 222)

«Отрицательные» части объектов (Hoffman & Richards 1984; Herskovits 1986) характеризуются 'отсутствием субстанции' и относятся к таким частям объектов, которые концептуализируются как недостающие, вынутые части X -а (ср. *впадина*, *выбоина*, *дыра*, *полость*, *вмятина*). Любопытным при этом будет распределение сочетаемости с прилагательными размера в случае «отрицательных» и «положительных» частей объекта: своеобразным аналогом *высоты* «положительных» надбавок предметов будет *глубина* их «отрицательных» частей (*высокий гребень* vs. *глубокая канава*); то же

относится к распределению прилагательных *низкий* и *мелкий* (*низкий фонтан воды* vs. *мелкий колодец*).

Контейнеры, как выясняется, представляют собой довольно многочисленный класс предметов. Объекты типа *кружка*, *коробка*, *чашка* и т.д. вряд ли могут быть схематично представлены на основе выделяемых форм-прототипов, таких как *объемы* или *поверхности*. Главная функциональная черта контейнеров – вмещать в себе другие объекты – четко закреплена в языке, что, по-видимому, отличает их от других видов неполых или сплошных объектов (Marr 1982).

В анализируемой модели (ср. также Biederman 1987, Marr & Nishihara 1978) каждый геометрический класс объектов допускает членимость на три основных типа осей координат: *образующую ось*, или *ось-остов* (generating axis), *ориентирующие оси* (orienting axes) и *направленные оси* (directed axes) (Marr 1982, Biederman 1987). Центральной осью объекта является его основная образующая ось. Для человека это – ось вертикальная, сводящая искомый объект к обобщающему конусу, центр которого представлен человеческим торсом. Ориентирующие оси – ортогональны образующей оси и друг другу, а, кроме того, задают радиальную ориентацию объекта в пространстве. Ср. Иллюстрацию 8.

Илл. 8. Три типа осей, задающих ориентацию объекта в пространстве (Landau & Jackendoff 1993: 221)

Именно ориентирующие оси задают каркас для внутреннего деления объекта на 'перед' и 'зад', а также для идентификации его боковых сторон. Ось получает направление, или становится направленной, если четко выраженное обозначение ее концов является основой для поперечного и продольного деления объекта. При этом как образующая, так и ориентирующая ось могут задавать симметрию внутренних частей объекта ('верх' – 'низ', 'перед' – 'зад', 'левый бок/сторона' – 'правый бок/сторона'). В случае человеческого тела основная образующая ось является одновременно симметричной осью, так как симметрия – одна из отличительных черт человеческого тела. Очевидно, что далеко не всем объектам окружающего мира присуща внутренняя симметрия частей или четко выраженная ориентированность в пространстве. Ср., например, такой предмет, как *стрела*, имеющая направленную образующую ось, но не имеющая четко заданной ориентации в пространстве. В отличие от *стрелы*, человеческая *рука* ориентирована в пространстве по своей главной, образующей оси 'кисть → пальцы', а также по направлениям двух других ориентирующих осей: 'тыльная сторона ладони' → 'ладонь' и 'мизинец' → 'большой палец' (Marx 1982).

Безусловно, привлечение геометрических характеристик объектов в анализе структуры пространства позволяет выявить аспекты, существенные в употреблении параметрических слов. Несомненным преимуществом фрагментарного анализа формы предметов является соединение лингвистической информации и экстралингвистических данных, в частности, знания психологии о когнитивной организации пространства и ее представления в языке. Однако тезис Б. Ландау и Р. Джэкендоффа (Jackendoff & Landau 1991; Landau & Jackendoff 1993) о том, что язык «фильтрует» объектные описания, намного их упрощая, отражает лишь малую толику всех физических пространственных отношений и требует более тщательной проверки. Их позиция основывается исключительно на том, что в естественных языках наблюдается следующая асимметрия: существует множество словесных выражений, описывающих физические объекты (система «что»), и относительно мало пространственных предлогов, регулирующих отношения между физическими объектами (система «где»)⁷⁶. Как мы сможем убедиться, пространственные отношения представлены на словесном уровне не только пространственными предлогами⁷⁷, но и рядом других средств: пространственными словами (существительными, прилагательными и, в том числе, глаголами состояния и движения), а также пространственными конструкциями. Более того, пространственные отношения – статичная категория, не столь легко поддающаяся исчислению, в отличие от многочисленного и постоянно пополняющегося класса окружающих нас объектов.

В этом же ряду работ, посвященных распознаванию визуальной информации мозгом человека, следует назвать метод Анны Гой (Goy 2002). Анализируя итальянские пространственные прилагательных *alto* (высокий) и *basso* (низкий), А. Гой совмещает подходы когнитивиста Р. Джэкендоффа и трехмерную модель описания пространства Д. Марра, одного из основоположников визиологии. Более подробно на релевантных для нас результатах исследования А. Гой мы остановимся в разделе, посвященном корпусному портрету параметрической *высоты* в русском языке (Глава 4).

⁷⁶ Ср.: „According to the language design hypothesis, spatial representation can itself encode a rich range of spatial relations, making use of detailed properties of object shapes. Most of these are “invisible” to the language faculty, however, and therefore neutralized or leveled out in the translation into linguistic format” (Landau & Jackendoff 1993: 233).

⁷⁷ Важные замечания об ограниченном количестве предлогов в естественных языках приводятся также в (Плунгян/Рахилина 2000).

2.4. Форма и размер: топологический подход Е.В. Рахилиной

Подход Е.В. Рахилиной близок когнитивистским концепциям и топологической теории пространства. В результате анализа размерных прилагательных на основе связи формы и размера выделяются различные топологические типы объектов (Рахилина 1994, 1997а, 2000; Rachilina 1997). Лингвистическая топология, основоположником которой является Ленард Талми (Talmy 1983, 2000), отказывается от евклидовой геометрии формы, размера, угла, расстояния и под. и предлагает новую модель пространства, в основе построения которого лежат *схематизация* и *идеализация*. В его понимании, пространственные схемы объектов (ср. также Herskovits 1986, 1997), из которых и складывается языковое пространство, «абстрагируются» от физической формы и величины и редуцируют объект до его схематичного представления в виде точек, линий и плоскостей. Таким образом, конкретная форма, объем и величина предмета в пространственной системе языка утрачивают свое значение и проецируются в виде объектной схемы. Так, например, некоторые объекты могут сводиться лишь к одной выделенной величине (*карандаш*, *небоскреб* или *берег* концептуализируются в виде линии в сочетании с некоторыми пространственными предлогами, ср. *пароход полз вдоль берега*) или даже могут не иметь в языковой реализации определенных измерений (ср. **высокие лыжи*, **толстый шкаф*). Естественный язык, как оказывается, крайне избирательно подходит к измерительным словам. В этой связи нельзя не согласиться с замечанием Е.В. Рахилиной о том, что «в языке человек измеряет не отдельные предметы, а объект целиком» (Рахилина 2000: 349). Опираясь на понятие **топологического типа** (круглые, плоские, вытянутые, бесформенные и т.д. объекты), предложенного Л. Талми, автор сопоставляет «эталонную форму» предметов с их размерами и выводит из этого целый ряд соответствий, где «каждое прилагательное "измеряет" свой собственный тип объектов» (Рахилина 2000: 124). Ср. Таблицу 5:

Прилагательное размера	Тип объекта
ТОЛСТЫЙ	(1) «стержни» и «веревки» (<i>палка, канат</i>) (2) «пластины» (<i>доска, ковер</i>)
ВЫСОКИЙ	(1) вертикально вытянутые предметы «жесткой» конфигурации (<i>столб</i>) (2) поднятые над поверхностью «опоры» (<i>скамейка, ветка</i>)
ДЛИННЫЙ	(1) вытянутые предметы «жесткой» конфигурации (<i>доска, гвоздь</i>) (2) гибкие веревкообразные предметы (<i>волос</i>)
ШИРОКИЙ	(1) поверхности (<i>стол, доска</i>) (2) «бесконечные» пространства (<i>степь, поле</i>) (3) отверстия (<i>щель, нора</i>)
ГЛУБОКИЙ	(1) вещества (<i>снег, вода</i>) (2) емкости постоянной формы (<i>таз, озеро</i>) (3) объекты на глубине (<i>корни</i>)

Таблица 5. Распределение прилагательных размера по топологическим типам объектов (Рахилина 2000: 126)

Обратим внимание, что один и тот же объект может иллюстрировать разные топологические типы: *доска* относится к «пластинам», «поверхностям» и к вытянутым предметам «жесткой» конфигурации. Существенным в данном случае оказывается то, какова роль надлежащего предмета в жизни человека и в чем заключается его функциональная значимость. По замечанию автора, именно эти факторы, а также *антропоцентричность* и *субъективность* языка в целом регулируют сочетаемость предметных имен с прилагательными размера и величины, накладывая на нее ряд нетривиальных ограничений и запретов.

В данной работе топологический тип объекта в трактовке Е.В. Рахилиной будет служить одним из важных инструментов анализа и описания носителей параметрических признаков.

2.5. Алгоритм обозначения размера в теории Э. Спанг-Ханссена

По верному замечанию Э. Спанг-Ханссена, проблема выбора параметрического слова заключается в том, что измерение, в котором мы живем, – трехмерно, в то время как в нашем распоряжении имеется по крайней мере пять типов маркировки размера (*высота, длина, ширина, глубина, толщина*) (Spang-Hanssen 1991: 195). Предлагаемый Э. Спанг-Хансеном алгоритм описания параметров предмета имеет целью совместить ключевые для выбора параметрического обозначения факторы, такие как общие характеристики объекта и его положение в пространстве (Spang-Hanssen 1990). Важными для ссылки на измеряемые физические показатели X-а оказываются, по выдвигаемой автором теории, обозначения верхней части объекта (*haut*), а также его передней (*avant*) и фасадной частей (*façade*). Для объектов с канонической ориентацией, т.е. с привычной для данного типа объектов ориентацией, определение *верха* не представляет трудности как таковой (ср. *бутылка, ваза, настольная лампа*). То же относится к передней части объекта. Если передняя часть объекта достаточно легко устанавливается и нередко связана с направлением движения X-а (*машина, корабль, военная колонна*), то фасадная часть представляет собой сторону, направленную к наблюдателю и ассоциируемую с *шириной*. К четвертому типу обозначения относится маркировка *открытой* стороны объекта (*ouvert*), тесно связанная с параметром *глубина*, так как только располагаясь перед открытой стороной объекта, наблюдатель в состоянии заглянуть в его глубь.

Более проблематичным оказывается обозначение параметров предметов, не имеющих канонической ориентации в пространстве. Именно в этом случае автор предлагает использовать следующий алгоритм, который позволяет установить порядок приписывания параметров определенным сторонам предметов. Ср. (Spang-Hanssen 1990: 305-306):

Имеется ли канонический *верх*?

Если да, мысленно переверни объект так, чтобы его *верх* был верхом актуального образа объекта⁷⁸.

Имеется ли сторона, *открытая* по отношению к наблюдателю?

Если да, можно выбрать внутренний аспект; если нет, следует выбрать аспект внешний:

Аспект внутренний:

открытая часть → глубина

вертикальная часть ⇒ высота

фасад : = ширина

максимальная протяженность ⇒ длина

необозначенная часть ⇒ ширина

максимальная протяженность ⇒ длина

наибольшая из оставшихся ⇒ ширина

наибольшая из оставшихся ⇒ толщина

Аспект внешний:

3. минимальная протяженность ⇒ толщина

4. вертикальная часть ⇒ высота

5. перед → длина

6. фасад : = ширина

7. фасад → глубина

По данному алгоритму, протяженность объекта, идентифицируемую с обозначенной слева от символа стороной, кодирует параметр, находящийся справа от стрелки. Знак ⇒ указывает на обозначаемое заданной стрелкой измерение, а символ → используется для обозначения поверхности, перпендикулярной плоскости, обозначенной слева. Так, вертикальная протяженность объекта соответствует его *высоте*, а плоскость, перпендикулярная передней части объекта, будет его *длиной* (перед → длина). Напротив, сторона, перпендикулярная фасадной части X-а, реализуется как его *глубина* (фасад → глубина). Помета : = подразумевает, что указанные стороны принадлежат одной и той же плоскости (ср. фасад : = ширина).

Универсальность полученной схемы заключается в том, что она применима как к объектам с канонической ориентацией, так и к объектам, таковой не имеющим. Важной особенностью в предложенной Э. Спанг-Ханссеном модели является ее привязка канонических гештальт-характеристик объектов к их положению в пространстве. Именно в этом заключается значимое расхождение позиции Э. Ланга и позиции Э. Спанг-Ханссена.

⁷⁸ Помимо актуального способа представления объекта (*image actuelle*), существует и его идеальный образ (*image idéale*), такой, например, который существует в нашей памяти.

В частности, Э. Ланг отдельно оговаривает существование ингерентной длины объектов – параметра, не зависящего от положения объекта в пространстве, – у которых *длина* не обязательно может совпадать с максимальной протяженностью объекта в пространстве (ср. *двуспальная кровать, сеялка*), а обусловлена функциональностью предмета или его равенством на длину человеческого тела (Lang 1991: 50-51)⁷⁹. По утверждению же Э. Спанг-Ханссена, не существует размерных прилагательных, нейтральных к положению объекта в пространстве, ср.:

There is one very good reason why position-neutral properties do not exist, and that is that we live in a world in which the law of gravity is valid. Every human being makes the experience that physical objects are most likely to be found on one of their large sides, unless they have been fixed in some way. If you loose from a lorry a brick or a board, you are almost certain that they will be found lying, that is on one of their large sides. And the large sides are described by the *l e n g t h* and the *w i d t h* [...] Therefore the size based definitions of the dimensions are deeply rooted in human experience (Spang-Hanssen 1991: 199) (подчеркнуто мной – А.М.).

⁷⁹ В этом смысле Э. Ланг продолжает традицию М. Бирвиша, утверждавшего, что *длина* – ингерента (+ Inherent), иными словами, „no relation of a given axis to the environment of the object is involved“ (Bierwisch 1967: 17).

2.6. Геометрические примитивы в антропоцентрическом подходе А. Вежбицкой

Наиболее универсальный и в то же время максимально ориентированный на человека подход к описанию семантики пространственных отношений на материале английского языка предлагает Анна Вежбицкая (Wierzbicka 2006b, Wierzbicka 2007). Ее анализ направлен на разработку совокупного набора смысловых примитивов, позволяющего типологические сопоставления систем организации пространства в разных языках. Пользуясь арсеналом семантических примитивов в разработанном ею «естественном» семантическом метаязыке (NSM – natural semantic metalanguage – подробнее см. Wierzbicka 1972a, 1996; Goddard 1998; Goddard & Wierzbicka 2002), автор предлагает концептуально новую трактовку слов пространственного ряда на базе выделяемых ею геометрических примитивов и промежуточных концептов. В основе теории «естественного» семантического метаязыка лежит идея существования в естественных языках около 60 универсальных самодостаточных смысловых примитивов, или семантических атомов, сформулированных в ходе лингвотипологического сопоставления, комбинаторика которых позволяет выстроить так называемую универсальную грамматику (universal grammar).

Из общего числа примитивов в семантическом описании формы А. Вежбицкая выделяет следующие ключевые «геометрические примитивы», входящие в категорию ПРОСТРАНСТВО (SPACE) (Wierzbicka 2006b, Wierzbicka 2007):

PLACE (WHERE)	МЕСТО (ГДЕ)
FAR – NEAR	ДАЛЕКО – БЛИЗКО
ABOVE – BELOW	НАД – ПОД
ON [THIS, ONE, OTHER...] SIDE OF	НА ЭТОЙ, ОДНОЙ, ДРУГОЙ СТОРОНЕ
TOUCHING (CONTACT)	КАСАНИЕ (КОНТАКТ)

Концептуальные структуры слов могут значительно разниться по своей сложности. С одной стороны, как абстрактные (*любовь, зависть, угроза*), так и конкретные обозначения (*зонт, молоко, тигр*) допускают толкование посредством одних и тех же

семантических составляющих. С другой стороны, способ их толкования будет варьироваться: простые концепты легче разлагаются на простейшие смысловые атомы, чем более сложные конструкторы значения, требующие включения в толкование своеобразных мостиков – семантических молекул (Wierzbicka 2007).

Вместе с тем в семантике пространственных отношений немаловажную роль играют концепты, ассоциируемые с двумя главными актантами семантических пространственных отношений: КТО является наблюдателем и ЧТО он наблюдает. Существенно, что в естественном семантическом метаязыке прототипическая пространственная ситуация содержит ядра: SOMEONE (PERSON), SOMETHING (THING), PART, MOVE и SEE.

Следующим необходимым элементом, включаемым А. Вежбицкой в толкования, являются «промежуточные концепты» (см. Apresjan 2000), не претендующие на статус универсальных, однако представляющие собой важные звенья в межъязыковом сравнении концептов. В наивной геометрии такая роль отводится понятиям *верх (top)*, *низ (bottom)*, *концы (ends)*, *края (edges)* и *земля (the ground)*, входящим в состав толкований пространственной лексики.

Используя инструментарий естественного семантического языка, А. Вежбицкая предлагает принципиально новые толкования английских пространственных прилагательных *high (высокий) / low (низкий)*, *wide (широкий) / narrow (узкий)*, *deep (глубокий) / shallow (мелкий)*, вводя в их определения важные с ее точки зрения понятия потенциального *наблюдателя (onlooker)*, *делателя (doer)* и *пользователя (user)*. Именно человеческим фактором и определяется антропоцентрическая перспектива, прочитываемая в семантике пространственных обозначений. По А. Вежбицкой, антропоцентричность в семантике размера, формы и измерения характеризуется закрепленным в языке *телоцентричным (bodycentric)* и даже *эгоцентричным (egocentric)* видением мира.

Так, интерпретируя английское прилагательное *wide*, автор комментирует разные значения данного слова, подробно останавливаясь на смысле *телоцентричности*, реализуемом в таких сочетаниях, как *wide (narrow) chair (bed, sofa, mattress)* и пр. Сочетая рассматриваемое прилагательное с этим рядом слов, мы мысленно принимаем перспективу человека, сидящего на *стуле, кровати, диване* и пр., зрительно ассоциируя

боковые стороны предмета с боками человеческого тела, т.е. местом расположения рук. Ориентация на потенциального сидящего объясняет, почему в вышеупомянутых сочетаниях идентификация подразумеваемых сторон широкого предмета, расстояние между которыми измеряет *wide*, не представляет никаких трудностей. Выражения *широкий стул*, *кровать* или *диван* подразумевают достаточное расстояние между краями объекта, соответствующими тем сторонам, по которым расположены руки сидящего, а значит и подлокотники.

Иначе будет обстоять дело с сочетаниями типа *wide bench* (*широкая скамейка*), в которых описываемое измерение относится к расстоянию между передней и задней частью скамейки. Эту интерпретацию А. Вежбицкая объясняет тем, что *диваны*, в отличие от *скамеек*, прототипически имеют спинки и подлокотники, т.е. в каком-то смысле более приспособлены к их использованию человеком, а, следовательно, более наглядно ориентированны на пользователя, чем менее связанные с телоцентричной перспективой *скамейки*.

Как заключает автор, толкование искомых лексических единиц во многом будет зависеть от их сочетаемостного окружения. В зависимости от определяемого существительного толкование пространственного слова будет содержать прямое указание на наблюдателя или делателя (пользователя). Ср. следующее толкование:

a wide¹ chair (seat, bed, sofa, mattress) =

people can think about things of this kind like this:

“it is a kind of place

this place has edges [M]

a person’s body can be in this place

when a person’s body is in this place

one of the edges[M] is on the side of the body

where one of the person’s arms [M] is

another edge [M] is on the side of the body

where the other arm[M] is”

when someone sees this thing

if they think about other things of this kind at the same time

they can think about it like this:

“when a person’s body is in this place

the edge[M] on one side of the body is far from the edge[M] on the other side”

Как видим, непосредственное включение тела человека в экспликацию делает подобное толкование максимально телоцентричным. Как следствие, другие, менее ориентированные на человека смыслы (ср. *wide belt*) будут производными от изначальных, антропоориентированных употреблений, и их толкования принимают уже несколько другой вид (подробнее об этом см. Wierzbicka 2006b).

Необходимо заметить, что участие таких смысловых молекул, как *edge* (*край*) в толковании прилагательного *wide* носит опосредованный характер. Семантическая молекула *край*, не имеющая статуса семантического примитива, является так называемым промежуточным концептом, поддающимся дальнейшему смысловому разложению и получающим отдельное толкование, в зависимости от того, относится ли

это слово к предметным словам или к обозначениям места (*the edge of something* vs. *the edges of a place*), ср.:

the edge of something

a part of something

when someone sees this thing they can think about this part like this:

“this part is not like the other part of this thing

it is like something long[M]

on one side of this part there are other parts of the same thing

on the other side of this part there are no more parts of the same thing”

if a person’s hands touch this part this person can think the same

Привлекает к себе внимание акцент на семантическую молекулу *руки*⁸⁰ как необходимую часть концептуальной структуры. О важности человеческого познания мира 'через руки' свидетельствуют многие языковые явления. По выражению А. Вежбицкой, «Human hands mediate, to a large extent, between the world and the human mind» (Wierzbicka 2007: 51). С этой точки зрения, включение в толкование не только визуального (SEE), но и тактильного компонента TOUCH, не являющегося, по замечанию А. Вежбицкой, семантической универсалией, расщепляет понятие наблюдателя на более точные семантические роли – экспериенцера, «делателя», пользователя и т.д.

Безусловно, универсальность подобного телоцентричного подхода в интерпретации языковых значений требует проверки на лингвотипологической основе. Так, например, как замечает сама А. Вежбицкая, TOUCH (касание) не является семантической универсалией, несмотря на то, что во всех языках находятся выражения, соответствующие концепту КОНТАКТ или КАСАНИЕ (Wierzbicka 2007: 46).

Тем не менее, семантический анализ лексики пространственных отношений в русле представленной концепции еще раз показывает, что человеческое тело является

⁸⁰ Более подробно о значении *рук* в концептуализации мира см. (Wierzbicka 1985, Wierzbicka 2007).

отправной точкой отсчета в описании размера и соразмера, а антропоцентричная перспектива в языке не ограничивается понятием 'наблюдателя' и в целом пронизывает все пласты лексики. Ср.:

The meanings which I have discussed in this paper – as in *a high mountain, a deep lake, a wide road or a straight path* – all imply the perspective of a human viewer, experienter, or agent, usually located on "the ground" and looking at a place or doing something in a place. It is a profoundly human and anthropocentric way of looking at, and thinking about, the world in which we live. It hardly needs mentioning that before the scientific revolution (cf. Crosby 1997) it was the human body, and human bodily experience, which was the source of most measurements (cf. foot, yard [three feet; cf. yardstick], inch [one twelfth of a foot], cubit, an arm's length, a stone's throw, a day's journey, and so on); or that the decimal system is based on the ten fingers of the human hands (Wierzbicka 2006b: 167).

Этот и другие важные постулаты антропоцентричного подхода А. Вежбицкой будут не раз привлекаться в описании семантики пространственных отношений в русском языке, предложенном в практической части данной работы.

2.7. Теория прототипов в описании параметров

Теория прототипов американского психолингвиста Элеоноры Рош и ее коллег (Rosch 1975, 1978; Rosch & Mervis 1975) вызвала настоящий переворот в лингвистических кругах 1970-х, а мода «на» категоризацию в языковых описаниях появилась «всерьёз и надолго» (Lakoff 1987; Tsohatzidis 1990). В противовес классическому аристотелевскому представлению о категориях как неких абстрактных вместилищах, содержащих равноправные и сходные по своим характеристикам члены категории, теория прототипов выбирает другие оппозиции: частное vs. целое, центр vs. периферия. Согласно теории, любая семантическая категория представлена «прототипическими (центральными) и менее прототипическими («периферийными») членами категории. Типичный представитель, или прототип, находится в центре категории, менее же типичные «кандидаты» тяготеют к периферии. И те, и другие характеризуются наличием общих признаков и связаны между собой отношениями «семейного сходства» (family resemblance). Изучение прототипов началось с области цветообозначений в английском и папуасских языках и впоследствии развивалось на базе предметных категорий, таких как *фрукт, овощ, птица, мебель, чашка*⁸¹ и проч. Теория внутреннего устройства категорий в дальнейшем применялась за пределами предметных категорий, в исследовании типичности действий (Pulman 1983), свойств (Dirven & Taylor 1988), абстрактных понятий (Coleman & Kay 1981), социальных явлений и даже четных и нечетных чисел (Armstrong [et al.] 1983).

Прототипические эффекты прослеживаются и в области дименсивной лексики. Так, например, исследование прототипичности английского *tall* (Dirven & Taylor 1988) имело целью выявить «хороших» и «плохих» представителей концептуальной категории *tallness*, а также объяснить неравенство членов *high* и *tall* внутри данной категории. Посредством анкетирования носителей языка было установлено, что «лучшими» представителями концепта *высота* будут: *небоскреб, Эйфелева башня, многоэтажка*,

⁸¹ Ср. также экспериментальные исследования У. Лабова с *чашками, кружками, мисками и вазами* и понятие размытости границ между категориями (Labov 1973).

телеграфный столб и т.д. Хуже концепт *высота* представлен такими наименованиями, как *стол*, *пещера*, *волосы*, *младенец* и проч. Однако коллокационный анализ сочетаемости *tall* и *high* с существительными дал несколько другие результаты: далеко не все существительные, хорошо сочетающиеся с атрибутивным маркером *высоты*, одинаково хорошо репрезентируют центральность этого концепта. Примечательно, что *небоскреб*, в представлении носителей языка, безупречно иллюстрирует категорию *высота*. В то же время существует запрет на сочетаемость **tall skyscraper* (аналогично и для русского языка: **высокий небоскреб*), что, по всей видимости, объясняется тем, что в семантику этого обозначения высокого здания уже «встроен» признак *высоты*, а, следовательно, приписывание дополнительного ярлыка *высокий* будет в этом случае излишним. Обратную ситуацию иллюстрирует расхождение между высоким рейтингом коллокации *tall grass* ('высокая трава') и периферийным статусом категории *трава* в концептуализации *высоты*.

Этот же эксперимент был проведен на материале итальянского языка на примере прилагательных *alto* ('высокий') и *basso* ('низкий') (Goy 2002). В отличие от опроса в (Dirven & Taylor 1988)⁸², А. Гой использует только тест на сочетаемость *alto* и *basso* с группой из 70 существительных. При этом участники опроса должны были определить приемлемость / неприемлемость примеров по шкале 1 («очень хорошо») до 7 («так сказать нельзя»). Результаты анкетирования подтвердили наблюдения Р. Дирвена и Дж. Тэйлора о прототипичности в случае *высоты* вертикально ориентированных объектов твердой конфигурации и разных отсылок к росту человека, концептуализируемого по этой же модели. Кандидаты категории, представленной *basso*, антонимом к *alto*, имеют те же топологические характеристики, что и объекты класса *alto*. И в том, и в другом случае антропоцентрический фактор («встроенное» сравнение с параметрами человека) играет решающую роль. В целом, в отличие от «механического» вычисления прототипов, А. Гой выстраивает алгоритм приписывания размера, который бы совмещал прототипичность с топологическим типом объекта. Подробнее предлагаемые ею модели будут обсуждаться в Главе 4.1. (*Высота* в первом приближении: существующие теории и подходы).

⁸² Ср. также аналогичный опрос носителей немецкого языка на прототипичность прямых и переносных значений прилагательных *hoch* ('высокий') – *tief* ('глубокий') – *niedrig* ('низкий') (Weydt & Schlieben-Lange 1995, 1998). Обсуждение результатов опроса не затрагивает релевантность полученных данных для теории прототипов.

Иной подход к реконструкции прототипических представителей пространственных категорий предлагается А. Фогель на материале шведского языка (Vogel 2004). Прототипичность и периферийность в случае двенадцати шведских прилагательных *hög* ('высокий'), *låg* ('низкий'), *bred* ('широкий'), *smal* ('узкий'), *vid* ('широкий'), *trång* ('узкий'), *tjock* ('толстый'), *tunn* ('тонкий'), *djup* ('глубокий'), *grund* ('мелкий'), *lång* ('длинный'), *kort* ('короткий') выстраивается на основе частотности искомой единицы в четырех типах данных: опрос носителей языка, данные словарей, корпус художественных текстов и языковая интуиция, при этом в случае расхождений предпочтение отдавалось результатам анкетирования. Важно, что А. Фогель совмещает две интерпретации прототипичности, ссылаясь на разграничение в семантике прототипов двух распространенных моделей. С одной стороны, можно оперировать понятием «прототипического» представителя заданной категории, с другой стороны, прототипичность мыслится как совокупность общих характеристик или свойств, связывающих объекты в одну категорию (Cruse 1990). Полисемия интерпретируется автором как категориальная сеть с центральными (прототипическими) и периферийными случаями (ср. *глубокое море* vs. *глубокие следы*).

Теория прототипов, безусловно, еще до конца не исчерпана в представлении сложных семантических явлений, таких как полисемия, омонимия, синонимия, антонимия. Эта теория динамично развивается и приспосабливается к новым направлениям в лингвистике, что во многом возможно благодаря её гибкости и подвижности границ категориальных классов, неустойчивости центра и периферии. Однако даже способность теории прототипов к адаптации и переориентированию (в частности включению в систему новых членов без необходимости устранения старых, сдвигающихся от центра к периферии) не компенсирует её «слабые места». К ним критики подхода относят: выстраивание системы через сравнение с «лучшим» представителем категории, градуальную принадлежность к категории и размытость её границ (ср. Löbner 2002).

Другим аспектом критики теории прототипов является смешение понятий лингвистической и референциальной частотности (ср., в частности, Geeraerts 1988, 2006). По мнению Д. Герартса, выводить прототипичность из количества вхождений слова можно с большой «натяжкой», так как подобного рода частотность нельзя путать с частотностью референциальных отсылок к понятию, кодируемым этим словом. Ср.:

We can use linguistic frequencies to determine what instances of a concept are prototypical [...] but explaining prototypicality on the basis of linguistic frequency is putting the cart before the horse. Some kinds of usage are not prototypical because they are more frequent; they are more frequent because they are prototypical. The apple is not a prototypical fruit because we talk more about apples than about mangoes, but because we experience apples more often than we encounter mangoes (and this fact, in turn, may be the reason why we talk more about apples). Frequency of linguistic occurrence may be a heuristic tool in the pinpointing of prototypes, but it is not the source of prototypicality as meant in the statistical hypothesis (Geeraerts 2006: 41).

Другое важное замечание Д. Герарта касается когнитивного преимущества устройства категорий по принципу центр vs. периферия⁸³. Достижения когнитивной психологии показали, что одним из важных принципов функционирования любой системы являются два её качества — структурная стабильность (*structural stability*) и гибкая приспособляемость (*flexible adaptability*). Успешное функционирование системы категорий возможно только тогда, когда по крайней мере на определенный промежуток времени гарантирована устойчивость её организационной структуры. В то же время выживаемость системы обеспечивается её гибкостью, способностью к адаптации к внешним условиям. Этим она «прививает» себя от ригидности. Схожий принцип мены позиции лежит в основе следующей теории – теории ракурса, или *Vantage theory*, которая отчасти объясняет механизм возникновения диаметрально противоположных прототипических эффектов внутри одной категории.

⁸³ Ср. сходные наблюдения Е.В. Рахилиной в обзоре теорий прототипического значения (Рахилина 2000: 354).

2.8. Теория «позиционирования», или Vantage Theory

Теория «позиционирования»⁸⁴, или Vantage Theory (VT), американского антрополога Роберта МакЛори, как и теория прототипов, была разработана для объяснения динамики процесса цветообозначения (в индейских языках Центральной Америки, а также в венгерском языке) и роли наблюдателя в этом когнитивном феномене (MacLaury 1995, 1997, 2002). Несколько обобщая, можно сказать, что эта теория универсальна, так как описываемые в ней принципы построения, поддержания, изменения и воспроизведения категорий релевантны для самых разных областей науки, в том числе лексической семантики.

Как модель категоризации теория «позиционирования» функционирует по аналогии со структурной организацией пространственно-временных отношений, в систему координат которых заложены фиксированные (*верх-низ, перед-зад, лево-право*) и нефиксированные (*быстро-медленно, покой-движение*) пространственные ориентиры. Такие когнитивные точки отсчета участвуют и в процессе категоризации. Здесь, по аналогии с пространственно-временной локализацией, вводится позиция наблюдателя (Vantage), который то увеличивая (zooming in), то уменьшая поле зрения (zooming out), оценивает новую информацию на базе сравнения с неподвижной, фиксированной точкой отсчета и выявления сходств и расхождений с установленной координатой. Так, например, в иллюстрации Р. МакЛори, категоризация цветообозначения 'красный' включает два уровня концентрации внимания: на первом этапе 'красный' выступает в качестве фиксированной точки отсчета, а дальнейшие представители этой категории будут отбираться на основе схожести цвета с центральным 'красный', т.е. это будут цвета и оттенки 'красного', максимально приближенные к центру. Следующим шагом будет выявление оттенков, противопоставленных 'красному'. Для этого необходимы укрупнение поля зрения (zooming out) и мена координат. Базой для сравнения выбирается цвет, приближающийся к 'красному' в процессе фокусирования на сходстве, а подвижной

⁸⁴ Ср. также перевод теория «ракурса», предлагаемый Е.В. Рахилиной (2010: 526).

точкой отсчета становятся периферийные 'алый', 'коралловый', 'пурпурный', 'бордовый' и др., задающие границы категории.

В результате этой процедуры были выделены три вида семантических отношений в системе цветообозначений: дополнительная дистрибуция (complementation), включение (inclusion) и кораспространение (co-extension).

В случае дополнительной дистрибуции речь идет о двух автономных категориях, области распространения которых погранично пересекаются по принципу взаимного исключения (ср. *piros* ('красный') vs. *sárga* ('желтый') в венгерском языке) или вовсе не пересекаются (ср. 'красный' vs. 'желтый'). Включение имеет место, когда одна из категорий входит в круг распространения другой, более крупной категории. Этот случай покрывается, например, лексической гипонимией: цветообозначения 'алый' или 'бордовый' могут сводиться к 'красному', но не наоборот. И третий тип отношений – кораспространение – предполагает наличие двух квазисинонимических языковых единиц в одной семантической зоне, употребление которых регулируется по схеме «доминантный» (dominant) vs. «рецессивный» (recessive), или более слабый, концепт. Сосуществование двух терминов в одном цветообозначении предполагает смену ракурса или смену позиции наблюдателя и, соответственно, смещение акцента на другой аспект – сходства или различия. Такие пересекающиеся значения обнаруживают, например, обозначения 'красного' *piros* vs. *vörös* в венгерском языке (MacLaury 2002). Если доминантный *piros* – нейтральный и более частотный термин обозначения 'красного', то рецессивный *vörös* – более специфический и менее частотный термин, имеющий «зловещие» коннотации (страх, кровь, революция, страсть). Если доминантный термин акцентирует сходство с прототипическим покрытием, то рецессивный термин подчеркивает контраст и обнаруживает тенденцию к периферии.

Типология отношений между категориями в системе цветообозначений была апробирована и в других областях языковой концептуализации. Так теория «позиционирования» была успешно применена в исследовании квазисинонимических категорий пространственных прилагательных, таких как *high* vs. *tall* в английском языке (Taylor 2003, MacLaury 2003), а также *невысокий* vs. *низкий* в русском (Tribushinina 2008a, Tribushinina 2008b, Tribushinina 2010). По аналогии с результатами для английского языка, где *high* и *tall* представляют два разных типа «позиционирования» и выбор разных

координат для сравнения (вертикальное измерение и антропоморфная вертикаль), сравнение русских квазисинонимов *невысокий* vs. *низкий* дает сходную картину: *низкий*, будучи доминантным термином, покрывает большее число контекстов в корпусе и имеет более широкий спектр референтов (от обозначений артефактов и человеческого роста до позиционных и метафорических значений); *невысокий*, напротив, встречается в более узких контекстах, отсылая преимущественно к вертикальному размеру человека, обладает низкой частотностью и, таким образом, обнаруживает черты слабого (рецессивного) члена звена.

Итак, что нам дает теория «позиционирования», и чем она лучше теории прототипов? Важным отличием теории «позиционирования» от теории прототипов является признание динамичности любой системы категорий, подвижности её системы координат, а также включение наблюдателя в категоризационный процесс.

2.9. Выводы по ГЛАВЕ 2

Рассмотренные нами теории обозначения размера дают очень пёструю картину. На первый взгляд, наблюдается очень широкий разброс позиций. Но несмотря на их кажущуюся разнородность, перечисленные подходы к описанию размерной лексики имеют ряд общих и отличительных черт, что дает нам возможность систематизации и обобщения. В качестве *tertium comparationis* для сопоставления основополагающих теорий размера можно назвать не только неравные единицы и уровни анализа, но и разные метаязыки описания.

По степени «подключения» разных уровней можно выделить три направления исследований: *геометрические*, *топологические* и *функционально-направленные* с разной степенью переходов из одной категории в другую.

Геометрические описания размера – это описания на уровне линейного параметра в отрыве от внеязыковой действительности, т.е. без помещения объекта в пространстве. Работы *топологического* толка, наоборот, учитывают экстралингвистические факторы, которые играют роль при выборе параметра. Это и положение объекта в пространстве, и ориентированность по отношению к разным осям измерения, и перспективизация и мн. др., т.е. всё то, чем занимается геометрия размещения, или топология. И, наконец, отправной точкой *функционально-направленных* моделей является их ориентация на функцию объекта и, следовательно, его функциональность в человеческой деятельности.

Несколько упрощая, эти три направления можно отнести к разным участкам шкалы с полюсами *объект ↔ человек*. Модели, «привязанные» к объекту, фокусируют внимание на разнообразных свойствах предмета-носителя признака, таких как *п*–мерность, топологическая форма объекта, ориентация и перспективизация объекта в пространстве и проч. (ср. акцент на объект и его геометрические свойства в концепциях М. Бирвиша, Э. Ланга, Э. Спанг-Ханссена).

Модели, ориентированные на человека, представляют разные планы антропоцентричности в языке. Сюда, например, относится теория зрительного восприятия пространства, которая указывает на «фильтры», отвечающие за когнитивное

представление многомерных объектов в нашем сознании (ср. модель Ландау и Джэкендоффа). И здесь *человек* понимается как исходная точка параметризации. Вместе с тем, соединение лингвистической информации и экстралингвистических данных присутствует и в других теориях этого полюса шкалы. Так, отсылка к человеку как цели в смысле функциональности является базовой для теорий, ориентированных на человека в трех «ипостасях»: как наблюдателя, субъекта измерения и пользователя измеряемого объекта (ср. отчасти близкие позиции А. Вежбицкой, Е.В. Рахилиной, а также роль наблюдателя в категоризации согласно теории «позиционирования» MacLaury).

Промежуточное положение на шкале *объект ↔ человек* занимает теория прототипов, в центре внимания которой не физическое описание объекта как таковое, а концепт или представление о прототипичности объекта в сознании носителей языка. Несмотря на то, что теория прототипов продолжает занимать «промежуточное» положение и в науке, в лингвистике многочисленны попытки описания обозначений размера, которые совмещают прототипичность с другой информацией (например, с топологическим типом объектов, как в подходах А. Фогель, А. Гой и Е. Трибушининой).

Рассмотрев различные концепции и описания семантики пространственных отношений, еще раз подчеркнем, что в данном исследовании будут учитываться положения всех трех направлений, представленных по схеме *объект ↔ человек*. В то же время важное отличие этой работы заключается в выборе единиц описания и материала. Многие из существующих моделей берут за единицы описания, как правило, параметрическую лексику (преимущественно прилагательные) в отрыве от её функционирования в языке. Однако мы попытаемся подойти к проблеме описания пространственных отношений через языковые конструкции размера с участием пяти параметрических слов, для чего и необходим корпусный портрет таких параметров, как *высота, глубина, длина, ширина, толщина*, представленный в Части II.

ЧАСТЬ II. КОРПУСНЫЙ ПОРТРЕТ ПАРАМЕТРОВ

ГЛАВА 3. ГЛУБИНА

3.1. *Глубина* в первом приближении: существующие теории и подходы

Глубина – то, чем вещи оказывают сопротивление наблюдателю

Морис Мерло-Понти. Видимое и невидимое (1964)

В системе параметрических существительных *глубина* наиболее сопряжена с *высотой* – обе отвечают за концептуализацию вертикального размера, обе могут обозначать одно и то же измерение, в зависимости от взгляда наблюдателя. Представим себе ситуацию с обрывом. Употребление *высота обрыва* в тютчевском посвящении А.Н. Муравьеву

Там, где на *высоте обрыва*
Воздушно-светозарный храм
Уходит ввысь — очам на диво,
Как бы парящий к небесам;

отсылает нас к контексту, в котором говорящий находится внизу, устремляя взгляд вверх и «ввысь». Обратное направление взгляда наблюдателя, как в контексте *на глубине обрыва текла река*, дает нам несколько другую картинку: здесь, говорящий находится наверху, обращая свой взгляд вниз, к конечной точке обрыва.

В работах М. Бирвиша и Э. Ланга *ось наблюдателя* (Observer Axis) – одна из базовых составляющих *глубины* (Lang 1990:20)⁸⁵. Существование наблюдателя заложено также в алгоритм приписывания размера по Спанг-Ханссену (Spang-Hanssen 1990) (подробнее об этом речь шла в Главе 2.5.).

⁸⁵ В модели Э. Ланга этот параметр кодируется комбинацией семантических ярлыков Vert \updownarrow Obs, указывающих на значение вертикальности и траекторию движения взгляда наблюдателя вниз \downarrow или вверх \uparrow , в зависимости от его положения в пространстве.

Одним из первых на маркированность *глубины* по сравнению с *высотой* указал Герберт Кларк в работе, посвященной семантике времени и пространства в английском языке (Clark 1979). Для разграничения позиционных и дименсивных значений вертикального размера английский язык имеет в своем арсенале две лексемы – *tallness* и *height* (1979: 39), *глубина* (depth) же: 1. отвечает за обе функции; 2. негативно маркирована, так как в случае *глубины* базовым является движение по направлению 'вниз' от поверхности земли, в отличие от *высоты*, кодирующей движение по направлению 'вверх'. В данной работе мы будем придерживаться иного толкования маркированности *глубины*. Представляется, что маркированная *глубина* относится к случаям неканонического направления движения вектора её измерения – направления вверх (*в глубину неба*) или вперед по горизонтали (*в глубину шкафа*).

Высоте и *глубине* присуща еще одна общая черта. У разных авторов она находит разное описание. Ю.Д. Апресян указывает на существование внутри данного лексикографического типа еще одного подтипа, в который входят лексемы *высота*₂ = место или пространство на большой высоте и *глубина*₂ = место или пространство на большой глубине (Апресян 2009: 166-167). Здесь важно отметить, что в значение обоих параметров данного подтипа встроено представление о 'большой, значительной, ощутимой' высоте <глубине>. Кроме того, *глубина*, как и *высота*, предполагает *труднодоступность* для человека. Другой антропоцентрический аспект этого линейного измерения связан с тем, что о *глубине*, как правило, идет речь, если она больше *глубины*, измеряемой человеком без использования дополнительных средств измерения. В этом смысле можно говорить о высокой степени антропоцентричности *глубины* и, следовательно, её большей относительности, чем абсолютности. Разграничение двух разных типов контекстов применимо и к описанию русских параметрических прилагательных *высокий* и *глубокий*, семантике которых в том числе посвящены работы Е.В. Рахилиной (Рахилина 1995, 1997а, 1999, 2000, 2010₂). Среди прилагательных размера только для этой пары наименований – *высокий* и *глубокий* – возможен семантический сдвиг по типу **размер** → **дистанция**: *высокое дерево* → *высокая ветка* (= 'на большой высоте'); *глубокая яма* → *глубокие корни* (= 'на большой глубине'). Ср. (Рахилина 2010₂: 421-422):

Данный сдвиг, как и в прототипическом случае *end-point* метонимия, построен на базе движения — но не физического движения, а движения взгляда наблюдателя, в исходной ситуации

«измеряющего» высоту или глубину — соответственно, снизу вверх или сверху вниз [...]. В результате взгляд «упирается» в конечную точку — она и есть «результат», или «конечный пункт» такого движения, на который метонимически переносится признак, измеряя дистанцию, т.е. расстояние от точки отсчета до того предмета, который в этой точке находится [...]. Важно, что в русском дистанция возможна только для *высокий* и *глубокий* — ни *низкий* или *мелкий*, ни *широкий* / *узкий*, ни *длинный* / *короткий*, ни *толстый* / *тонкий*, ни *большой* / *маленький* не имеют нужной дейктической составляющей в процедуре измерения, и поэтому не допускают такого метонимического переноса.

Дистантная интерпретация *глубокий*, как и дистантная интерпретация *глубины*, подразумевает нахождение объекта, имеющего описываемую характеристику, глубоко под землей или водой (*глубокое течение* → *глубина течения*). Этот же аспект фиксируют словари. БТС выносит в отдельное значение *глубины* «место или пространство, расположенное на большом расстоянии от поверхности земли или воды» (*ловить рыбу на глубине*; *указать на карте глубины*). Важно также следующее уточнение, касающееся дистантного *глубокий*: данная характеристика объекта должна быть **постоянной**. Из чего следует, что подвижные объекты, такие как *якорь* или *рыбы*, не могут быть *глубокими* (Рахилина 2000: 123). То же действительно и для параметра *глубина*, т.к. объекты, находящиеся на *глубине* непостоянно, не характеризуются *глубиной*, ср. **глубина якоря*, **глубина рыбы* или **глубина подводной лодки*.

В работах Я. Линде-Усекневич (Linde-Usiekiewicz 2000a, 2000b) *głębokość* ‘глубина’ рассматривается в одном семантическом гнезде вместе с польским прилагательным *głęboki*. При этом автор делает два важных разграничения. Кроме оппозиции **размер** (польск. *wymiar*) vs. **расстояние** (польск. *odległość*), сопоставимой с вышеупомянутой парой **размер** vs. **дистанция**, используется также деление описываемых предметов и явлений окружающего мира на два типа объектов. Объемлющий элемент (польск. *gospodarz*), или **элемент-хозяин**, существует только тогда, когда есть вероятность нахождения в том же пространстве некоего активного элемента (польск. *intruz*), или **элемента-вторженца**. Ср.:

„A *host* is an object whose presence in space is compatible with the possibility of some other objects being present in the same space; an *intruder* is an object present in space already occupied by the host“
(Linde-Usiekiewicz 2000a: 138).

В соответствии с этими двумя видами разграничений Линде-Усекневич выделяет четыре значения польских параметрических прилагательных *глубины* (ср. Илл. 9): 1. размеры

элемента-хозяина (*глубокий колодец*); 2. удаленность элемента-вторженца от ближайшей к наблюдателю границы элемента-хозяина (*глубокие пласты угля*); 3. размеры элемента-вторженца (*глубокие корни*); 4. относительная ёмкость элемента-хозяина (*глубокий снег*) — в этот тип употреблений входят слои и вещества на поверхности земли, т.к. *снег*, *вода* и т.д.

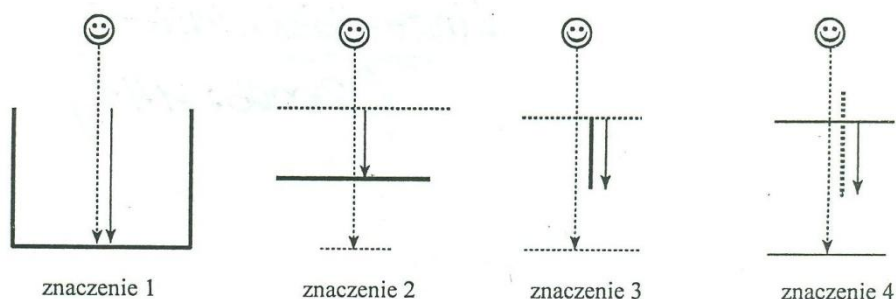

Иллюстрация 9. Значения *głęboki* (глубокий) – *płytki* (мелкий) (Linde-Usiekiewicz 2000b: 141)

Выделение особого четвертого типа контекстов у польского *głęboki* 'глубокий' касается случаев, когда речь идет не об объективных размерах объемлющего элемента, а о том, на какое расстояние в принципе возможно проникновение элемента-вторженца в сравнении с его размерами. В таком кругу употреблений *глубина* объемлющего элемента задается размерами активного элемента: *глубокий снег* будет по-разному глубоким в зависимости от того, участвует ли в данной ситуации ребенок или взрослый.

В отличие от прилагательного *głęboki* 'глубокий', у польского *głębokość* 'глубина' Линде-Усекневич усматривает всего лишь два значения: 1. глубина, характеризующая размеры элемента-хозяина (*колодец глубиной 200 м.*) и 2. глубина, заключающая в себе размеры элемента-вторженца (*глубина погружения, глубина слоя*). При этом автор не усматривает отдельное значение *глубины*, сопоставимое с русской *глубиной*₂ = место или пространство на большой глубине, выделяемой словарями русского языка. Обратимся к значениям *глубины* в русском языке.

3.2. Глубина в словарях

В словарях русского языка *глубина* предстает в двух ипостасях – назовем их ипостасями физической и нефизической, или «метафизической». Несколько упрощая, все зафиксированные значения можно объединить в две группы. В первую группу включены

первичные значения *глубины*, указывающие на пространственные и параметрические характеристики объектов и явлений окружающего мира. Вторая группа употреблений относится к представлениям «метафизической» *глубины*, т.е. к контекстам, в которых *глубина* – результат семантического сдвига на базе метафорического, метонимического или склеенного метафоро-метонимического переноса.

Обратимся сначала к *глубине* физической, или *глубине* размерной. Словари современного русского языка устанавливают в качестве первичных два типа толкований – параметрическое и позиционное, образованное от первого путем метонимического переноса. К параметрическому относятся обозначения расстояния или протяженности от поверхности (воды, земли и т.п.), края чего-либо до какой-либо точки по направлению вниз (ср. БАС, МАС, РСС, БТС и др.): *глубина колодца, почвенного слоя, моря, снега* и проч. Немаловажен и другой, отдельно фиксируемый словарями круг употреблений, в которых *глубина* мыслится не только как движение взгляда наблюдателя по вертикали, по направлению вниз, но и по горизонтали, по направлению вглубь от границы, от края чего-либо, как в *глубина ниши, сцены, шкафа*. Существенно, например, что МАС, БАС и в особенности БТС выносят «горизонтальные» или «внутренние» контексты в отдельное значение *глубины*, в то время как в РСС оно представлено в одном ряду вместе с отсылками к расстоянию, измеряемому по направлению вниз. При этом иллюстрирующие нужный лексикографический тип примеры в РСС не вполне согласуются с представленным толкованием. Ср. РСС:

ГЛУБИНА́ 1. Протяжённость, расстояние от поверхности до дна или до какой-н. точки по направлению вглубь. *Г. колодца. На глубине (на глубину) двести метров,*

где *на глубине (на глубину) двести метров* отсылает, скорее, не к протяжённости или расстоянию, а к конечной точке отрезка – месту или пространству на определенной глубине, а именно *глубине*₂ по Ю.Д. Апресяну (см. выше), обозначаемой нами как *глубина* дистантная.

Дистантная *глубина*, образованная путем метонимического сдвига от *глубины* параметрической, как правило, выносится словарями в отдельное значение. Ср. БТС:

ГЛУБИНА́ 2. обычно мн. Место или пространство, расположенное на большом расстоянии от поверхности земли или воды. *Фауна морских глубин. [...] Ловить рыбу на глубине.*

ГЛУБИНА́ 4. Место или пространство, удалённое от края, границ, начала чего-л. или расположенное внутри, в середине чего-л. [...] *Шум из глубины зала. Дом в глубине двора.*

Обратим внимание, что в основе трансформации *глубины* в *глубину дистантную* лежат два разных типа метонимического сдвига и, соответственно, можно говорить о разных оттенках дистантности. С одной стороны, по аналогии с дистантным *глубокий*, возможно употребление *глубины* не в качестве параметрического признака предмета, а для обозначения места удалённости предмета от поверхности земли или воды, ср. *глубина гнезда* \approx *глубокое гнездо* (см. выше семантический сдвиг по типу **размер** \rightarrow **дистанция**). С другой стороны, позиционная удаленность чаще всего реализуется в конструкциях с предлогами *на* и *из*: *работать на больших глубинах* или *из глубины двора вышел человек*. При этом предлог *на* маркирует позиционную удаленность по вертикали, а предлог *из* – позиционную удаленность по горизонтали. В данном переходе усматривается переход **дистанция** \rightarrow **место**, т.е. поверхность, положение, где реализуется признак *глубины* в результате переноса конечной точки удаления на местоположение этой точки⁸⁶. Именно этот перенос лежит в основе значений, суммируемых нами в дальнейшем как *глубина*₂, в употреблениях типа *океанские, подводные, морские глубины* и др. и их метафорических аналогов ряда *архивные глубины, евангельские глубины* и пр.

Нефизические, или метафорические значения, такие как *глубина анализа, глубина таланта* или *глубина проблемы*, получены в результате семантического сдвига на базе метафорического, метонимического или склеенного метафоро-метонимического переноса. Отчасти они зеркально отражают семантическую сеть значений *глубины* физической, нередко порождая наложение разных типов переносов. По аналогии с ёмкостями, *глубина* также может метафорически сближать разнородные объекты, уподобляя их своего рода контейнерам, как в *глубине двора, в глубине души*, или слоям, ср. *глубина сна, глубина тишины*. То же относится и к *глубине* метонимического характера. Помимо рассмотренных выше прямых реализаций дистантной *глубины* и *глубины*₂⁸⁷, статистически значимым показателем являются и абстрактные значения дистантной *глубины* и *глубины*₂, в основе которых задействован целый ряд переносов, как метафорического, так и метонимического характера, лишь отчасти фиксируемых словарями. Нередко словари дают этим значениям слишком обобщенную трактовку. Так, в РСС примеры *в глубине души* и *в глубине веков* иллюстрируют паушальное

⁸⁶ Подробное обсуждение семантических переходов в атрибутивных конструкциях см., в частности, в Рахилина (2010).

⁸⁷ Нефизическое значение *глубины* в восточнославянских языках, по всей видимости, является заимствованием из польского языка (см. Гарбуль 2009: 220), в который *głębina* 'abyssus' в свою очередь пришло из старочешского в середине XV в. (Reczek 1968: 129). По наблюдению Л. Гарбуль, в русском языке разные значения прилагательного *глубокий* встречаются с XI-XII вв., причем источники переносного *глубокий* в Срезневский I свидетельствуют в пользу семантического заимствования из польского языка (Гарбуль 2009: 219).

толкование «нечто глубоко скрытое, потаённое», хотя нетрудно убедиться в том, что здесь применимы разные образные схемы. В первом случае, в *глубине души*, душа метафорически уподобляется контейнеру, во втором случае, в *глубине веков*, концептуализируется метафора слоя. Об отдельных оттенках искомых значений *глубины* речь пойдет ниже в разделах, посвященных типологии физических и нефизических свойств *глубины* (см. 3.4, 3.6, 3.7, 3.10).

Итак, несколько обобщая, вышеперечисленные значения *глубины*, фиксируемые словарями, можно представить в виде следующей упрощенной схемы (Схема 1).

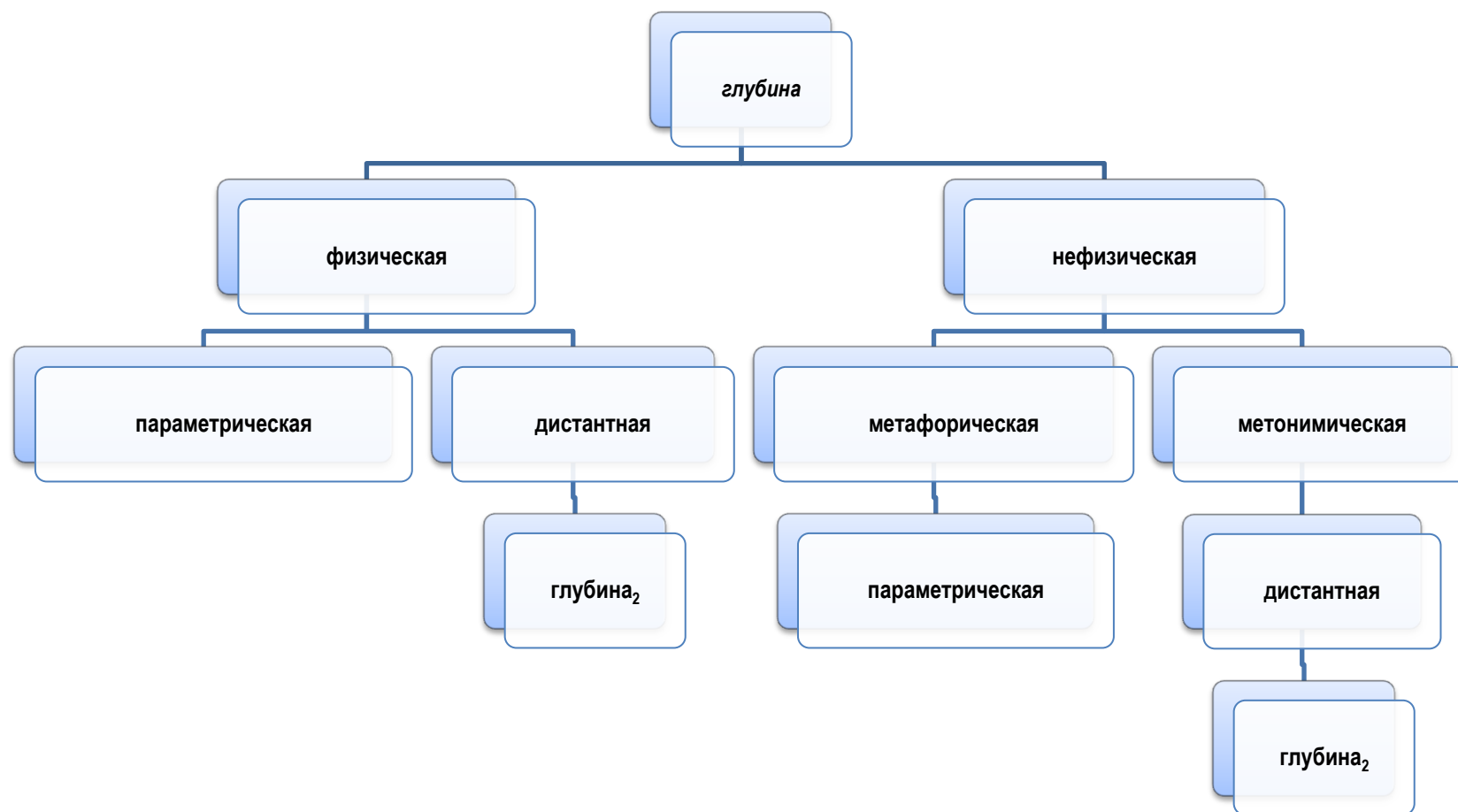

Схема 1. Глубина: семантическая сеть

Группам внутри параметрических и переносных контекстов мы будем приписывать отдельные семантические ярлыки (ёмкости, углубления, жидкости, слои), используемые в литературе при описании атрибутивных обозначений размера. К этим и другим полисемным отношениям в структуре значения мы еще вернемся. Далее нас также будут интересовать следующие вопросы: какие семантические сдвиги лежат в основе семантической сети *глубины*, и каковы взаимосвязи рассматриваемых употреблений.

В качестве исходной гипотезы можно предположить, что определённые значения реализуются только в рамках определённых конструкций. Так, например, *глубина* дистантная предпочитает конструкции уровня (*на глубине n метров*), каузатива (*при глубине n метров*) и предела (*до глубины n метров* vs. *до глубины души*), в то время как сопряженность *глубины* с концептом 'контейнер', как в физических, так и в метафорических употреблениях, наиболее доминантна в целом ряде локативных конструкций (*в глубине леса*, *из глубины тоннеля*). На данном этапе мы можем лишь предположить, какие конструкции с *глубиной* будут базовыми. Для обсуждения частотности и конкретных примеров обратимся к НКРЯ.

3.3. Глубина в НКРЯ⁸⁸

Анализ НКРЯ во многом прояснил картину распределения значений в генитивных конструкциях с *глубиной*. В первую очередь нас интересовало соотношение конструкций и значения. Согласно положениям, высказанным в рамках теории лингвистики конструкций и основанным на корпусных исследованиях различных языков, **конструкционный профиль** (constructional profile) (Janda & Solovyev 2009) и предлагаемый в других подходах **сочетаемостный профиль** конструкции (behavioral profile) (Hanks 1996, Divjak & Gries 2006, Gries & Divjak 2009, Gries & Otani 2010 и др.) дают возможность выявить наиболее прототипические употребления в парадигме определенных форм слова.

Используемый в этой работе анализ распределения *глубины* в НКРЯ проводился по аналогии с методом конструкционного профиля, направленного на выявление

⁸⁸ Число вхождений в НКРЯ, зарегистрированных в марте 2012 г. База данных корпуса периодически пополняется. Перепроверка вхождений в июле 2012 г. не выявила пополнение контекстов с *глубиной*, однако число документов со снятой омонимией увеличилось.

соотношения прототипических значений слова и конструкций, в которых реализуются эти значения.

Поскольку в данной работе рассматривается лишь один тип конструкций с *глубиной*, то выборка изначально задавалась рамками генитивной конструкции. Общее число вхождений *глубины*, зарегистрированных в НКРЯ в марте 2012 г. (общий объем Основного корпуса: 209 203 107 слов), составило 26 185. На первом этапе был вычленен шаблон *глубина X-а* (поиск по маске 'глубина & Gen'), который имеет как предложные (*из глубины леса*), так и беспредложные реализации (*глубина озера*). Из полученных 14 096 генитивных конструкций с *глубиной* была сделана выборка в первые 1849 примеров, из которых 23.3 % (N = 432) приходятся на так называемые «статистические шумы» – частично неснятую синтаксическую омонимию, а также ошибки аннотации. Таким образом из подкорпуса были исключены:

- характеристический родительный в конструкциях вида *глаза невероятной глубины*.
- послеложные конструкции типа *X Y-ом с/в Z*, ср. *ниша глубиной в локоть*, *архивы глубиной в 4 года*.
- описательные употребления *глубины* в придаточных определительных типа: *глубина, на которой клюёт рыба*.
- инверсия при аппроксимативных конструкциях, например, *глубина метра два*.

В результате ручной фильтрации объем подкорпуса *глубины* в итоге составил 1417 вхождений. Далее были выделены классы прямых (физических) и переносных (метафорических⁸⁹) употреблений этого линейного параметра. По данным НКРЯ, число метафорических контекстов с участием *глубины* (N = 1056 или 75%) значительно превышает сумму всех употреблений физического рода (N = 361 или 25%). Результаты критерия хи-квадрат (χ^2) позволяют говорить о статистической значимости распределения в Диаграмме 2 ($\chi^2 = 340.88$, df = 1, p < .001).

⁸⁹ На первом этапе деления класс 'метафорических' контекстов включает также метонимические и «склеенные» метафоро-метонимические расширения. Более подробная классификация значений предлагается позже при детальном рассмотрении этого круга употреблений.

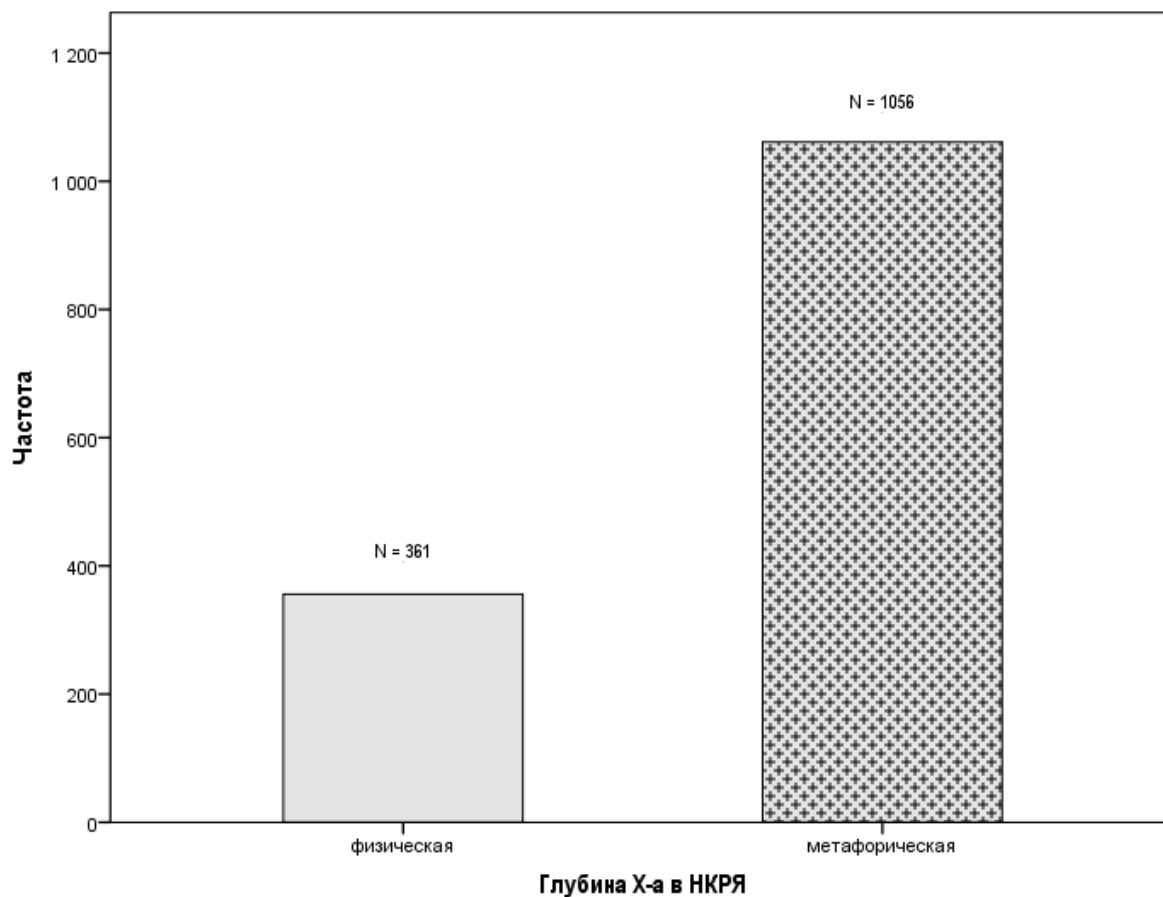

Диаграмма 2. Глубина X-а. Распределение прямых и переносных значений в НКРЯ

На основе примеров в НКРЯ и в словарях, все прямые употребления, относящиеся к *глубине* физической, мы будем разделять на пять подгрупп:

- параметрическая₁ (размер ориентира LM): *глубина колодца*
- параметрическая₂ (размер элемента-вторженца TR): *глубина корней*
- дистантная: *глубина ловли рыбы, глубина очага землетрясения*
- *глубина*₂ = место или пространство на *глубине*: *глубины моря*
- результативная (результат проникновения траектора в ориентир): *глубина промерзания, глубина коррозии, глубина размыва реки и проч.*

Однако далеко не все значения *глубины* покрываются нашим подкорпусом. Математическое значение, как, например, в *глубина октантного дерева* ($N = 9$ в подкорпусе) как самое маргинальное не выделялось в отдельную подгруппу и было отнесено к разряду параметрического₁. Значения параметрическое₁ и параметрическое₂ также представлены в одной колонке (ярлык: параметр), ср. Диаграмму 3.

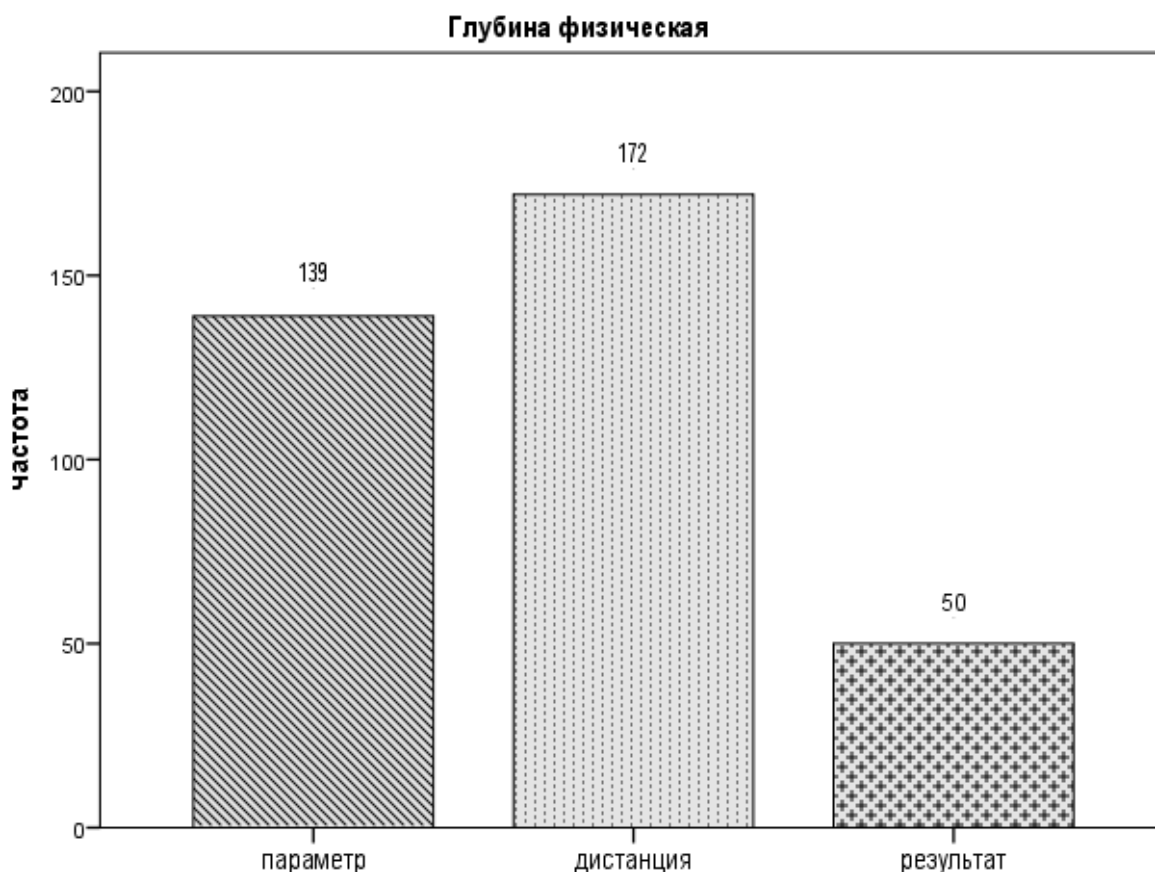

Диаграмма 3. Глубина X-а. Распределение неметафорических значений *глубины* в НКРЯ

Как видим из Диаграммы 3, из общего количества вхождений конструкции *глубина X-а* в прямом значении ($N = 361$) наибольшая частота – $172 = 48\%$ – приходится на класс дистантных употреблений *глубины* (ярлык ‘дистанция’ в графике), ср.: *глубина залегания грунтовых вод*, *глубина заложения фундамента*, *глубина переработки нефти* и пр. Далее по частоте ($N = 139$ или 38%) следует группа параметрических употреблений *глубины*, как в примерах: *глубина озера*, *глубина оврага* и т.д. В третью подгруппу были выделены те контексты, в которых значение *глубины* является результатом проникновения траектора, или элемента-вторженца (в терминологии Линде-Усекневич), в область

ориентира ($N = 50$ или 14%). Существенно, что данное семантическое наращение *глубины*, несмотря на отнесение к разряду физических, – метафорическое по своей сути, так как его образование прослеживается по схеме ‘размер траектора → результат проникновения траектора’ (ср. НКРЯ: *глубина промерзания, глубина коррозии, глубина минерализации, глубина повреждения*). Этой группы касается еще одно важное замечание. По всей видимости, это значение приближается к метафорическому сдвигу ряда ‘размер контейнера / интруза \Rightarrow степень’, допускающему дальнейшее шкалирование (*средняя глубина размыва русла, высокая глубина копания* и т. д.). Заметим, что *глубина*₂, определяемая как место или пространство на глубине, не представлена в подкорпусе генитивных конструкций⁹⁰. Отсутствие этого значения в нашей базе данных объясняется рамками, задаваемыми генитивной конструкцией, так как в этом типе конструкций *глубина*₂, как правило, не реализуется. В этом случае носитель признака прототипически выражается адъективно, ср.: *морские глубины, океанские глубины, архивные глубины, евангельские глубины*. Мена же конструкции влечет за собой мену значения. Так, при преобразовании *морские глубины* или *океанские глубины* в *глубины (а) моря* или *глубины (а) океана* актуализируется параметрическое значение *глубины*. Соотношение представленных трех подгрупп значений «выдерживает» тест на статистическую значимость ($\chi^2 = 66.19$, $df = 2$, $p < .001$). Первичное членение на три основных круга употребления *глубины физической*, безусловно, требует более пристального рассмотрения, см. 3.6.

Переносные значения *глубины* отчасти отражают картину непереносных употреблений с искомым параметром, однако доли распределения контекстов с семантическим сдвигом не всегда отражают тенденции прямых употреблений ($\chi^2 = 2916.08$, $df = 7$, $p < .001$). Ср. Диаграмму 4.

⁹⁰ Тем не менее, менее жестко заданный поиск значений *глубины* по НКРЯ вне рамок определенных конструкций показал, что именно *глубина*₂ претендует на ранг самого частотного экземпляра в подклассе значений *глубины* физического толка (см. 1.3.3. «Морфология»).

Глубина метафорическая

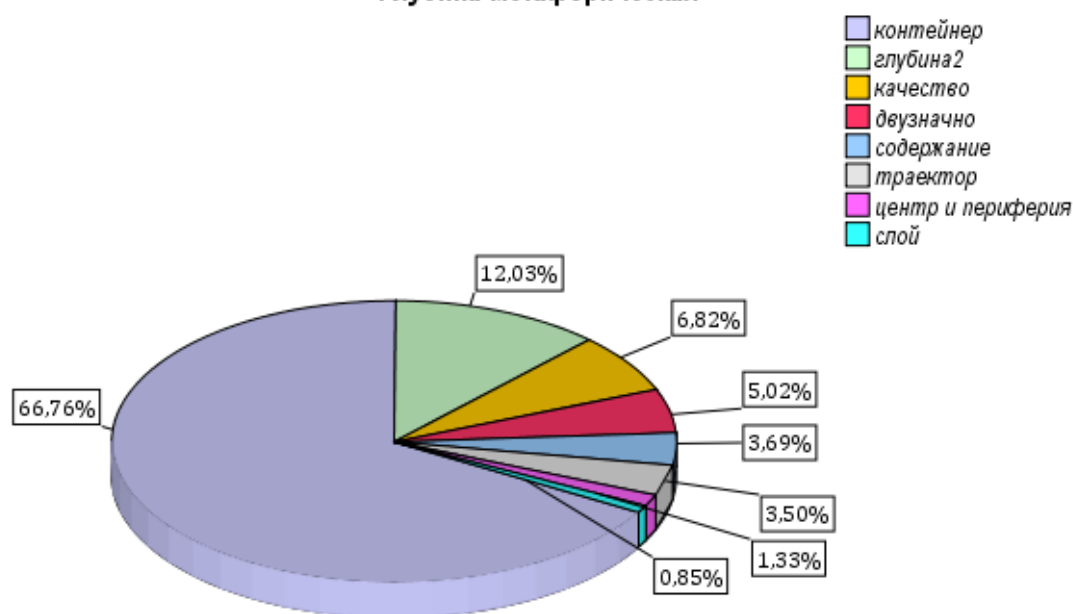

Диаграмма 4. Глубина X-а. Распределение переносных значений *глубины* в НКРЯ (N = 1056)

Из 1056 зафиксированных употреблений переносных значений *глубины* (75 % всего подкорпуса) наибольшей частотой характеризуется *глубина*, приписываемая объектам и явлениям, которые уподобляются прототипически глубоким объектам (*глубина бытия*, *из глубины веков*, *в глубине двора*). В эту группу относятся так называемые метафорические вместилища (подгруппа 'контейнер', подробнее она будет рассмотрена в разделе 3.10), к которым мы будем относить:

- пространственные контейнеры (*в глубине двора*, *в глубине леса*)
- части тела как вместилища эмоций (*в глубине души*, *в глубине сердца*)
- временные контейнеры (*в глубине веков*, *из глубины тысячелетий*)
- отрицательные контейнеры (*глубина противоречий*, *глубина расхождений*)

На долю описываемых метафорических вместилищ приходится 66.8% (N = 705) всех переносных употреблений *глубины*.

Переносная *глубина*₂, в отличие от *глубины*₁ непереносной, имеет более узкий спектр употреблений, тем не менее её доля весьма ощутима и составляет 12 % (127) от всех переносных значений. Ср. *глубины бессознательного*, *глубины воображения*, *глубины народной мудрости*.

Следующая группа семантических «смещений» *глубины* самая гетерогенная. Эти значения разбиваются на следующие доли:

- качество/степень (N = 72 или 6.8 %): *глубина звучания*, *глубина отчаяния*
- содержание (N = 39 или 3.7 %): *глубина знаний*, *глубина таланта*
- траектор (элемент-вторженец) (N = 37 или 3.5 %): *глубина анализа*
- центр и периферия (N = 14 или 1.3 %): *в глубине обороны*, *в глубине поселка*
- слой (N = 9 или 0.9 %): *глубина сна*, *глубина молчания*

Ярлык 'двузначно' (5 % всех метафорических контекстов⁹¹) относится к употреблением, не имеющим однозначной или преобладающей трактовки. Сюда относятся употребления, апеллирующие сразу к нескольким концептуальным схемам. Например, сочетание *глубина молитвы* допускает как интерпретацию по схеме 'вместилища' для определенного состояния, так и по схемам 'содержание', 'траектор' (элемент-вторженец) и даже 'слой'.

Для анализа прямых и переносных употреблений *глубины* на базе данных НКРЯ значительные результаты даёт также привлечение параметра 'функциональный стиль'. Логично было бы предположить, что параметрические значения *глубины* будут преобладать в научно-технических контекстах, в то время как примеры разного рода семантических сдвигов будут чаще встречаться в художественной литературе и публицистике с бóльшей долей неконвенциональных метафор в художественной литературе и бóльшей долей метафор-клише в публицистических текстах. Распределение параметра *глубина* по функциональным стилям отчасти подтверждает наши ожидания, но и здесь наблюдаются отклонения от намеченных тенденций употребления. Ср. Таблицу 6.

⁹¹ Безусловно, как показывает анализ данных, о «чисто» метафорических или «чисто» метонимических сдвигах говорить не приходится. Модификации значения нередко представляют собой совмещение сразу нескольких метафорических схем или «пересечение» механизмов метафоры и метонимии. В последнее время в лингвистике все большее внимание получает подход некатегоричного разграничения метафоры и метонимии (ср., в частности, Tendahl 2009, Barnden 2010).

		Функциональный стиль									Всего
		художественная	учебно-научная	производственно-техническая	публицистика	церковно-богословская	официально-деловая	реклама	электронная коммуникация	бытовая	
Глубина X-а	физическая	16	175	24	126	0	1	13	6	0	361
	метафорическая	410	171	1	426	14	0	4	26	4	1056
Всего		426	346	25	552	14	1	17	32	4	1417

Таблица 6. Глубина X-а: распределение по функциональным стилям в НКРЯ

Результаты распределения по функциональным стилям в целом подтверждают наш прогноз: физическая *глубина* чаще всего наблюдается в учебно-научных контекстах (N = 175 или 48.48 %). Метафорические контексты с *глубиной*, как и следовало ожидать, преобладают в художественной литературе (N = 410 или 38.82 %) и публицистических текстах (N = 426 или 40.34 %). Большую долю физических вхождений *глубины* в публицистике можно объяснить сложностью разметки НКРЯ по жанру, типу, функциональному стилю, тематике и сфере употребления текстов. Так, текстовой ярлык 'публицистика' включает не только статьи и заметки по искусству, культуре, философии и проч., но и немалое количество научных статей и эссе из области 'наука и технологии', 'информатика' или 'армия и вооруженные конфликты', поэтому сведение прямых значений линейных параметров только к учебно-научным текстам не отражает полной картины распределения.

3.4. Параметр и прототип

Для того чтобы установить прототипического носителя физического параметра *глубина*, остановимся подробнее на различных типах *глубины* внутри параметрического употребления. Анализ данных НКРЯ позволяет вычлнить набор признаков, необходимых для установления прототипических характеристик *глубины* и типологии измеряемых объектов. Все X-ы искомым конструкций с *глубиной* можно классифицировать по

критериям, объединяемым в три группы: ТИП объекта, ФИЗИКА объекта или его физические ХАРАКТЕРИСТИКИ и ПРАГМАСЕМАНТИКА X-а.

3.4.1. ТИП ОБЪЕКТА

По своему топологическому типу объекты, которым приписывается параметр *глубина*, схожи с объектами, которые сочетаются с прилагательным *глубокий*. Как уже отмечалось в ряде работ по параметрическим прилагательным (ср. в частности топологические типы в Рахилина 2000, Vogel 2004), *глубокими* могут быть ёмкости постоянной формы, вещества, а также объёмы на *глубине*. Несколько обобщая, можно сказать, что предложенные топологические типы по-разному группируются вокруг одного ключевого концепта, наиболее значимого в описании *глубины*, а именно концепта **контейнер**. Ниже мы рассмотрим основные направления в описании этого понятия.

3.4.1.1. КОНТЕЙНЕР

Одним из первых на взаимосвязь концепта 'контейнер' и *глубины* указал американский психолингвист Герберт Кларк в работе, посвященной концептуализации пространства в английском языке (Clark 1973). В частности обсуждение пары английских прилагательных *deep* (глубокий) – *shallow* (мелкий) выводит на первый план понятие 'контейнер'. Как замечает Кларк, объект, к которому применима *глубина*, должен осмысляться как 'контейнер', при этом он должен иметь четко определяемую поверхность и свою внутреннюю структуру. В этом случае *глубину* 'контейнера' будет составлять вертикальное расстояние от поверхности по направлению к низу. По Кларку, точкой отсчета в канонической ситуации измерения *глубины* будет поверхность земли, а земля представляет собой прототипический контейнер (Clark 1973: 39).

Расцвет концепта 'контейнер' в работах лингвистов-когнитивистов приходится на 1980-е –1990-е гг. Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют контейнер как **онтологическую метафору** (Lakoff & Johnson 1980), одну из базовых «образных схем» (**image schema**) (Johnson 1987). Ср.:

Each of us is a container, with a bounding surface and in-out orientation. We project our own in-out orientation onto other physical objects that are bounded by surfaces. Thus we also view them as containers with an inside and an outside (Lakoff & Johnson 1980: 29).

...we experience our bodies both as containers and as things in containers (e.g., rooms) constantly... (Johnson 1987).

Контейнер появляется там, где есть граница. Человеку свойственно проводить границу, ограничивать собственную сферу, отделять «свое» от «чужого». (Lakoff & Johnson 1980: 30). Важное свойство контейнеров – вмещать в себе другие объекты – позволяет провести дальнейшее разграничение на **объекты-контейнеры** (container object) и **содержимое контейнера** (container substance) (Lakoff & Johnson 1980: 30). Примыкая к работам когнитивистов по концептуальной метафоре, Е.С. Кубрякова трактует контейнер как важный инструмент семантического метаязыка (Кубрякова 1999).

В функциональной теории семантики получает развитие несколько иной взгляд на контейнер (вместилища) как особый **сорт** (семантический тип) в рамках наивной онтологии языка (Borschev & Partee 2001, 2004; Борщев, Парти 1999, 2011) или *наивной картины мира*. Другими элементами наивной категоризации будут, к примеру: *вещества, физические объекты, животные, растения, пища, одежда, инструменты, изделия* и т.п. При этом наряду с сортом *контейнер*, главная функция которого – хранить, вмещать в себя другие объекты, существует также сорт *квант*. Так, например, слово *стакан* может отсылать нас как к сорту *квант* во фразе *стакан молока* – количество молока в стакане, так и к сорту *контейнер* в примере *стакан стоит на столе*. Т.е. одно и то же слово может принадлежать разным сортам. Во основе построения словосочетаний по схеме *машина с дровами* → *машина дров* лежит метонимический сдвиг по типу *контейнер – квант*. Обратим внимание, что сорта в наивной онтологии не всегда «вписываются» в привычную таксономическую иерархию. Так, возможны переходы одного семантического типа в другой (контейнер → квант) или наложения разных сортов (растение ≈ пища). В попытках формализации свойств *контейнеров* как сортов В. Борщев и Б. Парти (см. также Rakhilina 2004) выделяют следующие основные свойства контейнеров (Borschev & Partee 2004: 35-38; Борщев, Парти 2011: 122-128):

- контейнеры имеют полость, которая в свою очередь имеет определенный объём, равный объему полости. Этот объем может быть заполнен «подходящей субстанцией».
- контейнеры содержат вещества и предназначены для их хранения:
Контейнеры традиционно заполняются веществами гомогенными и поддающимися измерению. Жидкости и жидкие вещества хранятся в *стаканах, банках, сосудах*. Коробки и ящики предназначены для нетекучих, нежидких веществ. Мы не храним очки в *банках*, а варенье в *сундуках*.
- контейнеры функционально связаны с их содержимым:
Бассейн не годится в контейнеры, так как бассейны предназначены для плавания, а не для хранения воды. Именно этим объясняется запрет на сочетаемость в **бассейн воды*. Сложнее обстоит дело с *вазами*. Невозможность **ваза воды* говорит в пользу того, что ваза предназначена не для хранения воды, а для других целей. В то же время запрет на **ваза цветов* авторы объясняют невыполнением описываемых здесь условий реализации *контейнера*: ваза не может быть заполнена цветами частично или наполовину, не предназначена для содержания воды, а цветы – негомогенное содержимое. Почему же тогда возможны *ваза фруктов, ваза конфет, ваза яблок* и пр.? Представляется, что в данном случае, с одной стороны, речь идет об определенном типе ваз, предназначенных для хранения фруктов, яблок, конфет. С другой стороны, фрукты, конфеты, яблоки находятся внутри вазы, полностью в неё помещены, в отличие от цветов, которые ставятся в вазу, но не полностью помещаются в неё.
- контейнеры могут быть заполнены только частично:
Одно из необходимых условий реализации контейнера как сорта. Так, слова-неконтейнеры хуже годятся для частичного наполнения, чем слова контейнеры. Ср. **полбассейна воды* возможно, скорее, в контексте, где основная функция бассейна сводится к хранению, скажем, запасной воды.

А. Фогель, анализируя свойства контейнеров на шведском материале, приходит к выводу, что важными критериями выделения прототипичного контейнера будут также такие факторы, как: наличие полой формы, физическая и перцептивная досягаемость контейнера в пространстве⁹², наличие отверстия сверху в канонической ситуации ориентации, мобильность и удобность в пользовании (Vogel 2004: 254-257).

Иной подход предлагается в работах, исследующих концептуализацию 'контейнера' в конструкциях с предлогом *в* и наречием *внутри* (ср. прежде всего Herskovits 1986; Talmy 1983 и Рахилина 2004, 2010₂)⁹³. В работах А. Херсковиц 'контейнер' получил известность в описании семантики английского предлога *in* (*в*). Систематизируя все типы употребления предлога *in*, автор выделяет 'контейнер' в отдельный тип употреблений – некая пространственная сущность N в контейнере N (N (spatial entity) in N (container)) (Herskovits 1986: 149-150). Данный тип ситуации предполагает наличие трехмерного объекта-контейнера, имеющего внутреннюю полость, в которую частично или полностью

⁹² Другого мнения придерживаются Синха и Торсенг в исследовании пространственных выражений в датском, английском и японском языках (Sinha & Thorseng 1995). По мнению авторов, физическая и перцептивная досягаемость контейнера для пользователя/наблюдателя не является необходимым условием (Sinha & Thorseng 1995: 293). Ср. *the train is in the tunnel* или *the nails inside the box*, где досягаемость контейнера для наблюдателя / пользователя не предусматривается.

⁹³ Заметим, что на связь концепта 'контейнер' с предлогом *in* в английском языке уже указывалось в Clark 1973; Lakoff 1987.

помещается второй трехмерный объект. Наряду с классическими примерами контейнеров, такими как *чаша, коробка, бутылка, карман, конверт, желудок, машина* и т.д., Херсковиц приводит также случаи непрототипической ситуации включения. Ср., например, *стул в углу* или *засушенные цветы в книге*. И в том, и в другом случае мы имеем дело с объектом, заключенным в две плоскости, сходящиеся в углу (там же). При этом автор делает важное уточнение, касающееся объектов, годящихся в 'контейнеры': внутренняя полость объекта-контейнера должна быть функционально значима для артефактов. Так, в случае *арки* включение одного объекта в пространство другого, по словам автора, нерелевантно, что и оказывается решающим фактором, определяющим выбор предлога *в* или *под*; ср. **the crowd in the arch* (**толпа в арке*) vs. *the crowd under the arch* (*?толпа под аркой*⁹⁴) (Herskovits 1986: 150). Концепт 'контейнер' фигурирует в работе Херсковиц лишь в одном из целого ряда иллюстраций ситуации включения. 'Контейнером' как таковым, по классификации Херсковиц, не выступает 'одежда' и 'пространства'. Здесь ситуация включения несколько иная. *Мужчина в красной шляпе* предполагает мену фигуры и фона⁹⁵, а в конструкции *в Англии* местность концептуализируется как трехмерное пространство, сверху окруженное воздухом, а снизу – землей (Herskovits 1986: 153). Другие варианты ситуации включения или вмещения объекта в 'контейнер' представлены в Илл. 10:

⁹⁴ Русский язык иначе кодирует описываемую ситуацию. По данным корпуса, описание объекта, частично или полностью находящегося под *аркой*, нередко сопровождается употреблением конструкций с *глубиной*. Ср.: *в глубине арки стояли люди; мы отошли в глубину арки*.

⁹⁵ Наиболее удачной, как представляется, будет интерпретация этого примера с помощью ярлыков траектор (TR) и ориентир (LM). Если в канонической ситуации 'вмещения' траектором, как правило, выступает объект, помещаемый в контейнер, а ориентиром – сам контейнер, то в случае надевания шляпы, происходит смещение фокуса внимания: траектор выступает в роли контейнера, хотя 'функциональность' шляпы не исчерпывается «содержанием головы».

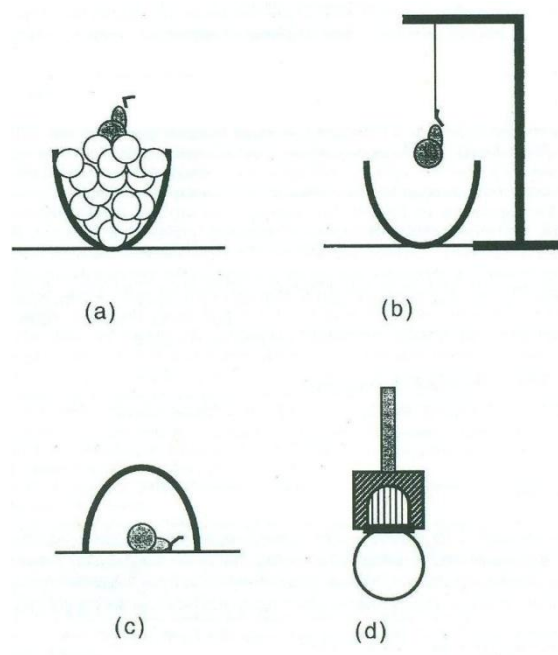

Иллюстрация 10. Способы помещения объекта в 'контейнере', кодируемые предлогом *in*
(Garrod et al. 1999: 168)

Все четыре варианта ставят под сомнение соотношение 'вместилища' и 'содержимого'. Если в (a) решающее значение имеет отсутствие точки соприкосновения между *вазой-контейнером* и *грушей*, а в (c) неканоническая ориентация *вазы*, то в (b) неканоничность ситуации объясняется появлением дополнительного элемента контроля и, следовательно, отсутствием опоры. Ситуация (d) указывает на еще один из возможных вариантов вмещения. Здесь *лампочка* не просто содержится в *патроне-держателе*, а вкручивается в него, что обеспечивает её функциональность, т.е. тип контакта между 'контейнером' и объектом также релевантен.

Важно отметить, что Херсковиц разграничивает отношения 'вмещенность' (*containment*) и 'внедренность' (*embedding*). В ситуации 'внедренности' объект полностью внедрен в пространство объекта-контейнера, как в примерах *рыба в воде* или *гвоздь в доске*. К этому же типу употреблений Херсковиц относит трещины, дыры или углубления на поверхности объектов, описание которых сопряжено с предлогом *in* (в): *the crack in the surface* (трещина *в/на поверхности⁹⁶), *the hole in the wall* (дыра в стене). К данному

⁹⁶ В этом примере предлог *в* в русском языке возможен, как правило, при наличии уточняющего объекта. Ср.: *трещина в поверхности бетона* vs. *трещина на/в поверхности*.

контекстуальному типу Херксовиц относит также случаи растворения одного объекта в другом, ср. *молоко в кофе* и пр.

Более дифференцированное разграничение 'вмещения' (**containment**) и 'включения' (**inclusion**) содержимого находим у К. Синхи и Л. Торсенг (Sinha & Thorseng 1995). Каноническая ситуация 'вмещения' предполагает пространственно-функциональную зависимость двух объектов, в то время как отношения 'включения'⁹⁷ «привязаны» прежде всего к топологии. На пространственном метаязыке, разработанном авторами, в основе канонических отношений 'вмещения' (containment) лежит особая функционально-топологическая схема⁹⁸. Как уже предлагалось в ряде работ когнитивного направления, контейнеру приписывается ярлык ориентир (*landmark* – LM), или конечное/временное место назначения, а содержимое контейнера обозначается траектором (*trajector* – TR), или движущимся объектом. Канонический контейнер получает у этих авторов следующее определение, ср. (Sinha & Thorseng 1995: 293):

LM is a three-dimensional solid possessing a cavity which may be perceptually or physically accessible but need not be; if the cavity is accessible it is accessible at the upper surface or end of the solid. TR is a solid, a distributed collection of particles, or a fluid. LM is a container and TR its content, where the container constrains the movement, location and distribution of the content in both the vertical direction of gravity and the horizontal plane.

Из определения ясно, что трехмерное тело-контейнер – это полый объект, который может быть заполнен как сплошным веществом, так и совокупностью рассредоточенных частиц или жидкостью. Очевидно, что именно тип 'содержимого' влияет на то, является ли помещение полностью или частично контактным. Так, в случае *чашки чая* трехмерное тело *чашка* полностью вмещает в себя траектор *чай*, т.е. объем содержимого полностью поглощен контейнером, в то время как *чайная ложка* лишь частично помещается в *чашке*, что в принципе не противоречит определению канонического 'вмещения'. Частичное 'включение' налицо и в примере *колчан для стрел*, – артефакт, который, согласно определению, идеально подходит в прототипы 'контейнер'. Предложенное толкование

⁹⁷ В русском языке можно провести более тонкое различие в описании данного типа отношений. С перспективы 'контейнера' мы говорим об отношении 'включения' и 'вмещения', хотя перспектива 'содержимого' подразумевает 'включенность' и 'вмещенность'.

⁹⁸ Здесь мы воспользуемся предложенным Е. Рахилиной переводом термина *image schema* как *топологическая схема*, а не *образная схема* (ср. Кубрякова 1996).

прототипа 'контейнера' не накладывает ограничений на 'открытость' (*стаканы, кружки и т.д.*) и 'закрытость' (или потенциальную 'закрываемость') объекта (*коробки, ящики*). Однако открытые контейнеры, по определению, обязательно должны иметь каноническое расположение в пространстве, т.е., например, *кружка* теряет свое предназначение 'контейнера', находясь в перевернутом положении⁹⁹.

Другими типами включений будут: *поверхностное включение* (surface inclusion), ср. *выбоина на дороге*; *ареальное включение* (area inclusion), ср. *в Париже* или *в саду*; и *ограничение* (bounding) по типу *в углу* (подробнее см. Sinha & Thorseng 1995: 294).

Не останавливаясь подробно на представленных типах 'включения'/'включенности' и 'вмещения'/'вмещенности', стоит также обратить внимание на важные наблюдения к концепту 'контейнер', которые делает Л. Талми. Действительно, метафора 'контейнер' лишь частично отображает весь спектр употреблений английского предлога *in*. Л. Талми на примере языка калифорнийских ацугеви уточняет концепт 'вместилища' (containment) и предлагает использовать более подходящий ярлык метафора 'окружения' (surround metaphor), обобщающий значения выражаемые предлогом *in* (Talmy 2007: 779-780). Так, язык ацугеви грамматически разграничивает контейнеры, подвергающиеся воздействию сил тяготения (gravitic container) и характеризующиеся продвижением объекта или фигуры по направлению 'вниз', ср. *ведро, озеро, карман*. Другой тип контейнера морфологически кодируется языком ацугеви как вхождение объекта/фигуры в *n*-мерное вместилище (volume enclosure), которое может находиться на земле (*дом, печь, пещера*) или под землей (*подвал, ловушка*). В случае трехмерного вместилища продвижение объекта внутрь контейнера происходит по горизонтали по направлению 'вглубь' – см. *в дом, в печь* и т.д. Ср.:

The **container** form indicates that the figure moves prototypically **downward** to enter the ground object, fills much of the empty volume defined by the ground, is pressed against the sides of the ground by gravity (hence involving force dynamics in addition to spatial configuration), and would spill radially outward if those sides were not in place. Examples of its usage include the motion of acorns into a basket, articles into a pocket, and water into a lake basin. By contrast, the **enclosure** form indicates that the figure prototypically moves **horizontally** to enter the ground, sits alone on the ground's bottom otherwise surrounded by the empty volume that the ground defines, does not press

⁹⁹ Примеры из сапотекского языка свидетельствуют о том, что условие канонической ориентации 'контейнера' необязательно в культурах, где находит применение нетрадиционное обращение с артефактами-вместилищами. Так, в мексиканской культуре дети нередко играют с перевернутыми корзинами, стаканами и прочими контейнерами, а корзины чаще хранятся в перевернутом положении и используются в непривычных для нас целях – накрывании тортильи и другой пищи (ср. Sinha & De López 2000: 35).

against the sides of the ground, and would remain in place if those sides were not present. Examples of its usage include the motion of a dog into a room, a cake into an oven, a broom into the space between a refrigerator and a wall, and a rock into a deer's stomach. For cases with properties between those of the two constellations, it is probable that Atsugewi speakers would choose one of the two full schematic complexes and impose it on the intermediary spatial referent (Talmy 2007: 779-780) (выделено мной – А.М.).

Идея направленного движения траектора-содержимого (TR) к пункту своего назначения контейнеру (LM) является исходной и в другом подходе, который, на наш взгляд, наиболее приемлем для описания семантики *глубины*. В подходе Роберта Дьюелла концепт 'вмещения' неразрывно связан с пространственной динамикой (Dewell 2005). Исходным пунктом в концепции Дьюелла является представление о динамической природе любой топологической схемы, даже такой, казалось бы, статической, как топологическая схема 'контейнера', т.е. вмещения других объектов. Содержимое – объект, движущийся или передвигаемый по направлению к месту своего назначения, к своему ориентиру¹⁰⁰. Схематически 'вмещение' состоит из двух базовых моделей, или таких когнитивных примитивов, как 'вхождение' (entry) и 'облекание' (enclosure). Любое помещение объекта X в объект Y подразумевает динамическое вхождение траектора (TR) в сферу ориентира (LM) и следующее за этим 'облекание' или 'охватывание' ориентиром (LM) траектора. Ср. Илл. 11:

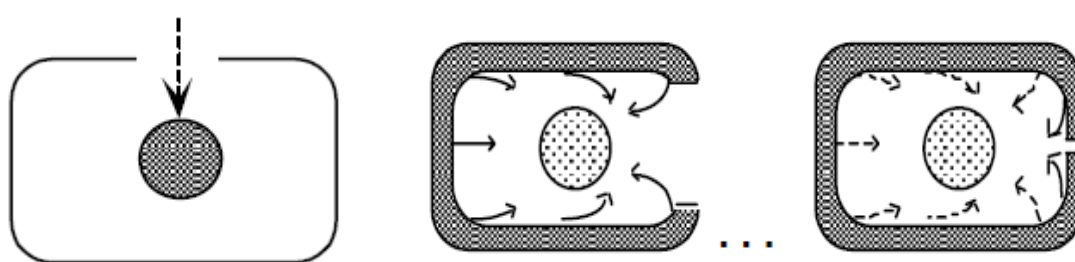

Иллюстрация 11. Вход траектора в сферу ориентира (Dewell 2005: 376, 380)

При этом отмечается, что вмещению часто сопутствует 'закрытие' содержимого, будь то прототипический 'контейнер', как в случае, когда мы накрываем банку или кастрюлю

¹⁰⁰ Ср. также другие факторы, накладывающие ограничения на перемещение траектора по направлению к 'контейнеру' в (Vandeloise 1991; Garrod *et al.* 1999).

крышкой, задвигаем ящики стола, закрываем двери или комнаты на ключ, или менее прототипический 'контейнер', когда ребенок сжимает в кулаке игрушку или заворачивает печенье в салфетку (Dewell 2005: 380). В нашем рассмотрении двуструктурная составляющая концепта 'вмещения' будет играть ключевую роль в анализе дистантных употреблений конструкций с *глубиной*.

Грамматика конструкций предлагает иное решение подобных задач. Так, например, в работах Е.В. Рахилиной 'контейнер' трактуется более широко как «метатермин для имен предметов, содержащих углубление или полость» (Рахилина 2010₂: 221-222). Приминая к Е.В. Рахилиной, мы будем рассматривать понятие 'контейнера' в рамках системы одного языка – в данном случае *русского* – и на примере языковых конструкций, описывающих такие предметы (подробнее см. Рахилина 2004, 2010₂). Но в этой главе мы остановимся на конструкциях, которые напрямую сопряжены с представлением о 'контейнере' за счет участия в них параметра *глубина*.

3.5. Конструкции с *глубиной*

Существительные со значением линейного параметра имеют целый ряд реализаций в различных языковых конструкциях (подробнее см. Апресян 2009: 169-170; 2010b и ССС: 125). При этом возможно как точное указание на параметр с нумеративом (*канава глубиной в пять метров*), так и приблизительные оценки *глубины* (*глубиной от двух до трех метров, глубиной до пяти метров*) или конструкции с участием эталона *глубины* – *подполье глубиной в человеческий рост* (см. также Шеманаева 2006, 2008а, Мель 2009), а также атрибутивные сочетания с прилагательными числового или другого параметра, ср. *пятиметровая глубина, океанская глубина* и т.д. Не перечисляя здесь все возможные конструкции с участием предметного *глубина*, остановимся на беспредложных и предложных генитивных конструкциях типа:

- а) глубина X-а (генитивная конструкция): *глубина колодца, пруда, канавы...*
- б) в глубине X-а (локативная конструкция): *в глубине сада, леса, острова...*
- в) в глубину X-а (направительная конструкция): *в глубину арки, двора, ящика...*
- г) из глубины X-а (исходно-отложительная): *из глубины веков, сада, комнаты...*
- е) на глубине X-а (конструкция уровня): *на глубине моря, бурения, залегания...*

f) на глубину X-а (направительная конструкция уровня): на глубину моря, бурения...

Замечание

Сразу оговоримся, что атрибутивное выражение носителя признака *глубины* в случае *глубины* предметной, как правило, невозможно в прямом значении (*канавная глубина, ?колодезная глубина, ?траншейная глубина). Однако в метонимических и метафорических контекстах атрибутивные употребления вполне приемлемы, ср.: *океанская глубина, архивная глубина, душевная глубина* и пр.

Конструкции уровня (группы (е) и (f)) будут интересовать нас в меньшей степени, так как они «привязаны» к дистантной *глубине* и *глубине*₂, не представленной в нашем подкорпусе. Все остальные конструкции ((a) – (d)) имеют общую семантическую часть: во-первых, они так или иначе связаны с представлением о ‘контейнере’ и, во-вторых, группы (b)-(d) входят в состав еще одной конструкции, образуя тем самым «конструкцию в конструкции». Такие склеенные конструкции интересны с лингвистической точки зрения, так как предложное оформление исходной генитивной конструкции *глубина X-а* приводит к нестыковке ограничений и, следовательно, сужению круга контекстов, в которых возможны подобные употребления.

Любопытно, что каждая из этих конструкций выбирает свой «тип» ‘контейнера’ и далеко не во всех случаях один и тот же тип ‘контейнера’ может выступать во всех реализациях с *глубиной*. Возможны концептуализации пространства: *уйти в глубину сада, двора, парка*, но ни *сад*, ни *двор* или *парк* не обладают параметром *глубина* (ср. **глубина сада, *глубина парка, *глубина двора*; при точном измерении парковой/садовой и т.д. площади оценке подвергается их *длина* и *ширина*). В то же время внутри конструкций, непосредственно апеллирующих к метафоре ‘контейнер’ (локативная, направительная и исходно-отложительная), прослеживается определённая асимметрия: один и тот же объект будет пользоваться неодинаковой популярностью конструкций. Так, например, *душа* – излюбленный ‘контейнер’ локативных конструкций (*в глубине души*). Намного реже *душа* фигурирует в исходно-отложительных контекстах (*из глубины души*), но меньше всего, по всей видимости, *душа* годится для направительных конструкций (*в глубину души*), ср. примеры (26)-(28):

- (26) Где-то в *глубине души* я всегда знала, что стрижка — это религиозный обряд. [Марина Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию 2003]

(27) *Из глубины души* поднимается глухая печаль, и ничего нельзя сделать, — голос художника болезненно дрогнул. [И.А. Ефремов. Лезвие бритвы 1959-1963]

(28) Мысль металась в поисках выхода, беспокойство все дальше проникало *в глубину души*, и росло нервное напряжение. [И.А. Ефремов. Эллинский секрет 1942-1943]

Это же предположение подтверждает НКРЯ, в котором наибольшее количество вхождений *души* в конструкциях с *глубиной* приходится на локативные конструкции (1275), далее следуют употребления с предлогом *из* (96) и меньше всего частота у направительного *в глубину души* (всего 28). Ср. Таблицу 7.

<i>в глубине души</i>	1275
<i>из глубины души</i>	96
<i>в глубину души</i>	28

Таблица 7. Частота распределения *души* в генитивных конструкциях с *глубиной* (по НКРЯ)

Возникают следующие вопросы: какие объекты измеряются *глубиной*, почему не всякий объект «хорош» для контейнера, и почему вышеприведенные конструкции имеют свои предпочтения в выборе носителя признака? Обратимся сначала к первому вопросу.

3.6. Тип X-а: попытка классификации

3.6.1. Предметный X

Итак, исходя из встречающихся в НКРЯ беспредложных генитивных конструкций типа *глубина X-а*, по своему топологическому типу объекты, годящиеся на обладание физического параметра *глубины*, можно представить в виде таблицы, включающей следующие признаки. Все контексты с физической *глубиной* можно подразделить на два круга употреблений: *предметные* контейнеры и *вещественные* контейнеры (ср. также разграничение *container object* и *container substance* в Lakoff & Johnson 1980: 30).

В нашей классификации к классу физических ‘контейнеров’ будут относиться как *полые трёхмерные ёмкости* (*колодец, сундук, шахта*), так и *углубления и ниши*

(трещина, надрез). При этом исходной общей частью семантического значения будет функция контейнеров хранить или содержать в себе другие объекты. Ср. Таблицу 8.

Тип объекта	
Полые трёхмерные ёмкости	– вытянутые вниз по вертикали (<i>шахта, колодец</i>)
	– вытянутые по горизонтали внутрь объекта (<i>ящик, шкаф</i>)
	– жёсткой конфигурации (<i>бак, корыто</i>)
	– *мягкой конфигурации (<i>мешок, сетка</i>)
	– постоянной формы (<i>ящик, бочка</i>)
	– *непостоянной формы (<i>река, мешок</i>)
	– открытый верх (<i>яма</i>)
	– закрытый верх (<i>колодец</i>)
	– отверстие сверху (<i>колодец</i>)
	– отверстие сбоку (<i>ящик, шкаф</i>)
	– + ?отверстие внизу (<i>бочка, самовар</i>)
Углубления и ниши	– в земле (<i>яма, колодец</i>)
	– не в земле (<i>ущелье, трещина</i>)
	– искусственные (<i>лунка, колодец, траншея</i>)
	– естественные (<i>овраг, ущелье, трещина</i>)
	– наличие дна (<i>яма, лунка</i>)
	– отсутствие дна ¹⁰¹ (<i>океан</i>)
	– видимость для наблюдателя (<i>яма</i>)
	– закрытость для наблюдателя (<i>болото, нора</i>)
	– ровные границы углубления (<i>колодец</i>)
	– неровные границы углубления (<i>трещина</i>)
	– многомерность углубления (<i>яма, лунка</i>)
	– плоскость углубления (<i>трещина, надрез</i>)
Вещества	– плотные (<i>песок, насыпь</i>)
	– неплотные (<i>жидкость, вода, снег</i>)
Слои	– в земле (<i>залежь</i>)
	– не в земле (<i>снег, пыль</i>)

Таблица 8. Тип предметного контейнера в беспредложной генитивной конструкции *глубина X-а*

¹⁰¹ Имеется в виду отсутствие дна в языковой концептуализации. Океан, с естественно-научной точки зрения, имеет дно, но в языке бытует образное представление о бездонности и безмерности океанских глубин.

Рассмотрим каждый из предложенных классов в отдельности.

3.6.1.1. Полые трёхмерные ёмкости

Казалось бы, *шар* годится в ‘контейнеры’: он трёхмерен и имеет полость, его можно наполнить содержимым (воздухом или газом), и у него есть отверстие. Тем не менее, язык не включает *шар* в класс ‘контейнеров’ (ср. **глубина шара* или **глубокий шар*) по одной простой причине: здесь не соблюдается главный функциональный критерий хранения или содержания в себе других объектов. В.Б. Борщев и Б.Х. Парти так описывают это существенное свойство ‘контейнеров’:

Контейнеры функциональны – мы их используем, интересуясь их содержимым. Действительно, мы пьем из стаканов, храним или перемещаем что-нибудь в ящиках. Т.е. контейнеры служат нам для хранения, перемещения и прочего употребления находящихся в них субстанций. А, скажем, бассейны нужны нам, чтобы плавать в них, а не просто держать воду. Поэтому, хотя мы и наполняем бассейны водой, этот процесс, видимо, не так важен с когнитивной точки зрения, он скорее воспринимается как нечто техническое. Точно так же, когда наливают воду в вазу с цветами, она используется не для того, чтобы держать в ней воду, она не контейнер для воды (Борщев, Парти 2011: 125-126).

Кроме того, некий объект *X* может удовлетворять большинству условий, необходимых для отнесения к классу ‘контейнеров’, но таковым не считаться. Возьмем, к примеру, *конверт*. Конверт может быть вытянут по вертикали или горизонтали, имеет отверстие сверху, предназначен для постоянного или временного хранения других объектов, но тест на ‘вместилище’ посредством генитивной конструкции с *глубиной* не срабатывает, ср. **глубина конверта*, **глубокий конверт*¹⁰². Представляется, что запрет на *глубину* в данном случае объясняется тем, что конверт концептуализируется в языке как некий плоский артефакт, который схематично можно представить в виде прямоугольника, а не в виде полого трёхмерного объекта.

Зачастую один и тот же объект может менять свой топологический тип. Так, например, *колодец* – полая трёхмерная ёмкость, которая в то же время может концептуализироваться как углубление в земле. Предлагаемая нами классификация не

¹⁰² Возможен *глубокий конверт для ног*, если речь идёт, скажем, об аксессуаре для детской коляски.

постулирует чётко-очерченные группы X-ов. Важное замечание относится также к критериям, уточняющим тип объекта. Нами были выделены те критерии, которые салиентны для данного типа объекта, но это не значит, что эти же критерии неприменимы к другим топологическим типам. Возьмём, к примеру, критерий «ориентации» и «ориентированности» 'контейнера' в пространстве. Деление на объекты, вытянутые вниз по вертикали, такие как *шахта* или *колодец*, и вытянутые по горизонтали вглубь, ср. *ящик* и *сейф*, применимо и к типу 'углубления и ниши'. Прототипы 'углублений' традиционно вытянуты вниз по вертикали (*канавка*, *ров*, *рытвина*), однако нельзя исключать и такие ситуации, в которых акцентируется «ориентированность» углубления по горизонтали (*траншея*, *нора*). Это не значит, что ни *траншеи*, ни *норы* не ориентированы вниз, вглубь. Важно, что в случае с этим типом углублений вытянутость по горизонтали – функционально значимый критерий.

Далее, прототип предметных 'контейнеров' предписывает наличие у объекта твёрдой конфигурации (*глубина чемодана* vs. **глубина сумки*) и постоянной формы (*глубина ящика*, *бочки* vs. **глубина мешка*, **авоськи*), что, впрочем, относится и к сочетаемости с прилагательным *глубокий*: **глубокая сумка*, **глубокий мешок*, **глубокая авоська* (подробнее см. Рахилина 2000: 122).

Наличие отверстия – еще один критерий 'вместилищ'. По поводу того, где должно находиться отверстие у прототипического 'контейнера', лингвисты придерживаются разных мнений. Контейнеры могут открываться сверху (*кастрюля*), сбоку (*ящик*) и реже снизу (*бочонок пива*). Поскольку *глубина* традиционно приписывается объектам, «развёрнутым» вертикально вниз, открытость или гипотетическая открытость объекта сверху – естественное условие функционирования объекта как 'контейнер'. Если же 'контейнер' открывается сбоку, то нетрудно представить, что такой тип 'контейнера' будет ориентирован по горизонтали, т.е. простирается вглубь или внутрь другого пространства¹⁰³. Так, *глубина ящика* или *шкафа* измеряет расстояние от отверстия до внутренней стенки противоположной стороны. Как уже отмечалось в литературе, менее прототипические

¹⁰³ Любопытное наблюдение в этой связи делает Р. Дьюелл, который замечает, что известные ему языки, как правило, не кодируют латеральное или нисходящее вхождение траектора в ориентир, ср.: "While the English word *in* allows this transformation to operate freely, we can easily imagine a language that constrains its operation and differentiates downward insertion from lateral insertion. Interestingly though, I am not aware of any languages other than sign languages that do make such a distinction" (Dewell 2005: 375).

‘контейнеры’, открывающиеся сбоку, имеют свою внутреннюю анатомию. Их «перед», как правило, совпадает с открывающейся стороной или стороной, где находится ‘отверстие’ (ср. *шкаф, тумбочка, холодильник или печь*) (ср. также Vogel 2004: 260).

Отдельного упоминания заслуживают передвигающиеся объекты, которые, казалось бы, тоже могут выполнять функцию ‘контейнеров’, но почему же тогда мы не говорим о *глубине машины, автобуса, фуры*? Подобные случаи до сих пор интерпретировались как случаи не типичного ‘контейнера’, а, скорее, ‘трубы’, имеющей отверстия с двух сторон (в случае *машины* – традиционно по сторонам) (ср. Vogel 2004: 263). Кроме того, несочетаемость с *глубиной* и *глубокий* объяснялась тем, что мы имеем дело с мобильными, а не статичными объектами¹⁰⁴. Но ведь *лодка* – тоже мобильный объект, почему же тогда ей приписывается внутренний параметр *глубины*, как в примере *внутренняя глубина лодки составила 74 см*. По всей видимости, *лодка* имеет бóльшее сходство с прототипическим ‘контейнером’ не только из-за её ёмкостной интерпретации, но и благодаря наличию функционально значимого дна и отсутствию отверстий по сторонам (как в случае с другими транспортными средствами). Этот пример небезынтесен еще и потому, что здесь дополнительно прочитывается и позиционное значение. Причем здесь наблюдается некоторая диффузность. В действительности возможны контексты, в которых *глубина лодки* может отсылать как ко внутреннему параметру, так и к позиционному толкованию, т.е. положению лодки в воде. Так, например, для подводной лодки существенны *рабочая глубина*, а именно максимальная глубина погружения без возникновения остаточных деформаций, и *предельная глубина*, т.е. максимальная глубина погружения лодки без возникновения риска разрушения. Ср. (29):

(29) *Рабочая глубина лодки* пока остается военной тайной. [Морские приключения. www.lindos-star.gr]

Тем не менее, даже параметрическое значение *глубины* в случае *лодки* изначально позиционно, так как *внутренняя глубина лодки* в техническом смысле отсылает к высоте бортов. Однако в наивно-языковой картине мира *глубина лодки* измеряет расстояние от плоскости сиденья до дна. Ср. пример (30) и Илл. 12:

¹⁰⁴ Подробнее о роли динамики во взаимосвязи ‘контейнера’ и содержимого ‘контейнера’ см. Vandeloise 1994, 2003, 2005.

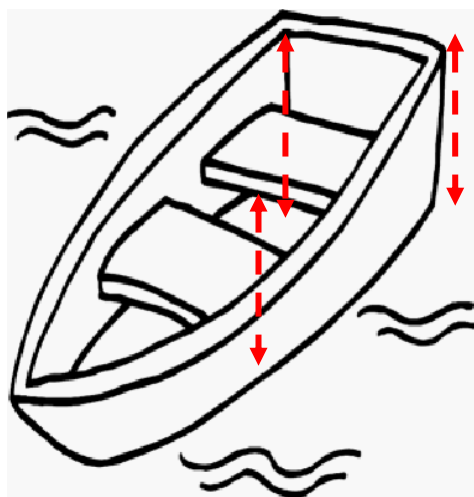

Иллюстрация 12. Глубина лодки: возможные прочтения

- (30) *Глубина лодки* такая, что гребец обычно сидит так низко, что вёсла, как правило, цепляют колени. [Противолодочная подлодка «Трешер». Морские приключения. www.lindos-star.gr]

Из 139 вхождений предметной *глубины* в корпусе генитивных конструкций абсолютное большинство употреблений (130 примера) ($\chi^2 = 226.72$, $df = 2$, $p < .001$) приходится на измерение разного типа трёхмерных ёмкостей и углублений в пространстве, и реже всего измеряется глубина *веществ*, таких как *снег* и *вода* (3 примера), а также глубина *слоев* (6 употреблений).

3.6.1.2. Углубления и ниши

Целый ряд объектов второго класса – ‘углубления и ниши’ – также являются носителями признака *глубина*, и здесь, без сомнения, показателен сам корень слова ‘углубление’ – *глуб(л)-*. Тем не менее этот класс X-ов не всегда маркирует какую-либо пространственную вытянутость объекта по горизонтали или по вертикали. Возьмём, к примеру, *царапины*, *раны* и *дыры*, пространственная маркировка которых будет неоднозначна. *Царапина* или *рана* может быть *глубокой* и *длинной* одновременно. Однако, в русском языке *царапины* чаще ассоциируются с *длиной*, чем с *глубиной*. И, наоборот, *раны* всегда *глубокие*, но не *длинные*. Тем не менее, в языке предметных пространственных параметров *глубиной*

характеризуются, скорее, *раны*, чем *царапины*, – повреждения на поверхности из *кожи*, *дерева*, *стекла* и т.д.

Любопытно, что применительно к одушевлённым объектам, для *царапин* существенна, в первую очередь, *длина*, так как царапины, оставляемые в большинстве случаев тонким и острым элементом-вторженцем (в терминологии Линде-Усекневич), не ставятся в один ряд с *ранами*, наносимыми, скорее, вглубь, чем в длину. Это говорит в пользу того, что *глубина*, помимо пространственных характеристик измеряемого объекта-хозяина, может отсылать и к размерам, а также форме элемента-вторженца. Ср. (31):

(31) — Что это? — спрашиваю.

— Жеребенка волк порезал, эвось как укусил, палец в рану влезает! — сказал хозяин, показывая на кривом указательном пальце своем *глубину раны*. [Н. И. Березин. Пешком по карельским водопадам (1903)]

Можно заключить, что здесь, безусловно, в интерпретацию включается антропоцентрическая модель, устанавливающая свою очерёдность приоритетов параметров. Но описание *глубины* или *длины царапин* возможно, если речь идет о неодушевлённом предмете, например, *автомобиле*, *кузове*, *капоте*, *зеркале*, *кресле* или других артефактах с «чувствительной» поверхностью. Ср. примеры (32)-(33):

(32) Стоимость ремонта машины зависит от *глубины* и *длины* царапины. [www.stekloprav-masterskaya-po-remontu-avtostekol.ru]

(33) Ясным солнечным утром я вышел к своей машине и обнаружил на капоте *длинную* и *глубокую* царапину. [www.proza.ru]

3.6.1.3. Части тела и части частей¹⁰⁵

Части тела, кодируемые *глубиной*, подразделяются на два основных круга употреблений:

1. части тела и части частей, выступающие в функции 'вместилищ'. Ср. (34)-(43):

¹⁰⁵ Вслед за Г. Крейдлиным и С. Переверзевой мы будем называть части частей *составными частями тела*. Ср. (Крейдлин, Переверзева 2009: 378).

зрачки – глаза – глазницы

- (34) Ложь видна, она прячется искоркой в *глубине глаз*, растекается по губам. [Виктория Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002]
- (35) Меня потрясает тот самый «ржавый веночек», который таится в *глубине зрачка* и говорит мне о старости, давней любви, запоздавших почестях. [Родион Нахапетов. Влюбленный (1998)]
- (36) Был он весь какой-то несуразный, глаза спрятаны в *глубине глазниц* за лохматыми бровями; словно подслеповатое, простоватое лицо, быстрый невнятный говор — одним словом, странная личность. [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998)]

грудь

- (37) Ночью я долго не мог заснуть, мною овладело странное состояние: голова была тяжела и тупа, в *глубине груди* что-то нервно дрожало, и как будто все нервы тела превратились в туго натянутые струны...[В. В. Вересаев. Записки врача (1895-1900)]
- (38) Началась боль где-то в *глубине груди*, потом она заполнила всю комнату, налив ее черной болью, точно чернилами, кругом не стало ничего, кроме боли, только открытое окно чуть проступало в темноте, и он понимал, что за окном-то боли не было. [Федор Кнорре. Шорох сухих листьев (1967)]

тело

- (39) Огромную, медленно слабеющую нежность, которая, словно сладкая боль где-то в *глубине тела*, долго не отпускала... [Юрий Рытхэу. Когда киты уходят (1970-1977)]

мозг

- (40) Где-то в *самой глубине мозга* проклюнулось мутное воспоминание... [Сергей Юрский. Чернов (1972-1978)]
- (41) Только в *самой темной глубине мозга* вдруг шевельнулось что-то похожее на страх. [Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)]

2. части тела, уподобляющиеся 'углублениям'. Ср. (42)-(43):

морщины

- (42) По результатам клинических исследований: после трех недель потребления упругость кожи выросла 60%, *глубина морщин* сократилось 40%. [Aversi – косметика Мертвого моря, aversi.com]

извилины

- (43) Масштабом служила площадь поверхности мозга, разнообразие и *глубина извилин*. [Ю. В. Каннабих. История психиатрии (1928)]

Обратимся к самому прототипическому кругу употреблений – части тела-контейнеры. Наиболее «перспективные» носители искомого параметра – те части тела или составные части тела, которые по своим топологическим и функциональным характеристикам максимально приближены к прототипу ‘контейнер’. Это, как правило, полые трёхмерные части или части частей (*глаз, зрачок, глазница, рот*), а также само слово *тело*, нередко выступающее метонимическим обозначением человека или метафорическим ‘контейнером’.

Какова же функция тела или частей тела в таких конструкциях? Как видно, части тела как закрытые полости являются надежнымместилищем прежде всего для эмоций, мыслей, а также всего потаенного и скрытого от глаз наблюдателя. При этом самая важная функция контейнеров – функция хранения – как нельзя лучше иллюстрируется на материале соматизмов. Из основных систем человека хранению подлежат желания, эмоции и интеллектуальная деятельность. Так, *эмоции* и *желания* локализуются как в органах зрения (*зрачки, глаза, глазницы*) (примеры (34)-(36)), так и в самом важном месте сосредоточения духовных потребностей и желаний человека – *душе* (конструкции с *душой* будут рассмотрены ниже – см. 3.6.1.4. «Душа как ‘контейнер’ внутренних состояний»).

Как показывает ниже Таблица 9, чаще всего в роли метафорического ‘контейнера’ для эмоций выступают *глаза* человека или его заместители – *зрачки*. Ср. примеры (34)-(35). *Глаза* представляют собой зеркальноеместилище, отражающее хранящуюся в них эмоцию или мысль. Эмоции, как правило, скрыты от наблюдателя, поэтому части тела представляют собой идеальныеместилища для эмоций. Помимо функции хранения или сохранения эмоции, глаза обладают еще одним важным свойством ряда ‘контейнеров’: находящееся в них ‘содержимое’ труднодоступно и скрыто от глаз наблюдателя. Это нередко такое негативное эмоциональное ‘наполнение’, как *ужас, испуг, возмущение, тревога, затравленность, усталость* и проч. Однако *глаза* могут указывать на эмоцию и через такие симптомы эмоции, как *слёзы, улыбки, насмешки и усмешки*. Ср.: *в темной глубине глаз заблестели слёзы; в глубине глаз пряталась хитроватая усмешка; в глубине глаз пряталась легкая насмешка*. Глаза являются также местом локализации мыслей, инстинктов, настроений и других абстрактных понятий, связанных с мыслительной

и психической деятельностью человека (см. также Апресян, Апресян 1993; Апресян 1995б). *Глазницы*, напротив, лишены эмоционального 'содержимого'. Их функция вмещения сводится к принципу матрёшки: *глазницы* вмещают в себя *глаза*, а *глаза* – *зрачки*, ср. пример (36).

Части тела могут также быть локализаторами физиологических состояний, таких как *боль* (37)-(38) и плотские желания (пример (39)). В языке средоточием боли являются, как правило, *грудь* и само *тело*).

Другой частотный 'контейнер' – это мозг. Здесь рождаются идеи, таятся мысли, пробуждаются воспоминания, дремлют фантазии. Помимо локализатора мыслительных и интеллектуальных процессов, *мозг* – самый непрозрачный и труднодоступный контейнер для всего неизвестного и потаенного, именно поэтому в наивной языковой картине мира человеку нередко приписывается отсутствие контроля над хранящимся в этом 'контейнере' 'содержимом' (40)-(41).

Любопытно, что части тела, измеряемые по *глубине*, также концептуализируются по типу 'углублений', ср.: *глубина ушной раковины*, *глубина морщин*, *глубина извилин*, *глубина гортани*, *глубина подмышек* и проч. Несмотря на то, что некоторые части тела, имеющие полость, казалось бы, идеально предназначены для функции 'контейнеров', они, все же, не сочетаются с генитивной *глубиной*, а предпочитают другие конструкции, также образно апеллирующие к представлению о некоем вместилище. Если сочетаемость комбинаций *в глубине глаз*, *в глубине зрачков*, *в глубине тела*, *в глубине пасти* не вызывает сомнений, то в случаях **глубина зрачков*, **глубина тела*, **глубина пасти* запрет очевиден. Иначе обстоит дело с *глубина глаз*, которая переосмысливается как *глубина* метафорическая, как в (44):

- (44) Как *глубину глаз* материнских — я чувствовал слово на взгляд. [Зеленая музыка ночи(2001) // «Жизнь национальностей», 2001.03.16]

<i>часть тела X</i>	<i>частота</i>	<i>%</i>	<i>конструкции</i>	<i>частота</i>	<i>%</i>
глаз(а)	38	31.1	в глубине X-а	26	68.4
мозг	20	16.3	в глубине X-а	14	70
грудь	15	12.2	из глубины X-а	6	40
зрачок (ки)	12	9.8	в глубине X-а	9	75
тело	10	8.1	в глубине X-а	5	50
рот	7	5.7	в глубине X-а	3	42.8
лицо	2	1.6	в глубине X-а	2	66.6
подмышки	1	0.8	в глубину X-а	1	100
локоть	1	0.8	на глубине X-а	1	100
череп	1	0.8	в глубину X-а	1	100

Таблица 9. Топ 10 частей тела в конструкциях с *глубиной*

Как видно из Таблицы 9, с топологическим типом 'контейнер' чаще всего коррелируют *глаз(а)*, *мозг*, *грудь*, *зрачок(ки)* и *тело*. Абсолютный приоритет эти части тела отдают локативным конструкциям вида *в глубине X-а*. Труднодостижимость эмоционального 'содержимого' акцентируется исходно-отложительной конструкцией *из глубины X-а*.

Реже встречаются в интересующих нас структурах *лицо*, *подмышки*, *локоть* и *череп*, которые участвуют в разных видах конструкций с *глубиной*. Если *лицо* метонимически отсылает к *глазам* и выполняет функцию вместилища эмоционального 'содержимого', то *подмышки* – классический пример топологического типа 'углублений', а *череп* – трёхмерных полостей.

В то же время очевидно, что части тела могут фигурировать и в конструкциях уровня типа *на глубине X-а*, где X – часть тела, выступающая в роли меры (*на глубине локтя*, *на глубине пальца*) или часть тела, которая служит ориентиром для измерения уровня (*на глубине лодыжки*).

- (45) *На глубине локтя* песок был уже не таким горячим, опустившись на колени, курортник вырыл яму и улегся там, как в прохладной могиле. [Борис Хазанов. Корсар (2000)]
- (46) Я уже молчу про мальков, которые плескались *на глубине лодыжки*. [Sofya Dushkina - Сочинение "Как я провел лето"]

Заметим, что ни одна из перечисленных в списке Топ 10 частей тела, не имеет параметра *глубины* и, следовательно, не входит в двухчастные генитивные конструкции *глубина X-а*. Любопытно также сравнить, какие части тела могут быть *глубокими*, а какие имеют

глубину? В статье (Rachilina 1997), посвященной обозначению размеров частей тела в русском языке, а также в (Linde-Usiekniewicz 2000с), где обозначения частей тела сравниваются на базе данных из шести языков – польского, украинского, русского, шведского, вьетнамского и японского, *глубина* не рассматривается как специфический параметр частей тела. Данные НКРЯ в принципе подтверждают это положение: пожалуй, единственным исключением будут *глаза*, которые все же могут быть *глубокими* и могут иметь метафорическую *глубину* (см. выше пример 44). Более того, из 44 вхождений в НКРЯ *глубокие глаза* употребляются, скорее, в переносных контекстах, а не в значении *глубоко посаженные глаза*. Ср. (47)-(48):

- (47) Анна Георгиевна увидела эти очень светлые, беззащитно добрые, но одновременно такие *глубокие глаза* сына. [Александр Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003]
- (48) Природная осанка, большие *глубокие глаза*, в которых почти всегда вопрос: что со мной? [Ольга Новикова. Женский роман (1993)]

Итак, перечисленные наблюдения и материал НКРЯ говорят в пользу того, что части тела плохо поддаются параметризации по *глубине*, что, однако, не мешает их вхождению в конструкции *глубины*. Из трех «склеенных» вариантов конструкции (*в глубине X-а*, *в глубину X-а*, *из глубины X-а*) наибольшей частотностью обладают локативные сочетания (*в глубине X-а*), реже встречаются исходно-отложительные (*из глубины X-а*), и меньше всего части тела фигурируют в направительных конструкциях (*в глубину X-а*). Из этого можно заключить, что мы имеем дело с особым типом ‘контейнерной’ конструкции, которая задаёт свой тип наивно-пространственного измерения или измерения по образной схеме ‘контейнер’. И тогда, даже не кодируемые *глубиной X-ы* могут приобретать глубинное прочтение *ad hoc* ‘контейнера’, которое реализуется только в определенных типах ‘контейнерной’ конструкции *глубины*.

Отдельного рассмотрения заслуживает еще один часто встречающийся тип ‘контейнера’ – *душа*, обсуждаемый в следующем подразделе.

3.6.1.4. Душа как ‘контейнер’ внутренних состояний

В наивно-языковом представлении *душа* воспринимается как своеобразный невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жизнью человека (ср.

Урысон 1995; Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2005). Если считать душу органом 'наивной' «анатомии» человека, то вполне можно сказать, что *душа* – самый частотный 'контейнер' внутренних состояний. Из 1056 метафорических контекстов *глубины* в нашем подкорпусе 262 примера – 25% всех зафиксированных метафорических употреблений – приходятся на 'контейнерные' конструкции с участием *души*. В Диаграмме 4 (см. выше «Распределение переносных значений *глубины*») эти экземпляры (tokens) относятся к концептуализациям по типу 'контейнер' (type). На связь представления о *душе* с понятием вместилища указывала Н.Н. Перцова, сравнивая *душу* с «гибким мешком» еще до описания системы топологических типов в когнитивной семантике (ср. Перцова 1990: 98). В добавок к наивно-топологическим характеристикам («гибкий мешок», т.е. трёхмерная ёмкость мягкой конфигурации и непостоянной формы) Н.Н. Перцова делает любопытное наблюдение о горизонтальной ориентированности *души* в отличие от *духа*, который, по её мнению, ориентирован вертикально (там же: 99).

Существенно, что горизонтальность вместилища *душа* индуцируется и самой локативностью конструкции *в глубине души* – самой частотной из ряда зафиксированных в НКРЯ параметрических конструкций с *душой* (ср. выше Таблицу 7). Далее следуют исходно-отложительные контексты (*из глубины души*), и реже *душа* выступает ориентиром траектора в направительной конструкции *в глубину души* (ср. выше примеры (28)-(30)).

Внутренние состояния, которые заполняют *душу*, как и в случае с частями тела, имеют негативные коннотации: во-первых, это невидимые, скрытые состояния, плохо поддающиеся наблюдению со стороны (49)-(50); во-вторых, «дистантно» глубокая локализация чувства зачастую раскрывает несоответствие внешней оболочки и внутреннего чувства (51), ср.:

- (49) П.П. *в глубине души* стеснялся этого своего «правительственного» творчества. [Александр Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003]
- (50) *В глубине души* каждой из нас прячется Тереза Авильская или Тереза из Лизье. [«Испытать оргазм в семьдесят шесть лет – это подвиг» (2003) // «Петербургский Час пик», 2003.09.10]
- (51) Я старался быть честным и непредвзятым, но все равно *в глубине души* иногда ненавидел своих подзащитных. [Татьяна Тронева. Русалка для интимных встреч (2004)]

Другие конструкции *глубины*, в которые входит *душа*, можно подразделить на два круга употреблений: конструкции предела или предельной точки состояния/чувства (*до глубины души*) – второй по частоте ряд (464 вхождения в НКРЯ). Относительно мала доля употреблений беспредложных генитивных конструкций (*глубина души*) (всего 48). Значительно реже встречается окружение *от глубины души* с покрытием в 42 употребления. И, наконец, как уже отмечалось выше, самой редкой конструкцией *глубины* с компонентом *душа* будет направительная конструкция с предлогом *в* (*в глубину души*), на долю которой приходится всего 28 употреблений. Ср. Таблицу 10.

<i>в глубине души</i>	1275
<i>до глубины души</i>	464
<i>из глубины души</i>	96
<i>глубина души</i>	48
<i>от глубины души</i>	42
<i>в глубину души</i>	28

Таблица 10. Душа в генитивных конструкциях с *глубиной* (по НКРЯ)

Подводя итог распределению *души* по конструкциям, можно сказать, что функции *души* сводятся к двум наивно-языковым концептуализациям. Прототипическая функция *души* это – прежде всего вместилище для внутренних состояний и лишь периферийно *душа* служит конечной точкой шкалы (*тронут до глубины души*) в конструкциях *предела* или отправной точкой в исходно-отложительных конструкциях (*из глубины души*). Интересно, что чувство, которое вмещает в себя ‘контейнер’ *душа*, само по себе биполярно. Нередко чувства в исходно-направительных конструкциях, посылаемые наружу, как, скажем, *из глубины души*, *от глубины души* чище и светлее чувств, остающихся внутри вместилища или загоняемых внутрь него, ср. пример (52):

- (52) Очень много теплых, добрых, искренних, душевных слов было сказано об усопшем на поминальной трапезе. И все они шли *из глубины души*, от чистого сердца. [Протоиереи (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.01.26]

Внутрь души загоняется страх, сомнение, беспокойство, т.е. те стихийные внутренние состояния, которые могут «просочиться» в душу без участия или контроля со стороны человека, испытывающего это чувство, ср. (53)-(55):

- (53) Их в Медвежьей Горе не расстреляли, как в *глубину души* не только к Тете Варе, но и ко мне заползала эта страшная мысль: весь огромный многотысячный лагерь эвакуировали. [Татьяна Окуневская. Татьянин день (1998)]
- (54) И хотя Сергей почувствовал некоторую аморальность всей этой истории, но Зураб с таким юмором рассказывал о своей роли руководителя ансамбля, что ощущение аморальности не проникало в *глубину души*, оставалось чисто риторическим. [Фазиль Искандер. Морской скорпион (1977)]
- (55) Мысль металась в поисках выхода, беспокойство все дальше проникало в *глубину души*, и росло нервное напряжение. [И. А. Ефремов. Эллинский секрет (1942-1943)]

Альтернативой *души* в контейнерных конструкциях выступает *сердце*. НКРЯ дает всего 52 вхождения комбинации в *глубине сердца*, которая тем самым встречается почти в 25 раз реже, чем комбинация в *глубине души*. Е.В. Урысон объясняет соотношение *души* и *сердца* квазисинонимией (Урысон 1995, ср. также работы А. Вежбицкой о ключевых концептах русского языка и русской культуры):

В отличие от души, сердце представляется лишь органом чувств и связанных с ними желаний человека, но не его внутренней жизни в целом. Ср. *Ее сердце было полно страха <злости, любви, ненависти, радости>*; *В сердце рождалась обида <зависть>* и проч. Невозможно **Её сердце было полно сомнений* [...], потому что сомнения и понимание чего-л. не являются чувствами. Чувства, органом которых является сердце, в гораздо большей степени, нежели чувства, ассоциируемые с душой, представляются не зависящими от конкретных внешних обстоятельств: они возникают как бы сами по себе, причем в их возникновении и развитии мала роль интеллектуальной оценки. [...] Тем самым, сердце связано с наиболее природной, стихийной частью внутреннего мира человека. С другой стороны, сердце связано с наиболее интимной стороной личности – это орган любви к человеку противоположного пола. Ср. *Ее сердце еще не знало любви, Он таил это чувство в глубине сердца* (Урысон 1995: 5).

В каком-то отношении конструкции в *глубине души* и в *глубине сердца*, так же, впрочем, как и их неглубинные варианты в *душе* и в *сердце*, можно считать квазисинонимичными, однако в *сердце*, в отличие от *души*, может локализоваться и знание (*В глубине сердца я знал свою судьбу; В глубине сердца Роберт Бернс знал цену своим стихам*).

Как уже было описано выше, *дух*, в отличие от *души*, в наивно-языковом представлении стремится вверх и ориентирован вертикально. Он не может концептуализироваться по типу 'контейнер', однако его вертикальная составляющая

хорошо соотносится с дистантными значениями *глубины*, как, например, в употреблении *глубина духа* или лексикализованном множественном *проникнуть в глубины духа*.

3.6.1.5. Предметы одежды и обуви

Предметы одежды и обуви по аналогии с частями тела концептуализируются по типу 'контейнер' и по типу 'углублений'. Рассмотрим каждый из этих типов в отдельности:

Одежда как задрапированный контейнер:

Далеко не все предметы одежды могут быть представлены в контейнерной конструкции *глубины*. Возможно: *в глубине пальто*, *в глубине капюшона*, *в глубине платья*, но менее вероятно: **в глубине шарфа*, **в глубине галстука*, **в глубине пояса*. Вполне очевидно, что интересующая нас контейнерная конструкция отдает предпочтение совершенно определенным топологическим типам предметов гардероба. Они должны соответствовать следующим минимальным характеристикам 'контейнера': 1. иметь полость; 2. быть трёхмерными; 3. иметь наполнение. Кроме того, здесь наблюдается смещение главной функции 'контейнеров': одежда предназначена не для хранения или содержания других объектов¹⁰⁶, а прежде всего для «драпировки» тела. Вдобавок одежда защищает тело от холода, жары и других погодных явлений. В соответствии с тремя вышеназванными свойствами, оптимальными составляющими искомой конструкции будут: *рукав*, *платье*, *тулуп*, *шуба*, *капюшон*, *сапоги*, *шляпа* и проч., т.е. те предметы одежды или их части, которые не только драпируют части тела, но и предназначены для их вмещения. Ясно, что *галстук*, *пояс*, *шаль* и проч. аксессуары не облекают части тела и, следовательно, не участвуют в контейнерных конструкциях.

Вырезы:

Второй круг употреблений конструкций с *глубиной*, описывающих одежду, относится к концептуализации X-а по типу 'вырезов'. 'Вырезы' представляют собой особый

¹⁰⁶ Безусловно, существуют предметы одежды и детали гардероба, а также их части, главная функция которых именно хранение других объектов, как, например, *карман*, *сумка* и даже пресловутый *чулок*.

топологический тип, который, по всей видимости, следует рассматривать отдельно от 'углублений' и 'ниш'¹⁰⁷. В отличие от последних, 'вырезы' не имеют объёма и ограничиваются одной плоскостью. Как видно из примеров, этот тип концептуализации – самый «гибкий», т.к. носители признака этого типа могут выступать в гораздо большем числе конструкций с *глубиной*. Так, в примере (56) сочетание *глубина декольте* представляет один из тех редких случаев, когда возможна прямая отсылка к параметру:

- (56) Мягкий джемпер с V-образным вырезом — удачный выбор для женщин с широкими плечами и полной грудью. Молния позволяет регулировать *глубину декольте*. [Обновить гардероб? Легко! Сочетания, создающие стиль // «Даша», 2004]

К этому ряду употреблений относится целый пласт швейной терминологии: *глубина выреза на спине*, *глубина разреза на юбке*, *глубина мешковины*, *глубина вытачки*, *глубина складки*. При этом, именно в этих контекстах частотна дистантная составляющая *глубины*, как в *глубина проймы*, *глубина прогиба талии* или *глубина горловины*. Ср. Илл. 13.

Иллюстрация 13. Глубина проймы

Возможны и «размытости» параметрического и дистантного значений, как, скажем, в обозначениях *глубина кармана* или *глубина шва*, где возможно как дистантное, так и параметрическое прочтение.

¹⁰⁷ Благодарим за это наблюдение Е.В. Рахилину.

Обращает на себя внимание асимметричность параметризации предметов одежды в разных конструкциях с *глубиной*. Возьмем для сравнения локативную, атрибутивную и генитивную конструкции¹⁰⁸, ср. Таблицу 11.

	Х	в глубине Х-а	глубокий Х	глубина Х-а
ВЫРЕЗ	декольте	✓	✓	✓
	вырез	✓	✓	✓
	горловина	✓	✓	✓
	разрез	✓	✓	✓
КОНТЕЙНЕР	карман	✓	✓	✓
	рукав	✓	✓	✓
	капюшон	✓	✓	✗
	сапог	✓	✓	✗
	шляпа	✓	✗	✗
	пальто	✓	✗	✗
	платье	✓	✗	✗
	перчатки	✓	✗	✗
	шарф	✗	✗	✗

Таблица 11. Предметы и части одежды в конструкциях с *глубиной*

Как показывает Таблица 11, больше всего сочетаемостных ограничений нужно учитывать с генитивом (конструкция *глубина Х-а*). Менее избирательны – атрибутивные конструкции (*глубокий Х*), – они накладывают меньшее количество ограничений и охватывают разные топологические типы Х-ов (от самых «схематичных» до трёхмерных). Почти «свободная» комбинация элементов наблюдается в конструкции *в глубине Х-а*, которая охватывает самые разнообразные топологические типы.

Самые «лабильные» объекты одежды – это те, которые фигурируют во всех трех видах конструкций с *глубиной*. Т.е. концептуализация по типу ‘вырезов’ предоставляет некоторую свободу в выборе конструкции. Это, с одной стороны, не предметы, а части одежды, многие из которых являются частью специфического и нечастотного в разговорной речи пласта лексики швейного дела (первые четыре строки). С другой стороны, этот ряд обозначений лучше всего поддается схематическому представлению в

¹⁰⁸ В статье (Ström 2000), посвященной сочетаемости параметрических прилагательных с обозначениями одежды в шведском языке, параметр *глубина* и его обозначения (*глубокий*, *глубина*) не рассматриваются.

виде более простых концептуальных форм, ведь многие из этих слов «берут свое начало» в чертеже или на бумаге и материализуются лишь на следующем этапе.

По сравнению с 'вырезами', предметы гардероба, которые могут выполнять функцию 'контейнеров' или, скорее, 'декораторов', иллюстрируют разные топологические типы и выполняют разные функции: от трёхмерных полых *карманов*, *рукавов* и *капюшонов* до вытянутых по вертикали *сапог* и многофункциональных *шляп*. Очевидно, что обозначения, которым нельзя приписать параметр *глубокий*, не обладают параметром *глубина*, т.е. их измерение по *глубине* не имеет функциональной значимости для человека. Чисто топологическая интерпретация объясняет эти запреты их несоответствием вышеперечисленным критериям классических 'контейнеров' (ср. набор признаков в Таблице 8). Так, например, если *карман* имеет дно, то ни *шляпа* (в своей канонической ориентации), ни *пальто*, ни *перчатки* такого дна не имеют, а *шарф* – вовсе не полый предмет. Однако тут можно возразить, что, если *сапоги* – полый, трехмерный предмет, имеющий дно, почему же он не допускает генитив (**глубина сапог*), ведь *глубина сапог*, в принципе, может быть критичной для человека? Если в случае *капюшона* запрет на генитив можно аргументировать, сославшись на мягкую конфигурацию объекта, то в случае *сапог* это не решает проблему.

Итак, разные конструкции задают разные типы концептуализации *глубины*. Во-первых, сам топологический тип может притягивать либо отталкивать определенные конструкции¹⁰⁹. В случае *глубины* менее «проблематично» ведут себя 'вырезы', в то время как для 'контейнеров' важна и функциональная составляющая. Важно, что один и тот же предмет одежды может относиться к разным типам концептуализации: каждое 'углубление' и 'вырез' допускают концептуализацию по типу 'контейнер', но далеко не каждый 'контейнер' может быть схематично представлен в виде 'углубления' или 'выреза'. Отметим, что для *декольте*, *горловина*, *разрез* и проч. в роли 'выреза' существен сам параметр *глубина*, т.к. его отклонения в ту или другую сторону – вопрос качества пошива изделия и его (не)соответствия определенному стилю. Более того, названные X-ы выступают и в роли своеобразных вместилищ для частей тела. Именно этим объясняется

¹⁰⁹ О неоднородности топологических типов и конструкций на примере генитива меры см. (Рахилина 2010: 245), где, в частности, дается обзор сочетаемости сосудов и разных типов конструкций. Ср.: *глубокая тарелка* – *тарелка с едой* – *еда в тарелке* – *тарелка еды* (генитив меры) vs. *глубокий карман* – *карман с ключами* – *ключи в кармане* – **карман ключей*.

их свободное включение в конструкции типа *в глубине X-а* (*купон в глубине декольте, кожа в глубине выреза* и т.д.). Обратный пример представлен, к примеру, объектом карман. *Карман* будет классическим ‘контейнером’ как по своей функции, так и по своим физическим свойствам (трёхмерный полый объект, наличие объема). Поэтому вполне естественно приписывать *карману* такие ярлыки, как *глубина* и *глубокий*. В то же время конструкция *в глубине кармана* кодирует другой тип пространственной локализации, где *глубина* задает пространственные рамки локализации предмета внутри вместилища. Надо полагать, локативная конструкция апеллирует к более высокому уровню абстракции и повышению схематичности представления объекта. Отдельного рассмотрения, по всей видимости, заслуживает конкуренция конструкций *в X-е* vs. *в глубине X-а*, однако в рамках данной работы это различие пока не изучалось.

3.6.1.6. Вещества и водоёмы

Остальные две группы употреблений – *вещества* и *слои* – более сложная группа. Эти топологические типы выступают по сути в двойной роли – содержимого и контейнера. Вещества, такие как *вода* или *песок*, могут наполнять *вазу, кастрюлю* и проч., но в то же время объект, опущенный в кастрюлю с водой, содержится уже в двух контейнерах – *воде* и *кастрюле*. Однако кодирование обоих контейнеров в языке было бы излишним, поэтому лишь один участник ситуации вмещения выходит на первый план, становясь «фигурой» и таким образом «загоняя» второй контейнер в «фон». *Рыба* плавает в *воде* или в *озере*, а не в *воде озера*, т.е. двойная кодировка ‘контейнера’ нелогична. Понятно, что *сахар в чае* подразумевает наличие еще одного участника ситуации ‘вмещения’ – *кружки* или *чашки*, хотя этот актант вообще не выражается (?*сахар в стакане чая*).

Другое опущение вещества-содержимого можно обнаружить в самых частотных в статистическом профиле *глубины* значений числового физического параметра, а именно в выражениях, характеризующих *глубину* водоёмов (*глубина океана, глубина моря, глубина озера, глубина пруда, глубина реки, глубина водохранилища* и т.д.). Ситуация, аналогичная сахару в чае, наблюдается и здесь. Измеряя *глубину озера*, мы на самом деле измеряем его наполнение – *воду*, – содержимое, которое не находит выражение в языке. Еще одним аргументом в пользу этой интерпретации будет то, что высохшее озеро не имеет параметра *глубина*. И здесь, как и в случае с названными выше примерами, мы

имеем дело с метонимическим переносом, при котором один параметр подменяется другим: размер содержимого 'контейнера' выдаётся за размер самого 'контейнера'.

3.6.1.7. Следы

Еще один периферийный случай сочетаний с *глубиной* представляют *следы*. Следы нельзя причислить ни к физическим, ни к вещественным контейнерам, так как по топологическим характеристикам они не относятся ни к классу артефактов, ни к классу веществ. Какую тогда нишу займут *следы*? Как выясняется, *следы* – особый тип углублений, который на языке когнитивной модели зрительного восприятия пространства (Landau & Jackendoff 1993; Jackendoff 1996) можно представлять в виде «отрицательных» или противоположных частей объектов¹¹⁰ (ср. „negative“ parts of objects в Hoffman & Richards 1984; Herskovits 1986), характеризующихся отсутствием субстанции и схематично могут быть представлены как недостающие части X-а (ср. выше 2.3. «Трёхмерная модель зрительного восприятия пространства, или 3 D model»).

В НКРЯ сочетание *глубина следа* встречается, в частности, в следующих примерах (57)-(59):

- (57) По *глубине следа* вес гиганта никак не меньше 250 килограммов. [В. Сапунов. Здесь живет киик-адам // «Вокруг света», 1990]
- (58) *Глубина следа* — сантиметров шесть, причем видно, что пальцами нога поддевала пружинящий дерн. [Майя Быкова. У избушки на курьих ножках // «Техника - молодежи», 1989]
- (59) «Русские о числе неприятеля узнают по широте дороги, протоптанной в степях татарскими конями, по *глубине следа* или по вихрям отдаленной пыли». [Анатолий Мариенгоф. Циники (1928)]

Во всех трех контекстах речь идет о следах, оставляемых человеком (57)-(58) или животным (59). Однако делать выводы, опираясь только на эти три примера, не представляется целесообразным. Несколько другую картину распределения дает

¹¹⁰ К «отрицательным» частям авторы относят целую группу объектов, хотя объектами как таковыми их назвать нельзя. Среди них не только «отрицательные» части в узком смысле, такие как *дыра*, *вмятина*, *царапина*, *бороздка* и др, но и в более широком понимании *долина*, *канавка*, *колодец* и даже *дверь* и *окно* (Landau & Jackendoff 1993: 222).

поисковая система Яндекс. Здесь *глубина следа* представлена уже 2000 примеров, многие из которых иллюстрируют другую сферу употребления – следы, оставляемые инструментами и орудиями. Именно из этих последних употреблений становится ясно, что параметрическое слово в этом случае, будь то генитивная конструкция *глубина следа* или атрибутивная конструкция *глубокий след*, характеризует не свойство объекта измерения, а описывает размеры элемента-вторженца (в терминологии Линде-Усекневич – *intruz*). Другими словами, расстояние от «входа» до «дна» будет неразрывно связано с размерами «вторженца» или траектора¹¹¹.

Другое важное замечание касается смены перспективы, которую можно толковать как смещение акцента с 'контейнера' (размеров элемента-хозяина) на 'вторженца' (а точнее, его размеры). Приведем несколько примеров. В именной группе *глубина колодца* колодец выступает в роли 'контейнера', а его содержимое (вода) прочитывается по умолчанию, при этом основной центр тяжести приходится на ориентир – размеры 'контейнера'. Наоборот, в сочетании *глубина следа* происходит смена фигуры и фона: 'контейнер' – традиционно это *снег, песок, слякоть, трава, почва, земля, кожа* – не называется, а 'вторженец' (*нога человека или зверя, нож, зубы* и т.д.) восстанавливается по глубине оставляемого им следа. Кроме того, здесь наблюдается любопытный случай перехода 'вторженца' (траектора) в содержимое, помещаемое в 'контейнере' (ср. также Vogel 2004: 273). А. Фогель, анализируя глубину *следов, царапин, ран* и *впадин* на примере шведского языка, делает вывод о том, что этот тип объектов не ориентирован в пространстве. Иными словами, следы и проч. углубления могут быть как горизонтально, так и вертикально направленными – это не меняет их «пригодности» для параметра *глубина* (Vogel 2004: 274). Можно предположить, что идентификация ориентированности такого вида объектов в пространстве все-таки возможна, даже если нет дополнительных указаний из контекста. Дело в том, что горизонтальная или вертикальная направленность *следов, царапин* и проч. углублений на разного типа поверхностях «считывается» как из самого обозначения X-а (*след, царапина, рана* и т.д.), так и из указания на объекта-хозяина, на поверхности которого оставляется X (*вода, песок, кожа* и проч.). Как мы помним из подраздела 3.6.1.2. «Углубления и ниши», в русском языке в семантику слова

¹¹¹ Е.В. Рахилина объясняет образование сочетания *глубокий след* особым типом метонимического сдвига, при котором *глубокий* «переносит свою синтаксическую сферу действия на сам вершинный предикат» (Рахилина 2000: 142; Рахилина 2010: 143).

«царапина» заложено преобладание *длины* над *глубиной*, царапины в нашем языковом сознании – длинные и неглубокие ранки на коже. Это же подтверждает толкование в МАС: «царапина = неглубокая, длинная ранка на теле, нанесенная чем-л. тонким и острым». МАС включает в толкование и существенную, на наш взгляд, отсылку к «вторженцу» как тонкому и острому предмету. Аналогичная привязка к «элементу-траектору» заложена в семантику многих русских углублений, каждое из которых имеет свою, хотя и невыраженную, пространственную ориентацию. Если *царапины* и *ссадины* – неглубоки, то *раны*, как правило, глубоки, а *вмятины* и *впадины* прежде всего трёхмерны. Т.е. говорить об отсутствии пространственной ориентации в случае разного типа следов, скорее, неверно.

Третья группа 'вторженцев' представлена транспортными средствами и их частями, ср. пример (60):

- (60) Бурые склоны хранили глубокие следы экскаваторных зубьев. [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)]

Итак, четыре круга отсылок к *глубине следов* можно суммировать следующим образом:

Объекты-хозяева (ориентиры): вещества, слои, поверхности:

вода, слякоть, снег, песок, почва, земля, грязь, трава, кожа.

Объекты-вторженцы (траекторы): человек, животное, инструмент, транспорт:

человек: *ноги, каблуки, сапоги;*

животное: *ноги, копыта, подковы;*

инструмент: *ногти, зубы, пила, нож, веревка;*

транспорт: *корабль, экскаватор, трактор.*

В отличие от генитивной группы, для атрибутивной конструкции (*глубокий след*) центральными будут метафорические контексты. На их долю приходится 81% (157) всех употреблений атрибутивного сочетания (всего в НКРЯ: 193), ср. наиболее частотные: *оставить глубокий след в душе, в памяти, в истории, в культуре, в сознании, в судьбе, в сердцах* и проч.

3.6.1.8. Слои

До сих пор мы рассматривали контексты с физической *глубиной* на примере *предметных* контейнеров и следов, которые как «отрицательные» или «противоположные» части объектов представляют промежуточный случай. Следующий круг употреблений составляют такие *вещественные* контейнеры, как слои. Выше мы уже говорили о том, что если вещества образуют содержимое контейнера, то слои сами выступают в роли контейнеров для предметов-вторженцев. В сущности, слои становятся контейнерами только тогда, когда в ситуацию включается еще один элемент – вторженец.

Любопытное замечание делает в этой связи Я. Линде-Усекневич. В её терминологии *снег* может выступать в качестве элемента-хозяина (ср. выше 3.1.), только если контекст содержит указание на обязательное наличие элемента-вторженца. Иными словами, указание на *глубину воды* всегда относится ко всему количеству *воды*, в то время как *глубокий снег* как утаптываемое вещество (в отличие от *воды*) чаще подразумевает не всё, а лишь определённое количество *снега*, т.е. снег под ногами человека или животного (Linde-Usiekniewicz 2000b: 145)¹¹².

В имеющихся в нашем распоряжении примерах *глубина* измеряется у разного рода *слоев*: *почвы*, *покровов*, *залежей*, *наклёпов*, *ила* и проч. В отличие от топологического типа ‘вещества’, *слои*, как правило, выступают контейнером для других объектов (*снег*), но сами не требуют участия внешнего ‘вместилища’, т.е. не могут быть ‘содержимым’ другого ‘контейнера’ (ср. также Vogel 2004: 257).

Разграничение на слои «в земле» и «не в земле» релевантно с точки зрения выбора точки отсчета измерения, т.е. горизонтальной поверхности от которой измеряется расстояние вниз до «дна». В соответствии с этим слои «в земле», такие как *залежи* (в значении «скопления полезного ископаемого» по МАСу), составляют часть земли и будут измеряться от поверхности земли по направлению вниз; здесь реализуется, как правило, *глубина* в дистантном значении, т.е. значении удалённости предмета от поверхности земли. В то же время слои «не в земле» предполагают накопление вещества на поверхности земли (*снег*, *песок*, *грязь*) или в воде (*ил*). Их измерение возможно только при

¹¹² Однако вполне возможен контекст, в котором содержится намёк на *глубину снега* в ситуации, где в роли элемента-вторженца выступает артефакт – *машина*, *дом* и проч., ср.: *машина забуксовала в глубоком снегу*; *дом занесло глубоким снегом*.

динамическом движении траектора в сторону ориентира, т.е. наличии вторженца, измеряющего соответствующий параметр сверху вниз – вдоль направления движения проникновения внутрь вместилища.

Тип объекта *слои* иллюстрирует еще одно значимое противопоставление: *глубина слоя* vs. *толщина слоя*. Если *глубина слоя* предполагает обязательное наличие траектора, будь то сапог человека или экскаватор, то *толщина слоя* предполагает измерение только таким антропоцентрическим эталоном, как *пальцы*. Это значит, что параметр, описывающий слой, предельно и, по сравнению с *глубиной*, невелик, если учесть, что в пределах нормы ожидания человек не может охватить пальцами более 20 сантиметров. Безусловно, возможны контексты, в которых охват производится руками, но даже в этом случае антропоцентрический фактор будет накладывать свои ограничения на применение этого параметра (подробнее о *толщине* см. Главу 6 «Толщина»).

3.6.2. Отпредикатный X

Помимо предметных и вещественных реализаций, позиция первого элемента генитивной конструкции с *глубиной* может быть замещена предикатным X-ом. Сюда относятся: *глубина бурения*, *глубина вспашки*, *глубина переработки нефти*, *глубина закладки фундамента*. На значимость этого сочетаемостного условия *глубины* указывается также в (Апресян 2009: 171), ср.: «[...] первым актантом некоторых линейных параметров может быть не только предметное, но и предикатное существительное; ср. *высота полета*, *глубина вспашки*, *длина пробега*. Такие сочетания весьма характерны для большинства нелинейных числовых параметров; ср. *скорость самолета* и *скорость полета*, *температура воды* и *температура плавления* и т.п.».

Как показывает статистика, отглагольное имя в позиции X-а – самый распространенный вариант в конструкциях с дистантной *глубиной*. Как мы помним, доля дистантных значений *глубины* составляет около 12 % (N = 172 примера) от общего числа подкорпуса в 1417 вхождений. Кроме того, дистантная *глубина* – самый распространенный ярлык физической *глубины* (47.6% параметрической подгруппы).

Из 172 дистантных употреблений в конструкциях с *глубиной* 162 позиции (= 94.1 %) представлены отглагольными существительными, ср. наиболее прототипические

отглагольные Х-ы: *глубина залегания (грунтовых вод)*, *глубина обработки (почвы)*, *глубина переработки нефти*, *глубина погружения*.

В основе всех дистантных значений *глубины* лежит метонимический сдвиг на уровне синтаксической структуры, при котором происходит «смещение сферы действия предиката» (Рахилина 2000, 2010₂: 142). В этой связи приводится пример атрибутивного сочетания *глубокое бурение*, в котором «синтаксическая сфера действия *глубокий* [...] сдвинута», так как прилагательное здесь определяет само отглагольное имя, а не результат бурения – *скважину* (там же).

В случае же генитивной конструкции *глубина бурения* возможна реализация второго актанта – *скважины* и тогда мы имеем дело с двугенитивной именной группой *глубина бурения скважины*, в которой реализуется пациентивная валентность¹¹³. Ср. другие примеры с выраженной второй валентностью: *глубина переработки нефти*, *глубина обработки почвы*, *глубина погружения насоса*, *глубина разработки месторождений*, *глубина хода лодки* и мн.др. На синтаксическом уровне *глубина* в генитивной конструкции, в отличие от *глубокого бурения*, поднимается на проекцию выше, становясь вершиной ИГ, в то время как отглагольное имя переходит из вершины в зависимое. Если сопоставить два сочетания *глубина скважины* и *глубина бурения*, становится ясно, что в первом примере фокус внимания приходится на результат процесса бурения – *скважину*; во втором случае, наоборот, наблюдается сдвиг фокуса внимания с «результата» на само «действие»¹¹⁴.

Другие случаи метонимии *глубины* имеют в качестве исходной дистантную *глубину*. Однако здесь важно отметить, что дистантное прочтение возможно как в «чистом» виде, когда материализуется только уровень или отдаленность расположения процесса от поверхности плоскости измерения (ср. *глубина горных работ*, *глубина приманки*, *глубина перепада дна*, *глубина обнаружения объектов*), так и в сочетании с дополнительной семантикой погружения на *глубину* и/или извлечения из *глубины*. Траектория движения самого объекта или инструмента его погружения или извлечения по образной схеме PATH может быть одно- либо двунаправленной. Так, в семантике Х-а может быть заложена только однонаправленность траектории движения из некоторой начальной точки в конечную (*глубина загрузки насоса*, *глубина заделки семян*, *глубина заложения*

¹¹³ О двойном генитиве в русских именных группах см. также (Гращенков 2004).

¹¹⁴ О сдвиге фокуса внимания с одного смыслового компонента на другой при метонимическом переносе см. подробнее в (Падучева 1999, 2004, 2010).

фундамента). Между тем возможны и прямые указания на возвратное движение из начальной точки в конечную и обратно, т.е. здесь непосредственно за «погружением» следует «извлечение» (*глубина выемки, глубина вытяжки, глубина извлечения*).

Как видим, отпредикатный *Х*, как правило, обозначает проведение различных механических работ и действий на *глубине*, а также уровень расположения объектов, веществ или слоев на *глубине* (*глубина залегания кабеля, нефти, грунтовых вод, глины* и проч.).

3.6.3. На периферии *глубины*

Итак, до сих пор мы имели дело в гораздо большей степени с обозначениями размера, почти не затрагивая случаев позиционных употреблений *глубины*. Тем не менее, далеко не все примеры с *глубиной* можно с уверенностью отнести к тому или иному кругу употреблений. Выясняется, что «чисто» позиционных значений в действительности очень мало (*глубина гнезда, глубина норы, глубина приманки*), если не учитывать отпредикатные *Х*-ы, значение которых преимущественно «позиционно».

Важные отличия, по-видимому, можно констатировать в субстантивной и атрибутивной конструкциях *глубины* с периферийными значениями этого параметра (ср. *глубина течения* vs. *глубокое течение*). Одно из таких отличий касается параметра постоянного свойства или признака объекта. Как уже отмечала Е.В. Рахилина, дистантное *глубокий*, описывает только постоянную характеристику объекта, т.е. маркирует только внутренний параметр, а значит объектом его описания будут статичные или квазистатичные предметы. Именно поэтому существует запрет на сочетания **глубокий якорь* в значении расположения 'на большой глубине' или **глубокие рыбы / *глубокие подводные лодки* (ср. также Рахилина 2000: 123; Рахилина 2010₂: 125). Для этого в русском языке существуют другие прилагательные, близкие по значению к *глубокий*, как, например, *глубоководный* (= «производимый на большой глубине, предназначенный для больших глубин», МАС) и *глубинный* (= «находящийся, действующий, производимый и т.п. на большой глубине», там же). Ср. *глубоководные рыбы*, но не **глубокие рыбы*; *глубинный взрыв*, не **глубокий взрыв*. Любопытно, что во многом семантические нюансы, передаваемые тремя разными прилагательными нивелируются, если речь заходит о *глубине*, так как *глубина* как более широкое понятие вмещает в себя значения

соответствующих отадъективных образований, таких как *глубь* или *глубинность* (подробнее они будут рассмотрены в разделе 3.9. «Глубина vs. *глубь* vs. *глубинность*»).

Один из парадоксов *глубины* заключается в том, что она допускает дистантное прочтение нестатичных, подвижных предметов, как в случае *глубина лодки* (см. выше пример (29) *рабочая глубина лодки*), *глубина якоря*. Ср. (61):

- (61) Например, отметьте *глубину якоря* перед тем, как отпустить его. Допустим, это было 12 метров. На вашем обратном пути если вы следуете на глубине 12 метров, то найдете якорь. [Статьи о дайвинге. Яндекс]

Сочетаемость дистантной *глубины* с неподвижными или временно неподвижными объектами, как видим, допустима при метонимическом переносе. Представляется, что в периферийных контекстах такого типа генитивная конструкция предстает в свернутом виде, а при полном варианте *глубина* «уходит» в вершину ИГ, включающей в себя еще одну ИГ с вершинным предикатным именем ср.: *глубина Титаника* ← *глубина залегания Титаника*; *глубина крючка* ← *глубина заброса крючка*; *глубина якоря* ← *глубина отдачи якоря*. Однако далеко не все позиционные прочтения – результат метонимического переноса с расширением синтаксической сферы действия *глубины*. Рассмотрим другие виды «диффузности» с участием *глубины*.

Даже, казалось бы, у семантически прозрачного *глубина гнезда* может наблюдаться «размытость» значения: здесь возможна «контейнерная» интерпретация (в этом случае *глубина* указывает на внутренний размер *гнезда*, который может простираться как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости), так и «дистантная» интерпретация, при которой *глубина гнезда* отсылает к удаленности *гнезда* от поверхности земли. Такие случаи (по аналогии с *глубокие пещеры, норы, тоннели* и др.) Е.В. Рахилина объясняет эффектом «**сдвоенной топологической характеристики**» объекта¹¹⁵ (Рахилина 2000: 123; 2010₂: 142), когда предметные имена допускают двоякую интерпретацию в зависимости от топологического типа объекта. В отличие от названных *пещер, тоннелей* и

¹¹⁵ Ср. также «сдвоенную таксономическую характеристику» предметных имен типа *небо* и *море* у Е.В. Рахилиной (2000: 92; Рахилина 2010₂: 94) и Е.В. Урысон (1998), по которой в одном слове могут быть представлены свойства двух разных таксономических классов. Так, например, *небо*, по Е.В. Урысон, в русской языковой картине мира кодируется как пространство и как поверхность. Это положение подтверждает также сочетаемость с пространственными предлогами: ср. *в небе птицы* [как в пространстве], но *на небе звезды* [как на поверхности]. В то же время невозможно: **на небе птицы* <*парашютисты*> (по Урысон 1998: 230).

пр. предметные *гнездо* и *нора* могут соответствовать разным топологическим типам, ср. Илл. 14, на которой представлены разные типы жилищ животных: *логово*, *нора*, *гнездо* и проч.

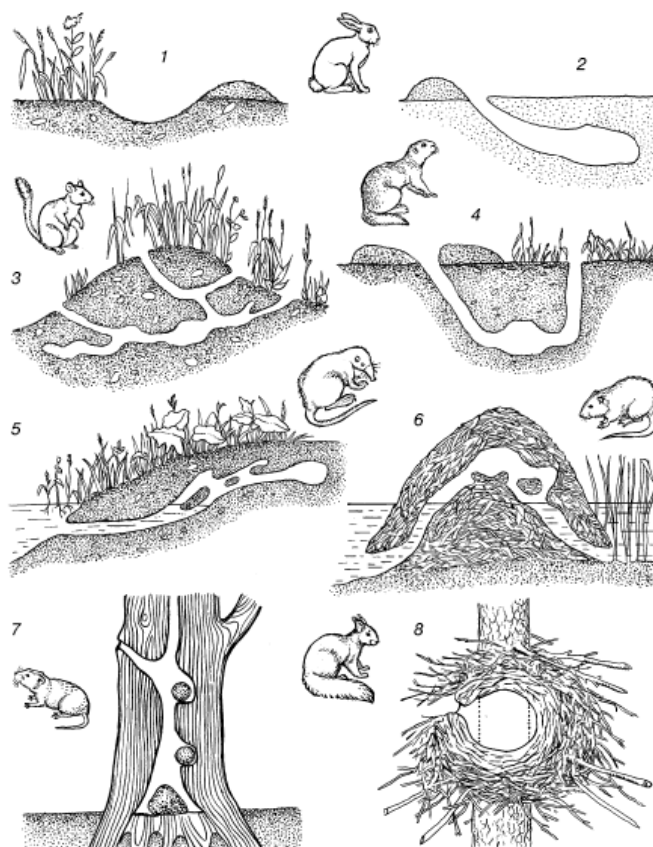

Иллюстрация 14. Особенности строения нор и расположения гнезд разных видов млекопитающих (по Н.П. Наумову, 1963, И. И. Барабаш-Никифорову, Л. Н. Формозову, 1963): 1 – логово зайца-русака в песчаных дюнах; 2 – снежная нора зайца-русака; 3 – летняя нора полуденной песчанки; 4 – нора малого суслика; 5 – нора выхухоли; 6 – хатка ондатры; 7 – гнезда рыжей полевки в дупле дуба; 8 – зимнее гнездо обыкновенной белки

Т.е., очевидно, что здесь возможны схематические представления о типе жилища как продолговатой форме, вытянутой в горизонтальной плоскости, ср. *нора зайца-русака*, *нора выхухоли* или не представленная в Илл. 14 *нора крота*. В то же время как в научном, так и в наивно-языковом представлении возможна концептуализация и в вертикальной плоскости, как в рис. 7 – гнездо рыжей полевки в дупле дуба. Таким образом, речь может идти и о «строенной топологической характеристике» объекта, позволяющей, с одной стороны, дистантную интерпретацию и, с другой стороны, интерпретацию по вертикали либо горизонтали. Еще один пример, подтверждающий невзаимозаменяемость *глубины* и *длины норы*, а точнее ее ходов, см. ниже:

- (62) Живут в глубоких норах. Сурки выкапывают их самостоятельно, не используя те норы, которые остались от других зверей. Ход может уходить *в длину* на 15, а то и 20 м. *Глубина норы* составляет, как правило, 2,5 или 3 м, иногда больше. [Охота на сурка. Уральский охотник. Яндекс]

Таким образом, из представленных контекстов периферийной *глубины*, обращают на себя внимание прежде всего случаи неразличения *глубины размерной* и *дистантной* (совмещение топологических характеристик), а также примеры метонимической «свернутости», при которых *глубина* метонимически приписывается объекту, а не предикатному X-у, описывающему способ действия или состояния.

3.7. *Глубина*₂: метонимия

Как уже говорилось выше, Ю.Д. Апресян выделяет *глубину*₂ в значении 'место или пространство на большой глубине' в отдельный подтип внутри лексикографического типа параметрических существительных (Апресян 2009: 166-167). Из пяти параметрических существительных данное семантическое наращение наблюдается только у двух параметров, для которых значима вертикальная ось измерения, т.е. у *глубины* и *высоты* (о *высоте*₂ см. ниже в 4.6.3.) – ни *длина*, ни *ширина*, и тем более *толщина*, подобных значений не развивают.

Несмотря на то, что эта лексема не представлена в нашем подкорпусе генитивных конструкций с *глубиной*, по своей абсолютной частоте значений в НКРЯ она значительно превышает все остальные неметафорические употребления (см. выше Диаграмма 3. *Глубина* X-а. Распределение неметафорических значений *глубины* в НКРЯ). Значение отдаленного расположения от поверхности земли прослеживается и в наборе конструкций, в которых реализуется искомая лексема. Так, например, исходно-отложительная конструкция *из глубины* составляет почти треть всех употреблений. Ср. (63)-(64):

- (63) Поставила пластинку «Когда усталая подложка *из глубины* идет домой». [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002]

- (64) Семейю Звягинцевых с трагедией на «Курске» связывала живая душа сына, мужа, отца и брата, вести от которого доходили по спецсвязи с *огромной глубиной*. [Елена Карелина. Командировка на «Курск» (2002) // «Сочи», 2002.08.22]

Еще раз напомним, что конструкции с *глубиной*₂ реже «притягивают» генитив посессора (*глубины Вселенной*), отдавая предпочтение конструкциям с согласованным определением (*земная глубина, океанские глубины, морские глубины*). *Глубины*₂ как пример лексикализации множественного числа будут рассмотрены подробнее в следующем разделе (3.8.). Пока только отметим, что конструкции с ними будут аналогичны конструкциям с *глубина*₂ (*морская глубина vs. морские глубины; океанская глубина vs. океанские глубины*).

Важным компонентом значения *глубины*₂, как и *высоты*₂, является то, что она всегда предполагает «большую, значительную, ощутимую» *глубину* (Апресян 2009: 167). Ю.Д. Апресян усматривает в этом важное отличие этих лексем от других параметрических слов (как классификационных, так и квалификационных)¹¹⁶. В этом смысле любопытно сравнить согласованные определения, нередко выступающие в паре с *глубиной*₂: *мистическая, тайная, таинственная, темная, совкровенная, непостижимая, невыразимая, величайшая, потрясающая, восхитительная*. Как нетрудно убедиться, *глубина* всегда маркирована. То же, по всей видимости, относится и к прилагательному *глубокий*. Следующее важное наблюдение касается такого свойства *глубины*, как труднодостижимость для человека. В этом смысле *глубина*₂ «вступает в игру» только тогда, когда она превышает *глубину*, измеряемую человеком без использования дополнительных средств параметризации. В этом смысле *глубина*₂ (как и её парный параметр *высота*₂) антропоцентрична и априори относительна.

Семантическая маркированность этой лексемы находит отражение и в предикатах *глубины*. Как правило, она «чувствительна» к предикатам эмоциональной оценки и эмоциональной реакции, ср.: *(не) бояться глубины, не опасаться глубины, страх глубины, не любить глубину* и т.д.

¹¹⁶ Ср. (Апресян 2009: 167): «Добавим, что ни у классификационных (спорт. *тяжелый* <средний, легкий> вес, *настоящее* <прошедшее, будущее> время, вагоны *первого* <второго, третьего> класса, ранг капитана <майора, полковника>, мужской <женский> пол, *положительная* <сравнительная, превосходная> степень и т.д.), ни у квалификационных параметров (*сладкий* <горький, кислый, соленый> вкус, буланая <вороная, гнедая, караковая> масть, круглая <овальная, квадратная> форма, *красный* <оранжевый, желтый> цвет и т.д.) лексем со значением 'большой, значительный, ощутимый' нет».

Еще одно отличительное свойство *высоты*₂ и *глубины*₂ относится к метафорическим переносам для обозначения 'высокого' и 'глубокого' на разных поприщах человеческой деятельности: *высота духа, глубина постижения* (Апресян: там же). Подробнее метафорические расширения на базе *глубины*₂ будут рассмотрены ниже (ср. 3.10. «Глубина: метафора»).

3.8. Глубина vs. Глубины: лексикализация множественного числа

Большинство толковых словарей русского языка не фиксируют у *глубины* лексикализацию множественного числа. Единственное исключение – это БТС, в котором есть помета (обычно мн.) у дистантного 'место или пространство, расположенное на большом расстоянии от поверхности земли или воды', т.е. у *глубины*₂. Как замечает Ю.Д. Апресян, лексикализация множественного числа – «механизм формирования параметрических слов, ср. *времена, габариты, годы, дни* (как синоним эпохи), *крови, летá, силы, традиции* и проч.» (Апресян 2009: 162). Важно отметить, что возможность образования множественного числа отмечается только у параметров вертикального размера – *высоты* и *глубины*. Другие линейные параметры – *длина, толщина* и *ширина* относятся к классу *singularia tantum*.

Лёгкость образования форм множественного числа у *глубины*₂ (как и у *высоты*₂), по-видимому, можно объяснить топологическим типом¹¹⁷. С точки зрения языка многие пространства концептуализируются в виде линий, поверхностей или вместилищ. Вполне очевидно, что тот же перенос лежит в основе дистантных значений *глубины/высоты*, нередко оформляемых множественным числом по принципу исчисляемости линий и отрезков.

Особо необходимо отметить возможность оформления множественным числом переносных значений *глубины*₂ и *высоты*₂. Ср.: *глубины скорби, глубины души человеческой, глубины человеческого падения* vs. *все высоты науки, философские высоты, высоты литературы*. Однако, в отличие от дистантных значений, качественные переносные значения параметрических существительных оформляются только единственным числом, ср. *глубина анализа, глубина таланта, глубина мысли*.

¹¹⁷ Ср. также объяснение числового поведения многих имен на основе топологических типов в монографии О.Н. Ляшевской, посвященной семантике русского числа (Ляшевская 2004). К сожалению, множественные значения параметрических существительных *высота* и *глубина* в монографии не рассматриваются.

В то же время размерные значения *высоты* и *глубины* очень редко принимают формы множественного числа, ср. *на карту были нанесены глубины и места стоянок рыбы; карта глубин реки; вновь открыли огонь со всех высот; все высоты указаны относительно уровня моря* и т.д.

3.9. Глубина vs. глубь vs. глубинность vs. глубоководность

На базе дистантного значения, т.е. отсылке к предмету, месту или пространству на *глубине*, у этого параметра появляется ряд словарных конкурентов в виде существительных *глубь* и *глубинность*. Почему языку необходима дальнейшая дифференциация *глубины*? Как мы уже смогли убедиться на ряде примеров с атрибутивными конструкциями, *глубокий* покрывает далеко не все контексты этого лексикографического фрагмента. Так, мы говорим о *глубоководных* (не **глубоких*) *рыбах*, но о *глубинном лове рыбы* (не **глубоководный лов рыбы; *глубокий лов рыбы*). Однако иногда встречаются параллельные употребления, особенно в сфере более близких *глубокий* и *глубинный*, как, например, *глубокое течение* и *глубинное течение; глубокое село* и *глубинное село* и т.д. Близость этих двух обозначений *глубины* уже отмечалась лингвистами (ср. Рахилина 2000: 124; Рахилина 2010₂: 125): в отличие от более узкого *глубоководный*, оба (*глубокий* и *глубинный*) отсылают к нахождению в воде или в земле, причем сфера действия параметра распространяется как на удаленность по вертикали (*глубинная бомба*), так и на удаленность вдоль горизонтальной оси (*глубинное село*, т.е. село, находящееся в глубине страны, области).

Несколько иное распределение акцентов дает сопоставление *глубины*, *глуби* и *глубинности*, *глубоководности*. Самая специфичная *глубоководность* имеет самую узкую область применения – *на большой глубине в воде*. В одном из значений синонимом к ней выступает устаревшее *глубоководье* = ‘высокий уровень воды в реке, водоёме’; СО, СОШ).

Глубинность синонимична *глубине* только в одном значении – дистантном. Сфера ее действия, как и у *глубины*, – это вода и земля. Но в отличие от *глубины*, которая, как правило, должна быть ‘большой’, *глубинность* чаще иллюстрирует ‘максимальную’ *глубину* объекта, ср. *глубинность бассейна, глубинность бурения*.

Самые близкие значения выявляют слова *глубина* и *глубь*. Как и в случае *глубины* и *глубинности/глубоководности*, *глубина* и *глубь* сходятся только в дистантных прочтениях, при обозначении места или пространства на *глубине* или расположения внутри, в середине чего-либо (ср. МАС). Размерных значений у *глуби* нет: **глубь колодца*, **глубь ямы*, **глубь снега*. На близость значений указывает также сходность конструкций, в которых выступают эти два пространственных обозначения: оба слова образуют локативные конструкции (*в глубине* vs. *в глуби*), направительные конструкции (*в глубину* vs. *в глубь*¹¹⁸), исходно-отложительные (*из глубины* vs. *из глуби*), но не образуют оппозицию по уровню, так как *глубь* не допускает такой тип измерения (*на глубине* vs. **на глуби*).

Кроме того, метафорический потенциал *глуби* ограничен: она, по аналогии с *глубиной*, может обозначать 'нечто глубоко скрытое, потаённое' (*глубь драмы*, *глубь веков*), т.е. допускает метафорическое расширение по схеме 'контейнер', но не обнаруживает дальнейших семантических наращений, характерных для *глубины* (ср. *глубина анализа*, *глубина мысли*, *глубина таланта* и мн.др.), краткое описание которых следует ниже.

3.10. Глубина: метафора.

Напомним, что переносные значения *глубины* составляют 75% (N = 1056) всех контекстов с участием этого обозначения (всего 1417) и тем самым значительно превышают сумму всех употреблений физического рода (N = 361 или 25 %) ($\chi^2 = 340.88$, $df = 1$, $p < .001$) (см. выше Диаграмму 2). Уже при первом знакомстве с примерами обращает на себя внимание большой разброс контекстного окружения: *глубина таланта*, *глубина анализа*, *глубина белых ночей*, *глубина тишины*, но и *в глубине бухты*, *в глубине острова*, *из архивных глубин*. Очевидно, что применяемая при анализе прямых значений *глубины* классификация топологических типов годится здесь лишь отчасти. Более того, если исходить из представления о метафоре как об особом типе семантического сдвига, при котором происходит «сужение или даже просто изменение категориальной предпосылки»

¹¹⁸ Отдельного рассмотрения заслуживают грамматикализованные варианты направительной конструкции *в глубь*, которые реализуются как предлог *вглубь* (ср.: *фигура уходила вглубь подворотни*; *пройти вглубь библиотеки*, *заглянем вглубь сердца*) или наречие *вглубь* (*распространяться вширь и вглубь*).

предиката (Падучева 1999: 489), то можно предположить, что в метафорических конструкциях с *глубиной* обнаруживается перенос топологического типа на слова, которые по определению не относятся к категории слов, задаваемой данным топологическим типом (топологический сдвиг), ср. *в глубине ямы* → *в глубине души*.

Обратим внимание, что по сути все топологические типы физического толка переносимы на нефизические контексты с *глубиной* (см. доли распределения метафорических значений выше в Диаграмме 4). Отчасти многие из рассматриваемых ниже переходов уже предлагались в (2000, 2010₂) на примере анализа переносных значений прилагательных *высокий* и *глубокий*. Тем не менее, переносные значения *глубины* не всегда позволяют выстроить аналогию с переносным *глубокий*: в одних случаях симметрия переноса качеств при смене конструкции соблюдается, в других же случаях *глубина* выявляет типы метафоризации, которые не обнаруживаются у прилагательного *глубокий*. Рассмотрим ниже наиболее типичные из семантических расширений параметра *глубина*.

3.10.1. Метафора пространственного контейнера

Метафорические переносы по схеме 'контейнер', как и следовало полагать, составляют самую частотную группу всех переносных концептуализаций *глубины* (N = 705 или 66.8%). Обратим внимание, что применение схемы 'контейнер' в этом случае предполагает сдвиг топологической схемы при сохранении прототипических конструкций с *глубиной*. Т.е. в роли метафорического 'контейнера' выступают такие физические объекты, как *пространства, здания и помещения*, которые по своим топологическим характеристикам уподобляются 'контейнерам' как полым трёхмерным ёмкостям, имеющим входное отверстие. По аналогии с «объектными» контейнерами, «пространственные» контейнеры также оформляются локативной (*в глубине X-а*), исходно-отложительной (*из глубины X-а*) и направительной конструкциями (*в глубину X-а*), ср. (65) – (70):

(65) *В глубине барака* стукнула дверь, холодом пахнуло. [Сергей Юрский. Бумажник Хофманна (1993)]

(66) *В глубине дома* зазвонил телефон. Я добрался до него наощупь в темноте и снял трубку. [Борис Левин. Иностранное тело (1965-1994)]

- (67) Выплыла *из глубины зала* красавица жена, скромно, но все равно элегантно одетая стройная Оксана. [Андрей Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)]
- (68) Один квартал, второй — ни одного встречного, только манекены следят за нами *из глубины витрин*. [Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)]
- (69) Мне и Лобсыну предложили спешиться, верблюдов и лошадей увели *в глубину двора*, а нас повели внутрь здания. [В. А. Обручев. В дебрях Центральной Азии (1951)]
- (70) — Эй, есть кто-нибудь? — крикнул он *в глубину квартиры*. Появилась очень тихая и очень старая женщина. [Семен Лунгин. Виденное наяву (1989-1996)]

Примечательно, что пространственная *глубина* «развёрнута» в горизонтальной плоскости, а пространственные 'контейнеры', в отличие от контейнеров «объектных», осмысляются в языке как «безграничные» ёмкости, не имеющие «конечной» точки. Именно в этом, вероятно, заключается различие в сочетаниях *в глубине ведра* vs. *в глубине квартиры*. Если «предметное» *в глубине ведра* предполагает нахождение *на дне ведра*, то *в глубине квартиры* отсылает, скорее, не к конечной точке квартиры, а к её удалённости от ситуативного центра. Т.е. пространственная *глубина* как вместилище устроена по принципу «центр-периферия» с дейктическим центром, идентифицируемым с позицией Наблюдателя, и периферией, отождествляемой с *глубиной*. В каком-то смысле, метафорическое *в глубине* можно сравнить со значением слова *глубинка* («место или населённый пункт, расположенные далеко от административных и культурных центров», МАС), которое тоже задаёт траекторию движения от центра к периферии. Отождествление ситуативного центра с Наблюдателем или участником ситуации подтверждают следующие контексты, в которых Наблюдатель, видящий или слышащий, находится определенно вне пространства, описываемого метафорической *глубиной*, ср. предыдущие примеры (65) – (70), а также ряд новых (71) – (75):

- (71) Итак, Ять вошел, колокольчик приветствовал его, и Клингенмайер *из глубины лавки выплыл*, словно по воздуху, навстречу посетителю. [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]
- (72) Несколько шиферных крыш **виднелось** *в глубине острова*. [В. П. Катаев. Флаг (1942)]

- (73) *Из глубины квартиры доносились* оживленные голоса, но смысла слов он не понимал. [Николай Дежнев. В концертном исполнении (1993)]
- (74) *Из глубины квартиры слышался* скрип и кашель, похожий на кряхтение. [Ольга Новикова. Женский роман (1993)]
- (75) А потом в глубине квартиры *зашаркали* чьи-то шаги. [Татьяна Тренина. Никогда не говори «навсегда» (2004)]

Здесь, как видим, дополнительный ключ к «остраненному» нахождению Наблюдателя дают предикаты *появился, поднялся, выплыла, выползал, выскочил, виднелось, скрывается*, ср. (70) – (72). Также симптоматичны предикаты, представленные глаголами издавания звука: *раздался, доносились, слышался, грохнуло, стукнуло, бабахнуло, зашаркали чьи-то шаги, зазвонил телефон* и т.д., при которых как источник звука, так и каузатор звука¹¹⁹ помещаются в *глубине*, ср. *в глубине квартиры зашаркали чьи-то шаги* и *кто-то зашаркал в глубине квартиры*. Глаголы звука в каком-то смысле идеально удовлетворяют критериям описываемой ситуации, так как в «число участников ситуации издавания звука почти всегда входит Наблюдатель» (Падучева 1998: 7), что верно и для пространственного фона, задаваемого контейнерной конструкцией в *глубине*.

Интересным представляется сосуществование сочетаний *в глубине неба* и *в высоте небес*. Первое является еще одним из аргументов в пользу «вместилищной» интерпретации лексемы *небо* по топологическому типу трехмерного объекта, имеющего дно. Если опираться на толкование лексемы *небо* у Е.В. Урысон (*небо 1* = «воздушное пространство высоко над землей, как бы ограниченное куполом, который зрительно воспринимается как местоположение светил, выше которого ничего нет, или сам этот купол» (Урысон 1998: 232), то становится понятно, что «ограниченное куполом» пространство и есть вместилище, ограниченное одной из сторон. Второе сочетание – *в высоте небес* – наоборот, выдвигает на первый план не топологический тип, а локализацию этого пространства по отношению к земле и его бесконечность.

Другие интересные типы метафорических вместилищ представлены словами *лес* и *остров*, причем ни *лес*, ни *остров* не измеряются по *глубине* (**глубина леса*, **глубина*

¹¹⁹ О терминах Источник и Каузатор звука см. статью Е.В. Падучевой «Парадигма регулярной многозначности глаголов звука» (Падучева 1998).

острова). В русской языковой картине *лес*, как и *небо*, также осмысливается как трехмерное пространство, способное выполнять функцию вместилища. Правда, субститутами купола здесь служат сомкнутые кроны деревьев, ограничивающие это пространство сверху (ср. также РСС: *лес 1* = «множество деревьев, растущих на большом пространстве, само такое пространство»).

3.10.2. Метафора центра и периферии

Модель «центр – периферия» задает разворот *глубины* в горизонтальной плоскости. Это семантическое различие присутствует в ряде конструкций прежде всего локативного и направительного типа, ср. *в глубине острова*, *в глубину обороны (противника)* и т.д. Локальная конструкция *в глубине острова* тесно примыкает к «вместилищной» интерпретации. Однако здесь, в отличие от *в глубине леса*, остров концептуализируется не как трехмерное пространство, а как часть поверхности, ограниченная водой. По всей видимости, именно поэтому возможна замена на «в центре острова», т.е. в конечной точке движения от периферии – естественных границ острова – к центру, т.е. *в его глубину* или *вглубь* (ср. ярлык 'центр и периферия' в Диаграмме 4).

Пример с *глубиной обороны* допускает аналогичную интерпретацию, которая осложняется включением позиции Наблюдателя. Ср. (76) – (77):

- (76) [...] Резервный фронт составлял второй эшелон стратегического построения наших войск на Курском направлении, увеличивая *глубину обороны* до 300 километров, придавая ей большую прочность и устойчивость. [Анастас Микоян. Так было (1971-1974)]
- (77) Все эти положения должны быть отработаны во всех инстанциях *на глубину обороны противника* от переднего края до тыловых рубежей. [Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 8 (1941-1945)]

С точки зрения защитника, *глубина обороны* выстраивается от центра – защищаемого объекта – к периферии или линии обороны (76). В то же время, с точки зрения нападающих войск, *глубина обороны противника* соответствует некоему отрезку или расстоянию от периферии (линии обороны противника) до объекта обороны противника или центра (77).

3.10.3. Метафора содержимого контейнера

Любой контейнер, как мы помним, функционально «привязан» к своему содержимому. Даже если это метафорический контейнер, он, тем не менее, предназначен для хранения, содержания некоего метафорического содержимого. Обратимся к этой весьма гетерогенной группе.

Эмоции как содержимое контейнера

В самом прототипическом случае метафорическое содержимое контейнера по топологическим характеристикам уподобляется веществам, жидкостям и другим субстанциям. Таковы прежде всего разного рода состояния, эмоции и чувства¹²⁰ (*глубина отчаяния, глубина разочарования, глубина страданий, глубина трагизма*), мыслительные процессы (*глубина размышлений, глубина созерцания*) и знания (*глубина знаний, глубина компетентности*). На погружение в эмоцию как погружение в содержимое контейнера уже обращала внимание теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff & Johnson 1980). Годом ранее В.А. Успенский предлагал трактовать некоторые отвлеченные существительные на основе их материальной, или вещной коннотации (Успенский 1979). В частности, чувства (*страх, горе, радость*) в русской «образной» картине мира представлены определенными способами кодирования. *Горе* ведет себя в языке как тяжелая жидкость, ср.: «Возможно, горе – как жидкость – заполняет некоторый бассейн, на дне которого находится человек: ведь чем горе больше, тем оно глубже, тем тяжелее и с тем большей силой давит на человека». (Успенский 1979: 150). В отличие от *горя*, *радость* – легкая жидкость, контейнером для которой выступает человек: *радость переполняет человека, переплескивается через край* (там же: 151).

«Жидкостная» интерпретация эмоций нашла широкое применение в дальнейшем развитии теории концептуальной метафоры (Kövecses 1990, 1995, 2000, 2002¹, 2010², 2005). Еще один важный аспект эмоции как содержимого контейнера выводится из такого качества эмоции, как её интенсивность. Источником интенсивности может быть количество вещества или субстанции в контейнере, а также повышение температуры, рост, сила или

¹²⁰ На материале русского языка отождествление чувств с тяжелыми жидкостями было предложено, в частности, в (Успенский 1979).

эффект (ср. источники интенсивности концептуальных метафор эмоций, например, в Kövecses 2000: 41-42). При этом важная роль приписывается температуре жидкости: одной из метафорических универсалий является то, что горячие эмоции, такие как *гнев*, *злость*, отождествляются с горячими жидкостями, закипающими в контейнере (*кипеть от гнева*, *вспышка гнева*, *пениться от злости*).

Однако, как показывает подход к метафоре и метонимии А. Стефановича, лексико-семантический анализ метафоры и метонимии слишком односторонен: он опирается не на корпус, а является продуктом выборочного интроспективного анализа, в ходе которого не учитываются многие статистически значимые данные, а картина описания метафорических моделей далека от полноты (ср. Stefanowitsch & Gries 2006). В попытках наверстать «упущенные» корпусные исследования метафоры и метонимии, А. Стефанович предлагает использовать анализ метафорических моделей (MPA = Metaphorical Pattern Analysis) на основе корпусных данных, который позволяет выявить тенденции соотношения эмоций и метафорических моделей, которые они предпочитают. На материале данных Британского Национального Корпуса (BNC) была выявлена корреляция между эмоциями и типом метафорической модели, с которой ассоциируется та или иная эмоция. Так, например, было установлено, что самой часто ассоциируемой метафорой с эмоцией *гнев* является метафорическая модель ЭМОЦИЯ КАК ГОРЯЧАЯ ЖИДКОСТЬ (EMOTION IS HEATED LIQUID) или ЭМОЦИЯ КАК ВЕЩЕСТВО ПОД ДАВЛЕНИЕМ (EMOTION IS A SUBSTANCE UNDER PRESSURE). Примечательно, что интересующая нас *глубина* входит, по А. Стефановичу, в отдельный метафорический ряд ГЛУБИНА КАК ИНТЕНСИВНОСТЬ ЭМОЦИИ (INTENSITY OF EMOTION IS DEPTH) (Stefanowitsch 2006b: 94). А именно: по этому ряду в английском языке метафоризируется единственная эмоция – *грусть* (*deep sadness*).

Следуя логике отождествления эмоций с содержимым контейнеров, можно было бы предположить, что любая эмоция может быть *глубокой* или обладать параметром *глубины*. Как показывает язык, это не всегда верно: радостные, светлые эмоции реже измеряются по *глубине*. По всей видимости, этот параметр предполагает скрытость чувства, его расположение на некоей метафизической *глубине*, а, следовательно, оно будет, скорее, иметь негативную окраску, что и подтверждают примеры. Кроме того, чувства, описываемые прилагательным *глубокий*, как правило, могут характеризоваться по *глубине*. Ср.: *глубокое горе* / *глубина горя*, *глубокое отчаяние* / *глубина отчаяния*,

глубокое переживание / глубина переживания, глубокая печаль / глубина печали, глубокое отвращение / глубина отвращения, глубокое оскорбление / глубина оскорбления.

И всё-таки дополнительного объяснения требуют примеры, в которых участие *глубины* в генитивных и атрибутивных конструкциях не может быть объяснено одной только онтологической метафорой чувства как содержимого контейнера. Можно предположить, что в таких примерах, как *глубина милосердия* vs. *глубокое милосердие*; *глубина сострадания* vs. *глубокое сострадание* и мн. др. налицо «двойной» механизм переноса: помимо «вместилищной» метафоры, *глубина* одновременно апеллирует к дистантному расположению чувства, интенсивность которого конструируется как метонимически, так и метафорически. Аналогичное наблюдение находим у А. Стефановича, который, объясняя метафорический потенциал концепта SADNESS, указывает на смежность метафорических отношений INTENSITY OF EMOTION IS DEPTH и EMOTION IS BEING DOWN (Stefanowitsch 2006b: 94). И в том, и в другом случае эмоция ассоциируется с *глубиной* или *низом*, т.е. нахождением на определенной *глубине*.

Заполненность контейнера: переход количество → качество

По сходной «вместилищной» модели объясняются метафоры, в основе которых заложена схема КОЛИЧЕСТВО СОДЕРЖИМОГО КОНТЕЙНЕРА → КАЧЕСТВО. Количество содержимого контейнера хорошо иллюстрируется заполненностью либо частичной заполненностью контейнера. Так, заполненный контейнер по умолчанию понимается как контейнер, выполнивший свою функцию вмещения. Здесь он выступает показателем полноты, цельности. Сюда можно отнести примеры: *глубина профессиональных знаний*, *глубина таланта*, *глубина интеллекта*. В таких примерах знания, талант, интеллект осмысляются как вещества, заполняющие надлежащий им контейнер – мозг. Однако и здесь не всегда одинакова степень допустимости употреблений, ср.: *глубина таланта* vs. ?*глубокий талант*, *глубина интеллекта* vs. ?*глубокий интеллект*¹²¹. НКРЯ содержит всего один пример *глубокого таланта* и три вхождения *глубокого интеллекта*, ср. (78) – (81):

¹²¹ Так, например, в описании метафорических контекстов прилагательных *высокий* и *глубокий* Е.В. Рахилина отмечает запрет на сочетаемость **глубокий интеллект* и **высокий ум* при допустимом *высокий интеллект* и *глубокий ум* (Рахилина 2000: 149; 2010: 148).

- (78) Все четверо актерски талантливые, трудолюбивые, но не достигшие главных вершин в спорте, зато желающие каждый день выступать. Ребята с настоящим, *глубоким талантом*. [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984-2001)]
- (79) Светлая память о Патимат Нуховне Джалаловой, человеке большой души и *глубокого интеллекта* навсегда останется в сердцах тех, кто ее знал. [П.Н.Джалалова (2005) // «Дагестанская правда» (Махачкала), 2005.01.14]
- (80) Только Ильхам Алиев, отразивший в себе силу и масштабность политического гения Гейдара Алиева, человек безукоризненной нравственности, высокой культуры и *глубокого интеллекта*, умудренный опытом и благородством, способен достойно продолжить миссию азербайджанской государственности. [Александр Алексеев. История болезни (2003) // «Спецназ России», 2003.08.15]
- (81) Сам Куп всем руководил, задавал много вопросов, красиво и эрудированно выступал — в нём чувствовался *глубокий интеллект*. [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984-2001)]

Как уже указывалось в (Рахилина 2000, 2010₂), «сложное» содержимое сосудов, которое, чтобы осмыслить, нужно «вычерпать до дна», — еще один путь осмысления метафоры содержимого контейнера. Например, *глубокая проблема* или *глубокое суждение* предполагают не поверхностное, а *глубокое*, исчерпывающее знакомство с таким содержимым. Именно поэтому *глубина проблемы* главным образом встречается в комбинации с кванторным словом *весь* — еще одной отсылкой к представлению об исчерпанности и заполненности сосуда, ср. (82) – (83):

- (82) И мы вырастаем не подготовленными к пониманию **всей** *глубины проблемы* человек — природа. [Эдуард Калиновский. И последующим поколениям // «Советский экран», 1975]
- (83) Профессиональным историкам, которым тоже свойственно разделять бытующие в обществе настроения и взгляды, потребовалось время, чтобы обнаружить **всю** *глубину проблемы*. [Ольга Эдельман. Списано в архив // «Отечественные записки», 2003]

Погружение и извлечение из контейнера: образная схема 'пути'

Идея прохождения некоей траектории пути по направлению к конечной точке — дну — присутствует и в метафорах ряда ПОГРУЖЕНИЕ В СОДЕРЖИМОЕ КОНТЕЙНЕРА и

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СОДЕРЖИМОГО КОНТЕЙНЕРА. Показательно, что ПОГРУЖЕНИЕ В ГЛУБИНУ нередко оформляется направлятельными конструкциями (*уходить корнями в глубины национального фольклора; погружение в глубины человеческой психики*) или конструкциями уровня (*добратся до глубины проблемы, до глубины своего коммунистического сердца*). В то же время ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ГЛУБИН(Ы) иллюстрируют исходно-отложительные структуры (*из глубины подсознания, из глубин потаенности, из самых глубин своего опыта, из самых глубин своего естества*).

3.10.4. Метафора элемента-вторженца

Смещение акцента с конечной точки проникновения – внутренней полости контейнера, заполненной содержимым, на сам инструмент измерения *глубины* наблюдается в метафорах типа *глубина атаки, глубина авторского проникновения, глубина анализа, глубина рассмотрения, глубина эффекта, глубина оценки* и проч. Данному типу метафоризации сопутствует метонимический сдвиг, при котором размер контейнера отождествляется с размером элемента-вторженца. *Глубокому анализу* предшествует *глубокое проникновение*, т.е. здесь метонимический переход происходит по схеме 'расстояние' → 'конечная точка пути' → 'результат'. Указание в (Рахилина 2000, 2010₂: 148) на еще более сложную семантическую структуру сочетаний типа *глубокое изучение* или *глубокое исследование вопроса* верно и для субстантивных конструкций *глубина изучения вопроса* или *глубина исследования вопроса*. Иными словами, само предметное имя, требующее изучения, уподобляется контейнеру, а сам процесс постижения, кодируемый предикатом, мыслится как погружение в контейнер. В довершение двойная метафора осложняется метонимическим сдвигом типа *глубокое бурение*, когда сам процесс в пространственном смысле переносится на *глубину* (об этом типе переноса см. выше 3.6.2. «Отпредикатный X»).

«Инструментная» интерпретация лежит также в основе образных схем сочетаний *глубина мыслей, глубина ассоциаций, глубина идей*, когда мысли, ассоциации, идеи могут отождествляться с активным элементом-вторженцем, проникающим на *глубину*. В то же время, Е.В. Рахилина относит пример *глубокие мысли* к «диффузным» случаям, когда не

вполне ясно, по какой схеме происходит сдвиг – «контейнерной» или «инструментной» (Рахилина 2000, 2010₂: 149).

3.10.5. Метафора дистантного расположения

Этот вид метафор – один из примеров особой семантической структуры, совмещающей в себе сразу два типа переносов – метонимического и метафорического. Дистантность, как уже говорилось, является исходным признаком *глубины*₁₂, т.е. значения *глубины*, образованного путем метонимического сдвига 'расстояние → место на глубине'. Как и *высота*₂, *глубина*₂ может отсылать к метафорическим обозначениям 'глубокого' для описания эмоций и состояний человека, а также достижений человеческой деятельности, будь то творчество или мыслительная деятельность. Таким образом, дистантное прочтение четко прослеживается в двух типах контекстов – «эмоционального» и «деятельностного».

Выше уже отмечалось, что эмоции концептуализируются в языке по «контейнерному» типу и что нередко образной схематизации по типу 'вместилищ' сопутствует дистантное прочтение, когда чувства находятся где-то *на глубине*, а эмоции зарождаются внутри, далеко от поверхности их выражения. Безусловно, здесь важно само место образования чувств и эмоций, чему в наивной картине мира соответствуют *душа* (см. выше 3.6.1.4. Душа как 'контейнер' внутренних состояний) и *сердце*.

К этому типу контекстов относятся главным образом отрицательные чувства и эмоции, зарождение которых *на глубине* отвечает их цели. При этом запрет на атрибутивную либо генитивную конструкцию с *глубиной* не всегда показателен. Ср. сокровенные (*глубокая любовь* vs. *глубина любви*) и скрытые чувства и эмоции (*глубокая ненависть* vs. *глубина ненависти*, *глубокая зависть* vs. *глубина зависти*, *глубокое малодушие* vs. *глубина малодушия*), а также неясные чувства (*глубокое сомнение* vs. *глубина сомнения*), и чувства и/ли инстинкты, локализующиеся глубоко (*глубокий страх* vs. *глубина страха*, *глубокое отвращение* vs. *глубина отвращения*). Обращает на себя внимание то, что приписывание параметра *глубина* определенному чувству или эмоции требует большей шкалируемости X-а, чем при атрибуции. Именно плохой шкалируемостью объясняется малая употребительность чувств в субстантивных конструкциях с *глубиной*. Сходное объяснение дается Е.В. Рахилиной в отношении запретов на сочетания типа

**глубокая робость*: «А поскольку мы знаем, что поведенческие реакции не шкалируются, то получается, что к ним не применимо ни метафорическое *высокий*, ни *глубокий*» (Рахилина 2000: 150; 2010₂: 149). Шкалируемость и, следовательно, возможность образования высокой степени интенсивности чувства, как положительного, так и отрицательного, подтверждается существованием атрибутивных сочетаний с *глубочайший*: *глубочайшая печаль*, *глубочайшее изумление*, *глубочайшее разочарование*, *глубочайшее отчаяние*, *глубочайшая радость*, *глубочайшая скорбь*. Если опираться на шкалу величины, предлагаемую Е.В. Урысон (о шкалах величины см. (Урысон 2006: 724), а также выше 1.6. «Семантические типы шкал»), то можно отнести *глубочайший* к пороговой зоне метафорического размера – зоне высшей степени проявления признака. Любопытно, что в разные чувства заложены разные семантические шкалы сравнения. *Глубочайшее разочарование*, *изумление* и т.д. противопоставляются *легкому* (не **легчайшему*) *разочарованию*, *изумлению* и проч. Т.е. здесь шкала *глубокий* ↔ *высокий* заменяется на шкалу *глубокий* ↔ *легкий*. Таким образом, шкалы в основе метафорической параметризации устроены по-другому, чем шкалы физического измерения – они дефектны, т.е. ассиметрично устроены и неопредельны. Например, *отчаяние* или *скорбь* могут относиться лишь к одному полюсу шкалы, так как в их семантике присутствует только отрицательность признака, который, по-всей видимости, может шкалироваться, но только в пределах ‘большого’ и ‘очень большого’ участков шкалы (*глубокая благодарность* → *глубочайшая благодарность*; *глубокая признательность* → *глубочайшая признательность*; *глубокая печаль* → *глубочайшая печаль* и т.д.). Интересный случай представляет возможность *легкая радость* и невозможность **глубокая радость*. *Легкая радость* – это радость, от которой легко на душе, т.е. в этом выражении результат *легко* метонимически и транскатегориально сдвигается в сторону *радости*, другими словами, здесь результат замещает определение самого чувства¹²².

Второй, «деятельностный», тип контекстов метафорической дистантной *глубины* отсылает к значениям, которые апеллируют к ‘глубокому’ в разных сферах человеческой деятельности. В этот круг употреблений входят номинации, в основе которых лежат два разных типа метонимического переноса, причем как первый, так и второй тип (контактного

¹²² Разграничение **результативной** (end-point) и **аргументной** метонимии предлагается в работах Е.В. Падучевой, Г.И. Кустовой и Е.В. Рахилиной.

расположения) может быть осложнен метафорическим расширением значения по схеме ГЛУБЖЕ → БОЛЬШЕ:

1. **расстояние** → **конечная точка** (дно) (дистантное расположение) (Meton)
2. **расстояние** → **конечная точка** (дно) (контактное расположение) (Meton)
3. **расстояние** → **степень проникновения** (глубже → больше) (Metaph)

Тип **расстояние** → **конечная точка** можно обнаружить в двух разновидностях – дистантного и контактного расположения. Если *глубина тайны* мотивирована скрытостью и отдаленностью X-а от «реального» или «мнимого» наблюдателя (по аналогии с отдаленностью предметных X-ов от земной или другой поверхности), то *глубина влияния* содержит намёк на «контактное» проникновение в сферу действия ориентира, так же, как *глубина коррупции* или *глубина эффекта*. Между тем *глубина страданий* и вообще *чувств* априори дистантна (метонимична) и одновременно метафорична, так как любое чувство шкалируется по *глубине*, ср. примеры (84) – (85):

(84) Чем *глубже* **чувство** принадлежности друг другу — в том смысле, который мы вкладываем в это понятие, — тем более общечеловеческий характер приобретает для каждого из любящих красота встретившегося на жизненном пути нового человека. [Владимир Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 1-500) (1999)]

(85) Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и *более глубокое* **чувство**: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. [Л. Н. Толстой. Севастопольские рассказы/ Севастополь в августе 1855 года (1855)]

Нередко метонимический перенос становится базой для развития дополнительных, метафорических значений. Так, движение *вглубь* соотносимо с движением по шкале ВЕРХ → НИЗ. Эта схема лежит в основе метафорических наращений типа *глубина постижения*, *глубина авторского проникновения*, *глубина анализа*, *глубина взгляда*, *глубина детализации*, в которых совмещены представления о метафорическом «инструменте» и высокая степень проникновения в метафорическое содержимое 'контейнера'.

В этой связи отдельного упоминания заслуживает базовая концептуальная метафора «ВЫШЕ → БОЛЬШЕ» (MORE IS UP), выделяемая Дж. Лакоффом и М.

Джонсоном (Lakoff & Johnson 1980). Классические примеры этого ряда подтверждают эту языковую универсалию, ср. *прирост дохода, высокая температура, повышение темпов роста, давление повысилось* и т.д. Однако метафорический потенциал русской *глубины*, по-видимому, осложняет картину или, по крайней мере, требует другого осмысления данной ориентационной метафоры. На обратную стратегию образования эффекта интенсификации по принципу НИЖЕ → БОЛЬШЕ уже указывалось в работах (Ли Су Хён, Рахилина 2005, Ли Су Хён 2005, Рахилина 2010). Одновременно с представлением о квантитативном увеличении по мере продвижения вниз сопоставляются такие квантификаторы русского языка, как *бездна, пропасть, прорва*, которые, вопреки традиционному решению когнитивной семантики, связаны не с *высотой*, а с *глубиной*. Интересно также наблюдение о том, что «обычное движение вниз в антропоцентричном пространстве, в отличие от движения вверх, – всегда предельно: оно ограничено поверхностью земли, расстояние до которой (с точки зрения говорящего) невелико, тогда как пространство вверх, по сравнению с ним, бесконечно» (Рахилина 2010: 150-151). Эта интерпретация требует одного важного уточнения: движение вниз не всегда может уподобляться движению вглубь, так как, как мы помним, в основе топологической схемы ряда X-ов акцентуированы горизонтальные оси, а не вертикальные. Следуя логике этих рассуждений, можно перенести вертикальность движения вниз на горизонтальную плоскость и выделить еще один тип концептуальной метафоры ДАЛЬШЕ → БОЛЬШЕ. Любопытно также, что в продвижении вглубь задействована метафорическая *n*-мерность описываемых явлений (*глубина* в совокупности с *полнотой, широтой, размерами охвата*). Кроме того, продвижение вглубь нередко сопряжено с труднодостижимостью и скрытостью ориентира от глаз человека. Эта дополнительная семантика указывает на то, что вектор НИЖЕ → БОЛЬШЕ не всегда взаимозаменяем с вектором ГЛУБЖЕ → БОЛЬШЕ.

Дальнейшей стадией переноса ГЛУБЖЕ → БОЛЬШЕ будет сдвиг БОЛЬШЕ → ИНТЕНСИВНЕЕ, когда количественная семантика *глубже* преобразуется в *глубже* степени. Так, значением 'степень проявления признака' объясняется метафорический перенос в выражениях *глубина цвета (глубина зелени и проч.)* и *глубина голоса (глубина звучания)*. Насыщенность цвета предполагает большую или меньшую степень его проявления, причем передать тончайшие оттенки цвета можно благодаря «хорошей» градуируемости шкалы цветообозначений.

В примере *глубина голоса* реализуется аналогичный переход: *глубина*, помимо метонимической отсылки к месту извлечения звука (в глубине контейнера «тело»), развивает значение *мощи* и *силы*. А *сила*¹²³, в свою очередь, подразумевает преодоление некоторого сопротивления для извлечения звука (усилие субъекта действия в смысле экспериенциальной семантики – подробнее об этом см. Кустова 2004, Кустова 2005) и, одновременно, приписывается результату этого усилия – *голосу*.

3.10.6. Метафора «отрицательного» контейнера

Сдвиг фокуса внимания с формы на прагматику формы наблюдается в тех случаях перехода, когда некий контейнер X реализуется в виде углубления или ниши в земной или другой поверхности, метафорически переносимого с вещественных на невещественные преграды. Этот тип подробно описан в (Рахилина 2000: 149-150, 2010₂: 149) как метафора препятствия на примере атрибутивных сочетаний *глубокое расхождение*, *противоречие*, *непонимание*, *недоверие* и др., где непредметный X уподобляется предметной границе, вернее, её прототипу в виде естественных преград, ср. *яма*, *ров*, *канава*, *овраг* и др.

Как и в атрибутивных сочетаниях, генитивная конструкция предполагает наличие третьего участника ситуации, ведь любое *препятствие*, как и любого рода *граница* (*водораздел*, *межа*), имплицитно или явно отсылает к двум обязательным участникам аргументной структуры – агенту и контрагенту, ср. *расхождение между спросом и предложением*, *противоречие между желанием стереть плохие воспоминания и стремлением их удержать*, *разночтения между доводами биологов и физиков* и т.д.

Предлагаемое здесь обозначение метафора «отрицательного» контейнера является, на наш взгляд, связывающим элементом для объяснения таких противоположных смыслов, как *глубина доверия* vs. *глубина недоверия* и *глубина понимания* vs. *глубина непонимания*. Если первый элемент пары воплощает «вместилищную» метафору проникновения «в глубину» вопроса, то второй, наоборот, апеллирует к образу отсутствующего или «отрицательного» вместилища. Именно поэтому базовым топологическим типом для этой метафоры является особый тип углублений –

¹²³ Г.И. Кустова определяет *силу* как «специальное, концентрированное мышечное усилие, направленное на объект» (Кустова 2005: 302).

«отрицательные» или противоположные части объектов, – которые характеризуются отсутствием субстанции и схематично могут быть представлены как недостающие части X-а (ср. 3.6.1.2. «Углубления и ниши»).

3.10.7. Метафора слоя

Менее 1% (N = 9 или 0.85%) от общего числа метафорических расширений *глубины* составляют периферийные контексты, весьма неоднородные по своему составу, которым все же присущ некий инвариант: все эти значения строятся вокруг метафоры слоя (Ср. выше Диаграмму 4). Именно этим типом метафоризации Е.В. Рахилина объясняет уподобление «физических состояний человека или состояний окружающей среды» «плотным жидкостям, в которые как бы опускается человек» (Рахилина 2000, 2010₂: 151). И, действительно, описываемые как «глубокие» *молчание, сон, покой, тишина* и другие состояния измеряются и по *глубине*, ср., в частности, (86) – (87), где *глубина* кодирует как «степенную» *глубину* (86), так и лексикализованные *глубины* (87):

(86) Трудно даже измерить *глубину молчания*, воцарившегося на веранде. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

(87) Неожиданный всплеск эмоций сменился торжественным погружением в *глубины молчания*, и как-то сама собой сорвалась с уст молитва. [Анатолий Лернер. Преддверие... (2003) // «Вестник США», 2003.11.26]

Впрочем, погружение в определенное состояние, будь то «плотная жидкость» или другое вещество, может сопровождаться более близкой для данного типа смещений метафорой «наслаивания», где каждый слой может соответствовать определенной мере или степени на шкале признака. В этом смысле интересен следующий пример (88):

(88) — Она наверное уже седьмой сон видит! — подходящая Надежда Яковлевна Брюсова, наша лучшая и старшая ученица, — и тут я впервые узнаю, что есть седьмой сон, как мера *глубины сна и ночи*. [М. И. Цветаева. Мой Пушкин (1937)]

Что касается переноса метафоры слоя со сферы «человека» на область состояний окружающей среды, то здесь набор типовых контекстов весьма ограничен.

С одной стороны, выделяемый также у прилагательного *глубокий* метонимический перенос с «ситуации на период времени» (ср. Рахилина 2000, 2010₂: там же) наблюдается и у самого параметра: *глубина (-ы) ночи*. Однако *глубина ночи* и *глубокая ночь* соотносятся с двумя разными типами переносов. Примеры из НКРЯ говорят в пользу «контейнерной» интерпретации генитивной *глубины* (*из глубины ночи доносились звуки; таится в глубинах ночи; где-то в глубине ночи негромко засмеялась она; он уносился в даль в темную глубину ночи* и проч.), в то время как *глубокая ночь* апеллирует к статичности и «сгущенности» этого периода времени.

С другой стороны, в отличие от сочетаемости *глубокий* с «мёртвыми» слоями времени, ср. *зима, осень, старость, древность* (примеры Е.В. Рахилиной), очевидна неразвитость генитивных сочетаний: **глубина зимы, *глубина осени, *глубина старости* и т.д. Между тем *глубина* повсеместно используется в метафорах времени, где снова возможна двойная интерпретация. Во-первых, здесь «срабатывает» вместилищная схема «время как некий сосуд», в который погружается прошедшее (и даже будущее), ср. фразеологизованные выражения *в глубине веков* (= в далёкой древности), *из глубины веков* (= из далёкой древности), а также: *глубина времени, тысячелетий, прошлого* и мн. др. Во-вторых, время по своим структурным особенностям – циклично, а, следовательно, к нему применим концепт «слой», так как «наслаиваемость» периодов времени метафоризируется за счет хорошей расщепляемости времени на *дни, годы, века, тысячелетия* и т.д.

Семантические расширения *глубины*: резюме

Итак, рассмотрев разные типы контекстов с участием метафорических и совмещенных метафоро-метонимических переносов значений параметра *глубина*, можно утверждать, что единой составляющей или некоего концептуального инварианта эти типы контекстов не обнаруживают. Идентифицируемые нами семантические расширения *глубины* апеллируют к тем же топологическим типам, которые являются базой для первичных, физических значений параметра ('контейнер', 'углубление', 'вещество', 'слой'). На основе этих топологических типов и связанных с ними концептов были выделены следующие типы семантических расширений, ср. Таблицу 12:

ГЛУБИНА: ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ РАСШИРЕНИЙ
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОНТЕЙНЕР <i>в глубине двора, в глубине аллеи, в глубине бара, из глубины сумки</i>
ВРЕМЯ КАК КОНТЕЙНЕР <i>из глубины веков, заглядывать в глубину тысячелетий</i>
ДУША КАК КОНТЕЙНЕР <i>в глубине души, удивить до глубины души, крик из глубины души</i>
ЭМОЦИЯ КАК СОДЕРЖИМОЕ КОНТЕЙНЕРА <i>глубина чувств, глубина ненависти, погрузиться в глубины отчаяния</i>
ПУТЬ <i>уходить корнями в глубины фольклора, добраться до глубины проблемы</i>
ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ <i>продвинуться в глубину обороны, разведка местности в глубину противника</i>
ОРУДИЕ (ЭЛЕМЕНТ-ВТОРЖЕНЕЦ) <i>глубина взгляда, глубина анализа, глубина изучения, глубина идей</i>
ДИСТАНТНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ <i>глубина тайны, глубина дыхания, глубина кашля</i>
ГЛУБИНА₂ <i>евангельские глубины, из архивных глубин, проникнуть в человеческие глубины</i>
СТЕПЕНЬ <i>глубина цвета, глубина голоса, глубина звука</i>
«ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ» КОНТЕЙНЕР <i>глубина недоверия, глубина непонимания, глубина расхождений</i>
СЛОЙ <i>глубина молчания, глубина тишины, глубина ночи, глубина сна</i>
VARIA

Таблица 12. Параметр *глубина*: типы семантических расширений

Представленные в Таблице 12 типы семантических расширений *глубины* относятся к общему объему нашей выборки *глубины* (1417 вхождений). Эти типы покрывают весь круг контекстов – от самых употребительных метафор (метафора пространственного контейнера типа *в глубине двора, в глубине сумки, в глубине аллеи*; их относительная частота в корпусе составляет более 66.76 %) до самых маловстречающихся контекстов (метафора слоя вида *глубина тишины, глубина молчания, глубина сна*; на их долю

приходится менее 1 % вхождений). Доля метафорических интерпретаций по схеме 'контейнер' имеет значительный перевес не в последнюю очередь за счет фразеологизованных выражений, таких как *в глубине души*, *до глубины души* и проч., которые покрывают 25% всех метафорических употреблений, отмеченных в нашей выборке. Переносные значения *глубины*₂ встречаются в 12% контекстов и представляют случаи чистого метонимического переноса. Целый ряд примеров невозможно однозначно отнести к тому или иному типу контекстов из-за: 1. «склеенных» метафоро-метонимических значений (*глубина звука* – звук, продуцируемый *на глубине*, и, как следствие, *глубина* как полнота, качество звука); 2. задействованности сразу нескольких метафорических схем (например, чувство как содержимое контейнера и как расположенный *на глубине* объект). К подгруппе *Varia* были отнесены случаи *ad hoc* или окказиональных метафорических употреблений (*из глубины зеркала*, *из глубины металла*), зафиксированных исключительно в художественных текстах.

Включение параметра 'функциональный стиль' в статистический анализ *глубины* по НКРЯ позволяет заключить, что большое количество метафоризаций наблюдается прежде всего в публицистических (N = 426 или 30%) и художественных (N = 410 или 29%) текстах (ср. выше Таблицу 6). В то же время в производственно-технических и официально-деловых текстах метафоры *глубины* почти не встречаются (1 употребление на весь подкорпус).

Статистика не прямых вхождений всех пяти параметров позволяет утверждать, что *глубина* обладает самой разветвленной структурой переносных значений (75% выборки). В отличие от *глубины*, *высота* встречается в переносных контекстах лишь в 16% процентах случаев, *длина* и *толщина* – в 2%, а *ширина* – в 1%. Чем можно объяснить такую асимметричную задействованность в процессе метафоризации? Почему одни параметры легче поддаются семантическому сдвигу, чем другие? Один из возможных ответов дает точка зрения (в частности, Hanks 2006), согласно которой одной из важных когнитивных особенностей слов, хорошо поддающихся семантическому сдвигу, является их когнитивная или перцептивная салиентность, т.е. прагматическая выделенность. *Горы* поражают нас своей высотой, *пустыни* – своей засухой, *моря* и *океаны* – своей бездной, а *ураганы* своей беспощадностью (ср. там же: 20). Исходя из этой особенности слов, порождающих метафоры, действительно легко убедиться в том, что *глубина* – всегда прагматически выделена: *глубокие* объекты зачастую осмысляются в языке как

бездонные, а сама *глубина* оценивается как представляющая опасность для человека. Безусловно, по сравнению с *глубиной*, низкий метафорический потенциал *длины*, *толщины* и *ширины* отчасти объясняется отсутствием в их случае прагматической выделенности. Ни один из этих параметров не обнаруживает похожих коннотаций.

Тем не менее, салиентность, по всей видимости, не всегда объясняет степень метафоризации слова. Доказательством тому может послужить параметр *высота*. *Высота*, безусловно, салиентна: *высокие* предметы обращают на себя внимание, так как в их семантику встроено отклонение от нормы или эталона (см. выше обсуждение понятий «норма» и «эталон» в 1.7). Однако, несмотря на свою салиентность, способность *высоты* к семантическим наращиваниям относительно низка (16% всего массива). Возможно, что разная степень метафоричности может объясняться нахождением в непосредственном окружении слова других «резонаторов» (термин Black 1962) метафоры. Т.е. эффект метафорического «резонанса» может быть вызван как семантическим, так и синтаксическим окружением слова. Связь метафоричности и конструкции будет обсуждаться в следующем подразделе при обсуждении взаимосвязи семантического типа и конструкции, в которой он реализуется (см. ниже). Пока лишь наметим дальнейших ход описания, при котором отмеченные нами типы семантических расширений будут рассматриваться на примере конкретных конструкций с *глубиной*.

Выше уже были обозначены два возможных сценария взаимодействия конструкции и параметрической метафоры. Если конструкция навязывает (от термина *coercion*, принятого в грамматике конструкций) определенный семантический сдвиг, то этот сдвиг может осуществляться за счет:

→ навязывания топологического типа конструкции:

(ср. *в глубине ямы* → *в глубине души*);

→ мены топологического типа, который приводит к смене конструкции или её элементов:

(ср. *из глубины веков* vs. *с высоты столетий*. Если века мыслятся как некий «временной» контейнер – отметим, что тот же топологический тип применим и к столетиям (*из глубины столетий*), – то столетия апеллируют к образу *гор* (топологический тип «вертикально вытянутых объектов жесткой конфигурации») и к

их значимому семантическому компоненту – *высоте*, которая прочитывается как некая точка или линия (плоскость) над поверхностью земли.

Итак, мы подошли к подразделу «Семантические типы и конструкции: конструкционный профиль *глубины*». Этот подраздел, с одной стороны, подводит итог семантического и синтаксического описания параметра *глубина*, и, с другой стороны, имеет целью воссоздание конструкционного профиля *глубины*, направленного на выявление прототипических для определенных значений форм слова.

3.11. Семантические типы и конструкции: конструкционный профиль *глубины*

Для выявления закономерностей взаимодействия семантики *глубины* и конструкций, в которых реализуются её значения, необходимо было выявить прототипические значения этого параметра и сопоставить их с прототипическими конструкциями *глубины*. Поскольку мы ограничили свое исследование рамками описания базовых генитивных конструкций с *глубиной*, то представленные в Таблице 13 и Диаграмме 5 (см. ниже) структуры являются «сдвоенными» реализациями генитивной *глубины* в разных предложных конструкциях. Нами были выявлены пять генитивных конструкций с участием *глубины*, сводимых к определенным или совмещенным образным схемам, ср. Таблицу 13.

топологическая схема	конструкция	название	ярлык	примеры
контейнер	в глубине X-а	локативная	Lokativ	<i>в глубине двора</i>
путь & контейнер	в глубину X-а	направительная	Direktiv	<i>в глубину арки</i>
путь & контейнер	из глубины X-а	исходно-отложительная	Elativ	<i>из глубины веков</i>
расстояние	на глубине X-а	конструкция уровня	Superessiv	<i>на глубине моря</i>
путь & расстояние	на глубину X-а	направительная уровня	Sublativ	<i>на глубину моря</i>

Таблица 13. Генитивные конструкции с участием параметра *глубина*

Предлагаемая классификация генитивных конструкций с *глубиной* опирается на кодирование, в основу которого были положены образные или, скорее, топологические схемы: 'контейнер' (CONTAINER), 'путь' (PATH) и 'расстояние' (DISTANCE) (ср. также 1.3

«Семантико-синтаксические ограничения параметрических имен»). Код 'контейнер' (CONTAINER) отсылает к ориентиру (Landmark), 'путь' (PATH) кодирует движение траектора (Trajector) из исходной точки (Source) в конечную (Goal), а 'расстояние' (DISTANCE) описывает дистанцию между точкой нахождения траектора и точкой вхождения в ориентир.

Как видим, в некоторых случаях возможно совмещение топологических схем, как, например, в случае динамического локатива *он направился шаркающей походкой в глубину арки* ('путь' & 'контейнер') или *визитер извлек из глубины сумки целую пачку помятых бумажек* (Яндекс) ('путь' & 'контейнер'). В этой связи не раз указывалось на нетривиальную роль такой негеометрической категории, как «динамические силы» или «сила динамики» (*dynamic forces* в терминологии Sinha & Thorseng 1995 или *force dynamics* в работах Talmy 2000, 2003, 2005) в описании топологических схем и, в частности, контейнера. Сам предлог как нельзя лучше демонстрирует включенность динамики в описание топологической схемы 'путь' (PATH). Если в локативных конструкциях (*в глубине сада, в глубине двора* и т.д.) предлог *в* выступает в своей основной функции статического локатива, то в направительных конструкциях с винительным падежом этот предлог кодирует динамический локатив, т.е. движение траектора по направлению к ориентиру (*кто-то ушел в глубину сквера, удалиться в глубину сцены*). Предлог *на* так же, как и предлог *в*, может «обслуживать» как статический (*на большой, малой глубине*), так и динамический локатив (*на большую, малую глубину*). Однако конструкция уровня со статическим *на* – более частотна, чем сочетания с *на* в направительных ИГ: 1357 *на глубине*-конструкций vs. 654 *на глубину*-конструкций из общего числа (26 185) всех вхождений *глубины* в НКРЯ (8.7.2012). Ср. Диаграмму 5.

На основе абсолютной и относительной частоты этих конструкций в НКРЯ можно формулировать первые наблюдения в тенденции распределения.

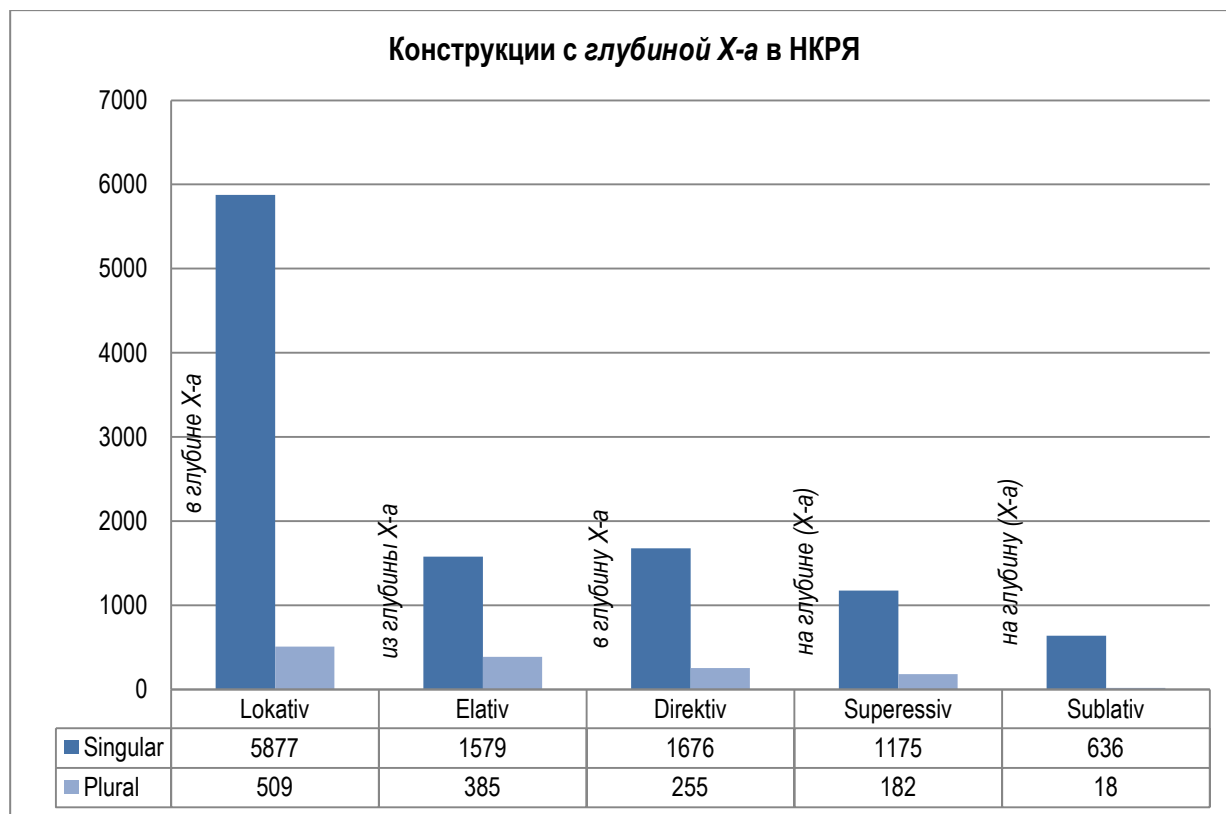

Диаграмма 5. Распределение глубины по конструкциям в НКРЯ

Как видим, локативная конструкция (*в глубине X-a*) отвечает всем характеристикам прототипической конструкции с участием *глубины*. Именно эта конструкция – наиболее частотна по сравнению с другими: в НКРЯ зафиксировано 6 386 локативных употреблений из общего числа (26 185) вхождений *глубины*, т.е. эта конструкция встречается в каждом четвертом употреблении. Кроме того, именно в ней реализуется *глубина* как параметрический признак объектов, концептуализируемых в языке по классу ‘контейнеров’, будь то контейнеры объектные или метафорические.

Две следующие конструкции, в кодировке которых присутствует элемент ‘контейнер’ (*из глубины X-a* и *в глубину X-a*), сближаются, во-первых, за счет направительности движения: в случае направительной ИГ *в глубину X-a* актуализуется движение внутрь ориентира; в случае же исходно-отложительной *из глубины X-a* – движение по схеме изнутри → наружу. И, во-вторых, точкой соприкосновения может послужить их частота употреблений в НКРЯ: оба типа используются в НКРЯ примерно в одинаковом соотношении с небольшим перевесом исходно-отложительных конструкций (1964 vs. 1931).

Конструкции вида *на глубине (X-a)* и *на глубину (X-a)* были отнесены к конструкциям уровня, в которых реализуются топологические схемы ‘расстояние’ и ‘путь & расстояние’.

Данные НКРЯ указывают на то, что в конструкциях уровня реализуется, как правило, дистантное значение *глубины*, включая *глубину*₂. Особенно обращает на себя внимание разница в употреблении суперессива (*на глубине X-а*) и сублатива (*на глубину X-а*) (1357 vs. 654). Так, в верхненаходящемся падеже (Superessiv) стирается противопоставление *глубины* и *глубины*₂, ср. омонимию форм в сочетании *на глубине Титаника*, которое можно интерпретировать либо как *на глубине, на которой залегает Титаник*, либо как *на глубине, равной глубине залегания Титаника*. В верхнеприблизительном падеже (Sublativ) наблюдается меньшая омонимия форм, для этого типа контекста симптоматична *глубина*₂, ср. (89):

- (89) Она идет в море и зовет за собой *на глубину*. [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010]

Однако здесь возможна и реализованная в виде числового наполнения вторая валентность *глубины*, ср. *на глубину (до) 3 метров* и т.д. Интересно отметить, что в верхнеприблизительном падеже (Sublativ) лексикализованное множественное (*на глубины*) встречается достаточно редко (всего 18 употреблений) и лишь одно из них – в генитивной конструкции, ср. (90):

- (90) Жак-Ив Кусто в сентябре 1965 года продолжал наступление *на глубины* океана. [В. Сташевский. Начало подводной эры // «Спортсмен-подводник», 1966]

Таким образом, данные НКРЯ и подкорпуса позволяют выделить прототипические для *глубины* генитивные конструкции, которые в сумме составляют почти половину всех употреблений *глубины* (47 %). Из них в трех видах – локативных, направительных (директив) и исходно-отложительных (элатив) – реализуется топологический тип 'контейнер'. В то же время две остальные генитивные конструкции с предлогом *на* – суперессив и сублатив – апеллируют к дистантному значению *глубины*, включая *глубину*₂, и интерпретируются по схемам 'путь' и/ли 'расстояние'. Важным показателем первых трех конструкций является перенос топологического типа контейнер на объекты, изначально не соответствующие сформулированным выше критериям 'контейнера'. Т.е. здесь сохраняется связь между конструкцией и топологическим типом, а сам 'контейнер'

переходит из разряда физического вместилища в разряд вместилища метафорического. Это свойство позволяет выделить особый 'контейнерный' или 'вместилищный' тип конструкций *глубины*, реализуемых в трех вариантах: статическом локативе (*в глубине леса*), направительной (*в глубину леса*) и исходно-отложительной (*из глубины леса*).

Обращение к распределению конструкций по зафиксированным семантическим типам *глубины* дает более детальную картину¹²⁴. В метафорических контекстах (Таблица 14) корреляция между «вместилищной» *глубиной* и локативной конструкцией очевидна ($\chi^2 = 789.76$, $df = 49$, $p < .001$): 418 из 462 вхождений с локативом в подкорпусе из 1056 примеров. Другая ощутимая доля употреблений по типу 'контейнер' приходится на исходно-отложительные конструкции (*из глубины X-а*): 139 из 177 элативных конструкций в нашем подкорпусе. И третье, не менее важное, наблюдение касается направительных (*в глубину X-а*), зафиксированных в 62 случаях директива из 106.

	Падежные конструкции с <i>глубиной</i>								Всего
	Другие	Номинатив	Локатив	Элатив	Директив	Суперессив	Терминатив	Каузатив	
контейнер	16	7	418	139	62	0	63	0	705
качество	48	18	2	0	1	0	3	0	72
содержание	30	7	2	0	0	0	0	0	39
траектор	27	5	4	0	1	0	0	0	37
глубина2	25	7	16	36	37	1	5	0	127
слой	4	2	1	1	1	0	0	0	9
двузначно	28	10	13	1	0	0	0	1	53
центр и периферия	1	2	6	0	4	0	1	0	14
Всего	179	58	462	177	106	1	72	1	1056

Таблица 14. *Глубина X-а* метафорическая: распределение по генитивным конструкциям

¹²⁴ В колонку «Другие» были отнесены маргинальные для *глубины* конструкции, а также конструкции, изначально исключенные из рассмотрения, например, *X глубиной с/в Z* и *X Adj-ой глубины*. По данным НКРЯ, конструкции вида *X глубиной с/в Z* занимают, по сравнению с генитивными сочетаниями, скорее, периферийное положение в корпусе, покрывая 503 (всего 2% всех вхождений *глубины* в НКРЯ) контекста в единственном числе (множественное число в конструкциях данного вида не зафиксировано).

Особого комментария требует также выделенность терминатива (*до глубины X-а*): заметный показатель частоты в 63 из возможных 72 *до*-конструкций объясняется высокой долей фразеологизованных выражений *до глубины души*, которые заметно повышают долю терминативов в корпусе. Важно также отметить, что почти полное отсутствие конструкций с *глубиной* в группе сочетаний вида *на глубине X-а* (суперессив) и каузативах (*при глубине X-а в N*) связано с дистантностью значения, а, следовательно, с его традиционной неметафоричностью.

Распределение физических контекстов *глубины* по нашему подкорпусу (Таблица 15) показывает, что параметрические и дистантные значения *глубины* сопряжены, как правило, с номинативом (74 параметрические конструкции и 68 дистантных из 169 зафиксированных в номинативе). Таким образом, можно постулировать, что для конструкций типа *глубина X-а* в неметафорических контекстах номинатив будет базовой структурой ($\chi^2 = 35.84$, $df = 16$, $p < .003$). Большая доля неописанных конструкций в колонке «другие» приходится на весьма разнородный ряд сочетаний, в которых реализуется физическая *глубина*: сюда, главным образом, относятся употребления вне рамок задаваемых конструкций, такие как *различаться по глубине*, *попытки измерить глубину* и т.д.

	Падежные конструкции с <i>глубиной</i>								Всего	
	Другие	Номинатив	Локатив	Элатив	Директив	Суперессив	Сублатив	Терминатив	Каузатив	
результат	21	27	0	0	0	0	1	0	1	50
дистанция	88	68	4	0	0	7	0	0	5	172
параметр	52	74	1	2	5	1	0	2	2	139
Всего	161	169	5	2	5	8	1	2	8	361

Таблица 15. *Глубина X-а* физическая: распределение по генитивным конструкциям

Как видим, почти полное отсутствие неметафорических употреблений в конструкциях контейнерного типа (локативе (5), элативе (2) и директиве (5)) имеет очевидное объяснение. Прослеживается четкая корреляция между семантическим типом и конструкцией, в которых этот тип реализуется. Так, в номинативных описаниях *глубина водоёма* или *глубина шкафа* задается параметр предметного или объектного контейнера,

который при переходе в локатив (*в глубине шкафа*) или элатив (*из глубин водоёма*) преобразуется во вместилище метафорического типа. Этот тип метафорического вместилища особенно характерен для пространственных (*в глубине двора, в глубине сцены*) и объектных референтов (*в глубине кресла, в глубине ведра*), а также для вместилищ эмоций и чувств (*в глубине души, в глубине сердца*). Таким образом, данные подкорпуса также подтверждают выделение отдельного типа «контейнерных» конструкций *глубины*, реализуемых в трех подтипах: локативе (*в глубине X-а*), элативе (*из глубины X-а*) и директиве (*в глубину X-а*). Прототипичность этой конструкции в трех её модификациях в нашем подкорпусе коррелирует также с общим соотношением контейнерных конструкций *глубины* по базе НКРЯ (см. выше Диаграмму 5). Лидирующее положение в обоих выборках получает локатив (6386 в НКРЯ vs. 462 в выборке). Далее следует элатив (1964 в НКРЯ vs. 177 в выборке). Следом за элативом с небольшим отрывом группируется директив (1931 в НКРЯ vs. 106 в выборке).

Итак, каждая конструкция, как мы смогли убедиться, апеллирует к определенному топологическому типу. Вместе с тем, классификация лексических значений слова, что особенно наглядно иллюстрируется линейными параметрами, нецелесообразна в отрыве от конструкций: некоторые компоненты значения «привязаны» только к определенному типу конструкции, в других случаях смена конструкции ведет к полному переосмыслению всей фразы и семантическому сдвигу с иным набором запретов и ограничений.

3.12. Выводы по глубине

Итак, подводя итоги корпусного портрета линейного параметра *глубина*, можно констатировать, что *глубина* – семантически самый сложный и самый «метафорический» из всех пяти линейных параметров. Еще раз коротко обозначим факторы, влияющие на выбор этой величины в системе описаний размера. Для *глубины* существенны: ТИП, ФИЗИКА и ПРАГМАСЕМАНТИКА объекта.

По ТИПу объекта параметрическая *глубина* приписывается X-ам, которые в разной степени связаны с прототипом носителя *глубины* – ‘контейнером’. Предлагаемые ряды группируются вокруг контейнера или ориентира (LM): это, прежде всего, *полюе трёхмерные ёмкости (шкаф, кастрюля, бочка)*, по своим топологическим и

функциональным характеристикам максимально приближенные к прототипу. Менее приближены к 'контейнеру' 'углубления' и 'ниши' (*яма, лунка, шахта*), но и этот круг объектов сближается с контейнерами по одной из своих функций – функции хранения и содержания других объектов. Далее следует другой тип отверстий, который соотносится с «отрицательными» частями (*следы, дыры, царапины, раны, вмятины* и проч.). Следующие подгруппы – *жидкости, вещества, слои* – это всё то, что 1) находится внутри 'контейнера'; 2) само может послужить 'контейнером' – содержать в себе инородный объект – именно в этой функции контейнеров и слоёв идентичны (*снег, песок, вода* и проч.).

Параметрической *глубиной* характеризуются также объекты, выполняющие роль траектора (TR) или элемента-вторженца: *глубина корней, глубина сваи, глубина опоры* и т.д.

Кроме того, для объектной *глубины* значима и ФИЗИКА объекта. Сюда мы относим те физические факторы, которые в большей или меньшей степени влияют на выбор этой величины: число линейных измерений X-а, ориентированность или направленность X-а в пространстве, конфигурация, наличие или отсутствие дна или границы, наличие и место отверстия (сверху / сбоку) у вместилищ, постоянная vs. непостоянная характеристика объекта и др.

Далее, *глубина* приписывается объектам и действиям, производимым на глубине, – в этом случае мы говорим о *дистантной* глубине, ср. *глубина Титаника, глубина гнезда, глубина очага землетрясения* и проч. Дистантная *глубина* симптоматична и для отпредикатных X-ов (*бурение, приманка, ход, ловля* и т.д.). Еще одним производным значением *глубины* мы будем считать те значения, *глубина* которых представляет собой *результат* проникновения траектора в ориентир. Этот тип метонимического сдвига наблюдается в употреблении ряда *глубина промерзания, глубина коррозии* и др. В отличие от слоев, описывающих образования вещества *на* поверхностях, этот тип часто отсылает к образованиям *внутри* поверхностей.

*Глубина*₂ в значении место или пространство на *глубине* как производное значение по частоте употреблений «обгоняет» исходное параметрическое значение. Данные выборки подтверждают практику словарей относить эту лексему в разряд автономной лексической единицы с отдельным словарным входом.

ПРАГМАСЕМАНТИКУ объекта как совокупность ряда факторов, влияющих на выбор параметра, трудно вычленив в самостоятельный критерий, так как прагматические

аспекты «пронизывают» все пласты семантики. Безусловно, отдельный статус здесь получает роль *функциональности* в приписывании параметра. *Глубина* релевантна только тогда, когда для человека: 1. функциональна измеряемая ёмкость; 2. значимо содержимое ёмкости; 3. целесообразно само измерение *глубины*.

И, наконец, высокий ранг в списке критериев прагматического толка получает Наблюдатель (в нашем случае, скорее, Измеритель параметра). На выбор самого параметра влияет не только его положение относительно измеряемого X-а (*глубина* или *высота* в случае *оврага*), но и задействованность антропоцентрических мер в процессе измерения (*глубина* или *толщина* в случае *слоя*).

По статистике распределения, в группе физических контекстов дистантное значение несколько превышает параметрическое в генитивных конструкциях (48% vs. 38%; ср. выше Диаграмму 3). Без «привязки» к конструкциям *глубина*₂ лидирует по НКРЯ (54.5% всех употреблений в выборке на 1849 вхождений).

Существенно, что *глубина* – единственный из всех пяти линейных параметров, у которого метафорические значения и по широте разброса, и по статистике значительно преобладают над неметафорическими (75 % vs. 25 %; ср. выше Диаграмму 2). По всей видимости, семантическая сложность этого параметра и разветвлённость его значений объясняют самые высокие (из всех пяти параметров) частоты вхождений *глубины* в НКРЯ (26 185 вхождений на 209 203 107 слов, т.е. $F(ipm) = 125.16$), что немного выше $F(ipm)$, приводимой Частотным словарем русского языка, основанном на выборке текстов 1950-2007 годов (ЧСРЯ 2009): 105.6 словоупотреблений на 1 млн. слов. Ср. Таблицу 16.

ранг	параметр	$F(ipm)$ в ЧСРЯ (2009)	абсолютная частота в НКРЯ 2012	$F(ipm)$ в НКРЯ 2012
1	<i>глубина</i>	105.6	26 185	125.16
2	<i>высота</i>	101.9	22 178	106.01
3	<i>длина</i>	67.7	13 549	64.76
4	<i>ширина</i>	25.0	6 028	28.81
5	<i>толщина</i>	19.8	4 271	20.41

Таблица 16. Сравнение частот отдельных параметров по НКРЯ

Более того, была обнаружена четкая корреляция между распределением значений по функциональным стилям (ср. выше Таблицу 6). Метафорические значения превалируют в

художественной литературе и публицистике, в то время как неметафорические больше представлены в учебно-научном функциональном стиле, включая научную публицистику.

Опираясь на данные выборки по НКРЯ, можно постулировать существование особой «контейнерной» или «вместилищной» конструкции в трех разновидностях: *в глубине X-а* (локатив), *из глубины X-а* (элатив) и *в глубину X-а* (директив). В этом типе конструкций даже непрототипическим объектам (например, пространствам, природным объектам, растительности, предметам одежды и мебели) приписываются свойства и функции вместилища. И, действительно, X-ы, традиционно не измеряемые по *глубине*, свободно входят в конструкции метафорического содержания, ср.: **глубина острова vs. в глубине острова*, **глубина сумки vs. в глубине сумки*, **глубина леса vs. в глубине леса*, **глубина стола vs. в глубине стола* и т.д.

Что касается места *глубины* в системе параметрических имен, то очевидно, что *глубина* ближе всего соприкасается с *высотой*: значения *глубины* и *высоты* во многом симметричны, и, более того, эти параметры имеют общие модели конструктивных оформлений. Схождения обнаруживаются и с параметрами *толщина* и *ширина*: если оппозиция *глубина vs. толщина* касается роли антропоцентрических эталонов в оценке размера, то *глубина vs. ширина* сближаются в тех ситуациях, когда *глубина* «развернута» в горизонтальной плоскости. Подробнее на схождениях и расхождениях этих линейных обозначений мы остановимся в соответствующих главах (см. Главы 5 и 6).

ГЛАВА 4. ВЫСОТА

4.1. *Высота* в первом приближении: существующие теории и подходы

Идет мужик, смотрит чукча ставит столб и лезет на него.

Упадет, снова ставит и лезет. Мужик его спрашивает:

– Ты что делаешь? – Высоту столба измеряю.

– Так ты положи его и измерь.

– Так это, однако, длина будет, а мне высота нужна.

[Коллекция анекдотов: чукчи (1970-2000)]

Из всех рассматриваемых нами обозначений линейных размеров *высота*, а точнее параметрическое *высокий*, иногда в паре с *низкий*, представляет наиболее изученную область параметрической лексики. За последние двадцать лет в литературе сложилась автономная область описания данного обозначения размера, включающая очень разные подходы и охватывающая разные, но в основном генетически близкие языки.

В рамках когнитивного подхода следует прежде всего упомянуть одно из первых описаний концептуализации вертикального размера Р. Дирвена и Дж. Р. Тейлора (Dirven & Taylor 1988) на примере английского *tall*, опирающееся на теорию прототипов Э. Рош (Rosch 1975; Rosch et al. 1976), а также более поздние работы Дж. Р. Тейлора (Taylor 1992; 2003). На материале русского языка одними из пионерских работ в этой области следует назвать психолингвистический анализ семантической структуры пространственных прилагательных А.Н. Журина (Журинский 1971), работы Ю.Д. Апресяна (1974, 2009), а также исследования Е.В. Рахилиной, объединяющие в себе подходы Московской семантической школы и американской когнитивистики (Рахилина 1994, 1997а, 2000, 2010₂). Ключевым для ее работы является понятие топологического типа объектов, которым приписывается размер (см. раздел 2.4.).

В когнитивной парадигме совершенно иной взгляд на параметрические обозначения высоких объектов предлагает теория позиционирования Роберта МакЛори (Vantage Theory), представленная в разделе 2.8. По аналогии с английским языком, где эта теория успешно была применена в анализе квазисинонимов *high* и *tall* (Taylor 2003, MacLaury 2003), на материале русского языка этот подход впервые привлекался в

исследовании прилагательных *невысокий* и *низкий* как сосуществующих антонимов к *высокий* (Tribushinina 2008a, 2008b, 2010). Было, в частности, установлено, что семантические отношения в паре русских квазисинонимов *низкий* vs. *невысокий* организованы по типу кораспространения, т.е. семантические сферы действия этих прилагательных отчасти пересекаются. При этом сосуществование этих двух терминов объясняется их аналогией с поведением доминантного и рецессивного члена категории: если *низкий* ведёт себя как доминантный термин с более широким экстенсионалом значения, покрывающий большее количество контекстов (от отсылок к артефактам (*низкий забор*), человеческому росту (*низкий рост*) до дистантных (*низкая крыша*) и метафорических (*низкая посещаемость*) сдвигов), то *невысокий*, напротив, отождествляется с рецессивным, или слабым членом звена, закрепленным преимущественно за отсылками к человеческому росту (*невысокая девушка, невысокий парень*) или сходно концептуализируемым референтам (*невысокое здание, невысокий дуб*).

К когнитивному подходу относится также исследование Анны Фогель, посвященное шведским пространственным прилагательным (Vogel 2004) и в том числе шведскому *hög* ('высокий'). Это исследование имеет целью рассмотрение прототипических и периферийных значений пространственных прилагательных, на основе которых автор формулирует характеристики наиболее прототипичных объектов, выступающих в ряду с пространственным атрибутом.

Особый семантический метаязык описания обозначений размера предлагает Я. Линде-Усекневич на материале польского языка¹²⁵ (Linde-Usiekniewicz 2000, 2002). В концепции автора гнездо *WYSOKI* охватывает не только пару параметрических прилагательных *wysoki* – *niski* и параметрическое существительное *wysokość*, но представлено также наречиями *wysoko* – *nisko* и сравнительной степенью как прилагательных (*wyższy* – *niższy*), так и наречий (*wyżej* – *niżej*).

Длинную традицию описания имеет немецкое *hoch* – *gross* – *tief*; см. работы Bierwisch, Lafrenz 1983, Lang 1987, Lang 1994, Weydt/Schlieben-Lange 1995. He

¹²⁵ Ср. предлагаемую Линде-Усекневич экспликацию значения прилагательного *wysoki*, в основе которой заложена шкала 'больше – меньше', ориентированная не на эталон или норму среднего размера, а на функцию 'привлечения внимания' говорящего, приписываемую позитивам (Bogusławski 1994): *wysoki* = *x* taki, że ze względu na kierunek od dołu do góry *x* jest większy niż [taki, który] nie zwróciłby uwagi (Linde-Usiekniewicz 2000: 194) (см. также выше раздел 1.1.).

останавливаясь еще раз подробно на уже обсужденных выше концепциях М. Бирвиша и Э. Ланга, отметим, что из работ последних десятилетий следует упомянуть исследование Х. Вейдта и Б. Шлибен-Ланге (Weydt/Schlieben-Lange 1995), основывающееся на эмпирических данных о том, как носители языка интуитивно различают дистантное и параметрическое употребления немецкого *hoch*. Кроме того, авторы предлагают свою модель схематичного представления трехмерных объектов в виде двухмерных (*высоких*, *глубоких* или *длинных*) с факультативным указанием на еще один дополнительный параметр (в случае наличия параметра *широкий*).

Более подробного обсуждения заслуживает работа Анны Гой (Goy 2002), посвященная эмпирическому исследованию функционирования в итальянском языке прилагательных *alto* (высокий) и *basso* (низкий) в рамках когнитивного анализа зрительного восприятия пространства. В основе ее подхода – сочетание теории зрительного восприятия пространства через пространственные примитивы (Marr 1978, 1982), теорий прототипов (Rosch 1975, Lakoff 1987, Tsohatzidis 1990), а также теории нечетких множеств Л. Заде (Zadeh 1965) (fuzzy set theories). Опираясь на вычислительные модели представления зрительной информации, А. Гой использует понятие **референциальной рамки** (*frame of reference*) в смысле Р. Джэкендоффа, выделяющего при определении точек отсчета или систем координат объектов **внутренние** (*intrinsic*) и **внешние** (*environmental*) **референциальные рамки**. Так, к внутренним референциальным рамкам он относит следующие (Jackendoff 1996: 14-19):

1. **геометрическая** (*geometric*): совпадает с геометрией самого объекта в определении осей ориентации¹²⁶. Именно эта рамка задает деление объекта на ВЕРХ и НИЗ, а также ось симметрии, относительно которой объект делится на правую и левую стороны. Важное уточнение касается животных: здесь семантический ПЕРЕД (*front*), или ФАСАД, определяется положением глаз (Jackendoff 1996: 15).
2. **направление движения** (*motion*): ФАСАД движущегося объекта задается направлением его движения. Так, фасадом трамвая будет выступать та его, часть, которая соответствует его поступательному движению вперед.

¹²⁶ Геометрическая референциальная рамка в теории Р. Джэкендоффа соответствует понятию *ингерентной перспективизации* в теории Э. Ланга (см. раздел 2.2).

3. **каноническая ориентация** (*canonical orientation*): основывается на функциональных качествах объекта; именно по этом типу ориентации определяется верх или низ объекта в естественной ситуации его использования, или ситуации по умолчанию.
4. **канонический контакт** (*canonical encounter*): здесь, как и в предыдущем случае, объект рассматривается в его функционировании: та часть объекта, которая канонически расположена лицевой частью к пользователю в ситуации прототипического, или канонического, контакта, и будет считаться фасадом.

Внешние референциальные рамки подразделяются в теории Р. Джэкендоффа на четыре вида:

1. **гравитационная** (*gravitational*): характеризуется направлением силы гравитации независимо от ориентации объекта в пространстве. В качестве иллюстрации Р. Джэкендофф приводит пример шляпы, лежащей наверху перевернутой машины (см. Илл. 15, рис. а.).
2. **географическая** (*geographical*): в основе – горизонтальное направление, в которое в географической системе отсчета «встроены» северный, южный, восточный и западный векторы ориентации.
3. **контекстуальная** (*contextual*): имеет место при наложении осей координат двух взаимодействующих объектов (Илл. 15, рис. b.).
4. **наблюдатель** (*observer*): эта перспектива строится со стороны реального или гипотетического наблюдателя. При этом возможны два способа обозначения ориентации объектов в зависимости от выбранного ориентира. В первом случае принято говорить о „orientation-mirroring observer frame“ (Jackendoff 1996: 17), или ориентации по наблюдателю, иными словами, – дейктической ориентации (Илл. 15, рис. с.). Во втором случае речь идет о сохранении объектом своей внутренней системы ориентации (ингерентная ориентация) независимо от того, какое положение по отношению к нему занимает наблюдатель (Илл. 15, рис. d.).

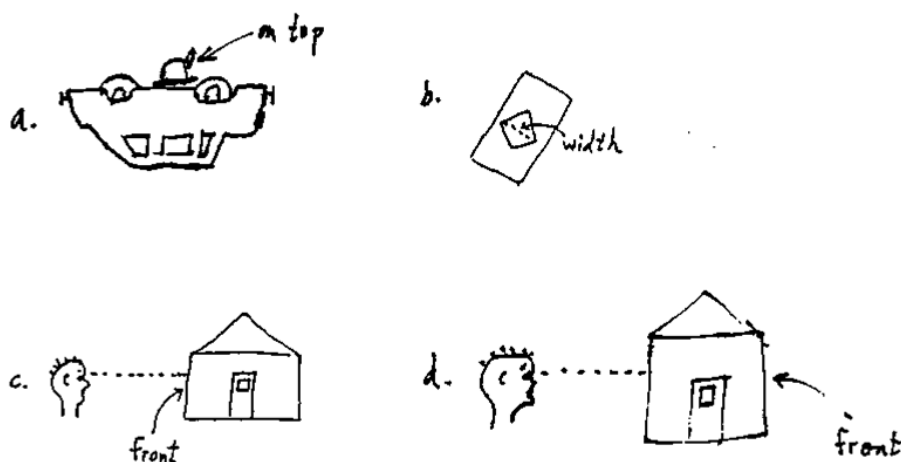

Figure 1.5
Environmental reference frames.

Иллюстрация 15. Внешние референциальные рамки (Jackendoff 1996: 17)

Следует оговориться, что внутренние и внешние референциальные рамки всегда рассматриваются в их совокупности, так как мы редко имеем дело только с одной системой отсчета в чистом виде. Как указывает Р. Джэкендофф, “[...] axes in the canonical orientation frame are derived from gravitational axes in an imagined normal orientation of the object. Similarly, axes in the canonical encounter frame are derived from a hypothetical observer’s position in the canonical encounter” (Jackendoff 1996: 18). Таким образом, системы канонической ориентации и канонического контакта реализуются по двум моделям – гравитационной системы и системы ориентира по наблюдателю.

А. Гой использует в своем исследовании данную классификацию в несколько упрощенном виде: исходными для нее являются две конкурирующие модели проецирования объектов в пространстве, при этом каноническая ориентация задается либо гравитационной, либо географической референциальными рамками, служащими системами ориентиров по умолчанию, в то время как контекстуальная референциальная рамка вступает в силу в случае нестандартной ситуации проецирования объекта (Goy 2002: 128).

Соотнесение типа референциальной рамки с классом измеряемых объектов позволяет сформулировать условия выбора говорящим того или иного

пространственного прилагательного. Иными словами, разные пространственные обозначения в зависимости от класса референтов, с которым они сочетаются, будут предпочитать разные референциальные рамки. И тогда возможность сочетаемости с тем или иным классом объектов становится предсказуемой на основе вычислительных алгоритмов.

Таким образом, из перечисленных подходов именно последний представляет для нас наибольшую ценность, в особенности понятие референциальной рамки, которое даёт ряд отправных точек для таксономии носителей признака. Некоторые положения этой теории будут приниматься и в предлагаемой нами классификации X-ов.

4.2. *Высота* в словарях

Из всех пяти интересующих нас линейных параметров *высота* по своим значениям наиболее близка *глубине* (ср. выше 3.2. *Глубина* в словарях). Уже первое знакомство со словарями задает вектор разграничения всех зафиксированных значений на прямые и переносные, однако в случае параметрической лексики представляется более уместным говорить о *высоте* физической и нефизической. Физическая *высота* отсылает к пространственным или параметрическим характеристикам объектов и явлений окружающего мира, в то время как нефизическая *высота* вмещает в себя целый ряд разветвленных значений этого параметра, которые являются результатом метафорических, метонимических или «гибридных» семантических сдвигов.

Физические контексты *высоты* во многом симметричны аналогичным реализациям с *глубиной*. Так же, как и в случае *глубины*, все контексты с *высотой* подразделяются на два круга употреблений – параметрические (*высота дома*) и позиционные (*высота полёта*).

Согласно словарям, параметрическая *высота* обозначает размер носителя признака X, т.е. протяженность или расстояние от нижней точки до верхней по направлению вверх, ср. толкования:

<i>высота</i> –	величина, протяжённость чего-л. от нижней точки до верхней, снизу вверх (БТС)
<i>высота</i> –	протяженность по вертикали снизу вверх; вышина (МАС)
<i>высота</i> –	протяжённость, величина чего-н. от нижней точки до верхней (РСС)

Все три определения указывают, во-первых, на траекторию движения измерения *снизу вверх* и, во-вторых, отмечают *вертикальную* направленность как важный компонент толкования (см. МАС). Оба положения требуют своих уточнений. *Высота*, как показывают данные НКРЯ, может сочетаться с предметами, траектория измерения которых противоречит привычному направлению измерения *снизу вверх* или допускает двоякую интерпретацию. Свидетельство тому – примеры ряда *высота воротника* или *высота каблука*, которые не исключают измерение протяженности *сверху вниз*¹²⁷.

Вертикальная направленность предмета опять-таки далеко не всегда кодируется *высотой*. Так, веревочной лестнице, свисающей из кабины вертолета, естественно приписывать *длину*, а не **высоту* (пример И.А. Мельчука / А.К. Жолковского из *Толково-комбинаторного словаря русского языка*). Именно поэтому ТКС вводит в толкование *высоты* третий компонент – ‘опора’, ср. (ТКС: 230):

NB 3: компонент ‘опирается’ необходим, поскольку предмету X, который лишь касается некоторой поверхности своим низом, но не опирается на нее (напр., закрепленной сверху веревочной лестнице) нельзя приписать высоту [говорят о *длине* <не **высоте*!> *свисающей из кабины вертолета веревочной лестницы*].

Роль ‘опоры’ в разграничении *высоты* и *длины* можно проиллюстрировать целым рядом примеров, ср. сосуществование и частое неразличение в языковом обиходе таких параметрических обозначений, как *высота штор* vs. *длина штор* или *высота гардин* vs. *длина гардин* и т.п.

Важным отличием *высоты* от других параметрических обозначений является то, что сфера распространения размерного значения внедряется в область одушевленных лиц. Так, например, прилагательное *высокий* кодирует не только вертикальный размер предметных имен, но и человека. Любопытно в этом смысле наблюдение А.Н. Журина о том, что признаком *высокий* мы наделяем предметы, свойства которых наиболее приближаются к свойствам человека: «действительно, человек также является самостоятельным, относительно крупным предметом, обладает ингерентной

¹²⁷ Заметим, что далеко не все носители языка разделяют эту точку зрения. По всей видимости, здесь следует различать такой прагматический аспект, как перспектива изготовителя швейного изделия и перспектива Наблюдателя, оценивающего высоту определенного объекта одежды или обуви. В швейном деле *высота каблука* измеряется *сверху вниз*, т.е. от подошвы до низа. Для Наблюдателя, оценивающего *высоту каблука* со стороны, будет, скорее, естественна обратная траектория движения – *снизу вверх*.

вертикальной ориентацией и т.д.» (Журинский 1971: 99). Тем не менее, не принято говорить о *высоте человека или животного (?высота собаки) – для этого в арсенале языка есть отдельная номинация *рост* (о *росте* см. выше раздел 1.2.).

По-разному трактуется другой ряд употреблений, где ярлык *высота*, как, например, в выражениях *высота полёта* или *высота потолка* указывает не на размер, а на высокое расположение предмета в пространстве, его удаленность от поверхности земли или любой другой поверхности. В таком случае мы говорим о дистантной, или позиционной, *высоте*, ср. толкования:

<i>высота</i> –	расстояние от какой-л. поверхности до чего-л. (по вертикали)
–	удалённость от земли, нахождение на большом расстоянии от земли (БТС)
<i>высота</i> –	расстояние от земной поверхности или какой-л. плоскости до чего-л., измеряемое по вертикальной линии (МАС)
<i>высота</i> –	расстояние от земли (или вообще от какой-н. поверхности) вверх (РСС)

По аналогии с *глубиной*, дистантная *высота* представляет собой классический случай метонимического переноса, т.е. значение, образованное по схеме '**размер** → **расстояние**'. В этом типе употреблений *высота* кодирует удаленность от поверхности земли, однако точкой отсчета может послужить любая другая поверхность. Так, *высота подоконника* обыкновенно измеряется от поверхности пола, которая не всегда совпадает с поверхностью земли, а *высота моста* отсылает к удаленности оси моста от поверхности воды.

Далее, признак постоянство нахождения высоко над поверхностью земли, приписываемый высоким объектам (ср. *высокий карниз*, *высокий перевал* т.д.¹²⁸), применим и к параметру *высота*, однако сочетаемость *высоты* с движущимися объектами или объектами, находящимися высоко над поверхностью земли непостоянно, здесь, по-видимому, не затруднена. Т.е. вполне возможна сочетаемость *высота самолета* или *высота ракеты* (ср. запреты с прилагательным **высокий самолет*, **высокая ракета*), но в таких случаях «по умолчанию» будет включаться размерная интерпретация (подробнее о существующих разборах дистантного значения *высоты* см. ниже 4.6.1.).

¹²⁸ См. это уточнение в отношении прилагательного *высокий* в (Рахилина 2000:120; 2010₂: 122).

Симметрия с *глубиной* прослеживается и в существовании значения 'место или пространство на высоте', выводимое в дальнейшем, по аналогии с *глубиной*₂, в *высоту*₂ (см. выше 1.3.1.). Ср. употребления *прыжок в высоту*, *в высоте небес*, *бояться высоты*, *вид Кремля с высоты птичьего полёта*, *увидеть город с высоты Монмартра*, *голова закружилась от высоты*, *высоты местообитаний вида*.

Нефизическая, или метафорическая, *высота* реализуется в случаях семантических расширений на базе метафорического, метонимического и метафоро-метонимического сдвига. Важно отметить, что метафоры и метонимии *высоты* – совсем другие, нежели у *глубины*, но механизмы их образования сходны. По аналогии с *глубиной*, переносная *высота* во многом имеет «свои переключки» с *высотой* физической. Так, отдельный круг употреблений составляют иллюстрации 'метафоры возвышенного пространства', тесно соприкасающиеся с 'метафорами дистантного расположения', ср.: *вынести проблему на высоту Госсовета*, *поднять читателя до высот Цветаевой*, и «смежная» с ними метафоро-метонимическая *высота*₂, ср. НКРЯ: *взгляд на историю с высоты будущего*, *смотреть на кого-либо с высоты возраста и мудрости*, *столбик термометра поднял её на недостижимую высоту бреда* и т.д. Кроме того, размерная *высота*, как и *глубина*, «дает хорошую почву» для развития новой шкалы значений с вовлеченностью степени, качества и других шкалируемых признаков метафорических *высот* на разных поприщах человеческой деятельности, ср.: *быть на высоте славы*, *высоты мирового искусства*, *овладеть высотами мастерства*, *высота знаний* и т.д.

Особый интерес представляют исчезнувшие метафорические значения *высоты*, иллюстрирующие классические типы переходов по схеме 'физическое свойство предмета – нефизическое свойство лица'¹²⁹, как, например, *высота* в значении 'надменность', 'высокомерие', ср. СРЯ-XVIII: *Славно есть почесть имѣть тому, ктоб смогл понизить гордостну высоту* (Езда в остров любви. Перевод с фр. на рус. В. Тредиаковского. СПб. 1730). Впрочем, подобные метафоры, видимо, были характерны и для прилагательного *высокий*¹³⁰, которое, согласно СРЯ-XVIII, помимо констатации высокого качества (ср.

¹²⁹ Подробнее о типах метафорических сдвигов на примере прилагательных см. в (Рахилина 2010: 411-415).

¹³⁰ Ср. в этой связи историю значения английского *tall* в Dirven & Taylor (1988: 390), которая, по мнению авторов, проливает свет на когнитивную салиентность *высоты*. Согласно данным Оксфордского этимологического словаря английского языка (OED), *tall* обозначало такие черты характера, как *quick* 'живой', *prompt* 'проворный', *active* 'активный' и даже *valiant* 'храбрый'; в то же время с XVII по XIX вв. в обиходе было значение *grandiloquent* 'высокопарный', *highflown* 'напыщенный', которые были закреплены и за русским прилагательным *высокий* в XVII-XIX

высокая дичь или *У той вкус птицы не высок*. Сумароков. Притчи: 333), могло характеризовать 'высокомерного', 'надменного' человека, а, кроме того, яркий, насыщенный цвет или краску (ср. *зѣло высокии гланц* – Примечания к Ведомостям 1731 г.). Таким образом, сегодняшние значения слов *высокомерный*, *высокопарный* и проч. изначально входили в семантическую сферу действия прилагательного *высокий*.

А теперь обратимся к данным современного русского языка.

4.3. *Высота* в НКРЯ¹³¹

Метод конструкционного профилирования, взятый за основу в данной работе, предполагает установку на выявление взаимозависимости между значением слова и конструкциями с его участием (см. выше 3.3.).

Для выявления соотношения распределения значений по конструкциям с *высотой*, проводилось три вида поиска.

Первый поиск был направлен на выявление общего числа вхождений *высоты* по Основному корпусу (объемом в 209 203 107 слов), которое составило 22 178 вхождений. Из абсолютной частоты вхождений была установлена средняя частота на 1 млн. словоупотреблений в НКРЯ (по состоянию на 2012 г.), т.е. $F(ipm) = 106.01$, что немного превышает $F(ipm)$, приводимую ЧСРЯ (2009), на основе данных 1950-2007 гг., – 101.9. Таким образом, по абсолютным частотам употреблений в НКРЯ *высота* занимает второй ранг в системе пяти линейных параметров (ср. Таблицу 16 из раздела 3.12).

Второй вид поиска, заданный рамками беспредложной генитивной конструкции *высота X-а*, был направлен на создание подкорпуса генитивных конструкций с *высотой*. Запрос по шаблону *высота X-а* (поиск по маске 'высота & Gen') выдал 6 389 конструкций, из которых была сделана выборка в первые 1 568 примеров. Из них 230 употреблений (14.6% выборки) были отсеяны как ошибки аннотации. Сюда вошли:

- характеристический генитив в конструкциях вида *арка двухсотметровой высоты*.

веке (ср. СРЯ-XVIII) и сохранились в сегодняшних выражениях *высокий стиль или штиль*, *высокий слог* (в риторике и поэтике), *высокий жанр* (историческая живопись) и др.

¹³¹ Поиск по базе данных Основного корпуса НКРЯ относится к состоянию на март 2012 г. Повторная проверка числа зарегистрированных вхождений *высоты* в июле 2012 г. не выявила значительных отклонений в статистике, тем не менее можно отметить рост числа контекстов со снятой омонимией.

- послеложные конструкции типа *X Y-ом (с/в) Z*, ср. *щель высотой сантиметров пятнадцать*.
- согласованные определения *высоты*, выраженные причастным оборотом: *на высотах, окружающих Туз, произошла ожесточенная схватка*.
- инверсия при аппроксимативных конструкциях, например, *дом высотой этажей на пятнадцать-шестнадцать*.
- терминологические фраземы вида *высота над уровнем моря*.
- случаи неснятой омонимии, ср.: *на метровую высоту бил алый фонтанчик*.

В итоге «отфильтрованный» вручную подкорпус генитивных конструкций с *высотой* составил 1337 вхождений. Дальнейшая обработка выборки была направлена на вычленение прямых и переносных (метафорических) контекстов конструкции *высота X-а*. Анализ материала позволяет заключить, что *высота*, в принципе, отражает результаты по *глубине*, с одной важной оговоркой: доля прямых и переносных значений *высоты* диаметрально противоположна соответствующим долям с *глубиной*. Так, в случае *высоты* основная часть употреблений приходится на физические контексты (N = 1080 или 80.7%), в то время как семантические расширения с *высотой* наблюдаются лишь в 19.3% случаев (N = 257) (ср. Диаграмму 6). При этом статистическая значимость распределения подтверждается тестом хи-квадрат ($\chi^2 = 506.60$, $df = 1$, $p < .001$). *Глубина*, напротив, в высшей степени метафорична: за ней зафиксированы 75% переносных и 25% прямых употреблений (ср. выше Диаграмму 2 в 3.3.).

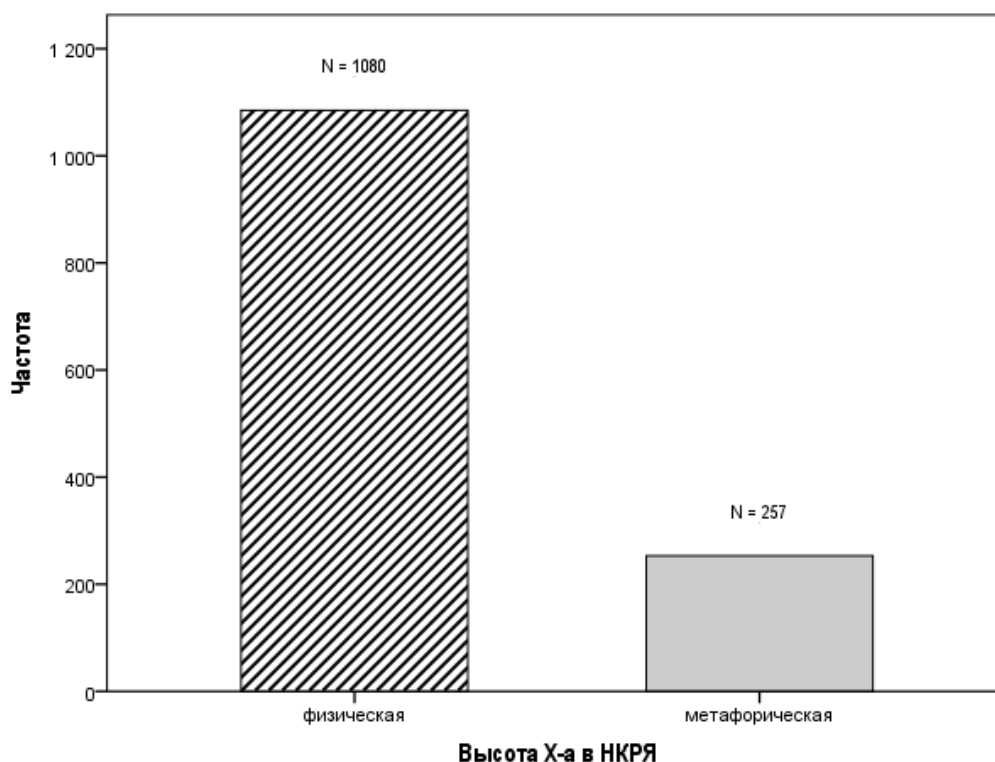

Диаграмма 6. *Высота X-а*. Распределение прямых и переносных значений в НКРЯ

Более пристальное рассмотрение параметра *высота* в физическом значении дает очень пёструю картину распределения долей. В общей сложности все прямые значения были в дальнейшем разбиты на три подгруппы сочетаний *высоты* с 'физическим' носителем признака:

- параметрическая: *высота башни, высота памятника, высота окна.*
- дистантная: *на высоте третьего этажа, высота границы*
- *высота₂* = место или пространство на высоте: *перебраться в высоты Гималаев, страшная высота неба, в высотах ночного Нью-Йорка.*

Такие маргинальные значения *высоты*, как *высота* математическая (N = 4), ср. *высота треугольника* или *высота пирамиды*, были суммированы в одной колонке с *высотой* параметрической. Сюда же были отнесены шкалируемые значения (N = 3), в которых *высота* обозначает величину, выражаемую числовыми показателями (*высота давления* или *высота температуры*). В то же время *высота* астрономическая (N = 7), как,

например, в предложении *определить долготу по высоте солнца*, сближается с дистантным значением, что и объясняет ее нахождение в этой подгруппе.

Далее, отдельного комментария требует группа *высота* дистантная, в которую входят два круга употреблений: *высота* дистантная₁, или позиционная *высота*, отсылающая к удалённости объектов от поверхности земли или любой другой поверхности, как в выражениях *высота барьера*, *высота ветки*, *высота галерки*, и *высота* дистантная₂, или предикатная *высота*, которая обозначает процессы и действия, производимые на *высоте*, ср.: *высота бомбометания*, *высота застройки*, *высота скашивания травы* и проч.

Таким образом, тенденции распределения физических значений *высоты* в конструкции *высота X-а* можно представить в виде следующей Диаграммы (см. Диаграмму 7), а соотношение долей распределения позволяет говорить о тенденциях значимости ($\chi^2 = 405.11$, $df = 2$, $p < .001$).

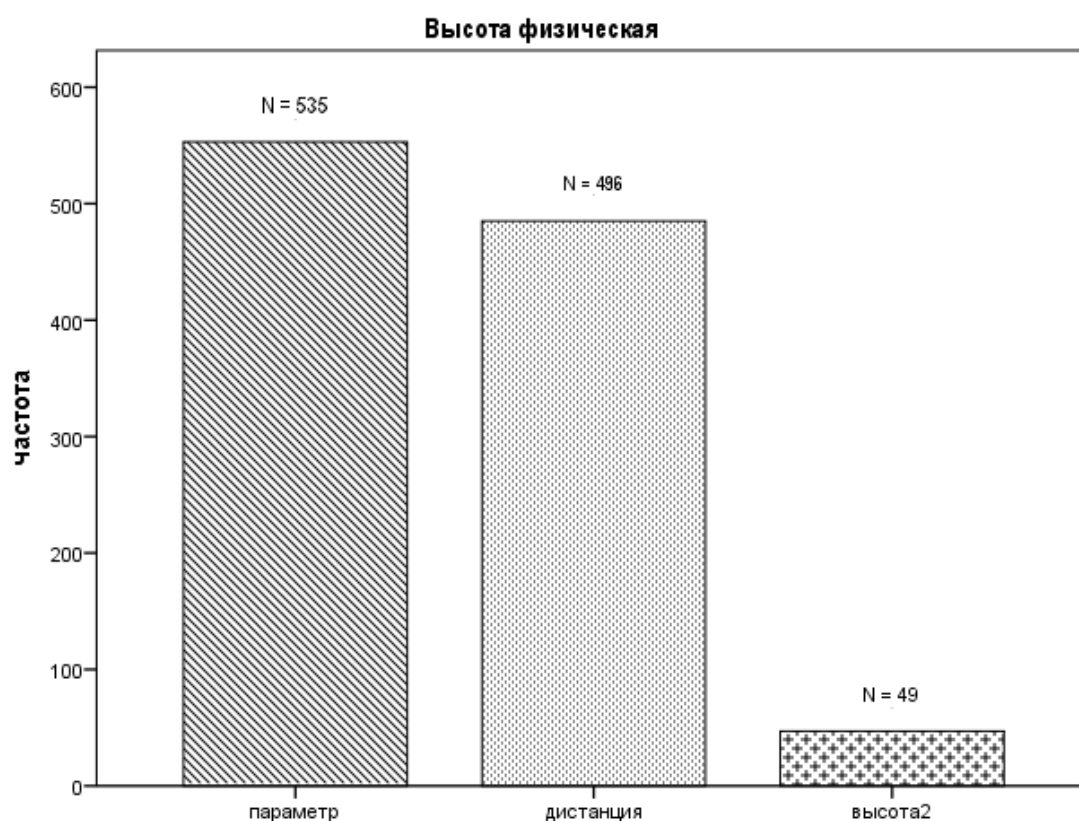

Диаграмма 7. *Высота X-а*. Распределение неметафорических значений *высоты* в НКРЯ

Как видим, по частоте в подкорпусе физических значений ($N = 1080$) лидирует *высота* параметрическая ($N = 535$ или 49.5%). Далее с небольшим отрывом следует группа дистантных значений *высоты* ($N = 496$ или 45.9%), и заключает цепочку самая периферийная группа *высота₂* ($N = 49$ или 4.5%), для которой нетипичны употребления в генитивной конструкции, так как естественное условие реализации *высоты₂*, как и *глубины₂*, не предполагает включения в аргументную структуру слота 'носитель признака', ср. *прыжок в высоту, бояться высоты*. Тем не менее, как показывают данные подкорпуса, аргументная роль 'носитель' признака, в принципе, может быть реализована в генитивных конструкциях с *высотой₂*, ср.: *бояться высот ночного Нью-Йорка; отвернуться, заметив страшную высоту неба*.

Сравнение с результатами распределения неметафорических значений *высоты* и *глубины* показывает, что параметрическое и дистантное значения сближаются и в том, и в другом случае. Как показывает статистика, дистантные значения *глубины* лидируют лишь с небольшим отрывом (48% дистантно vs. 38% параметрически), поэтому говорить об ощутимом перевесе в ту или другую сторону не приходится (ср. выше 3.3.). Стоит отметить, что в нашем подкорпусе представлена периферийная *высота₂*, в отличие от *глубины₂*, которая не фигурирует в генитивных конструкциях выборки в 1417 примеров.

Картина распределения переносных значений *высоты* по подкорпусу может, на первый взгляд, показаться неожиданной (ср. Диаграмму 8), несмотря на то, что критерий хи-квадрат опровергает гипотезу случайного распределения долей ($\chi^2 = 210.52$, $df = 6$, $p < .001$) (подробнее о метафорах *высоты* речь пойдет в 4.11.). Из 257 употреблений *высоты* нефизического рода чуть более 40% ($N = 104$) выборки приходится на контексты с метафорической *высотой₂*, которая в классе прямых употреблений, наоборот, занимает периферийное положение (см. выше Диаграмму 7). Обратим внимание на то, что в этом типе контекстов выступает, как правило, множественное число *высоты*, ср.: НКРЯ: *подниматься до небесных высот гармонии, оставаться на высотах обожания, судить с высот лиретаруты, испытывать ужас перед высотами марксизма* и проч.

Другие, менее частотные, группы составили метафоры следующих семантических типов:

- содержание ($N = 69$ или 26.8%): *высота духа, высота помыслов, высота порыва*.
- качество/степень ($N = 23$ или 8.9%): *высота звука, высота тона, высота чина*.

- цель (N = 15 или 5.8%): *штурмовать высоты науки, дойти до высот метрдоателя.*
- количество (N = 7 или 2.7%): *высота смертности, высота безработицы.*

Сразу оговоримся, что подгруппа с ярлыком ‘метонимия & метафора’ (N = 23 или 8.9%) иллюстрирует случаи метонимии, осложненные метафоризацией. Безусловно, метонимический эффект присутствует и в других типах метафор. Однако употребления этой подгруппы иллюстрируют, на наш взгляд, *высоту* в тех контекстах, где метонимия имеет своеобразную функцию ‘фигуры’, оставляя метафоре роль ‘фона’. В эту маргинальную для переносной *высоты* группу вошли прежде всего те примеры, в которых *высота* отождествляется с высшей или критической точкой шкалы, ср. *высота года, высота потуги, высота прыжка, критическая высота опасности*. Случаи «чистой» метонимии весьма редки для *высоты*, что подтверждают и данные прилагательного *высокий* (ср. Рахилина 2000, 2010₂:143).

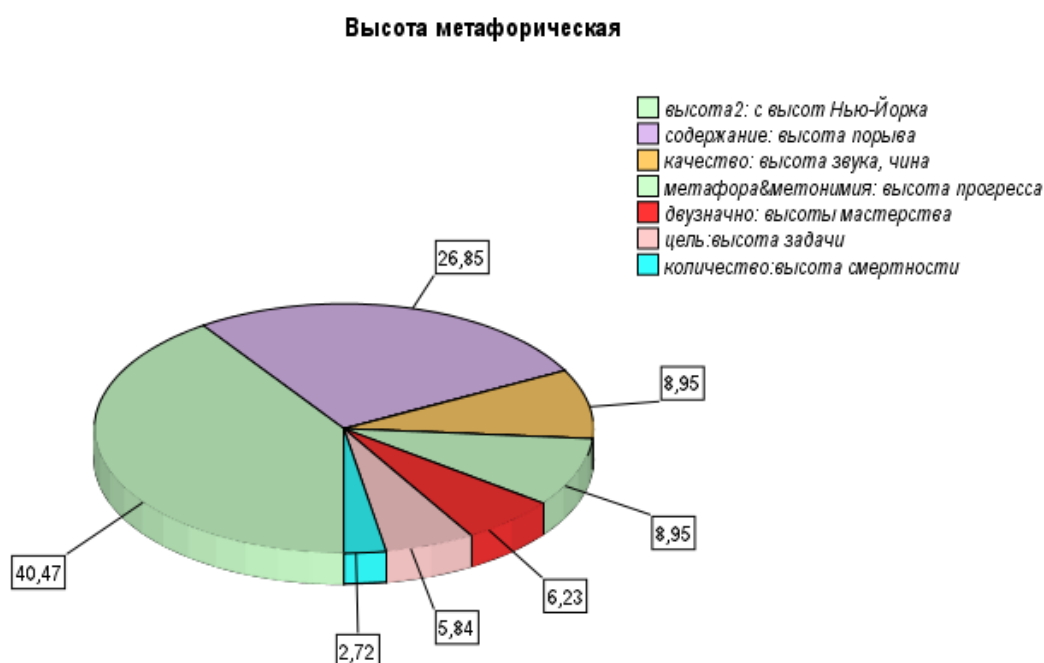

Диаграмма 8. *Высота X-а*. Распределение переносных значений *высоты* в НКРЯ (N = 257)

В подгруппу двузначных употреблений (N = 16 или 6.2%) вошли случаи, допускающие интерпретацию сразу по нескольким метафорическим типам, когда идентификация преобладающего типа метафоризации затруднена «наслаиванием» смыслов. Сюда, в частности, можно отнести выражения вида: *высота музыки, высота музыкальности, высоты мастерства, высота разума, высоты проповеди* и мн.др. Все эти сочетания с *высотой*, с одной стороны, казалось бы, осмысляются по метафоре содержания, когда сам 'высокий' предмет переносит нас в сферу 'высокого' (в этом смысле *разум* концептуализируется как 'контейнер' для содержания всего 'высокого' – *помыслов, мыслей, ума*). С другой стороны, здесь актуализируется (по сути метонимичная) метафора цели, когда *высота* задает конечную точку шкалы *способностей, знаний, умений* и других достижений, иногда даже с попутным смыслом недостигаемости, как в случае *высота одиночества*.

На дальнейшем этапе была проанализирована равномерность представленности *высоты* в НКРЯ и в нашей подвыборке. Для этого, помимо показателя $F(ipm)$, т.е. средней частоты на 1 млн. словоупотреблений в НКРЯ (см. выше Таблицу 16), важно было учесть показатели дисперсии параметра по подкорпусам – в нашем случае коэффициент А. Жуйана (D)¹³², используемый во многих существующих частотных словарях. В случае *высоты* коэффициент Жуйана (D), приводимый ЧСРЯ (2009), равен 93, т.е. *высота* встречается в 93-х из 100 равных сегментов НКРЯ, что говорит о довольно высокой степени представленности этого параметра в разных сегментах НКРЯ.

Более того, чтобы установить, «привязана» ли *высота* и её значения к конкретному типу текстов, использовался параметр 'функциональный стиль'. Поскольку количество наблюдаемых частот в некоторых из столбцов меньше 5 (ср. Таблицу 18), т.е. меньше критического порога, все контексты *высоты* были объединены в три группы, по своему объему коррелирующие с равномерной представленностью в НКРЯ таких сегментов письменных текстов, как художественная литература (44 %), публицистика (36 %) и нехудожественная литература (20 %) (ср. Таблицу 17).

¹³² О статистическом методе А. Жуйана (Juilland et al. 1970) и других мерах дисперсии подробнее см. в (Gries 2008).

	абсолютная частота	относительная частота
художественная	274	17.5 %
нехудожественная	533	34.0 %
публицистика	761	48.5 %
Всего	1568 ¹³³	100 %

Таблица 17. *Высота* X-а: распределение по письменным сегментам в НКРЯ

Как иллюстрирует Таблица 17, чаще всего *высота* фигурирует в публицистике (48.5%), и в нехудожественной литературе (34%), представленной учебно-научными, производственно-техническими, церковно-богословскими, официально-деловыми текстами, а также категориями 'электронная коммуникация' и 'реклама'. В художественной литературе *высота* встречается лишь в 17.5 % контекстов. Тест хи-квадрат ($\chi^2 = 227.19$, $df = 2$, $p < .001$) исключает случайность распределения по этому критерию.

Более детальный анализ на выявление корреляции физических и метафорических значений *высоты* по функциональным стилям дал менее обнадеживающие результаты (ср. Таблицу 18).

		Функциональный стиль									Всего
		художественная	учебно-научная	производственно-техническая	публицистика	церковно-богословская	официально-деловая	реклама	электронная коммуникация	бытовая	
Высота X-a	физическая	136	317	66	522	5	13	11	3	7	1080
	метафорическая	63	40	1	123	18	1	3	5	3	257
Всего		199	357	67	645	23	14	14	8	10	1337

Таблица 18. *Высота* X-а: распределение по функциональным стилям в НКРЯ

По «рабочей» гипотезе, которая, действительно подтверждается материалом параметра *глубина*, существует взаимосвязь между распределением линейных параметров предметов в разных типах текстов. Это значит, что контексты определенного стиля, как, например, учебно-научные и технические тексты, будут «привлекать» более «технические», а в нашем понимании, параметрические значения. Т.е. доля физических

¹³³ Эта цифра относится к объему всей выборки *высоты* с учетом негенитивных конструкций.

контекстов *высоты*, казалось бы, должна преобладать в текстах учебно-научного и производственно-технического функционального стиля. Однако, как показывает Таблица 18, доля физических употреблений *высоты* не имеет четкого перевеса в научных и технических текстах. Самым частотным ареалом для данного типа значений оказывается публицистика (522 вхождений или 39%). В то же время, исходя из этого результата, нельзя делать вывод о какой-либо силе «притяжения» контекстов, так как ярлык 'публицистика' слишком широк по тематическому охвату; кроме того, наряду с интервью, мемуарами, эссе и проч. жанрами, к ней относится определенная доля научных и технических контекстов.

Почти половина (N = 123 или 47.8%) всех метафорических вхождений *высоты* также приходится на «общий котёл» публицистики. Далее, 24.5% (N = 63) составляет доля метафор с *высотой* в художественной литературе и 7 % (N = 18) – в церковно-богословской. Неожиданным результатом оказалось и то, что 15.5% (N = 40) всех метафор встречается в учебно-научных контекстах. Можно было бы предположить, что в основе некоторых типов семантических расширений *высоты* шкалируемость оказывается более когнитивно выделенным компонентом значения, как, например, в метафорах количества (*высота температуры*) или качества/степени (*высота звука*, *высота одаренности*). Однако данное предположение нуждается в более тщательной проверке.

Итак, на основе данных НКРЯ мы сформулировали тенденции распределения значений *высоты* в генитивных конструкциях. На следующем этапе мы попытаемся сделать обобщения, касающиеся прототипа объектов, которым приписывается линейный параметр *высота*. Начнем с *высоты* физической.

4.4. Параметр и прототип

Как уже упоминалось выше, возможная типология объектов, измеряемых по *высоте*, будет строиться на основе трех классификационно значимых категорий, таких как ТИП объекта, ФИЗИКА объекта, т.е. его физические характеристики, и СЕМАНТИКА объекта или совокупность факторов, отвечающих за «попутные» экстралингвистические эффекты в выборе параметров.

4.4.1. Таксономические категории объектов

В существующих количественных описаниях обозначений 'высокого' до сих пор больше внимания уделялось восприятию этого параметра носителями языка. Так, эмпирические исследования на базе опросников на материале английского, немецкого, итальянского, русского и шведского языков были направлены на выявление ассоциаций с прилагательным *высокий* и его коррелятами в вышеперечисленных языках¹³⁴. Как показывает сравнение этих подходов, все существующие классификации таксономических категорий объектов, измеряемых пространственными прилагательными, и, в том числе *высокий*, разнятся лишь незначительно. Рассмотрим некоторые из них.

В одной из первых классификаций измеряемых объектов А.Н. Журинский сводит общие характеристики *высоких* предметов к следующим: «*высокий* говорят 1) скорее о самостоятельных предметах, чем о предметах, входящих в состав другого предмета; 2) скорее о крупных предметах, чем о мелких; 3) скорее о предметах, чья вертикальная ориентация принадлежит им самим, чем о предметах, которым придал вертикальное положение человек; ср. также малую употребительность прилагательного *высокий* с существительными *свеча, антенна (автомобиля), бутылка*» (Журинский 1971: 99).

Если характеристика А.Н. Журина (1971) дает лишь первые «штрихи» к портрету предметов, сочетающихся с *высокий*, то в (Рахилина 2000, 2010₂) *высокие* предметы получают более подробное описание согласно их топологическому типу, по которому *высокими* будут считаться:

- 1) «вертикально вытянутые предметы "жесткой" конфигурации (*столб*)» (Рахилина 2000: 126; 2010₂:127);
- 2) объекты с «изначально заданным, фиксированным положением в пространстве» (Рахилина 2000: 120; 2010₂: 122): это уточнение, в частности, объясняет такие сочетаемостные ограничения, как **высокая палка* или **высокие лыжи*.

¹³⁴ Стандартный вариант построения опросников на выявление типичных коллокаций с прилагательными размера звучит так, ср. (Weydt/Schlieben-Lange 1995, 1998) и (Tribushinina 2008a, 2008b): назовите по три существительных, которые, по Вашему мнению, лучше всего сочетаются с прилагательными *высокий* (-ая, -ое) и проч. Проблематичность опросников такого вида для носителей русского языка заключается в том, что нередко информанты фокусируют внимание на окончании муж. род. ед. ч. *-ый(ий)*, что в свою очередь влияет на объективность ассоциаций на коллокации с прилагательными размера, и, следовательно, ставит под вопрос эффективность используемого метода для русского языка.

- 3) поднятые над поверхностью «опоры» (*скамейка, ветка*) и «квазиопоры» - «поверхности, ограничивающие пространство сверху» (*потолки, своды, купол*) (там же).

Как показывает материал по *высоте*, определяемые выше топологические классы *высоких* предметов действительно и для параметра *высота* с одним важным, на наш взгляд, уточнением: по *высоте*, по всей видимости, измеряются также вещества и кванты веществ, что, в общем, возможно и для прилагательного *высокий*, правда, только в дистантном значении, ср. *высота лавы* vs. *высокая лава*, *высота песка* vs. *высокий песок*, *высота пены* vs. *высокая пена*. Кроме того, накопления веществ образуют *слои*, которым тоже может приписываться параметр *высота*, но только в сочетании с лексемой 'слой', которая в этом случае выполняет роль своеобразной меры вещества, ср.: *высота слоя рассола*, *высота слоев керосина и воды*, *высота слоя торфа* и т.д.

Другой подход к классификации *высоких* и *низких* объектов используется в работе Анны Гой (Goy 2002), исследующей функционирование итальянских *alto* ('высокий') и *basso* ('низкий') в рамках теории пространственной репрезентации объектов (spatial representation). В основе этого подхода лежит не топологический, а геометрический тип объекта. Так, согласно трехмерной модели Дэвида Марра (Marr 1978, 1982), зрительное восприятие и последующая репрезентация пространственных объектов сводятся к представлению канонической, или прототипической, формы объектов в виде геометрических примитивов¹³⁵. В принципе, форму любого измеряемого объекта можно представить в виде известных нам геометрических фигур, будь то пирамида, параллелепипед, цилиндр, куб и т.д. Объекты, делимые на несколько частей, могут быть представлены в виде составляющих, т.е. каждой части описываемого объекта приписывается зрительно сходная с ней геометрическая фигура. Так, *дом* можно изобразить в виде двух фигур – параллелепипеда и поставленной сверху пирамиды. Данная модель распространяется также на объекты непостоянной формы – тело человека и животного. К примеру, торс человека схематично можно представить в виде цилиндра, а в случае *лошади* или *собаки* схематизация принимает вид горизонтально перевернутого цилиндра.

¹³⁵ Модели геометрических примитивов в концепции Д. Марра соответствует теория геонических конструкций (geonic constructions) И. Бидермана (Biederman 1987). См. выше раздел 2.3.

Анна Гой подразделяет объекты, сочетающиеся с *alto* или *basso* в итальянском языке, по принципу совместимости их геометрического типа с той или иной референциальной рамкой (Goy 2002: 138). В итоге отдельные классы объектов образуют четыре следующие группы: *здания, живые существа (люди и животные), природные объекты и артефакты*. Согласно результатам, полученным в обсуждаемом исследовании, таксономический класс *высоких* объектов задает предсказуемость их сочетаемости с той или иной референциальной рамкой, на основе чего и объясняется зависимость пространственных прилагательных от определенного типа объектов, с которыми они комбинируются (см. Таблицу 19).

Object groupings on the basis of reference frames made available

group	frames	examples
BUI	<i>motion</i> : no <i>geometrical</i> : yes <i>canonical orientation</i> : yes <i>canonical function</i> : yes	<i>torre</i> (tower), <i>colonna</i> (pillar), <i>lampione</i> (lamp-post)
LIV	<i>motion</i> : yes <i>geometrical</i> : irrelevant <i>canonical orientation function</i> : yes (coinciding)	nouns referring to human beings and animals
NAT	<i>motion</i> : no <i>geometrical</i> : yes <i>canonical orientation</i> : yes <i>canonical function</i> : irrelevant	nouns referring to trees, <i>montagna</i> (mountain), <i>stalagmite</i> (stalagmite)
ART	<i>motion</i> : no <i>geometrical</i> : irrelevant <i>canonical orientation</i> : yes <i>canonical function</i> : yes	<i>soffitto</i> (ceiling), <i>tavolo</i> (table), <i>bicicletta</i> (bike).

Таблица 19. Классификация объектов по типу референциальной рамки¹³⁶ (Goy 2002: 138)

Четыре группы объектов окружающего мира соотносимы с определенными моделями систем координат и существующими внутри этих систем ориентирами. В первую группу входят объекты, имеющие ярлык 'здания и конструкции' (BUI): *башня, колонна, фонарный столб* и др. Как видно из Таблицы 19, если объект относится к данной категории, то предпочтительным типом референции для него будет каноническая ориентация, совпадающая с направлением гравитации. Вторую группу образуют 'живые существа' (*люди и животные*), маркируемые ярлыком (LIV), каноническая ориентация которых

¹³⁶ Ярлыки BUI, LIV, NAT и ART расшифровываются как BUILDINGS (здания), LIVING THINGS (живые существа), NATURAL THINGS (природные объекты) и ARTEFACTS (артефакты).

будет совпадать с ориентацией, задаваемой функционально значимыми свойствами объекта. К третьей группе относятся природные объекты (NAT), например, *растения*, *горы* и проч. элементы ландшафта, для которых каноническая функция не будет играть роли вследствие их статичного положения в пространстве, ср. объект *деревья*, ориентируемый в пространстве как геометрически, так и канонически. Четвертая группа объектов, включающая артефакты (ART), представляет наибольшее количество случаев, допускающих двоякую интерпретацию, и здесь наблюдается варьирование в выборе соответствующего параметрического слова, в зависимости от того, какой тип ориентации более предпочтителен в конкретной ситуации. Так, к примеру, в итальянском языке решающую роль для выбора обозначения *alta bicicletta* ('высокий велосипед')¹³⁷ играет каноническая функция данного объекта, т.е. его прототипическое положение в пространстве в момент его функционирования, а не в ситуациях, когда велосипед лежит на полу или стоит в гараже. Таким образом, в системе А. Гой определяющими в выборе подходящего параметрического слова будут каноническая функция и каноническая ориентация объекта в пространстве. Причем, по гипотезе А. Гой, для объектов, принадлежащих к группам 'здания' (BUI), 'природные объекты' (NAT), 'люди и животные' (LIV), решающую роль в выборе параметра будет играть их каноническая ориентация в пространстве, т.е. естественное положение объектов с учетом влияния силы притяжения. В то же время артефакты (ART) будут относиться к другой группе, для которой определяющей будет каноническая функция объекта, т.е. в случае, например, *стола*, *стула* или *велосипеда* их вертикальное положение – это «естественное» положение предмета в его канонической функции, что является условием реализации с *alto / basso*.

Безусловно, модель А. Гой имеет ряд преимуществ, так как ей удаётся попытка «увязать» геометрическую форму объектов с их функцией, ориентацией в пространстве и фактором 'статичности/динамичности'. Однако сравнение с *высотой* показывает, что данная модель требует значительной корректировки и не может претендовать на универсальность описания вертикальности объектов. Во-первых, параметр *высота* не представлен группой 'люди'¹³⁸, так как в арсенале русского языка существует отдельный ярлык для описания вертикального размера людей – *рост*. Животные занимают в

¹³⁷ Ср. также аналогичное английское *high bike* и более рестриктивное **hohes Fahrrad* vs. *grosses Fahrrad* в немецком языке.

¹³⁸ За исключением частей тела человека, ср. *высота стопы*, *высота лба* и т.д.

языковой концептуализации, скорее, промежуточное положение между группами 'люди' и 'артефакты', так как их вертикальный размер может обозначаться не только словом *рост* (*рост собаки, рост лошади*), но и в более редких случаях словом *высота* (*высота собаки, высота медведя, высота лошади в холке*) (подробнее об этом см. ниже раздел 4.10. «*Высота vs. рост*»). Во-вторых, многие *высокие* природные объекты, к которым, наряду с растительностью, относятся *горы, вершины, бугры* и проч., измеряют не столько собственную *высоту*, сколько различные уровни, см. *высота утёса, высота обрыва, высота берега*.

В предлагаемой нами таксономической организации измеряемых объектов за основу будет взята семантическая разметка НКРЯ с включением мереологического компонента, т.е. подразделения на подклассы типа 'часть-целое'. Как выяснилось, большую область употреблений параметрических существительных составляют сочетания с частями частей, ср.: *высота ступеньки, высота крыши, высота каблука, высота крыльца, высота ствола* и т.д. Таким образом, в случае параметра *высота* целесообразно, на наш взгляд, включать помимо основного подразделения на классы *лица – животные – растения – вещества и материалы – пространство и место – здания и сооружения – инструменты и приспособления* и т.д., также и части частей, т.е. *части тела человека, части тела животного, части растений, части зданий, части приспособлений* и т.д.

При этом нельзя не учитывать сложность построения иерархии частей. Части тела как одушевленных, так и неодушевленных объектов подразделяемы на два иерархических уровня – части «первого порядка» и части частей, или составные части¹³⁹. Так, человеческое тело состоит из множества частей (*голова, туловище, ноги, руки* и т.д.), которые подвергаются дальнейшему членению (*зубы, локти, кисти, ногти, стопы* и т.п.). Важно при этом, указывая на размер, разграничивать два случая употреблений – сочетания *высоты* с частями тела первого порядка и с частями частей. Следует сразу оговориться, что в случае тела человека обозначения *высоты* ведут себя довольно рестриктивно: в корпусе практически отсутствуют примеры употребления *высоты* с частями первого порядка (*высота головы, высота плеч*); в то же время основная масса примеров, кодирующих размер частей тела человека, приходится на части частей; ср.

¹³⁹ Подробнее о содержании понятия 'часть тела' и 'составные части тела' см. (Крейдлин, Переверзева 2009).

высота лба, высота скул, высота колена. То же наблюдение, по всей видимости, относится и к прилагательному высокий: высокий лоб, высокие скулы, высокие ноги, высокие колени.

Части тела животного имеют сходную иерархию отношений. Однако эти примеры будут привлекаться лишь в случаях контрастных употреблений, отличных от характера употреблений из области 'тело человека'.

По аналогии с частями тела человека и животного строится система отношений частей и целого на базе других таксономических категорий. Так, например, возможно указание на размер частей растений (*высота стебля*), зданий/строений (*высота крыльца*), мебели (*высота спинки стула*), механизмов (*высота багажника*), инструментов (*высота зубьев пилы*) и т.п.

4.5. Тип X-а: попытка классификации

Итак, в предлагаемой нами классификации референтов *высоты* в рассмотрение включается мереологический компонент '**часть – целое**', который, как будет показано ниже, далеко не тривиален для этого измерения. Особенно значимым оказывается расширение семантической сферы действия признака *высота* на референты, которые в норме не отвечают главным требованиям, предъявляемым *высоким* X-ам.

Еще одно важное отличие предлагаемого описания таксономических классов референтов *высоты* представляет включение в описание фактора '**критичность**'. Этот фактор до сих пор не выделялся в описании размерной лексики, несмотря на то, что имплицитная отсылка на него заложена в семантике параметрических слов вертикальной оси ориентации (*высота* и *глубина*), которые, как не раз упоминалось, отсылают, скорее, к большой степени признака, т.е. критичной, значимой для человека и его жизнедеятельности.

Наиболее тесно фактор '**критичность**' соприкасается с выделяемым в специальной литературе фактором '**функциональности**', а также термином '**каноническая функция**' (ср. выше Gou 2002). Тем не менее, критичная *высота* не всегда будет сопутствовать *высоте* функциональной. Не вызывает сомнений, что *высота* забора или *высота* фундамента отвечает критерию функциональности. В то же время для природных объектов критерий

‘функциональность’ – не релевантен, а их *высота* прежде всего критична для человека (ср. *высота утёса*, *высота обрыва*, *высота берега* и проч.).

По нашей гипотезе, ‘критичность’ значима для параметра *высота* в гораздо большей степени, чем для других параметров, хотя, безусловно, нельзя исключать ситуации, когда ‘критичность’ будет применима и к *длине*, *ширине*, *толщине*. Именно поэтому выстраиваемая нами таксономическая классификация основывается на той роли, которую этот фактор играет в параметризации объектов по *высоте* в сочетании с функциональным критерием.

Обратимся к описанию возможных референтов *высоты*. По аналогии с *глубиной* все физические референты этого параметра будут подразделены на предметные и отпредикатные X-ы.

4.5.1. Предметный X

Итак, на основе семантической разметки НКРЯ с включением мереологического компонента были выделены следующие типы носителей признака *высота*, которые для удобства описания будут объединены в дальнейшем в три блока – **здания и сооружения** (4.5.1.1.), **природные объекты** (4.5.1.2.) и **артефакты** (4.5.1.3.) (ср. Таблицу 20).

Тип X-а	примеры	частота	%
здания и сооружения и их части	<i>дом, дамба, забор, памятник, столб, фонарь, бордюр</i>	198	37,8
растения и части растений	<i>дерево, дуб, куст, кустарник, трава</i>	116	22,1
транспорт и части транспорта	<i>самолет, машина, вагон, капот, колесо</i>	47	9,0
одежда и обувь и их части	<i>каблук, берец, ботинок, шов, ворс</i>	29	5,5
вещества и материалы и кванты вещ.-ва	<i>слой, лава, пламя, струя фонтана</i>	23	4,4
топографические объекты и их части	<i>уступ, обрыв, гора, холм, склон, скат</i>	22	4,2
инструменты и их части	<i>колесо, валик, зубья пилы, веретено</i>	19	3,6
механизмы, приборы и их части	<i>станок, агрегат, насос, снегозаборник</i>	13	2,3
посуда	<i>банка, бутылка, котёл, подставка, сито</i>	12	2,3
части тела	<i>голова, стопа, нога, лоб, хрящ, коронка</i>	10	1,9
текст и части текста	<i>текст, абзац, строка, буква</i>	10	1,9
мебель и части мебели	<i>зеркало, ножка (дивана), сиденье (стула)</i>	8	1,5
животные и части тела животных	<i>холка, ухо</i>	8	1,3
музыкальные инструменты	<i>колокол</i>	2	,4
оружие	<i>пистолет, копье</i>	2	,4
Varia	<i>пирамида, катет, треугольник</i>	16	1,3
Всего		535	100,0

Таблица 20. Тип предметного объекта в беспредложной генитивной конструкции *высота* X-а по НКРЯ

4.5.1.1. Здания и сооружения

Как показывает Таблица 20, подгруппа 'здания и сооружения' по своей частоте занимает первый ранг в списке представленных классов объектов, которым приписывается параметр *высота* (N = 198 или 37.8%). *Высота* зданий (*дом, храм, пирамида Хеопса, Исаакий*) и сооружений (*мост, дамба, плотина, каркас*) иллюстрирует *высоту* в прототипическом варианте: как здания, так и сооружения максимально приближены к вертикально вытянутым объектам, для которых протяженность по вертикали составляет их максимальный размер, а вертикальное положение в пространстве является одной из реализаций их канонической ориентации. Кроме того, все эти объекты имеют

фиксированное положение в пространстве и точку опоры на поверхности земли или другой поверхности.

Вторую частотную категорию составляют 'растения' (N = 116 или 22.1%), которые по своим физическим характеристикам максимально приближаются к первой группе. Любопытно, что когнитивная выделенность этих двух подгрупп для параметра *высота* подтверждается также исследованиями по прилагательным *высокий*, *невысокий* и *низкий* в русском языке (Tribushinina 2008a, 2008b, 2010). По результатам тестов Е. Трибушиной, три первые по частотности группы коллокаций с *высокий* в НКРЯ¹⁴⁰ составляют: обозначения человека (37.2% в НКРЯ на 5633 примеров), строений (11.4%) и растений (11.5%) (см. Tribushinina 2008a: 339, 2008b: 172). Результаты по *высоте*, несмотря на сравнительно маленькую величину предметных вхождений с *высотой*, в целом подтверждают картину распределения по прилагательным за исключением обозначений человека, которые нерелевантны в случае *высоты*. За вычетом этой группы обозначений два остальных класса – 'здания и сооружения' и 'растения' – максимально приближены к 'человеку' не только статистически, но и с точки зрения общих для всех трех классов когнитивных черт вертикальности. Е. Трибушина относит сюда: когнитивную салиентность вертикального размера, динамический рост (вверх) и рельефность высоких объектов, выдающихся над поверхностью¹⁴¹ (там же). Роль антропоцентрического фактора¹⁴² проявляется еще и в том, что человек и его размеры выполняют роль эталона сравнения для объектов, описываемых нами как *высокие*, *невысокие* или *низкие* (см. также Рахилина 2000, 2010₂; Sharoff 2006). Объекты, описываемые как *высокие*, как правило, выше человеческого роста, а *низкие* – характеризуют размеры ниже человеческого роста. *Высота* зданий и сооружений в этом смысле концептуально воссоздаёт антропоморфный вектор *высоких* объектов. Однако прежде чем делать выводы о роли человеческого роста как эталона признаковой шкалы для других категорий объектов, следует сначала рассмотреть другие области применения

¹⁴⁰ Результаты опроса носителей языка на сочетаемость существительных с *высокий* почти симметричны, за исключением порядка следования, результатам распределения по НКРЯ. В первые три по частотности группы вошли: строения (30.1%), человек (28.6%) и растения (22%) (Tribushinina 2008a: 340, 2008b: 173). Аналогичные результаты в несколько другой последовательности дает анализ референтов прилагательного *невысокий* в опросе носителей языка (Tribushinina 2010: 250): человек (33.5%), строения (26%) и растения (21%).

¹⁴¹ Впервые на это свойство высоких объектов было указано в (Dirven & Taylor 1988); см. также (Taylor 2003).

¹⁴² В отношении размеров человеческого тела Е. Трибушина вводит термин ЭГО как дополнительную точку референции для интерпретации прилагательных размера (Tribushinina 2008a, 2008b).

высоты в отношении двух остальных тождественных групп – ‘природные объекты’ и ‘артефакты’.

Включение в рассмотрение компонента ‘часть-целое’ ценно тем, что оно вскрывает ряд противоречий относительно запретов и ограничений на *высокие* X-ы и ставит под вопрос универсальность эталона ‘человек’. *Высота*, пожалуй, менее ориентирована на размеры человека: в частности, части частей, например, части тела человека, части растений или части зданий и сооружений могут быть ниже человеческого роста или не иметь «привязки» к росту вообще, ср.: *высота стопы, высота пня, высота калитки, высота бордюра, высота ступеньки, высота фундамента* и т.д. Другими словами, градационная шкала размерных прилагательных не тождественна градационной шкале размерных существительных.

Тем не менее, даже в случаях, казалось бы, явной тенденции *высоты* к абсолютности сохраняет свою значимость критерий ‘критичность’ параметра, измеряемого по *высоте*. Т.е. антропоцентрический «эффект» не ослабевает, даже тогда, когда *высота* обнаруживает тенденцию абсолютного, а не относительного размера, ориентированного на человека не в абсолютном, а в функциональном смысле.

Итак, в чем заключается важность принципа «часть-целое» для *высоты*? И почему все-таки мереологический компонент релевантен для этого линейного размера?

Во-первых, части частей, несмотря на то, что они меньше по размеру самих частей, как «дочерние» объекты наследуют тип ориентации «родового» для них объекта. Э. Ланг использует в этом смысле обозначение «наследственность» (inheritance) частями характеристик целого и, наоборот, целое может «унаследовать» параметрические характеристики частей (Lang 2001: 1267).

Такая «наследственность» параметров частей особенно иллюстративна, на наш взгляд, в случае группы ‘здания и сооружения’, ведь вертикальная направленность частей ‘зданий и сооружений’ задается «по умолчанию» вертикально направленными «целыми» объектами: *высота калитки* наследуется из *высоты забора, высота многоэтажного дома* – из *высоты этажей, а высота леса* – из *высоты ярусов деревьев*.

Во-вторых, сравнение с другими параметрами показывает, что наследование параметров по схеме ‘часть-целое’ будет значимо прежде всего для *высоты* (и весьма рестриктивно для *глубины*, ср. пример Э. Ланга: **Глубина лестницы соответствует сумме глубины ступеней* (Lang 2001: 1268)). Материал русского языка показывает, что у

параметров горизонтальной оси такая преемственность не наблюдается, т.е. при переходе описания от части к целому и наоборот необходима смена параметра. Ср. Илл. 16 с еще одним примером из Э. Ланга: *Длина ступеней соответствует ширине (*длине) лестницы* (там же).

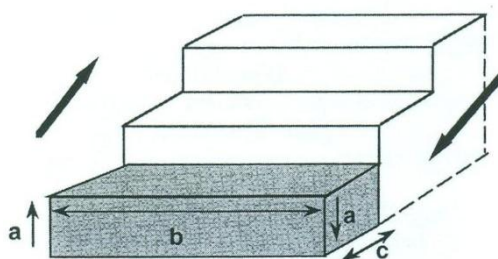

Иллюстрация 16. Схема 'часть-целое' на примере лестничного марша,
где *a* – высота ступеньки, *b* – длина ступеньки, *c* – ширина ступеньки (Lang 2001: 1266)

И, наконец, рассмотрим второй тип предметных X-ов – природные объекты, – который в нашей классификации объединяет две, на первый взгляд, разнородные подгруппы – 'растения' и 'элементы ландшафта'.

4.5.1.2. Природные объекты

Как мы помним из концепции А. Гой, природные объекты не имеют *канонической функции*, в отличие от зданий, сооружений и артефактов, для референциальной рамки которых каноническая функция – первостепенна (см. выше Таблицу 19). Из представленных в Таблице 20 референтов *высоты* к группе природных объектов мы будем относить растения (*дерево, куст, трава*) и части растений (*ствол, стебель, пень*), а также элементы ландшафта (*уступ, обрыв, гора, холм, склон* и мн. др.). По наблюдению Р. Дирвена и Дж. Р. Тейлора, вертикально вытянутые объекты, которые сочетаются с английским прилагательным *tall*, характеризуются одной общей чертой, – им свойствен динамический рост вверх, в отличие от статической семантики объектов, сочетающихся с *high* (Dirven & Taylor 1988). Это свойство, безусловно, характерно для растений и (в метафорическом смысле) для зданий и сооружений. Однако, сомнение, на

наш взгляд, вызывает динамический рост ландшафтных объектов, – статичных по своей природе, которые, тем не менее, описываются как *высокие*.

Представляется в гораздо большей степени симпотоматичным следующее наблюдение, касающееся свойств природных объектов. Очевидно, что их измерение по *высоте* проводится не в целях параметризации самих объектов, а в целях выяснения уровня ‘критичности’ *высоты* описываемого объекта для человека. Т.е. *высота обрыва* или *высота берега* задают антропоцентрически значимый уровень, а *высота травы* или *высота пня* нередко измеряются антропоцентрическими мерами (*трава мне по колено, по пояс* и т.д.) (подробнее об эталонных уровнях в конструкциях измерения уровня см. в Шеманаева 2007, 2008a, 2008b; Рахилина 2010).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что природные объекты будут чаще фигурировать в конструкциях уровня с *высотой* (ср. с *высоты обрыва, с высоты Альп, с высоты вершины* и *на высоте холма, на высоте склона*), чем в прототипически «размерном» беспредложном генитиве. Проверка этой гипотезы на основе статистических данных корпуса будет обсуждаться ниже в 4.12., а пока перейдем к третьей, завершающей, группе X-ов – артефактам.

4.5.1.3. Артефакты

Артефакты представляют собой самый гетерогенный класс X-ов, измеряемых по *высоте*, в который входят механизмы, приборы, инструменты, мебель, транспорт, посуда и проч. категории, а также их части. Если для групп ‘здания и сооружения’ *высота* может быть как ‘критичной’ (*высота ограждения, высота дамбы, высота моста*), так и ‘функциональной’ (*высота двери, высота крыльца, высота порога*), то для класса артефактов *высота*, по всей видимости, в первую очередь функциональна. При этом каноническая функция имеется у всех видов артефактов. Так, например, по *высоте* измеряются все виды мебели, имеющей форму вертикально вытянутых объектов, ср. *высота шкафа, высота комода, высота зеркала, высота торшера* и т.д., причем вертикаль не обязательно кодирует максимальный параметр артефакта. Разумеется, можно представить себе *низкий квадратный шкаф*, тем не менее, он не перестает от этого измеряться по *высоте*.

Заметим, что в измерениях мебели и артефактов в целом *высота* может относиться как к внутреннему, так и к внешнему параметру объекта. Можно измерять внутреннюю *высоту* кузова или багажника как вместилищ других объектов, причем внешняя *высота* продолжает при этом сохранять свою функциональную значимость (ср, например, знаки дорожного движения, обозначающие максимальную *высоту* прохождения транспортных средств и их частей в тоннелях).

Одновременно части предметов мебели «наследуют» вертикаль родового объекта, а их положение в канонической функции совпадает с их канонической ориентацией в пространстве, ср. *высота спинки стула*, *высота ножки дивана*, *высота ящика стола*. Заметим попутно, что референты класса 'мебель' – излюбленные объекты позиционной *высоты*. Ср. *высота табурета*, *высота стола*, *высота кровати*, где *высота* относится к высоте опоры т.е. к положению опоры (*сиденья*, *столешницы*, *каркаса кровати*) на определенном расстоянии от пола или другой поверхности (ср. также Рахилина 2000: 120, 2010₂: 122).

Важной характеристикой артефактов является также то, что человек придает им определенную внутреннюю «архитектуру», что напрямую сопряжено с наличием у них, в терминологии Э. Ланга, ингерентной перспективизации (ср выше 2.2). Для параметризации это свойство артефактов имеет одно важное следствие: свободно передвигаемые артефакты, как правило, сохраняют свои параметры, независимо от их актуального положения в пространстве. Так, перевернутая ваза не теряет свое измерение по *высоте*, даже если здесь требуется смена предиката «стоит» – на «лежит». Т.е. *высота* для «подвижных» или «передвигаемых» артефактов, не имеющих четкой фиксированности в пространстве, – сугубо ингерентный параметр.

Предметный X: резюме

В заключение еще раз обозначим особенности параметризации предметных X-ов по *высоте*.

Существующие описания параметрического прилагательного *высокий* (см. Tribushinina 2008a, 2008b) выстраивают таксономию по иерархии одушевленности¹⁴³, т.е. за основу берется степень приближенности объекта к размерам человека. Несколько огрубляя, можно сделать вывод, что эта таксономия строится на одностороннем описании формы. Именно поэтому в анализ параметрической *высоты* нами предлагается включить такие салиентные для параметрической лексики критерии, как 'функциональность' и 'критичность'. В связи с этим мы считаем целесообразным выделять внутри гетерогенного класса X-ов, измеряемых по *высоте* (ср. выше Таблицу 20), три самых частотных круга употреблений - 'здания и сооружения', 'природные объекты' и 'артефакты' (ср. ниже Диаграмму 9). Тест хи-квадрат позволяет говорить о статистической значимости распределения соотношений значений по этим блокам¹⁴⁴ ($\chi^2 = 317.08$, $df = 4$, $p < .001$).

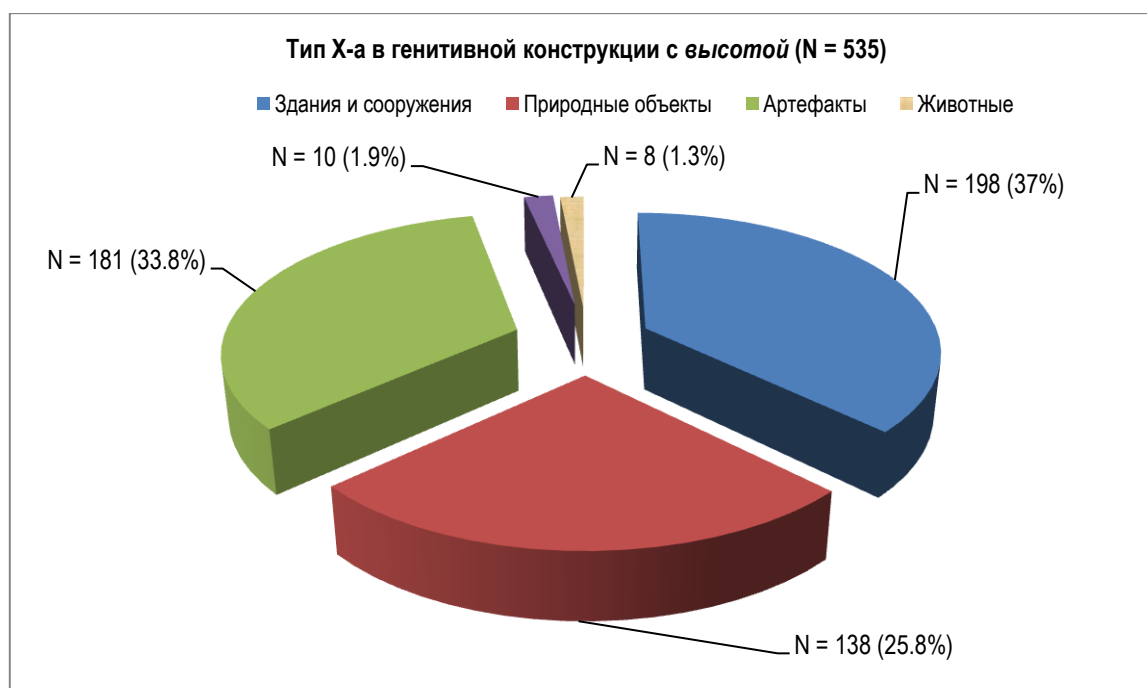

Диаграмма 9. Таксономические типы объектов в конструкции *высота* X-а

¹⁴³ Сразу оговоримся, что термин «иерархия одушевленности» употребляется здесь не в смысле animacy hierarchy в типологических иерархиях агентивности (Silverstein 1976), а в более широком понимании таксономической иерархии объектов по степени их ориентированности на вертикальный размер человека.

¹⁴⁴ Статистика употреблений показывает, что подгруппы 'животные и части тела животных' (1.3%), а также 'части тела человека' (1.9%) представлены здесь маргинально. Для тех, и других, традиционно измеряемых по *росту*, ярлык *высота* используется в крайне периферийных случаях, которые нередко имеют двусмысленную интерпретацию. Так, *высота уха* или *высота головы* может пониматься как параметрически, так и позиционно. То или иное прочтение определяется перспективой, задаваемой контекстом и конструкцией. Ср. *высота колена* vs. *на высоте колена*, *высота глаз* vs. *на высоте глаз* и т.д.

Для параметризации 'зданий и сооружений', 'природных объектов' и 'артефактов' существенно, на наш взгляд, противопоставление критериев 'критичности' и 'функциональности', которые разнят и в то же время сближают описываемые категории объектов (ср. Таблицу 21).

высота	здания и сооружения		природные объекты		артефакты	
	критична	✓	критична	✓	критична	✗
	функциональна	✓	функциональна	✗	функциональна	✓

Таблица 21. *Высота* X-а: критерии 'критичность' и 'функциональность'

Было установлено, что *высота* будет в разной степени 'критична' и 'функциональна' в случае этих трех категорий объектов. Вполне очевидно, что *высота* 'зданий и сооружений' отвечает обоим критериям. Высокие здания и сооружения не только отвечают какой-то заданной функции построения, но и таят в себе «прагматическую» опасность для человека. В то же время, 'природные объекты' и 'артефакты' обнаруживают одно нетривиальное расхождение: если *высота* артефактов продиктована в большинстве случаев их функциональностью, то *высота* природных объектов, не имеющих канонической функции, прежде всего 'критична', что, в принципе, закреплено в ее свойстве когнитивной и прагматической выделенности.

Еще одно важное уточнение существующих описаний касается значимости метеорологического компонента в описании параметрических объектов. Это наблюдение любопытно сравнить с приведенным выше замечанием А.Н. Журина (1971: 99) о сфере распространения прилагательного *высокий*: «высокий говорят скорее о самостоятельных предметах, чем о предметах, входящих в состав другого предмета». *Высота*, по всей видимости, имеет более широкую семантическую сферу действия по сравнению с прилагательным *высокий*. Как показывают данные корпуса, *высота* одинаково применима как к самостоятельным, так и к составным частям другого предмета. В частности, из 524 примеров предметных X-ов 261 (49.8%) относятся к частям частей и 263 (50.1%) к – самостоятельным предметам. Особенно «частно-целостны» такие таксономические классы, как инструменты, механизмы, транспортные средства, а также одежда и обувь.

Кроме того, мереология ставит под вопрос изначальное утверждение (см. выше 1.3.1. «Семантика») о том, что *высота* осмысляется в языке как 'большая', зачастую превышающая размеры человека. Можно предположить, что это действительно только для дистантных значений *высоты*.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что *высота* обнаруживает определенную долю притяжения к предметной сфере и не описывает вертикальный размера человека, за исключением описаний частей тела.

4.5.2. Отпредикатный X

Как уже показывалось выше на примере *глубины*, к одному из общих свойств параметрической лексики относят ее характерную сочетаемость с предикатными существительными (3.6.2.). *Высота* по своей «силе притяжения» к предикатным X-ам абсолютно симметрична *глубине* и обнаруживает схожие семантико-сочетаемостные предпочтения.

Статистически всего 7% X-ов (N = 93) от общего числа выборки представлены отпредикатными существительными, которые в сумме составили около 19% всех дистантных употреблений с *высотой*, ср.: *высота бомбометания*, *высота поражения цели*, *высота застройки улицы* и т.д. По сравнению с *глубиной*, эта цифра значительно меньше, – там, как мы помним, отпредикатные X-ы доминируют в дистантных значениях, составляя 94.1% (N = 162) всех дистантных употреблений (3.6.2.).

Во избежание повторов, отметим лишь, что метонимическая по сути природа отпредикатных X-ов *высоты* объясняется теми же механизмами, которые лежат и в основе образования отпредикатной *глубины*. Здесь также возможна реализация пациентивной валентности предиката (*высота скашивания травы*, *высота подъема груза*, *высота установки маяка*).

Еще одну аналогию с *глубиной* можно провести в интерпретации образной схемы PATH, описывающей траекторию движения объектов или действий на *высоте*. Здесь отмечаются три варианта сценариев.

Во-первых, отпредикатное существительное может задавать положение начальной и конечной точек движения. К примеру, самую характерную для *высоты* траекторию движения иллюстрируют те отпредикатные X-ы, в семантике которых

представлен вектор движения или роста снизу вверх ↑ с указанной начальной точкой пути на поверхности земли без указания на конечную точку, ср. *высота застройки улицы, высота насаждения, высота побелки*.

Во-вторых, отпредикатные Х-ы нередко отсылают к действиям и процессам, производящимся или происходящим на определенном расстоянии от поверхности земли, без отсылок к начальной или конечной точке маршрута. В таких случаях существительное указывает на предикаты двунаправленного движения, ср. *высота катания, высота скашивания, высота загрузки и разгрузки*.

И, в-третьих, более редкий случай представляют те отпредикатные Х-ы, в семантике которых прочитывается движение сверху вниз, т.е. *высота* задает только начальную точку движения на высоте с последующей траекторией движения вниз, ср. *высота отскока теннисного мяча, высота съезда с эстакады* и проч.

Единственный в корпусе пример, отсылающий не к процессу, а к статичному нахождению на *высоте* даёт сочетание *высота висения вагона*. Остальная часть примеров иллюстрирует динамичные употребления с дистантной *высотой*, более подробное рассмотрение которой будет представлено в следующем разделе 4.6.1.

4.6. Высота: метонимия

Метонимические значения *высоты* хорошо иллюстрируют переход от прямых к переносным значениям. Более того, интерпретация такого производного значения, как дистантная *высота*, невозможна в разрыве от понятия метонимического сдвига. Как покажет этот раздел, параметр *высота* дает хорошую почву для образования значений на базе метонимизации. Рассмотрим три наиболее прототипических для *высоты* типа метонимических сдвигов.

4.6.1. Позиционная или дистантная *высота*: модель 'размер → расстояние'

По аналогии с *глубиной*, дистантная *высота* представляет собой метонимический перенос, т.е. значение, образованное по схеме 'размер → расстояние'¹⁴⁵. Эта же схема «работает» и в случае образования дистантных прочтений как существительного *высоты*, так и прилагательного *высокий* (*высокая ветка*, *высота ветки*; *высокий полёт*, *высота полёта*) от параметрической *высоты* (*высокий дом*, *высота дома*; *высокий потолок*, *высота потолка*).

По статистике распределения дистантное значение составляет почти половину всех физических контекстов (N = 496 или 45.9%) с *высотой*, покрывая предметные дистантные (*высота ветки*), отпредикативные дистантные (*высота катания*) и ряд употреблений, суммируемых как *высота*₂ (в *высотах Гималаев*).

Об отдельном **дистантном** употреблении прилагательного *высокий* пишет Е.В. Рахилина (2000: 120 и 146; 2010₂: 122.), делая при этом два важных уточнения. Первое уточнение: дистантное *высокий* сочетается только с объектами, которые находятся на определенном расстоянии от поверхности земли постоянно, что объясняет такие запреты, как **высокий самолет*, **высокие гуси*. Второе уточнение касается распространения интересующего нас значения также на объекты, «у которых выше обычного располагается только их опорная поверхность, ср. *высокий стол* (= 'стол с высоко расположенной столешницей')» и т.д. (там же).

В этом типе употреблений *высота* кодирует удаленность от поверхности земли или любой другой поверхности, служащей точкой отсчета. Так, *высота подоконника* обыкновенно измеряется от поверхности пола, а *высота моста* отсылает к удаленности оси моста до поверхности воды. Некоторой корректировки требует перенос признака 'постоянство' объекта в случае существительного *высота*. Если прилагательное *высокий* накладывает запрет на сочетаемость с движущимися объектами, ср. **высокие гуси*, **высокий самолет*, то в случае *высоты*, по всей видимости, не обязателен запрет на 'постоянство' признака, ср. вполне возможные сочетания *высота гуся*, *высота самолёта*. Впрочем, совершенно очевидно, что *высота* в сочетании с подвижными

¹⁴⁵ Существует, однако, и обратная точка зрения, согласно которой праславянское **vysokъ* восходит к праиндоевропейской основе **ūrso-*, образованной от предлога **ur(o)-* 'на', 'наверху', 'наверх' и имело значение 'находящийся наверху' (Jakubowicz 2010: 156).

объектами возможна, но только в прямом, размерном значении. С некоторой долей условности можно утверждать, что в случае семантической сочетаемости параметрического существительного у размерной и позиционной *высоты* наблюдается тенденция к комплементарному распределению. Другими словами, если *высота* употребляется с движущимися объектами, то она «по умолчанию» отсылает к размерному значению (*высота воздушного шара достигает 25-35 метров*). Если же *высота* с подвижными объектами используется в дистантном значении, то тогда она указывает либо на временную статичность подвижного объекта (*вид с высоты воздушного шара*), либо на измерение *высоты* объекта в определенной (не обязательно максимальной) точке его движения (*рекорд высоты воздушного шара*). Таким образом, запрет на сочетаемость с подвижными объектами, наблюдаемый у прилагательного *высокий*, по всей видимости, снимается в случае субстантивных конструкций.

Подобное разграничение значений *высоких* объектов прослеживается и на материале других европейских языков. Так, в английском языке проводится различие между пространственным и позиционным (*extensional vs. positional use*)¹⁴⁶ значением прилагательного *high*¹⁴⁷ (Teller 1969: 203; Dirven/Taylor 1988: 385-386; Durrell 1988: 107); при этом в литературе неоднократно подчеркивалась двусмысленность сочетаний типа *high window*, которое может означать как протяженность самого окна, так и его высокое положение в пространстве, т.е. окно с высоко расположенным подоконником¹⁴⁸.

В немецком языке прилагательное *hoch* также фиксируется в двух типах употреблений – как Distanzadjektiv, и как Dimensionsadjektiv (Bierwisch 1987; Kaiser 1979; Lafrenz 1983; Lang 1987 и др.; Durrell 1988; Weydt/Schlieben-Lange 1995, 1998). Одним из первых на это обратил внимание Э. Ланг, который находит морфосинтаксическое

¹⁴⁶ Ср. также сходное различие между *dimensional* и *positional use* у шведского *hög* и его антонима *låg* (Vogel 2004: 88; 109-110); ср. например *högt fågelbo* (высокое птичье гнездо), *låg vintersol* (низкое зимнее солнце) и допускающее двойное толкование *låga fönster* (низкое окно).

¹⁴⁷ Необходимо отметить, что английское *tall*, в отличие от *high*, практически не допускает позиционных контекстов (ср. **tall ceiling*), при этом далеко не все из встречающихся дистантных употреблений оцениваются носителями языка как допустимые (Dirven & Taylor 1988: 390).

¹⁴⁸ Джон Лайонз объясняет наблюдаемую близость значений 'протяженность' (*extension*) и 'расстояние' (*distance*) корреляцией между концептуализацией размера и расстояния, ведь измерение как размера, так и расстояния перцептуально идентично. Ср.: There is also an obvious perceptual correlation between extension and distance; and in so far as perception can be analysed in terms of the notion of a visual journey, the static qualitative notion of extension can be based upon the more dynamic notion of distance" (Lyons 1977: 701). Аналогичные компоненты *wymiar* (размер) и *odległość* (расстояние) "впяны" в значение польского *wysoki*, что, по мнению Линде-Усекневич, является аргументом в пользу обособления *wysoki*₂ в отдельное значение (Linde-Usiekiewicz 2000: 193-199); ср. неоднозначное *?sufit wysoki na trzy metry*.

объяснение дистантной (DISTINT) и размерной (DIMINT) интерпретации этого прилагательного: *hoch* в дименсивном смысле встречается как в адъективном (*ein hohes Fenster*), так и в предикативном употреблении (*das Fenster ist hoch*), в то время как дистантное значение закреплено, по мнению автора, исключительно за адвербиальными структурами (*Das Fenster ist zu hoch / zu tief (angebracht)*) (Lang 1987: 324).

Вейдт/Шлибен-Ланге, предлагающие наиболее подробное обсуждение пространственной полисемии немецкого *hoch* (Weydt/Schlieben-Lange 1995, 1998), критикуя Э. Ланга по этому пункту, вносят коррективу относительно немаловажной роли позиционного значения адъективных употреблений немецкого *hoch*, а, кроме того, предлагают использовать один словарный вход, так как позиционное и дименсивное значения, по их мнению, восходят к одному. Кроме того, авторы полагают, что важную роль в распределении контекстов играет не только сама конструкция, но и семантика определяемого слова. Так, например, слова *самолет*, *небо*, *облака*, *мост*, по их мнению, выступают только в позиционном употреблении¹⁴⁹.

Другое не менее тривиальное наблюдение – это роль такого фактора, как **плоскость отсчета** (reference plane) в выборе интерпретации пространственных значений *высоты*. И здесь проводится ряд основополагающих различий: находится ли точка отсчета внутри самого предмета или снаружи, ведь само понятие НИЗ предмета, если мы говорим о протяженности высокого предмета снизу вверх, весьма неоднозначно. Традиционно в лингвистике за плоскость отсчета принимается уровень поверхности земли, или так называемый *ground level*, зачастую взаимозаменяемый с уровнем пола (*floor level*), если измерение происходит в помещении, а не в открытом пространстве; ср. Н. Clark (1973: 32-22), Durrell (1988: 106) и др. В идеале плоскость отсчета имеет ровную поверхность и расположена перпендикулярно вертикальному вектору силы притяжения. Именно эти два фактора – точка отсчета внутри/снаружи и совпадение/несовпадение плоскости отсчета с поверхностью земли оказываются, как мы сможем убедиться, значимыми в разграничении дистантной и размерной *высоты*. Приведем для пояснения несколько примеров. Так, скажем, *высота порога* традиционно измеряется от пола и может совпадать или не совпадать с уровнем земли. По-другому обстоит дело в ситуации

¹⁴⁹ Вейдт/Шлибен-Ланге делают еще одно важное уточнение: в немецком языке антоним к *hoch* – прилагательное *niedrig* (низкий) – сходным образом обнаруживает позиционное значение, которое, впрочем, не фиксируется словарями немецкого языка (Weydt/Schlieben-Lange 1995: 717); ср., например, *niedriges Fenster* ('низкое окно'), *niedriger Zweig* ('низкая ветка').

высота памятника. Здесь возможны три прочтения в зависимости от того, какую точку или плоскость отсчета мы выберем за исходную. Обратимся к Илл. 17:

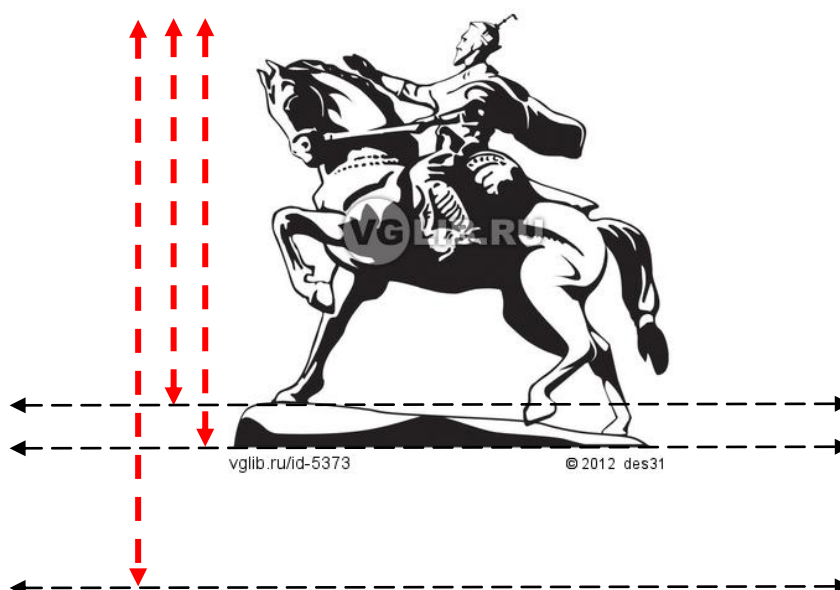

Иллюстрация 17. Высота памятника: возможные прочтения

Как в размерном, так и в позиционном значении точкой отсчета шкалы признака могут выступать: 1. поверхность земли; 2. постамент. В обиходном употреблении *высота памятника* может измеряться двояко – с включением *высоты* постамента и без такого включения. В позиционном употреблении данное словосочетание получает два других прочтения, отсылающих либо к памятнику, расположенному высоко от поверхности земли (включая постамент), либо к высокому постаменту и тогда подразумевается высокая позиция самого памятника на постаменте.

Наиболее удачное решение проблем неоднозначности дистантных и размерных прочтений можно найти у Р. Дирвена и Дж.Р. Тейлора, которые предлагают использовать понятие нулевой точки отсчета (*zero point*) (Dirven&Taylor 1988: 386), годящейся и для интерпретаций более абстрактных исходных точек, чем поверхность земли или уровень пола. Ср.:

Positional *high*₂ and *low*₂ likewise often imply reference to ground or floor level, as in *high ceiling*, *low clouds*. But the 'zero point', or 'origin', with reference to which an entity is located in vertical space, may be given by some more specific domain. Thus, *high cheekbones* are located high within the domain of the human face; *high shoulders* are high within the domain of the human torso; a *high waistline* and a

low neckline are high and low with reference to an article of clothing; a *high shelf* is high with respect to, e.g., a bookcase, etc. Sometimes, it is the base of the entity itself which is raised with respect to the norm. Thus, a *high table* could be a table with long legs (cf. *high chair*); more normally, a *high table* is one of normal dimensions which has been elevated by being placed on a raised platform. The same interpretation would be given to *high altar* (Dirven/Taylor 1988: 386-387).

Таким образом, модель метонимического сдвига 'размер → расстояние', по всей видимости, можно бы было отнести к самому продуктивному типу метонимизации на базе параметрической *высоты*, однако предположение об универсальности этого типа перехода нуждается в проверке на более обширном языковом материале.

4.6.2. Точечная *высота*: модель 'расстояние → пиковая точка шкалы'

Метонимическая модель 'размер → расстояние' допускает дальнейший шаг перехода 'расстояние → пиковая точка шкалы', который реже наблюдается у производных значений *глубины* (ср. *рабочая глубина лодки*), так как *глубина* осмысляется, скорее, как нечто бездонное, труднодоступное, а, следовательно, плохо поддающееся измерению и фиксации. Напомним, что *высота*, напротив, подразумевает некоторую 'пороговость' и 'критичность', чем и объясняется стремление человека к чёткой фиксации порога *высоты*, ср., в частности, многочисленные метонимические переносы *высоты* в значении *вершины*, как в прямом смысле для обозначения самой высокой точки возвышенности (*занять высоту, командные высоты*), так и в переносном значении при описании расцвета, высокого уровня развития или высокой степени чего-либо. Именно в этих, последних, типах переноса *высота* осложняется самыми разнообразными видами метафор (*достичь высот мастерства, путь к высотам власти, покорять высоты наук* и т.д.) (подробнее о метафорах *высоты* см. 4.11).

Любопытны также примеры, в которых метафорически обыгрывается дистантная *высота*, т.е. допускается интерпретация как по чисто метонимической модели при сохранении пространственной сферы действия, так и по метафоро-метонимической модели, когда *высота*, получая эмоционально окрашенное наполнение, переносит нас в сферу метафорических прочтений¹⁵⁰ (см. также 4.11.5. «Метафора цели»), ср. (91):

¹⁵⁰ *Высота года* в данном примере иллюстрирует лишь один из (пока) немногочисленных примеров окказионализмов при переводе английских сочетаний *highlight of the year, highs & lows* и т.д. Впрочем,

- (91) *Высота* года. К 50-летию Победы на Поклонной горе в Москве открылся мемориальный комплекс. Центром комплекса является монумент высотой 141,8 метра. Высота обелиска выбрана не случайно – Великая Отечественная война длилась 1418 дней. [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)]

Важно отметить, что семантические наращения на базе дистантной *высоты* порождают целый ряд фразем. Так, например, *быть (оказаться) на высоте (положения)* – лишь один пример фразеологизации на базе дистантной *высоты*.

Следует, однако, отметить, что точечная *высота* как метонимия дистантной *высоты* представляет метонимию в чистом виде только в обозначении элементов ландшафта (ср., в частности, специальные термины в топографии и в военном деле: *Голанские высоты, Синявинские высоты, удерживать высоту, высота 101,5* и т.д.).

Дальнейшие пространственные расширения на базе *высоты* будут рассмотрены в следующем разделе на примере модели ‘расстояние → место или пространство на высоте’.

4.6.3. *Высота*₂: модель ‘расстояние → место или пространство на высоте’

По аналогии с *глубиной*, *высота* образует производные значения по схеме ‘расстояние → место или пространство на высоте’, которое, вслед за Ю.Д. Апресяном, будет обозначаться как *высота*₂ (Апресян 2009: 166-167). Как мы помним, этот тип семантического расширения наблюдается только у линейных параметров вертикальной оси измерения (см. выше 1.3.1. и 3.7.).

В рамках настоящего исследования *высота*₂ представлена маргинально (всего 49 вхождений, т.е. менее 5%), так как интересующие нас генитивные конструкции будут для нее периферийной реализацией. Как уже отмечалось выше, конструкционное оформление *высоты*₂ (как и *глубины*₂) не предполагает включения в аргументную

немногочисленные вхождения в корпусе не дают достаточных оснований для оценивания потенциала расширения семантической сферы по этой модели переноса. И вопрос, имеет ли этот тип метонимии «словарное» будущее, остается пока открытым.

структуру слота 'носитель признака', ср. *горные высоты, кружить в высоте, набирать высоту, бояться высоты*.

Тем не менее, маргинальные для *высоты*₂ конструкции с реализованным вторым участником всё-таки встречаются в корпусе, что, в принципе, симметрично низкой репрезентативности этого значения в нашей выборке, ср. *заоблачные высоты Гималаев, страшная высота неба, с высот ночного Нью-Йорка, высоты местообитаний вида и т.д.* Как видим, *высота*₂ может быть представлена как единственным, так и множественным числом.

В принципе, конструкционный профиль *высоты*₂ требует отдельного исследования, однако уже на материале небольшой выборки можно констатировать широкий спектр конструкций с её участием.

Так, *высота*₂ может участвовать как в локативных, так и в уровневых конструкциях. При этом предложное оформление в локативных конструкциях с предлогом *в* свидетельствует, скорее, о концептуализации *высоты*₂ по типу метафорического локуса, ср. *в заоблачной высоте, в высоте небес*; в то же время возможна и схематизация по типу поверхности, образующей некий уровень, ср. реализацию в конструкциях с предлогом *на* в советской песне *Стою на огненной черте – У неизвестного поселка, на безымянной высоте*, а также в конструкциях с предлогом *с*: *с высоты Фавора, с высоты Креста, Тебе ведет с высоты Востока*.

И еще одна немаловажная особенность касается наличия у *высоты*₂ «ландшафтного» антонима *низина*, характерного, как показывают примеры из НКРЯ, для топографического и садового дела, ср. (92) – (93):

(92) *Низина* располагалась между Каспийским и Черным морями и периодически превращалась в соединявший их пролив. [А.А. Свиточ. Всемирный потоп и великая хвалынская трансгрессия Каспия (2004) // «Вестник РАН», 2006]

(93) Между двумя фермами пролежала никому не нужная неглубокая заросшая *низина* площадью в три-четыре акра. [К. Горюнова. Легенды садового дизайна: Бэт Шатто (2001) // «Ландшафтный дизайн», 2001.01.15]

По всей видимости, это единственное значение *высоты*, которое обнаруживает наличие антонимической пары.

Метонимия *высоты*: резюме

Итак, можно сделать вывод о том, что производные значения *высоты* обнаруживают три степени дистантности, в зависимости от сферы распространения метонимического сдвига:

- 'размер' – 'расстояние' (дистантная высота)
- 'расстояние' – 'точка шкалы' (точечная высота)
- 'расстояние' – 'место или пространство на высоте' (пространственная высота)

Впрочем, далеко не всегда мы имеем дело с однозначными прочтениями. Анализ примеров и попытка их классификации показывают, что именно дистантная *высота* нередко дает базу для двусмысленности. Ниже будут рассмотрены некоторые типичные случаи, в которых только конструкция и в более широком смысле – контекст – сужают потенциал возможных интерпретаций.

4.7. На периферии *высоты*

Языковой материал показывает, что именно в части дистантного значения наблюдается большое количество случаев семантической двусмысленности; особую трудность при этом составляет разграничение дистантности и размерности. Несмотря на то, что существуют попытки трактовать случаи двусмысленности как периферийные реализации *высоты* (Vogel 2004), в строгом смысле их нельзя отнести к периферийным случаям, так как число вхождений, требующих большего контекста для снятия многозначности, весьма велико.

Итак, еще раз обозначим источники возможной двусмысленности:

→ сближение дистантного и параметрического значений:

Ср. *высота самолёта, высота кузова, высота сиденья, высота грузовика, высота берега, высота подъемника, высота ступеньки, высота багажника, высота дирижабля* и проч.

В этом случае двусмысленность снимается только при смене конструкции, т.е. если *высота самолёта* – двусмысленно, но *на высоте самолета* – допускает только дистантную интерпретацию. Это наблюдение позволяет сформулировать одну из рабочих гипотез относительно конструкционного профиля параметра *высота*, согласно которой, дистантное значение будет реализовываться прежде всего в конструкциях уровня (*на высоте X-а, на высоту X-а, с высоты X-а*), а в беспредложных генитивных конструкциях более естественно ожидать параметрическое прочтение, хотя нельзя исключать и дистантное (см. выше разбор *высота самолёта*).

Неразличение дистантного и параметрического значений может порождаться следующим типом диффузности.

→ диффузность точки отсчета – поверхность земли или другая поверхность.

Ср. *высота кузова, высота оконного проема, высота форточки, высота двери и высота дверцы* и проч.

Этот тип диффузности наблюдается как у параметрических, так и у дистантных значений.

→ синтаксическая омонимия:

Ср. *высота Эльбруса* (Апресян 2009: 169) отсылает либо к высоте Эльбруса, либо к высоте, равной высоте Эльбруса. Аналогичный пример – *высота сосны* – находим в Толково-комбинаторном словаре И.А. Мельчука и А.К. Жолковского. Важно также замечание, касающее денотативного статуса носителя признака *высота* в таких конструкциях: «Если существительное в форме РОД – не имя собственное, оно всегда употребляется в родовом статусе (в отличие от конкретно-референтного в случае реализации первого актанта); ср. *Рост гренадера, а мозги ребенка*» (ТКС: 231).

4.8. *Высота* vs. *высоты*: лексикализация множественного числа

Как уже не раз отмечалось выше, симметрия *высоты* и *глубины* как параметров вертикальной оси измерения прослеживается и в их способности к формированию форм множественного числа, что нетипично для других линейных параметров (*длина*, *толщина*, *ширина*), которые принято относить к *singularia tantum* (см. 1.3.1. и 3.8.).

Результаты наблюдаемых частот по нашей выборке в 1337 примеров показывают, что *высота* в единственном числе используется значительно чаще (N= 1209 или 90.4%), чем её лексический эквивалент во множественном (N= 128 или 9.6%) ($\chi^2 = 874.01$, $df = 1$, $p < .001$). Обращает на себя внимание, что лексикализация множественного числа характерна не только для дистантных значений *высоты* (*малые высоты полёта*, *средние высоты грузоподъема*) и для *высоты*₂, (*увидеть город с высот Монмартра*, *высоты местообитания вида*), но и для параметрических значений (ср. НКРЯ: *Верховые пожары практически невозможны из-за больших высот деревьев и их высоко поднятых крон*), при этом *высоты* как размеры представлены в чуть меньшей степени, чем дистантные значения или *высота*₂¹⁵¹ (ср. Таблицу 22):

		Физическая высота X-а			Всего
		параметр	дистанция	<i>высота</i> ₂	
ЧИСЛО	ЕД	523	469	29	1021
	МН	12	27	20	59
Всего		535	496	49	1080

Таблица 22. *Высота X-а*: распределение единственного и множественного числа по физическим контекстам

Переносные *высоты* представлены в выборке почти в симметричном количестве по отношению к параметрическим *высотам*. Как видим из Таблицы 23, приведённой ниже, чаще всего (N = 41 или 59.4% всех множественных вхождений) лексикализованное множественное с *высотой* встречается в случае *высоты*₂ (*спустимся с высот*

¹⁵¹ Наша статистика, в принципе, подтверждает положения в (Апресян 2009: 171), ср.: «*Высота* и *глубина* в качестве параметров тоже почти не употребляются в форме МН; ср. единственный на 34 000 000 слововхождений пример: *На них [военные карты] были нанесены все глубины водных преград, все высоты даже малейших подъемов* (В. Кунин). Даже в этом случае естественнее было бы сказать *глубина всех водных преград, высота всех, даже малейших подъемов*. Неупотребительность или невозможность формы МН можно считать характерным признаком линейных числовых параметров».

глаголания; парить в горних высотах науки; падение с высот власти; подняться талантом до исключительных высот врачевания; подняться до истинных высот цивилизации).

Встречаются также метафорические *высоты* со значением высокого содержания (*высоты искусства, высоты науки*) и цели (*высоты профессии, высоты мастерства*). Примечательно, что качественно-количественные метафоризации на базе *высоты* почти не оформляются множественным числом (ср. **высоты цен, *высоты звука, *высоты чина*). Тенденция к *singularia tantum* обнаруживается также у метонимизаций по типу пиковой точки шкалы, т.к. аддитивность таких точек, скорее, не характерна для признаковой шкалы с одной-единственной точкой пика, ср. **высоты скоростей, *высоты показателей, *высоты положения*.

		Метафорическая высота X-а							Всего
		количество	качество	высота2	содержание	цель	метафора&метонимия	двузначно	
ЧИСЛО	ЕД	6	23	63	60	4	21	11	188
	МН	1	0	41	9	11	2	5	69
Всего		7	23	104	69	15	23	16	257

Таблица 23. *Высота X-а*: распределение единственного и множественного числа по метафорическим контекстам

Очевидно, что лексикализация множественного числа в одинаковой степени характерна как для физических, так и для нефизических контекстов с *высотой*.

4.9. *Высота vs. вышина vs. высь*

Современный русский язык имеет в своем арсенале, по крайней мере, еще две лексемы для обозначения протяженности чего-либо по вертикали снизу вверх – *вышина* и *высь*¹⁵².

Следуя словарным определениям, *вышина* сближается с *высотой* не только в размерном значении (*ограда метр в вышину, мачта вышиной (-ою) в пять сажень*), но и

¹⁵² «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля приводит также такие архаизмы и диалектизмы, как *высость, вышь* (церк.), *высина* и *высотаина*. В НКРЯ эти слова не зафиксированы, а единственный пример с *вышь* относится к XIX веку: *Вдребезги разобьешься. Посмотри, какая вышь. Дух замирает.* [Н.А. Лейкин. В академии художеств (1881)].

в значении *высота*₂, ср. МАС: *вышина* = ‘пространство, находящееся высоко над землей’ (*звезды поблескивают в вышине, орел парит в вышине, луна светила с вышины*).

Анализ словарей и данных НКРЯ позволяет предположить, что конструкционный профиль *вышины* будет совсем другим, чем в случае *высоты* (ср. ниже 4.12). В современном русском языке *вышина* почти не употребляется в номинативных генитивных конструкциях, описывающих параметр предметов (ср. ?*вышина дерева*, ?*вышина дома*). Имеющийся в нашем распоряжении материал говорит в пользу фразеологизации *вышины* в ряде конструкций, ср. локатив (*в вышине*), характеристический генитив (*X необычайной вышины*) и в конструкциях измерения типа *X pred Z в вышину* (*комнаты в вышину нашей залы Главного штаба; строение не больше одной сажени в вышину*).

Статистика распределения значений в НКРЯ по годам говорит в пользу того, что *вышина* всё-таки постепенно уходит из языкового обихода; ср. График 1, где зафиксировано изменение частоты на один миллион словоупотреблений с 1800 по 2010 гг.

График 1. *Вышина*. График изменения частоты на один миллион словоупотреблений (НКРЯ: 1800-2010 гг.)

Наблюдаемые частоты *вышины* в корпусе за 2012 г. составляют всего 1 388 абсолютных вхождений на 209 203 107 слов, а среднее на миллион словоупотреблений *F* (ipm), согласно (ЧСРЯ 2009), равно 2.1. Из 1 388 вхождений *вышины* в НКРЯ почти половина (*N* = 691 или 49.7%) приходится на художественную литературу, 403 (29%) на учебно-научные тексты и 246 (17%) – на публицистику.

Отметим попутно, что семантически *вышина*, в отличие от современной *высоты*, охватывала и обозначения общих параметров человека, ср. СРЯ-XVIII: *Она женщина лѣтъ*

уже немолодых, в косую сажень без полуаршина в вышину (Трутень. 1770: 122), а также метонимически *вышина* могла отсылать только к верхушке или верху чего-либо: *Всходил я на самую вышину лѣсницы сей.* (Гулливер II 151).

Как показывают данные НКРЯ, *высь* используется еще реже (ср. F (ipm) по (ЧСРЯ 2009) = 1.7), чем *вышина*, но, как и в случае *вышины*, можно сделать вывод о том, что *высь* – фаворит литературных контекстов: из абсолютной частоты в 480 вхождений, 307 (64 %) употреблений относятся к художественной литературе и 127 (26 %) – к публицистике. Остальные нехудожественные жанры представляют маргинальные контексты (N = 46 или 10 %). Как и в случае *вышины*, по изменению частоты употребления на один миллион слов с 1800 по 2010 гг. можно сделать вывод о постепенном исчезновении *выси* из корпусного ландшафта современного русского языка. Ср. График 2.

График 2. *Высь*. График изменения частоты на один миллион словоупотреблений (НКРЯ: 1800-2010 гг.)

В отличие от *высоты*, *высь* не имеет размерного значения (**высь дерева*) и не используется в дистантных обозначениях (**на выси двух метров*). Основное сближение *выси* и *высоты* можно констатировать на поприще *высоты*₂, т.е. пространственных обозначений, о чем свидетельствует также преобладание направительных конструкций с предлогом *в* и грамматикализованной формы *выси* – направительного предлога *ввысь*, обозначающего траекторию движения снизу вверх, который по частоте вхождений в НКРЯ (N = 687) превосходит конкурирующую предложную конструкцию *в высь* (N = 249). Любопытно, что для *выси*, видимо, характерны и формы лексикализованного множественного числа (ср. НКРЯ: *заоблачные выси, горние выси, недостижимые выси*),

чего нельзя сказать о *вышине*, для которой форма множественного числа затруднена (**выш́ины*).

4.10. *Высота vs. рост*

Параметрические обозначения *высота* и *рост* также обнаруживают ряд интересных сближений и расхождений: оба кодируют вертикальную ось измерения, оба характеризуют общий размер чего-либо, однако сфера их семантического действия ограничена разными таксономическими классами объектов (ср. 1.2. «Размер, величина, параметр»).

Так, *рост* используется для обозначения общего размера человека (*мужчина ростом с меня вместе с каблуками*) или животного (*ослёнок ростом с табуретку*). Периферийную, с семантической точки зрения, группу в данном случае составляют контексты, в которых *рост* описывает природные объекты и, в частности, растения¹⁵³ (*сосенки ростом с человека, куст ростом с лилипута*). В то же время статические элементы ландшафта не измеряются по *росту*, ср. **гора ростом с Казбек*; **холм ростом 300 метров* и т.д. Этот запрет объясняется, по всей видимости, такой важной семантической составляющей *роста*, как его динамичность. Как мы помним, динамическая составляющая (*рост вверх*)¹⁵⁴ нетривиальна и для семантики параметрического прилагательного *высокий*, впрочем, очевидно, что эффект *роста вверх* в меньшей степени ощутим в семантике параметрического существительного *высота*, «посессорная» сфера которой, как мы смогли убедиться, распространяется в первую очередь на более предметные таксономические классы, такие как ‘здания и сооружения’, ‘природные объекты’ и ‘артефакты’.

Животные, занимают, по всей видимости, промежуточное положение между человеком и артефактами. Анализ НКРЯ подтверждает, что животные могут измеряться, как по *высоте*, так и по *росту*. Интересно, что, *рост* приписывается животному в тех случаях, когда *рост* животного приближается к *росту* человека: (*обезьяна ростом с человека, рост орангутана-самца может достигать двух метров*). Если же животное

¹⁵³ Обратим внимание, что номинативные беспредложные конструкции с лексемой *рост* способствуют образованию омонимии, ср. *рост* как параметр (*рост дерева составил 25 метров*) и *рост* как отпредикатное имя от *расти*, ср.: *рост дерева в высоту продолжается 50 лет*.

¹⁵⁴ Ср. выше 4.5.1.1., а также (Dirven & Taylor 1988); (Taylor 2003).

по своему вертикальному размеру значительно выше антропоморфного эталона, то в таких ситуациях естественнее будет ожидать обозначение по *высоте* (*жираф высотой с башню; самцы жирафа достигают высоты до пяти метров* и т.д.).

В то же время и здесь нельзя делать какие-либо обобщения в отрыве от конструкций. На наш взгляд, расхождение материала по типу конструкций, в которых они участвуют, особенно наглядно в противопоставлении *высоты* и *роста*. Так, *высоте* животного в номинативных генитивных конструкциях почти всегда сопутствует уточнение «в холке» (*высота лошади, собаки* и т.д. *в холке*). В то же время *рост* животного реже кодируется номинативом (**рост собаки, *рост кошки*) и предпочтительнее в характеристическом генитиве (*собака небольшого роста*) и сравнительных конструкциях размера с творительным падежом (*птица ростом немного меньше скворца*).

4.11. Высота: метафора

Выражаясь языком метафоры, можно сказать, что *высота* в гораздо большей степени «вещный» параметр, не только по сравнению с преимущественно метафорической *глубиной*, но и относительно долей распределения физических и метафорических контекстов внутри самого параметра. Как показывает статистический анализ нашей выборки, метафоры составляют менее 20 % всех контекстов с участием *высоты* (N = 257 или 19.3%), в то время как неметафорическая *высота* реализуется в (80.7%) всех контекстов.

Не останавливаясь подробно на механизмах метафоризации и метонимизации, представленных в предыдущей главе, посвященной *глубине*, отметим существенные, на наш взгляд, точки пересечений и расхождений между этими двумя параметрами.

Симметрия физической сферы употребления *высоты* и *глубины* позволяет высказать предположение о том, что зоны семантических расширений этих двух параметров будут во многом сближаться, а механизмы их образования – идентичны. И, действительно, «классические» типы метафор и метонимии, демонстрируемые *глубиной* (ср. 3.10), можно наблюдать и в случае *высоты*. К таким общим для них каноническим механизмам переносов мы будем прежде всего относить метафоры *количества, степени, содержания и пространства*. Отдельного упоминания заслуживают также

метафоры, присущие только *высоте* и не наблюдаемые у *глубины* (ср. 4.11.5. Метафора цели).

4.11.1. Метафора большого количества

Выше уже приводились примеры того, что размерная *высота*, как и размерная *глубина*, является исходной базой для образования новых значений со встроенной шкалой признака. Вслед за Е.В. Рахилиной, выводящей количественную метафору *высокий* (ср. *высокая оценка*, *высокая скорость*, *высокий уровень*) от дистантного значения, для количественного метафорического переноса в случае существительного (ср. по аналогии *высота оценки*, *высота скорости*, *высота уровня*) мы также будем считать дистантное значение *высоты* исходным (Рахилина 2000: 146; 2010₂: 146). Дистантность в данном случае метафорически осмысливается как отдаленность от нормы, если принять во внимание, что количественная шкала лежит в основе и классической концептуальной метафоры «ВЫШЕ → БОЛЬШЕ» (MORE IS UP) в смысле Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Ср. также *высота лихорадки*, *высота смертности*, *высота потребления*, *высота амплитуды колебания уровня*, *высота цен* и мн. др.

Примечательно, что запреты, возникающие на перенос метафоры *высокий* на другие шкалируемые признаки (ср. примеры Е.В. Рахилиной **высокий возраст*, **высокое время*), сохраняются и в случае *высоты* (**высота возраста*, **высота времени*, **высота штрафа*). В случае прилагательного *высокий* этот запрет принято объяснять предельностью vs. неопредельностью шкал измеряемого признака, ср. Е.В. Рахилина (там же): «Заведомым препятствием к тому, чтобы признак шкалировался, служит его предельность (как у возраста) и цикличность (как у времени)». Развивая это положение, можно добавить, что помимо семантического типа шкал (см. выше раздел 1.6.) значим также тип эталона в основе шкалы, который, по всей видимости, может влиять на выбор самого признакового слова. Так, для таких «эталонных» слов, как *оценка*, *уровень*, *скорость*, *число*, *процент*, *показатель*, релевантно отклонение от некоей срединной нормы, хорошо поддающейся исчислению. С другой стороны, как нам кажется, к понятиям *возраст* и *время* не применимо понятие *нормы*, так как не существует некоей установленной меры *возраста* или *времени*.

Еще одно важное ограничение касается, на наш взгляд, семантики лексикализованных *высот*. По всей видимости, только те шкалируемые *высоты* хорошо поддаются лексикализации по множественному числу, которые метонимически осмысляются как пиковые точки шкалы, её вершины, ср. *высоты потребления*, *высоты развития заболеваний*, *высоты продаж*, но: **высоты оценок*, **высоты уровней*, **высоты скоростей* и т.д.

4.11.2. Метафора высокого качества и степени

Другой тип шкалы заложен в *высоте*, указывающей на степень качества. Данный тип семантического сдвига можно отнести к продолжению «канонического» метонимического перехода размер → дистанция, на базе которого осуществляется дальнейший качественно-количественный переход (в зависимости от типа признаковой шкалы). В теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона переход по схеме «БОЛЬШЕ → ЛУЧШЕ» (MORE IS BETTER) объясняется как синтез двух концептуальных метафор «ВЫШЕ → БОЛЬШЕ» (MORE IS UP) и «ВЫШЕ → ЛУЧШЕ» (GOOD IS UP).

Развитие качественного и степенного значения на базе *высоты*, как и в предыдущем случае, предполагает определенное отклонение от нормы. Другое дело, что в случае качественной шкалы градуируемость признака выражается уже не числовыми показателями (как в случае шкалы количественной), а различными «квантами» качества. В роли своеобразных «квантов» качества могут выступать, с одной стороны, такие хорошо шкалируемые свойства, как способности, знания, умения и проч. качественные характеристики лиц (*высота таланта*, *высота одаренности*, *высота знаний*, *высота мастерства*, *высота профессионализма*).

С другой стороны, «кванты» качества могут быть представлены такими дискретными единицами, как *награды*, *звания*, *чины*, *должности*. Именно поэтому хорошим примером качественной шкалы являются различные иерархические лестницы (*должностей*, *чинов*, *званий*, *добродетелей*).

В отдельную качественную шкалу принято относить шкалу звуков (Рахилина 2000, 2010₂). Ср. *высота звука*, *высота тона*, *высота звучания*, *высота голоса*. Однако, если в физике качественная семантика звука выводится из количественной семантики частоты

колебаний звуковых волн, это еще не значит, что язык руководствуется этими аргументами.

Тип качественно-степенных метафорических переходов в полной мере наблюдается и у прилагательного *высокий*. Впрочем, как выясняется, качественная семантика *высоких* X-в не всегда наследуется параметрической *высотой*, ср.: *высокое начальство* → **высота начальства*. Тем не менее, смена конструкции может валидировать метафору с *высотой*: так, например, запрет на подчинение в беспредложном генитивном оформлении **высота начальства* снимается в делативе – с *высоты начальства*. Безусловно, роль конструкции в преемственности метафорических переходов требует более детального изучения. Некоторые из преемственностей подобного рода были уже рассмотрены попутно при обсуждении частных значений *высоты* (см. выше).

И, наконец, отметим такой отличительный запрет *высоты*, как её неспособность к выражению высокой степени интенсивности чувства¹⁵⁵ (**высота любви, ненависти, злости, ревности...*), – и в этом, по-видимому, заключается главное расхождение *высоты* и *глубины*. Последняя, как мы помним, без затруднений может выступать в роли метафорического контейнера эмоций, состояний и чувств (см. 3.10.3).

4.11.3. Метафора ‘возвышенного’ содержания

Выделяемый нами, вслед за Е.В. Рахилиной (2000, 2010₂: 147), тип метафор содержания требует предиката ‘возвышенный’. Во-первых, возвышенность отсылает здесь в прямом смысле к изначальной дистантности исходной для этой метафоры метонимии *высоты* по схеме ‘размер → дистанция’. Во-вторых, удаленность от поверхности земли переосмысливается как удаленность от всего земного и мирского и дает благодатную почву для обозначений ‘высокого’ на поприще человеческой деятельности, ср.: *высота помыслов, высота духовной жизни, высота искусства, высота культуры, высота языка, высота предмета, высота речения* и мн. др. Этот тип семантического сдвига – весьма характерен для *высоты* и составляет более четверти (26.8 %) всех метафорических употреблений.

¹⁵⁵ Несмотря на то, что сама лексема *чувство* «без натяжек» сочетается с *высотой*.

4.11.4. Метафора 'возвышенного' пространства

Метафору возвышенного пространства по праву следует отнести к одной из самых канонических метафор *высоты* не только по частотности в подкорпусе метафорических контекстов, где тип семантического сдвига «*высота* как возвышенное пространство» покрывает самое большое количество метафор (40.5%), но и по когнитивной выделенности исходного для этого типа метафор значения – *высота*₂. Ср. НКРЯ:

- (94) Марфа-раскольница (Нина Терентьева), которую бросивший её возлюбленный не называет иначе, как "ведьма" и "змея", поначалу от волнения жёсткая и монументальная, в финале нашла краски, чтобы живописать мучимую болью душу, и поднялась до трагических высот в пламени горящего скита. [Наталья Колесова. По ком звонит колокол (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.06.13]
- (95) Уж если с кем счастье своевольно играло, — писала Марина королю Сигизмунду, — так это со мною; ибо оно возвело меня из шляхетского сословия на высоту Московского царства, с которого столкнуло в ужасную тюрьму, а оттуда вывело меня на мнимую свободу, из которой повергло меня в более свободную, но и более опасную неволю... [Юрий Безелянский. В садах любви (1993)]
- (96) Все тени сделал он короче, прозрачный дым навел на лес и вот уж смотрит прямо в очи с туманной высоты небес». [В. П. Катаев. Трава забвенья (1964-1967)]

Обращает на себя внимание то, что этот тип метафор особенно часто оформляется конструкциями уровня с *высотой* (суперессивом, делативом и сублативом). Подробнее этот вид взаимодействия значения и конструкции будет рассмотрен ниже (4.12).

4.11.5. Метафора цели

И, наконец, нельзя не упомянуть тип семантического сдвига, обнаруживаемый только у *высоты* и не реализуемый с *глубиной*. Ввиду того, что этот тип семантического расширения редко встречается в «чистом» виде — в большинстве случаев он осложняется сопутствующими метафорическими эффектами, — может показаться не

вполне резонным выделить его в отдельный метафорический тип. Тем не менее, есть ряд особенностей, наблюдаемых только в этом значении. Как выясняется, цели обнаруживают тенденцию к множественности: именно этот тип метафоры обычно представлен множественной *высотой*, ср.: *покорять высоты наук, достичь высот мастерства, достичь высот духовной жизни, штурмовать любые высоты бизнеса, победоносный путь к высотам власти* и проч.

4.12. Семантические типы и конструкции: конструкционный профиль *высоты*

Итак, следуя поставленной в этом исследовании цели сведения семантики параметров и конструкций, в которых они участвуют, к общему знаменателю, попытаемся в этом разделе выяснить, какие конструкции будут прототипическими для *высоты* и каким образом они «спаяны» с семантикой искомого параметра.

Сравнение конструкционных профилей *высоты* и *глубины* показывает, что эти обозначения размера, на первый взгляд, абсолютно симметричны: оба параметра выявляют идентичный набор конструкций. Однако образные или топологические схемы (см. выше 3.11.), лежащие в основе их реализаций, будут кардинально различаться. Ср. ниже Таблицу 24.

топологическая схема	конструкция	название	ярлык	примеры
открытая поверхность	в высоте X-а	локативная	Lokativ	<i>в высоте небес</i>
путь & расстояние	в высоту X-а	направительная	Direktiv	<i>в высоту неба</i>
путь & расстояние	с высоты X-а	исходно-отложительная	Delativ	<i>с высоты башни</i>
расстояние	на высоте X-а	конструкция уровня	Superessiv	<i>на высоте башни</i>
путь & расстояние	на высоту X-а	направительная уровня	Sublativ	<i>на высоту башни</i>

Таблица 24. Генитивные конструкции с участием параметра *высота*

Высота, равно как и *глубина*, фигурирует в пяти типах генитивных конструкций. Основное различие между параметрами вертикальной оси измерения заключается в том, что, несмотря на, казалось бы, идентичный набор топологических схем и конструкций,

высота и *глубина* задействуют разные топологические схемы в конструкциях одного вида. Рассмотрим подробнее особенности конструкционного оформления *высоты* и обозначим основные её расхождения с *глубиной*.

Во-первых, как показывает Таблица 24, для *высоты* несвойственна концептуализация по топологической схеме 'контейнер', несмотря на то, что локативная конструкция с предлогом *в* также представлена в диапазоне ее синтаксического окружения. Иными словами, в отличие от *глубины*, здесь не реализуется контейнерная конструкция *в высоте X-а*, так как *высота* не осмысляется по образной схеме 'контейнер'. Получается совсем наоборот, несмотря на то, что перед нами, казалось бы, идентичная *глубине* конструкция *в высоте X-а*. Тем не менее, ближайшее рассмотрение этой конструкции показывает, что она апеллирует к совсем другой образной схеме, чем *глубина*. Если в *глубине X-а* придает X-у контейнерное прочтение, то в *высоте X-а* отнюдь не «порождает» представление о вместилище. Тут, скорее, включается интерпретация по сдвоенному типу: с одной стороны, в *высоте X-а* указывает на нахождение в определенном пространстве высоко над поверхностью земли; с другой стороны, *высота* осмысляется как открытая поверхность (в отличие от связанного с *глубиной* представления о некоем закрытом вместилище). Низкая частота локатива *в высоте X-а* по НКРЯ (N = 258), как мы сможем убедиться ниже на примере Диаграммы 10, объясняется, по-видимому, низким потенциалом *высоты* к образованию «новых» пространств и вместилищ, так как основное пространство на высоте в определенном смысле уже «занято» *небом* (ср. частотные фраземы *в высоте неба/небес* и производные *в высоте поднебесной* и т.д.). Ближе всего к *небу* – горные вершины. Именно поэтому локатив с *высотой* возможен для обозначений горных пространств, находящихся на значительной высоте (*в высотах Памира, в высотах Альп*), а также пространств, создаваемых высотными зданиями городов (*в высотах Нью-Йорка*). Одновременно, создание новых пространств на почве *неба* возможно только в случае метафорических отсылок к 'пространству на высоте', ср.: *в высотах библиотек, в высотах поэзии*.

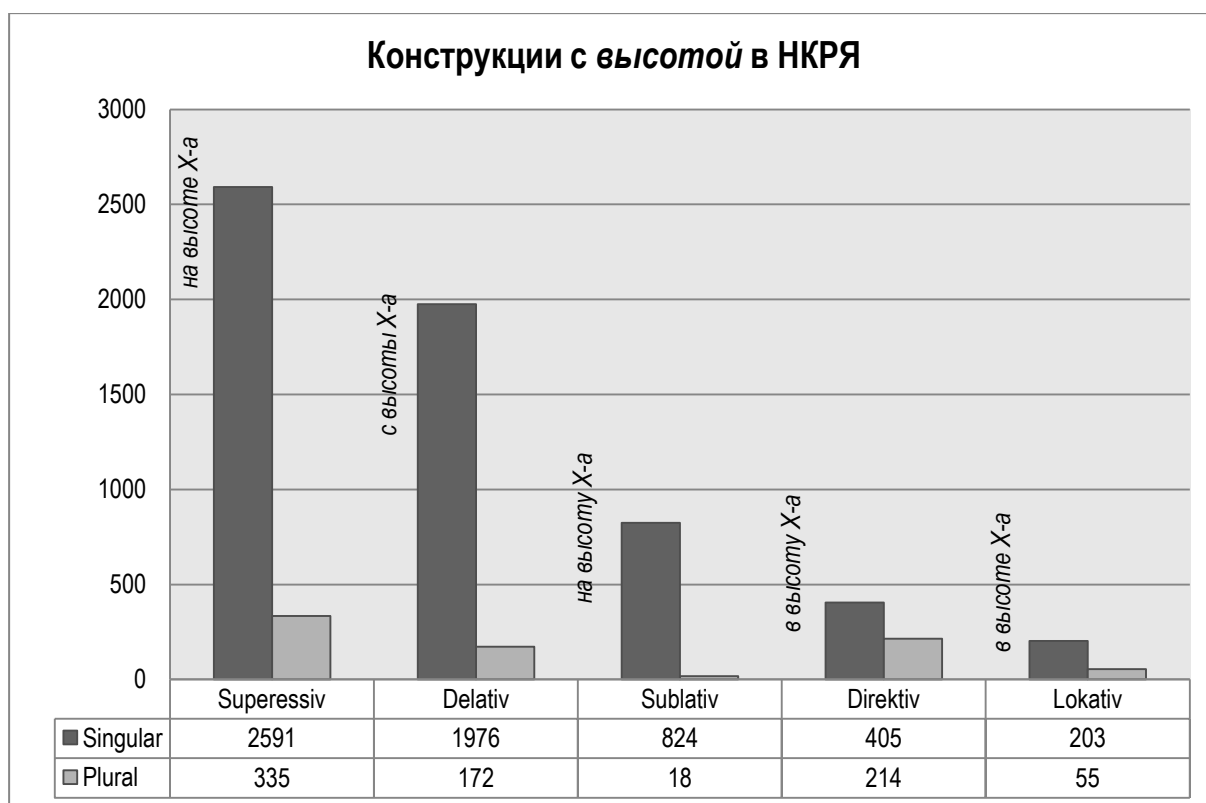

Диаграмма 10. Распределение *высоты* по конструкциям в НКРЯ¹⁵⁶

Примечательно, что локатив с *высотой* – самая малопредставленная из пяти генитивных реализаций конструкция с *высотой* (НКРЯ выдает всего 258 (1.16%) локативных вхождений по сравнению с общим числом вхождений *высоты* – 22 178), в то время как локатив с *глубиной* – самый естественный вариант синтаксического оформления для *глубины* (N = 6 386) (см. конструкционный профиль *глубины* в 3.11). Таким образом, этот тип конструкции в сопоставлении *высоты* и *глубины* выявляет диаметрально противоположный результат.

Во-вторых, концептуализация *высоты* по типу открытой поверхности находит отражение и в предложных конструкциях с *высотой*, в особенности в делативе, ср. *в высоту неба* но: *с высоты башни* (*из высоты башни). Как видим, статистически *с высоты X-a* – вторая по частоте конструкция с *высотой*, которая покрывает 2 148 вхождений в НКРЯ. Для нее характерна совмещенная схема ‘путь’ & ‘расстояние’, при этом ‘путь’ указывает не только на прохождение некоторой дистанции, но и на траекторию

¹⁵⁶ Цифры, приведенные в Диаграмме 10, относятся к точечному поиску указанных конструкций по НКРЯ и не покрывают все употребления *высоты* в корпусе. Диаграмма, например, не отражает примеры, в которых *высота* – часть глагольного управления (*судить по высоте полёта, зависеть от высоты положения* и проч.).

движения от определенно заданной точки, равной или эквивалентной размерной или дистантной *высоте* объекта X.

Равным образом совмещенные схемы ('путь' & 'расстояние'), как и в случае *глубины*, актуализируются в направительных конструкциях с *высотой*, которые представлены двумя предлогами – *в* (*в высоту X-а*) и *на* (*на высоту X-а*). Ср. НКРЯ:

(97) Летняя пыль поднималась с трудолюбивой земли *в высоту* зноя. [А.П. Платонов. Чевенгур (1929)]

(98) Валунные стены поднимаются из воды *на высоту* моего роста. [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]

В отличие от направительной *в высоту X-а*, конструкция *на высоту X-а* содержит намёк на определенный уровень, который служит конечной целью направительного движения. Уровень как конечная цель траектории движения имплицитно отсылает к размерам X-а или уровню его нахождения, ср. *подняться на высоту вала; забраться на высоту птичьего полёта*. В свете сказанного становится более понятной взаимосвязь направительной конструкции уровня и дистантной *высоты*, а также *высоты₂*. Кроме того, дистантная составляющая способствует образованию синтаксической омонимии, которая нередко встречается и в случае конструкций с *на*. Так, например, из фразы *подняться на высоту третьего этажа* не обязательно следует, что носитель признака *высоты* – третий этаж, так как речь может идти о *высоте*, равной высоте третьего этажа. Из Диаграммы 10 следует, что сублатив чаще представлен в НКРЯ (N = 842), чем его направительный коррелят директив (N = 619). Этот результат опять диаметрально противоположен *глубине*, для которой сублативы, т.е. направительные *на*-конструкции, составляют маргинальную группу (N = 654) (ср. выше Диаграмму 5 в 3.11.), в то время как директивы с предлогом *в* – довольно частотны (N = 1931).

И, наконец, анализ данных НКРЯ показывает, что в явные фавориты *высоты* выходит конструкция уровня *на высоте X-а* (Superessiv), в которой реализуется топологическая схема 'расстояние', ср. 2 926 примеров в НКРЯ. Этот результат еще раз подтверждает, что указание на уровень – важная семантическая составляющая *высоты*, что находит отражение и в когнитивной выделенности уровневых конструкций с *высотой*.

Уровневая семантика *высоты* говорит также в пользу нашей гипотезы о важности для *высоты* такого прагматического фактора, который мы обозначили как 'критичность' (4.5.).

Для *глубины*, как мы помним, суперессив (*на глубине X-а*), наоборот, не является центральной конструкцией, обнаруживая, скорее, тенденцию к периферии, чем к центру континуума всех предложных употреблений¹⁵⁷.

Для сравнения результатов распределения конструкций с *высотой* по НКРЯ и по нашей выборке приведем ниже доли соотношения интересующих нас конструкций по реализованным в них значениям (ср. ниже Таблицы 25 и 26).

В физических контекстах *высоты* наибольший удельный вес в перечне искомых конструкций приходится на номинатив (ср. Таблицу 25) ($\chi^2 = 190.04$, $df = 14$, $p < .001$), который встречается в 40.09% ($N = 433$) всех контекстов неметафорической *высоты* (всего $N = 1080$). Далее с большим отрывом следуют конструкции с аддитивом¹⁵⁸ (*при высоте X-а*) и делативом (*с высоты X-а*), каждая из которых фигурирует в 7% примеров ($N = 79$ и $N = 72$) соответственно. Чуть меньше делатива используются суперессивы (*на высоте X-а*), покрывающие 4.5% контекстов всей выборки физических значений ($N = 49$).

В остальных группах – сублатив (*на высоту X-а*), директив (*в высоту X-а*), терминатив (*до высоты X-а*) – конструкции с *высотой* слабо представлены или не представлены вообще (как видим, локатив здесь не фигурирует; ср. также колонку 'другие'¹⁵⁹), поэтому мы не будем останавливаться на них отдельно.

¹⁵⁷ Несколько неожиданное расхождение с *глубиной* дает сопоставление частот размерных конструкций с творительным падежом (*X высотой в (с) Z* vs. *X глубиной в (с) Z*). Этот тип измерения, по всей видимости, более типичен для *высоты* ($N = 1657$), чем для *глубины* ($N = 503$). Объяснения этому расхождению в синтаксическом поведении этих двух параметров у нас на данный момент нет. В литературе по параметрической лексике русского языка уже высказывалось положение, что *глубина*, по сравнению с другими параметрами, мало измеряется по этому типу конструкции (Шеманаева 2008а: 155). Можно лишь предположить, что параметризация по эталонным уровням более естественна для *высоты*, чем для *глубины* по той причине, что *высота* чаще поддается параметризации с участием антропоцентрических эталонов, чем *глубина*, которая, как правило, сопряжена с труднодоступностью и непрозрачностью измеряемого объекта.

¹⁵⁸ Термин «аддитив» в нашем исследовании охватывает такие предложные конструкции, которые указывают на параметрический признак X-а, сопровождающий основное действие. Сюда мы будем относить как комитативы с предлогом *с* (*дом с небольшой высотой потолков*), так и каузативы-концессивы с предлогом *при* (*При высоте травостоя 30-40 см высота пламени обычно достигает 0.9-1 м.*).

¹⁵⁹ К группе «Другие» были отнесены прежде всего контексты употребления *высоты* вне интересующих нас ИГ (ср., в частности, контексты, в которых *высота* входит в глагольное управление, как, например, в *размер взятки зависит от высоты чина*), в том числе конструкции размера с творительным падежом (*X высотой с/в Z*), а также конструкции с характеристическим родительным *X Adj-ой высоты*.

	Падежные конструкции с <i>высотой</i>								Всего
	Другие	Номинатив	Сублатив	Делатив	Директив	Суперессив	Терминатив	Аддитив	
параметр	184	274	10	3	11	6	5	52	535
дистанция	206	148	12	58	17	38	0	27	496
высота ₂	15	11	0	11	3	5	2	0	49
Всего	405	433	22	72	31	49	7	79	1080

Таблица 25. Высота X-а физическая: распределение по генитивным конструкциям

Таким образом, явная корреляция прослеживается только в случае номинативного, т.е. беспредложного оформления физических значений *высоты* для описания как параметров (N = 274), так и дистанций, включая *высоту*₂ (N = 159).

Обзор соотношения долей конструкций на базе метафорических и склеенных метафоро-метонимических значений обнаруживает за некоторыми исключениями сходные тенденции (Таблица 26). Несмотря на относительно малый размер подвыборки переносных употреблений (N = 257), вполне возможно говорить о тенденциях конструкционного профилирования ($\chi^2 = 132.86$, df = 42, p < .001).

Главное отличие в перечне наблюдаемых конструкций с *высотой* в Таблицах 25 и 26 относится к полному отсутствию аддитивов (ср. *дальность выстрела при высоте цели два метра*, *ковёр с различной высотой ворса*) в метафорических контекстах.

	Падежные конструкции с <i>высотой</i>								Всего
	Другие	Номинатив	Локатив	Делатив	Директив	Сублатив	Суперессив	Терминатив	
количество	2	1	0	0	0	0	4	0	7
качество	14	9	0	0	0	0	0	0	23
высота ₂	24	2	3	37	1	12	24	1	104
содержание	37	17	0	5	1	3	5	1	69
цель	4	0	1	3	2	2	4	0	15
метафора&метонимия	7	5	0	1	0	0	10	0	23
двузначно	8	4	0	1	0	1	1	1	16
Всего	96	38	3	47	24	18	48	3	257

Таблица 26. Высота X-а метафорическая: распределение по генитивным конструкциям

В принципе, этот итог не требует дополнительного разъяснения: вполне очевидно, что *при*- и *с*-конструкции, как правило, характеризуют некий параметр, нередко выражаемый

числовыми показателями (*при высоте потолка до трех метров, с высотой потолка до трех метров*). Именно поэтому этот тип конструкции тяготеет к точному измерению, т.е. «плохо» годится для семантических расширений, носящих, как правило, аппроксимативный, сравнительный характер.

За исключением аддитивов, в переносных контекстах *высота* отдает предпочтение тем же конструкциям, что и в прямых контекстах, т.е. суперессиву (N = 48), делативу (N = 47) и номинативу (N = 38), с небольшим перевесом суперессива и делатива. И здесь опять особняком стоят конструкции с *высотой*₂, апеллирующие к уровню: как в делативе, так и в суперессиве и сублативе, *высота*₂ занимает первую позицию и располагается по убыванию (N = 37 vs. N = 24 vs. N = 12).

Таким образом, на долю номинативных генитивных конструкций приходится явное большинство физических контекстов. Наверное, с некоторой долей условности можно сделать вывод о том, что описание физических параметров предметов более естественно для беспредложных номинативных конструкций, в то время как предложные конструкции наделяют *высоту* дополнительной семантикой и могут повлечь за собой не только смену топологической схемы, по которой она концептуализируется в языке, но и появление новых запретов и разрешений при образовании нового смысла, как в случае *высоты*₂.

Что касается предложного оформления *высоты*, то здесь более стабильно (ср. примерно одинаковую долю представленности в разных типах контекстов) ведут себя конструкции уровня – суперессивы, сублативы и делативы, – которые образуют костяк конструкционного профиля *высоты*.

4.13. Выводы по высоте

Последовательно рассмотрев семантические и синтаксические особенности параметра *высота*, остановимся еще раз на факторах, которые не тривиальны для выбора этого линейного размера. Как и в предыдущей главе, корпусный портрет *высоты* строится на описании ТИПа, ФИЗИКИ и ПРАГМАСЕМАНТИКИ объекта, выступающего носителем признака. Как мы смогли убедиться, *высота* и *глубина*, как параметры, кодирующие вертикальный размер, обнаруживают целый ряд аналогий в семантике и синтаксисе, тем

не менее природа этих аналогий не всегда говорит в пользу суммарного трактования этих двух параметров.

Проанализировав ТИП предметных X-ов, в норме характеризующихся по *высоте*, можно утверждать, что в системе параметрических имен *высота* стоит особняком, – она имеет наиболее широкий спектр применения, кодируя не только вертикальный размер предметных имен, но и человека. Однако в отличие от существующих подходов к описанию этого параметра (ср., в том числе, описания прилагательного *высокий* и его квазисинонимов в английском (Dirven & Taylor 1988), немецком (Weydt, Harald / Schlieben-Lange 1995, 1998), шведском (Vogel 2004) и русском языках (Рахилина 2000, 2010₂; Tribushinina 2008a, 2008b, 2010), в предлагаемую нами таксономическую классификацию X-ов включается мереологический компонент, т.е. подкатегории объектов ‘часть - целое’. Такой подход к таксономии этого параметра во многом проливает свет на тенденцию *высоты* к опредмечиванию, т.е. расширению семантической зоны действия признака на референты и их части, что не вполне соответствует прототипам *высоких* X-ов. Любопытно, что «частно-целостная» модель противоречит приведенному выше наблюдению А.Н. Журина о том, что признаком *высокий* мы наделяем, скорее, самостоятельные предметы, свойства которых в большей или меньшей степени приближаются к свойствам человека (см. 4.2 и 4.4.1.). Было, в частности, показано, что *высота* описывает не только таксономические классы, ориентированные по антропоморфной вертикали (‘здания и сооружения’, а также ‘природные объекты’), но с таким же успехом применима к автономным артефактам и их частям.

Отметим также еще одно важное следствие включения мереологии в анализ параметров, на которое уже указывалось в литературе (Lang 2001). Как показывает сравнение с другими линейными размерами, немаловажной для *высоты* оказывается её способность к наследованию признака по схеме ‘часть-целое’, т.е. параметрические признаки частей могут быть унаследованы от части к целому и, наоборот, от целого к части (ср. в 4.5.1.1. пример с *высотой лестницы* и *высотой ступенек*), что не характерно для параметров невертикальной оси.

Что касается факторов физического толка, подытоживаемых как ФИЗИКА объекта, наше исследование было направлено прежде всего на выявление тех критериев, которые имеют значимость для приписывания ярлыка *высота*, и тех, которые таковой не имеют для характеристики посредством прилагательного *высокий*. Последовательное

сопоставление результатов существующих исследований по данной тематике с нашим материалом позволяет сформулировать важный вывод: не все *высокие* объекты по умолчанию обладают признаком *высота* (*высокий мальчик* vs. **высота мальчика*), так как в арсенале русского языка есть специальное слово для обозначения вертикального размера человека – *рост*, а большие протяженности в пространстве кодируются словом *расстояние* (ср. Яндекс: *Астероид прошел по безопасной траектории на расстоянии 230 тысяч километров от Земли*). И, наоборот, не все предметы, характеризующиеся *высотой*, будут автоматически *высокими*: в частности, такие «попутные» физические составляющие, как заданная ориентация объекта в пространстве, его фиксированность и статичность будут в меньшей степени релевантны для *высоты*, чего нельзя сказать о прилагательном *высокий* (*высота самолёта* vs. ?*высокий самолёт*).

Далее, по аналогии с параметром *глубина*, *высота* может описывать объекты и действия, производимые на *высоте*. В этом случае реализуется дистантное значение *высоты* (*высота подоконника*, *высота звёзд*, *высота полёта*), наблюдаемое также у отпредикатных Х-ов (*высота катания*, *высота метания*, *высота прыжка*).

*Высота*₂ относится к выделяемому словарями и Ю.Д. Апресяном в частности (Апресян 2009: 166-167) производному значению 'место или пространство на высоте'. Несмотря на то, что *высота*₂ мало представлена в нашей выборке, анализ примеров позволяет сделать вывод о том, что данное производное значение легко поддается лексикализации, а также дальнейшим семантическим сдвигам, порождая целый ряд метафор на базе *высоты*.

Семантические наращения *высоты*, в принципе, очень близки их аналогам на базе *глубины*: как *высота*, так и *глубина* способны к количественно-качественным переходам, а также к переходам со значением содержания и пространства, однако *высота* обнаруживает и свойственные только ей семантические сдвиги, такие как метафоры цели (*подняться на высоту задачи*, *достичь высот профессии*), метафоры возвышенного пространства (*открыть высоты духа*), метонимии 'пиковая точка шкалы' (*занять высоту*), не говоря уже о вышедших из употребления метафоризациях, как например, обозначения таких нефизических характеристик лица, как 'высокомерие' и 'надменность' (ср. *гордостна высота*), и метонимизаций по схеме 'высота' → 'верх' (*упасть от высоты* → *упасть сверху*) (ср. СРЯ-XVIII).

К прагматическим и семантическим эффектам параметризации по *высоте*, или к ПРАГМАСЕМАНТИКЕ объекта, мы будем относить, наряду с используемым и в отношении других параметров фактором *функциональность*, впервые вводимое нами понятие *критичность*. Предлагается рассматривать *критичность* не только как важную прагматическую доминанту *высоты*, объясняющую «пороговую» семантику этого параметра, но и как связующее звено между семантикой, прагматикой и конструкционным поведением *высоты*, прототипические конструкции с которой, – конструкции уровня в трех реализациях (суперессив, сублатив и делатив), – наглядно иллюстрируют значимость этого критерия для конструкционного профиля *высоты*.

Нельзя не упомянуть еще один элемент прагмасемантики – позицию Наблюдателя, а точнее его перспективу, смена которой может привести к смене параметра в случае пары *высота* vs. *глубина* (так, при смене позиции Наблюдателя *глубина шахты* становится её *высотой* или наоборот). Впрочем, на наш взгляд, понятие Наблюдателя требует дальнейшего расщепления на роли, к примеру, такие как вовлеченный или пассивный Наблюдатель, ср. в особенности разные перспективы на траекторию движения взгляда (снизу вверх) или (сверху вниз) в случае пассивного зрителя и изготовителя артефакта на примере *высота каблука* (см. 4.2.).

Статистика распределения долей значения говорит в пользу того, что *высота* – более физический параметр, чем его коррелирует *глубина*: физические контексты *высоты* значительно превосходят группу метафорических употреблений (80.7 % vs. 19.3 %). В то же время среди физических значений параметрические и дистантные, включая *высоту*₂, представлены в приблизительно равном соотношении (49.5 % vs. 50.4 %). Группа метафорических контекстов, несмотря на их немногочисленность в выборке, иллюстрирует широкий спектр значений с явным доминированием метафорической *высоты*₂ (40.47 %), а также метафор содержания типа *высота помыслов* (26.85 %).

Далее, распределение *высоты* по критерию представленности в разных сегментах корпуса интересно с двух точек зрения. Во-первых, относительно высокий коэффициент Жуйана (D) отражает равномерную представленность *высоты* в разных сегментах НКРЯ. Так, в случае *высоты* D = 93 (ср. ЧСРЯ 2009), это значит, что *высота* представлена в 93-х из 100 сегментов НКРЯ, на основе чего можно заключить, что *высота* – достаточно общеупотребительное слово, равномерно представленное в разных пластах лексики, а не узко-специальный термин параметрических контекстов.

Во-вторых, важным показателем является распределение *высоты* по функциональным стилям. *Высота*, как мы смогли убедиться, – преимущественно «вещный», а не метафорический параметр, который фигурирует чаще всего в публицистике и нехудожественных текстах, в то время как в художественной литературе этот параметр встречается всего лишь в 17.5 % контекстов (ср. $\chi^2 = 227.19$, $df = 2$, $p < .001$).

В системе параметрических имен *высота* ближе всего соприкасается с *глубиной*, обнаруживая нетривиальные схождения как в семантике, так и в наборе «обслуживающих» эти два параметра конструкций. Дальнейшие точки соприкосновения наблюдаются с параметрами *длина* и *толщина*: например, *высота* вытянутых «лежачих» объектов становится их *длиной*, а точка опоры может влиять на выбор исходной точки вектора измерения (*высота шторы* vs. *длина шторы*); в то же время *слои* могут измеряться как по *высоте*, так и по *толщине* (*высота слоя торфа* vs. *толщина слоя пыли*).

ГЛАВА 5. ПАРАМЕТРЫ НЕВЕРТИКАЛЬНОЙ ОСИ: ДЛИНА vs. ШИРИНА

5.1. Длина и ширина в первом приближении: существующие теории и подходы

В литературе по параметрической лексике высказывалось наблюдение о том, что *длина* – базовый и, с исторической точки зрения, самый «каноничный» параметр измерения, а в некоторых типах конструкций и самый частотный параметр (например, в конструкции вида $X Y_{ins} в (с) Z$ (*прутик длиной с карандаш*) – подробнее см. Шеманаева 2008а: 184). Это же подтверждают и исторические данные: в русском языке существует целый спектр наименований *длины*, имеющих богатую традицию бытования (Романова 1975¹⁶⁰). В терминологии Р. Лангакера, *длину* и *ширину* традиционно принято относить к так называемым сложным категориям (*complex categories*), у которых, как правило, не обнаруживается одного прототипического употребления (Langacker 1990). Однако корпусный портрет параметров *длина* и *ширина*, объединяемых нами как обозначения невертикальной оси измерения в одну подчасть системы параметрической лексики, а также их конструкционный профиль, позволяют сделать обобщения иного рода.

Во-первых, по результатам сверки абсолютных частот (ср. Таблицу 16 из 3.12.), *длина* и *ширина* иллюстрируют далеко не самые частотные параметры, занимая третье и четвёртое место в иерархии пяти линейных размеров (подробнее статистические показатели будут рассмотрены ниже в 5.3).

Во-вторых, последовательный анализ объектов, сочетающихся с *длиной* и *шириной*, позволяет выделить тенденции к типизации контекстов с их участием, что, безусловно, не снимает предположение об их семантической сложности.

Существующие теории и подходы к описанию этих двух параметров нередко трактуют *длину* в одной «упряжке» с *шириной* (Vandeloise 1988), а в исследовании Линде-Усекневич высказывается даже мнение, что все три параметра – *длина*, *ширина* и *толщина* – образуют единый фрагмент системы параметрической лексики на основе ряда общих черт (Linde-Usiekiewicz 2000). Рассмотрим сначала основные точки сближения в семантике этих двух параметров, затем остановимся на особенностях

¹⁶⁰ Исследование (Романова 1975) посвящено историко-этимологическому анализу метрологической лексики и, в частности, таким наименованиям русских мер *длины*, как *верста*, *сажень*, *локоть*, *аршин*, *пядь*, *вершок* и проч.

каждого из них в отдельности и в заключение Главы (5.9.) представим наши обобщения, касающиеся взаимосвязей между семантическими типами носителей этой пары параметров и конструкций с их участием.

Наблюдения из разных языков показывают, что *длина*, наряду с *шириной* и *толщиной*, относится к ингерентным параметрам объектов, т.е. выбор этих обозначений не зависит от положения объекта в пространстве (ср. прежде всего Bierwisch 1967, 1987; Vogel 2004, а также ряд опровержений (Vandeloise 1988: 425), к которым мы еще вернемся).

Итак, по М. Бирвишу, *длина* – первичное параметрическое обозначение, приписываемое максимальной, невертикальной протяженности предмета, в то время как *ширина* – всегда вторична. На основе этих свойств базируется семантическая маркировка *длины* [+ Maximum] и *ширины* [+ Second] (Bierwisch 1967, 1987).

Структурный подход к описанию параметрической лексики на основе семантических примитивов получает дальнейшее развитие в работах Э. Ланга (см. раздел 2.2.). Э. Ланг считает *длину* типичным представителем параметрического обозначения, так как это единственный параметр, который может характеризовать все виды *n*-мерных объектов. Так, например, даже такие одномерные типы объектов, как *линия*, *дуга* и т.д., обладающие всего одним измерением, всегда будут в первую очередь характеризоваться по *длине*. Существенное уточнение семантического маркера *максимальность* в подходе Э. Ланга касается прототипичности описываемых объектов. Так, для объекта, получающего ярлык *длинный*, формулируется дополнительное правило: канонически максимальная протяженность длинного объекта будет одновременно совпадать с его актуальной максимальной осью измерения. Собственно этому критерию и отвечают все прототипические реализации *длины*. Тем не менее, в наивно-языковом представлении *длина* не всегда кодирует максимальную протяженность объекта. В этой связи автор приводит три примера, наглядно иллюстрирующие отклонение от вышеупомянутого правила, где норма пропорции нарушается (Lang 1987: 383):

1. В случае *сеялки* максимальное измерение приходится на *ширину*, а не на *длину*;
2. *Двухспальная* кровать может иметь 2 м. в *длину* и 3 м. в *ширину*;
3. *Отрез бархата* может иметь 1.3 м. в *ширину* и всего 0.5 м. в *длину*.

В первом примере, по рассуждениям Э. Ланга, *сеялка* отклоняется от прототипа стандартных средств передвижения, так как максимальное измерение неодушевленных движущихся объектов обыкновенно отождествляется с их осью движения, т.е. в норме мы обозначаем максимальную ось видов транспорта как *длину*, а не *ширину*. Второй пример иллюстрирует взаимосвязь нормы пропорции и функциональности предметов. В данном случае *длина кровати* прототипически задается *длиной* человеческого тела, при этом этот антропоцентрический эффект не ослабевает даже в том случае, если односпальная кровать становится двуспальной. И третий пример иллюстрирует уже обсуждавшийся на базе *высоты* принцип наследования 'частями' размеров 'целого' (4.5.1.1.). Отрезы ткани наследуют, как правило, параметры рулонов – целого форманта материалов, например, таких как *бумага*, *проволока*, *шёлк*, *бархат* и т.д., – которым свойственно иное параметрическое распределение *длины* и *ширины*: *длина рулона* остаётся *длиной*, даже если *ширина отреза* больше *длины рулона*.

Ширина, или «протяжение чего-либо в поперечнике» (MAC), получает в системе Э. Ланга семантический ярлык ACROSS, приписываемый двух- или трехмерным объектам (Lang 1991, 2001). Этот маркер реализуется как *ширина*, если в наличии есть плоскость, ортогональная одной из салиентных осей координат (MAX, VERT или OBS) (ср. выше 2.2). Таким образом, этот параметр, в отличие от других ярлыков MAX и MIN, ориентированных прежде всего на ингерентные пропорции предметов, или VERT и OBS, критичные для характеристики положения предметов в пространстве, по выражению Э. Ланга, берет на себя функцию «штопанья дыр» (stop-gap) (Lang 2001: 1255). Другими словами, параметр ACROSS, отождествляемый в русском языке¹⁶¹ с *шириной*, в системе параметрических обозначений как бы подстраивается под главные параметры – *высоту*, *глубину* и *длину*, получающие в системе Э. Ланга обозначения VERT, OBS и MAX.

На этой основе делается вывод, что параметр ACROSS – более относительный, чем другие параметры, так как он реализуется только по отношению к другим пространственным обозначениям, не будучи «привязанным» к конкретным осям

¹⁶¹ Следует отметить, что в германских языках параметр ACROSS имеет две конкурирующие реализации внутри одного языка, ср., в частности, анализ прилагательных *breit* и *weit* в немецком (Bierwisch 1967, 1987; Durrell 1988; Lang 1987, 1989, 1991, 2001; Weydt & Schlieben-Lange 1995), *broad* и *wide* в английском (Athanasiadou 2001), *bred* и *vid* в шведском языках (Vogel 2004). Различные реализации параметра ACROSS иллюстрируются в (Lang 2001: 1258-1259) на примере типологически разных языков – английского, мандаринского и корейского. В отличие от английского языка, в котором пространственные обозначения вида ACROSS допускают наибольшую диффузность, в мандаринском существуют термины *cháng* vs. *kuān*. В то же время в корейском наблюдается комплементарное распределение обозначений *kalo* vs. *selo* (ср. также Zubin & Choi 1984: 337).

измерения. Именно это свойство данного параметра и является причиной семантической размытости в идентификации размера.

Поясним на собственных примерах. С одной стороны, *ширина* существует лишь как дополнение к *длине* и *толщине*. Вполне естественно, что двух- или трехмерные объекты, которые обладают *длиной*, по обыкновению измеряются и по *ширине*, т.е. в случае неоднородных объектов там, где указывается *длина*, вполне естественно ожидать и *ширину*, ср. *длина* vs. *ширина* дивана; *длина* vs. *ширина* ленты; *длина* vs. *ширина* тротуара и т.д.

В случае не максимальных параметров предметов *ширина* может задавать дополнительную ось измерения, не совпадающую с осью измерения *толщины*, ср. типичные измерения 'поверхностей': *длина* vs. *толщина* vs. *ширина* доски, листа, ленты, матраса, ковра и ряд др.

С другой стороны, *ширина* всегда будет ортогональна вертикальному вектору измерения *высоты* и *глубины*, ср.: *окно высотой 1.5 м и шириной 1 м*. Такая важная составляющая *ширины*, как её ортогональность, – залог того, что *ширина* обычно не перекрывается осями измерения *высоты* и *глубины*: особенно наглядно это иллюстрируют примеры, в которых сочетаемость атрибутов *высокий* & *широкий* (*высокий* & *широкий* лоб) или *глубокий* & *широкий* (*глубокая* & *широкая* река), а также параметров *высота* & *глубина* & *ширина* не вызывает затруднений (ср. *ящик, багажник, комод, полка*).

С точки зрения топологии, прилагательное *длинный* характеризует «вытянутые предметы "жесткой" конфигурации (*доска, гвоздь*)», а также «гибкие веревкообразные предметы (*волос*)» (Рахилина 2000: 126; 2010₂: 127). Как мы сможем убедиться ниже, эти же типы объектов входят в сочетаемостный тип X-ов номинальной концептуализации *длина* (см. 5.4.). Кроме того, из описания этого параметра в работах Е.В. Рахилиной следует, что объекты, описываемые прилагательным *длинный*, не обязательно фиксированы в пространстве, ср. *длинная веревка* или *длинный гвоздь* (Рахилина 2000: 120; 2010₂: 122). Тем не менее, в связи с описанием параметра *высота*, уже указывалось на такой нетривиальный фактор в разграничении *высоты* и *длины*, как опора, которая в некоторой степени может осмысляться как фиксированность в пространстве (выше уже обсуждался пример с веревочной лестницей, свисающей из кабины вертолета). Добавим еще один пример из этого ряда, а именно описание рудника горного хрусталя на Алтае, в

котором максимальный размер, несмотря на свою вертикальность, описывается по *длине*, а не по *высоте*:

- (99) Тончайшие кристаллы растут прямо на глине, колышутся от тока воздуха, склоняются дугами к земле под собственной тяжестью. *Длина* их достигает 60 сантиметров при *толщине* куда меньше спички. Кристаллическая «вата», «сено». [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996) // 1994]

Ширина в отличие от *длины*, и – что немаловажно – в отличие от прилагательного *широкий*, имеет более узкий спектр применения, охватывая не три, а два топологических типа объектов: «вытянутые поверхности или предметы, имеющие такие поверхности в качестве функционально значимых [...]: *широкая лестница, пояс, скамейка, лыжи, ладонь, парус, спина, лопата*» (Рахилина 2000: 122; 2010₂: 123-124), а также «отверстия и полые вытянутые предметы», для которых *широкий* измеряет диаметр отверстия: «*широкая дыра, нора, петля, зрачок, горлышко бутылки, люк*» (там же). Номинальное обозначение *ширина*, по всей видимости, не во всех случаях унаследует «привязку» к этим двум топологическим типам (подробнее остановимся на этом ниже), ср.: *ширина лестницы, ширина пояса, ширина скамейки, ширина ладони*, но под вопросом: *?ширина спины, ?ширина зрачка, ?ширина бутылки*.

Третий тип *широких* объектов – «безграничные» пространства – в номинальных конструкциях измеряется в русском языке не по *ширине*, а по *широте*, ср.: *широта полей* vs. **ширина полей*; *широта России* vs. **ширина Росии*; *широта степи* vs. **ширина степи* и т. п. Как видим, *широкий* как параметрическое обозначение оказывается более «объемлющим» термином, охватывающим на целый класс объектов больше, чем исконно параметрическая *ширина*.

Функциональная значимость вытянутой поверхности имеет две диаметрально противоположные традиции описания в литературе этого рода, которые мы условно обозначим как интерпретация по *наблюдателю* (*onlooker's perspective*) и интерпретация по *пользователю* (*user's (doer's) perspective*). На важность разграничения этих двух видов перспективы на объект указывается, в частности, в последних работах А. Вежбицкой, посвященных форме (Wierzbicka 2006b) (ср. также раздел 2.6.). В интерпретации автора английское *wide* ('широкий'), как и его антоним *narrow* ('узкий'), особенно телocентричны в

том смысле, что семантика этих прилагательных отражает перспективу человека, сидящего в кресле или на диване¹⁶², ср. (Wierzbicka 2006b: 152):

Thus, the concept of 'width' as applied to a chair is bodycentric: it takes the perspective of an average person sitting on a chair and either having some room on either side of their body (if the chair is "wide") or having none (if the chair is "narrow"). Crucially, the two sides of the person's body to which the words *wide* and *narrow* refer here are the sides on which the person's arms are, and not the sides on which their face and the back are.

Исходя из этого, в толкование *wide* А. Вежбицкая включает такой семантический примитив, как *сторона* (*side*) – в данном случае имеется в виду сторона тела сидящего человека и наличие либо отсутствие свободного места по сторонам его тела. Для этого толкования вводится дополнительная семантическая молекула *край* (*edge*), которая служит границей объекта (там же) (см. выше о концепте *край* по А. Вежбицкой в 2.6.).

Другое направление перспективы находим в интерпретации русского прилагательного *широкий* в работах Е.В. Рахилиной: здесь, наоборот, *широкий* предполагает положение наблюдателя «посредине измеряемой "протяженности"»¹⁶³, что позволяет ему «"видеть"оба противоположных конца объекта» (Рахилина 2000: 133; 2010₂: 135). Для описания подобной ситуации используется понятие фасадной части¹⁶⁴ объекта, т.е. той части, которая «повернута» к человеку и в норме является «рабочей» стороной объекта (там же). Именно эта перспектива, по мнению автора, проецируется в интерпретации выражений *широкий диван* или *широкий письменный стол*.

И, наконец, более подробного рассмотрения требует подход К. Ванделуаза (Vandeloise 1988), который предлагает специальное толкование двух параметров – *длина* и *ширина*, применимое, в сущности, и к другим языкам. Ряд положений теории К. Ванделуаза будет использоваться нами в категоризации объектов, претендующих на обладание параметрами *длина* и *ширина*.

¹⁶² Ср. также другие сочетания подобного рода, толкуемые по этой модели: *wide (narrow) seat, wide (narrow) saddle, wide (narrow) bed, wide (narrow) mattress, wide (narrow) door* (Wierzbicka 2006b: 153).

¹⁶³ В принципе, подход А. Вежбицкой не исключает срединное положение наблюдателя. Подобное толкование применимо, по ее мнению, в интерпретации сочетания *широкая коляска* (*wide pram*), так как вполне очевидно, что *ширину* в данном случае не может измерять сам младенец, лежащий в коляске, а делает это, скорее, наблюдатель (Wierzbicka 2006b: 154)

¹⁶⁴ Выше понятие фасадность (*façade*) уже упоминалось в связи с *шириной* в исследованиях датского лингвиста Э. Спанг-Ханссена (1990) (см. 2.5.).

Начнем с того, что тип измерения объектов по неперпендикулярной оси измерения, с позиции К. Ванделуаза, будет задаваться их формой, конфигурацией, функцией, направлением движения, ориентированностью в пространстве и рядом других факторов, уже не раз фигурировавших в нашей работе при анализе других параметров. Однако основная мысль исследования К. Ванделуаза сводится к тому, что для измерения объекта по *длине* и *ширине* решающую роль играет представление о потенциальном прохождении (potential passing) объектом X определенного отрезка пути, выражаемого его *длиной* (*шириной*). При этом К. Ванделуаз разграничивает типы измерения линейных объектов и *n*-мерных объектов.

Линейные объекты и объекты, концептуализируемые по типу линейных (так называемые PATHS – *тропинка, дорога* и т.п.), подразделяются на объекты веревкообразной формы (*нить, червяк, волос, канат*) и объекты «жесткой» конфигурации (*столб, кочерга, труба*). Существенным представляется положение К. Ванделуаза о том, что сам тип измерения для этих двух групп объектов будет разным: если *длина* линейных объектов измеряется вдоль их актуальной формы, то в случае «жестких» объектов измерение по форме не всегда возможно, а их *длина* зачастую является проекцией прямой линии вне зависимости от формы, ср. Илл. 18:

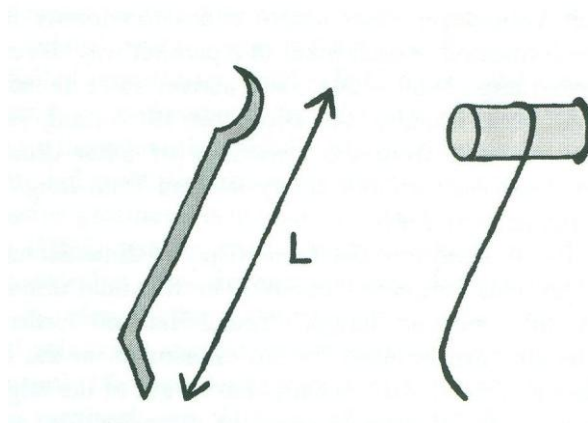

Иллюстрация 18. *Длина кочерги vs. длина нити* (Vogel 2004: 319; Илл. по Vandeloise 1988: 405)

Объекты, отождествляемые с линиями (*тропинки, дорожки* и всякого рода *пути*), обнаруживают одно важное сходство с линейными объектами – их *длина* повторяет траекторию их формы. В то же время, важное отличие так называемых путей от линий заключается в возможной характеристике первых по *ширине* (*ширина тропинки, дорожки* и проч.), которая измеряется по перпендикуляру к *длине*.

Выражаясь образным языком, *объекты-пути* можно назвать своеобразными *проводниками*, так как главная их функция – способствовать перемещению других объектов. Так, двухмерные *тропинки, дорожки, трассы* – это объекты, по которым проходят человек, животное, транспорт и проч., а трехмерные *трубы, тоннели, провода* будут объектами, через которые проходят, например, *вода, машины, ток* и т.д.

Примечательно, что идея движения получает у К. Ванделуаза особое развитие. В частности, выясняется, что движение во многом осложняет параметризацию многомерных объектов, а также, что в основе приписывания *длины* и *ширины* объектов лежат законы аэродинамики. Ср. в этой связи (Vandeloise 1988: 412): «an object offers less resistance to air if its longer dimension [...] is parallel to movement». Т.е. *длина* движущихся объектов, как правило, будет параллельна траектории движения (*длина машины, автобуса, судна*), в то же время направление, перпендикулярное *длине*, будет обозначать *ширину* (там же: 407).

Исключения из этого обобщения составляют такие нестандартные объекты, как *плуг, бритва и валик* (Bierwisch 1987) – другими словами, предметы, у которых *ширина*, вопреки норме ожидания, превышает *длину*, что, в целом, объясняется принципом функциональности этих предметов, ведь в соответствии с законами естествознания их *ширина* должна оказывать определенное сопротивление (*resistance*) движению.

Включение динамического компонента влечет за собой, на наш взгляд, еще одно нетривиальное следствие для измерения *длины* и *ширины*, которому до сих пор уделялось мало внимания в литературе по параметрам. Опираясь на концепции современного естествознания, можно констатировать сокращение *длины* и сохранение *ширины* подвижных объектов. Так, если предмет движется относительно наблюдателя, то измерение по *длине* дает меньшую величину, чем если бы измерение производилось относительно неподвижного объекта. При этом *ширина* как поперечный размер остается неизменной.

Для языковых картин мира *статика* во многом не менее трудна, чем *динамика*. У К. Ванделуаза фасадность также отождествляется с положением говорящего, но только в случае статичного положения. В его концепции та сторона неподвижных объектов будет их *длиной*, которая расположена в направлении, параллельном направлению взгляда говорящего, – так называемая латеральная позиция наблюдателя. *Шириной*, в свою

очередь, будет считаться протяженность, перпендикулярная неспецифической позиции говорящего (Vandeloise 1988: 408) (general vs. lateral orientation of the speaker).

Кроме того, ряд объектов обнаруживают запреты на *длину*, что может иметь объяснения, как физического, так и прагматического толка. Ср. ряд примеров по К. Ванделуазу (1988: 409-410):

Не имеют *длину*:

- Объекты, у которых самое большое измерение уже «занято» *высотой* (*двери, окна* и т.д.).
- Объекты, у которых *длина* уступает по значению *ширине* или равна ей: так, *бритва* или та *сторона дома*, которая повернута к наблюдателю, даже если она больше поперечной ей стороны, будут измеряться по *ширине*. Одновременно прямоугольные кубы и площади в наивно-языковой концептуализации не обладают *длиной*, а характеризуются по *ширине*.
- Объекты, вообще, не имеющие большой протяженности в *длину*. Вряд ли мы скажем **длина блохи* или **ширина волоса*. Тем не менее, в научном контексте измерение *ширины волоса* вполне возможно, но только в лабораторных условиях.

Наша концепция *длины* и *ширины* будет во многом опираться на многие приведенные положения К. Ванделуаза, однако перед нами стоит несколько иная задача. В соответствии с поставленной нами целью выявления прототипичности носителей параметрического признака на основе корпусных данных, для нас было важно выявить тот каталог Х-ов, который позволил бы сформулировать общие и отличные черты предметов, характеризующихся *длиной* и/или *шириной*. Однако прежде чем обратиться к данным НКРЯ, заглянем в словари.

5.2. *Длина и ширина* в словарях

Длина и *ширина* – параметры преимущественно физического свойства. Как мы сможем убедиться ниже, они обнаруживают ограниченное количество метафорических переносов, а метонимии с их участием – еще более редкое явление. Как и в предыдущих главах, в дальнейшем в этой главе речь пойдет о параметрической, или физической *длине* или *ширине*, и непараметрической, или нефизической *длине* или *ширине*.

Уже первое знакомство с толкованиями подтверждает наше интуитивное предположение о взаимосвязи этих двух линейных размеров. Примечательно, что оба толкования включают сравнение этих двух параметров между собой: в случае *длины* – две крайние точки линии (плоскости, тела) наиболее удалены друг от друга; в случае *ширины* – две крайние точки линии (плоскости, тела) лежат на наименьшем расстоянии друг от друга. Ср. толкования:

<i>длина</i> –	протяжение линии, плоскости, тела в том направлении, в котором две крайние его точки наиболее удалены друг от друга (МАС)
<i>длина</i> –	продолжительность, длительность (МАС)
<i>длина</i> –	протяжённость, величина чего-н. в том направлении, в к-ром две крайние точки линии (плоскости, тела) лежат (в отличие от <i>ширины</i>) на наибольшем расстоянии друг от друга (РСС)

<i>ширина</i> –	протяжение чего-л. в поперечнике (МАС)
<i>ширина</i> –	величина, протяжённость чего-н. в том направлении, в к-ром две крайние точки линии (плоскости, тела) лежат (в отличие от <i>длины</i>) на наименьшем расстоянии друг от друга (РСС)

Как видим, важное отличие пары *длина* и *ширина* от рассмотренных *глубина* и *высота* касается не только превалирования у невертикальных параметров физических значений, но и отсутствия внутри них семантических наращений (ср. *высоту*₂ и *глубину*₂).

Кроме того, отдельное значение *ширины* как протяжение чего-л. в поперечнике (ср. МАС) относится, скорее, только к одному типу объектов, характеризующихся *шириной*, а именно к объектам круглой формы или приближающихся по форме к круглым (*отверстие, дыра*), хотя пример из МАС не привязан к круглой форме, см. (100):

(100) На набережной, поперек ее, во всю *ширину*, расстилаются сети. [Куприн, Листригоны]

Нефизическая *длина* в значении ‘продолжительность, длительность’ (МАС) иллюстрирует один из канонических типов метафорического перехода по схеме ‘пространство → время’,

при котором такое физическое свойство предметов, как *размер*, переносится на шкалу времени.

В том же значении может выступать неравная соперница *длины* – *долгота*, обнаруживающая заметные пересечения семантической сферы действия этих двух лексем, ср. *долгота дня*, *долгота жизни* и устаревшее *долгота бревна* (подробнее о паре *длина* vs. *долгота* см. в 5.5.).

Нефизическая¹⁶⁵ *ширина* также фиксируется словарями, однако основная часть примеров относится к XIX веку, т.е. именно к тем контекстам, которые в современном русском языке «обслуживает» *широта* (*широта русской души*, *широта гостеприимства* и т. д.). Приведем для иллюстрации устаревшую для *ширины* модель перехода 'физическое свойство предмета (размер) → нефизическое свойство человека', ср. (МАС):

(101) Тут же в соседстве подвернется помещик, кутящий во всю *ширину* русской удали и барства. [Гоголь, Мертвые души]

До сих пор мы рассмотрели значения искомых параметров согласно их толкованиям в словарях русского языка, т.е. вне рамок определенных конструкций. Следующий раздел имеет целью смену перспективы от словаря к корпусу. Прежде всего нас будут интересовать вопросы, какие контексты будут типичными для приведенных значений и есть ли взаимосвязь между реализациями этих значений и определенным типом конструкции.

5.3. Длина и ширина в НКРЯ¹⁶⁶

Корпусный портрет интересующих нас параметров – *длина* и *ширина* – проводился по аналогии с поиском по первым двум параметрам – *глубина* и *высота*.

¹⁶⁵ Анализ пространственных обозначений с диахронической перспективы показывает, что и здесь не обошлось без влияния польского языка. Так, одним из лексических заимствований из польского языка считается существительное *широкость* (Witkowski 1999: 212; 2006: 238; цит. по Гарбуль 2009: 291) для обозначения свойства по переносному *широкий* (ср., например, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля: *широкость* взглядов).

В области прилагательного отмечаются сходные тенденции к раннему заимствованию переносных значений *широкий* из польского языка и, в особенности, одного значения, которое не дошло до наших дней. Дипломатическая переписка середины XVII в. свидетельствует о том, что русское *широкий* по аналогии с польским *szeroکی* могло употребляться в значении 'просторный, обстоятельный, подробный, детальный; растянутый, длинный (о речи)' (*широкие разговоры*) (Гарбуль 2009: 290-291).

¹⁶⁶ Поиск по базе данных Основного корпуса НКРЯ относится к состоянию на июль 2012 г.

На первой стадии поиска нас интересовала абсолютная и относительная частота вхождений с этой парой слов в НКРЯ. Выше уже упоминался частотный ранг этих существительных: из пяти линейных параметров *длина* занимает третье место в системе параметрических имен с общим числом вхождений 13 549, в то время как *ширина* используется в измерении более чем в два раза реже и занимает четвертую позицию, покрывая 6 028 вхождений (общий объем Основного корпуса – 209 203 107 словоупотреблений) (ср. Таблицу 16 в разделе 3.12.).

Из абсолютного числа вхождений было высчитано среднее на один миллион словоупотреблений по состоянию Основного корпуса на июль 2012 г. В сопоставлении с ЧСРЯ (2009), составленном на основе данных 1950-2007 гг., $F(ipm)$ немного уменьшилась в случае *длины* ($F(ipm) = 67.7 \rightarrow 64.76$) и возросла в случае *ширины* ($F(ipm) = 25.0 \rightarrow 28.81$), что вполне отвечает тенденциям роста НКРЯ. Падение средней частоты для *длины* может объясняться постепенным выравниванием корпуса по представленным сегментам, что, в принципе, говорит в пользу тяготения *длины* к четко определенному типу контекстов. Более подробный разбор этой гипотезы будет представлен в этом разделе несколько ниже (см. Таблицу 27).

Второй этап поиска был направлен на выявление участия искомых параметров в генитивных конструкциях типа *длина X-а* и *ширина X-а* (поиск по маскам *длина & Gen* и *ширина & Gen*). Из общего числа конструкций с участием *длины* в НКРЯ, равного 13 549, была сделана выборка в первые 1 743 примера, из которых 135 употреблений (7.7 % выборки) были отсеяны как статистические шумы. Таким образом, объем выборки *длины* составил 1 608 примеров.

Из абсолютного числа вхождений с *шириной* в НКРЯ, равного 6 028, в дальнейшем была создана выборка в первые 1 592 примера, из которых непригодными для наших целей оказались 173 примера (10.8 % выборки). Таким образом, в окончательный состав нашего подкорпуса с *шириной* вошли 1 419 примеров. Ошибки аннотации и в том и в другом случае включали:

- характеристический генитив в конструкциях вида *шарф непомерной длины*; *улицы непомерной ширины*.
- послеложные конструкции типа *X Y-ом (с/в) Z*, ср. *сом длиной метра полтора*, *препятствие шириной метра в два*.

- согласованные определения *высоты*, выраженные причастным оборотом, или относительные придаточные предложения: *черепашата, длина которых едва достигает пяти сантиметров; улицы, ширина которых осталась прежней.*
- инверсия при аппроксимативных конструкциях, например, *хлыст длиной метра три, кольцо коры шириной сантиметра в полтора.*
- случаи неснятой омонимии, ср.: *щеки у него по ширине были вровень с плечами.*

Последующее деление выборок на прямые и переносные контексты с *длиной* и *шириной* дало достаточно гомогенную картину (Ср. Диаграммы 11 и 12).

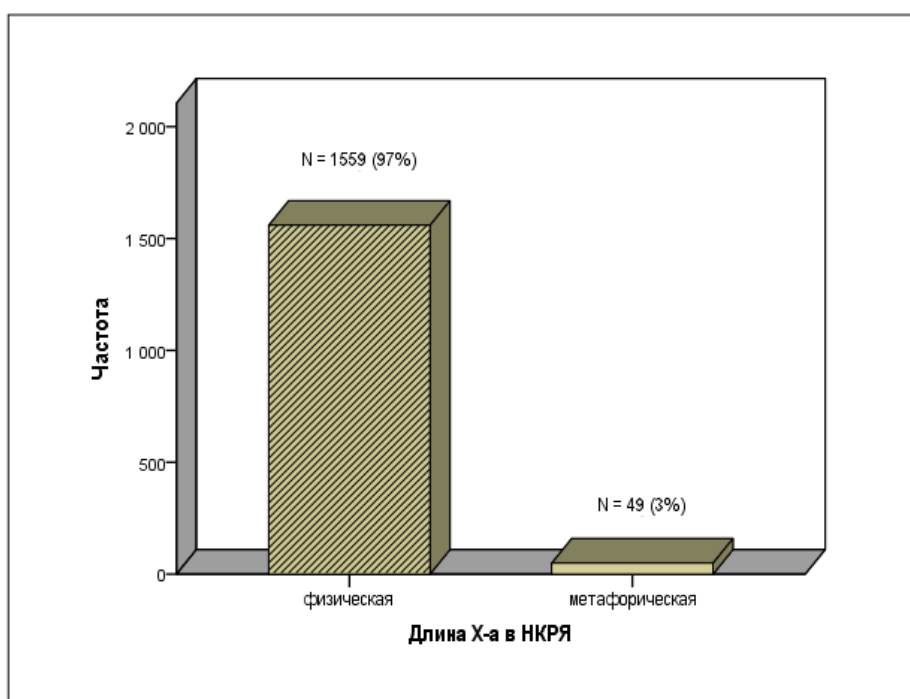

Диаграмма 11. *Длина X-а*. Распределение прямых и переносных значений в НКРЯ

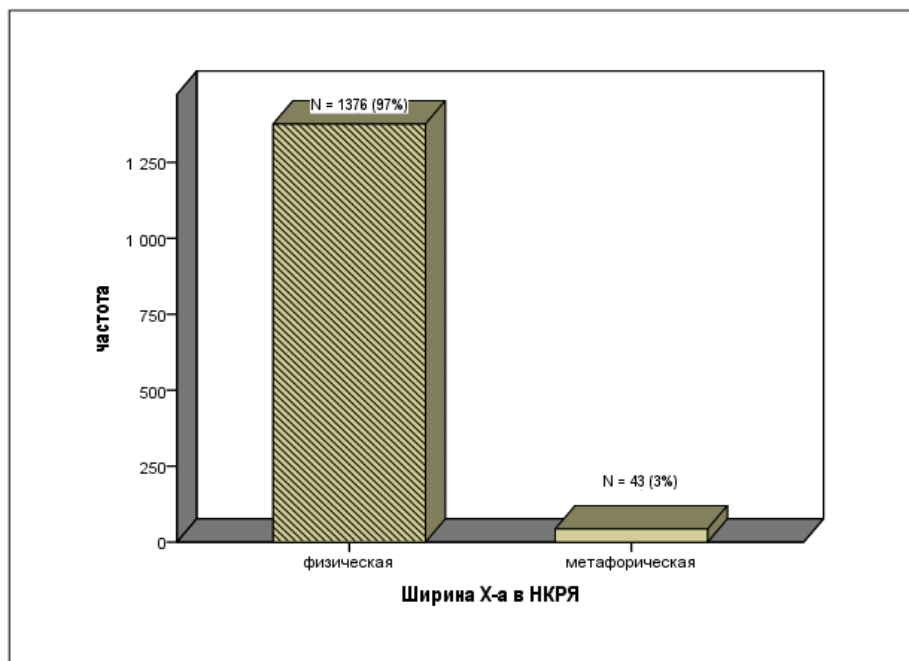

Диаграмма 12. *Ширина X-а*. Распределение прямых и переносных значений в НКРЯ

Опираясь на статистику нашего подкорпуса, можно с уверенностью сделать вывод о том, что *длина* и *ширина* – исконно параметрические слова, покрывающие минимальное количество переносных контекстов: как *длина*, так и *ширина* – на 97 % физические величины, обнаруживающие лишь 3 % метафорических переносов. Тест хи-квадрат также говорит в пользу статистически значимого распределения долей по этим типам значений (ср. для *длины*: $\chi^2 = 1417.97$, $df = 1$, $p < .001$; для *ширины*: $\chi^2 = 1252.21$, $df = 1$, $p < .001$).

В дальнейшем, основной параметрический прототип в конструкциях *длина X-а* / *ширина X-а* был разбит на более мелкие подклассы, которые представляют тот или иной подтип размерного значения. Итак, рассмотрим распределение размерных значений *длины* и *ширины* в генитивных конструкциях по отдельности.

Размерные значения *длины* и *ширины* в генитивных конструкциях типа *длина X-а* / *ширина X-а* будут охватывать следующие подклассы значений:

- объектная *длина* / *ширина*: *длина* / *ширина* Арбата, *длина* / *ширина* стола.
- терминологическая *длина* / *ширина*: *длина* звуковой волны, *длина* углеродной цепи; *ширина* луча РЛС, *ширина* спектра сигнала.

- метрологическая *длина / ширина*: *длина меридиана, окружности, отрезка, диаметра; на ширину плеч, на ширину ладони, ширина человеческого шага.*
- отпредикатная *длина / ширина*: *длина прироста ели, длина пробега; ширина прокоса, ширина срезки, ширина разлива.*

Первый круг употреблений – объектные группы с *длиной* и *шириной* – относятся к линейным и *n*-мерным объектам, описываемым по *длине* и/ли *ширине*. Существенно, что далеко не все типы объектов имеют в наивно-языковой параметризации одновременные указания на эти два параметра: язык, как правило, предпочитает маркировать только одно измерение, оставляя второе невертикальное измерение за скобками. В то же время в научном измерении синхронное указание на *длину* и *ширину* предписывается неким общепринятым стандартом описания, ср. указания габаритов мебели, технических параметров транспорта и т.д. (подробнее см. 5.4).

Терминологические контексты *длины* и *ширины* будут включать прежде всего научные типы текстов, например, из области физики (*длина молекулы, длина мономерного звена; ширина спектра сигнала, ширина резонанса*) или химии (*длина валентных связей, длина алкильной цепи*).

Метрологическая *длина* и метрологическая *ширина* составляют третий круг употреблений: сюда входят различные метрологические термины, задающие эталоны *длины* (*длина меридиана, длина версты*) и *ширины*, включая антропоцентрические меры (*на ширину плеч, на ширину пальца, на ширину ладони*), а также такие геометрические единицы, как *длина отрезка, длина диаметра, длина окружности, ширина прямоугольника* и проч.

К последней и самой маргинальной группе относятся те сочетания, в которых *длина* и *ширина* описывают отпредикатное имя (*длина пробега, ширина прокоса*). Ср. статистику распределения конструкций *длина X-а / ширина X-а* по долям представленных значений в Диаграммах 13 и 14.

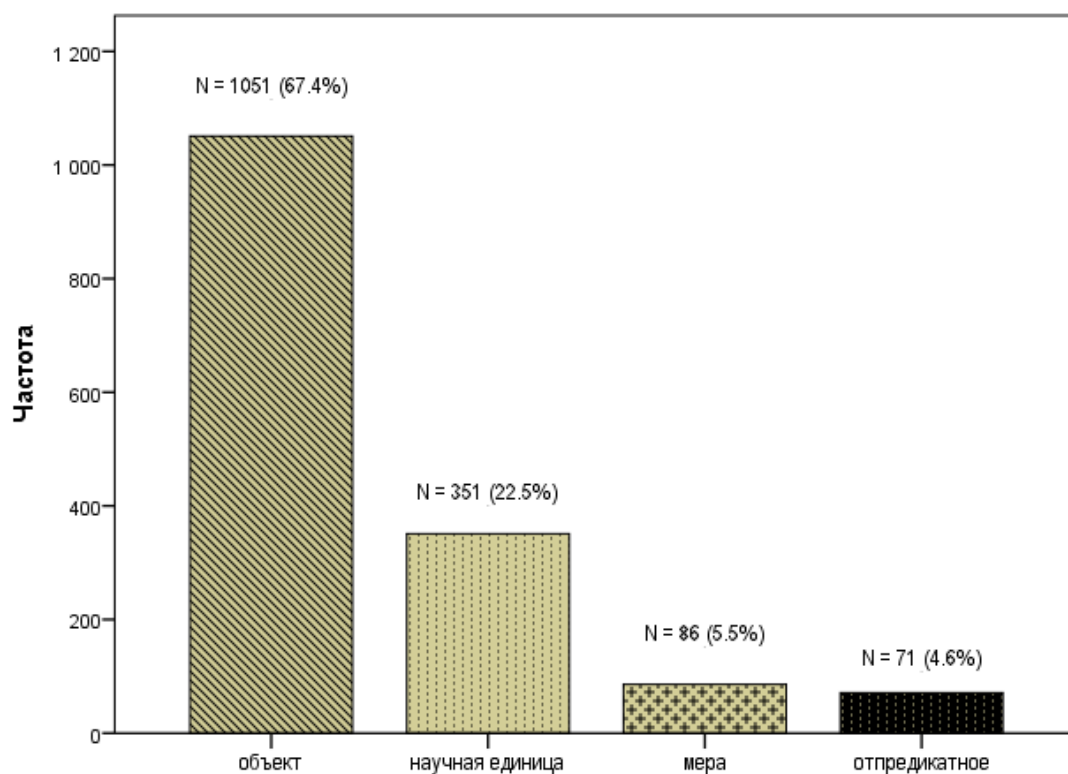

Диаграмма 13. *Длина X-а*. Распределение параметрических значений *длины* в НКРЯ

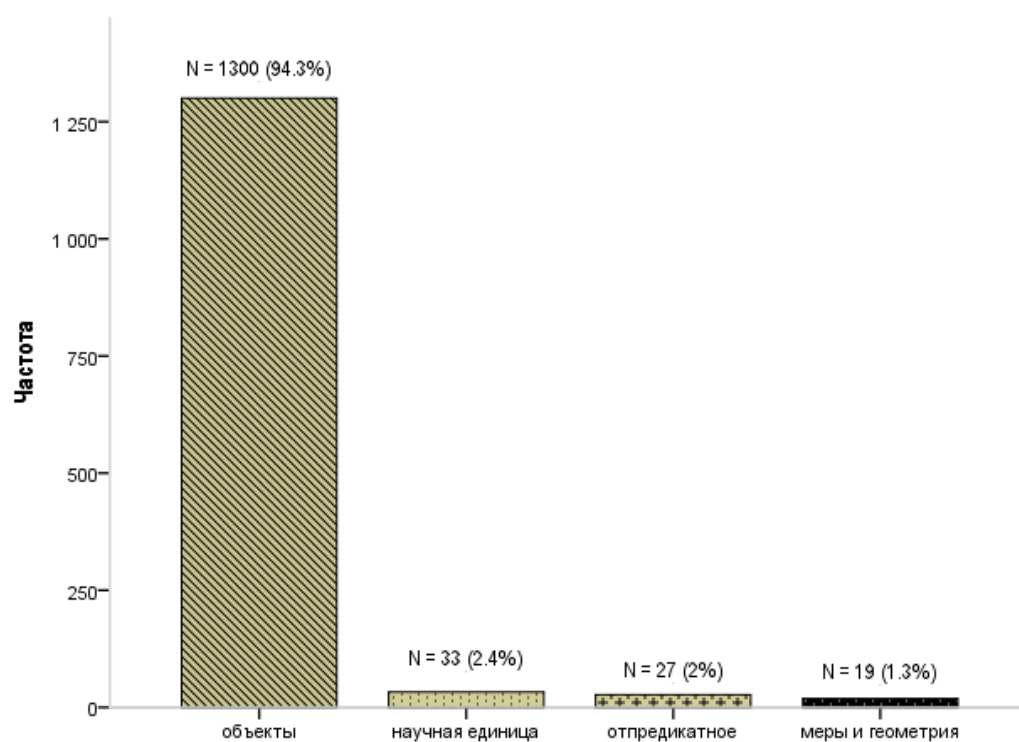

Диаграмма 14. *Ширина X-а*. Распределение параметрических значений *ширины* в НКРЯ

Легко убедиться, что из четырех представленных групп *длина* и *ширина* прототипически приписываются объектам, причем *ширина* обнаруживает по сравнению с *длиной* большее количество описаний объектов: в случае *длины* $N = 1051$ или 67.4 % (см. Диаграмму 13), в то время как в случае *ширины* $N = 1300$ или 94.3 % (см. Диаграмму 14).

Далее следуют научные единицы, и именно в этом типе употреблений особенно заметны расхождения между *длиной*, терминологические образования с которой составляют 22.5 % ($N = 351$) от общего числа употреблений ($N = 1608$), и *шириной*, число терминов с которой относительно невелико ($N = 33$ или 2.4 %) из общего числа ($N = 1419$).

Меры и отпредикатные реализации также представлены в обоих случаях, однако меры *длины* в интересующем нас типе конструкций представлены незначительно чаще ($N = 86$ или 5.5 %), чем меры *ширины* ($N = 19$ или 1.3 %). Важно добавить, что практически все меры *ширины*, зафиксированные в нашей выборке, относятся к так называемым антропоцентрическим мерам, т.е. таким обозначениям *ширины*, в которых своеобразным эталоном измерения выступают части тела человека (ср. *стать на ширину двух плеч*, *обрезать стебли на ширину ладони от земли*, *приоткрытые на ширину мизинца губы* и мн. др.).

Группа отпредикатных обозначений будет маргинальной как для *длины*, так и для *ширины*, однако процессы и действия легче поддаются параметризации по *длине* ($N = 71$ или 4.6 %), в то время как *ширина* встречается в этом типе употреблений всего в 2 % всех вхождений ($N = 27$). Ср.: *длина разбега*, *длина прыжка*, *длина раскроя*; *ширина размыва берегов*, *ширина прокоса*, *ширина пролета*, *ширина прорыва*, *ширина реза*.

Как показывает тест статистической значимости, вероятность случайного распределения долей значений в обоих случаях весьма мала, ср. показатели теста хи-квадрат для *длины* ($\chi^2 = 1623.14$, $df = 3$, $p < .001$) и для *ширины* ($\chi^2 = 3529.42$, $df = 3$, $p < .001$). Поскольку с лингвистической точки зрения наибольший для нас интерес будет представлять *длина* в описании объектов, то подробнее будет рассмотрен именно этот тип употреблений.

Метафорические сдвиги – весьма редкое явление на базе параметров *длина* и *ширина*, на долю которых приходится не более 3 % как в том, так и в другом случае (ср. выше Диаграммы 11 и 12).

Метафорическая *длина* встречается прежде всего в переносах по схеме 'пространство' → 'время' ($N = 49$), когда размер как физическое свойство объекта меняет

область своего распространения и тогда измерение производится уже не по размерной, а по временной шкале, ср. такие описания продолжительности и длительности разных отрезков времени, как *длина года, длина дня, длина ночи, длина интервала, длина паузы* и мн. др. (подробнее об этом типе метафоры см. 5.5).

Метафорическая *ширина* встречается в 43 генитивных конструкциях, причем основная часть документов относится к концу XIX – началу XX века, т.е. к тому времени, когда было возможно употребление *ширины* не в первичном, физическом, значении, а в значении *широта*, закрепленном в современном русском языке за областью метафорических расстояний, ср. *широта воззрений, широта интересов, широта кругозора* (подробнее о противопоставлении *ширины* и *широты* см. в 5.6). Ср., в частности, пример из Н.С. Лескова:

- (102) Вслед за сим непременно можно было предвидеть близкие разорения: так оно и пошло, обеднявшие дворяне шли в приказные; состоятельные приказные опять поднимались в дворяне: богатые сыновья прасолов и откупщиков ездили куролесить в Грузию, где дебоширили во всю *ширину русской натуры* и вывозили себе оттуда ассессорство, дававшее право на дворянство. [Н. С. Лесков. Захудалый род (1874)]

Следующие показатели частотности *длины* и *ширины* относятся к степени равномерности представления этих параметров в разных сегментах НКРЯ. Несмотря на то, что по средней частоте на один миллион словоупотреблений (ipm) *длина* почти в два с половиной раза опережает *ширину* (см. выше Таблицу 16 в 3.12.), из этого не следует, что *длина* более широко представлена в НКРЯ. Наоборот, исходя из коэффициента А. Жуйана, можно сделать вывод о том, что *ширина* – типична для большего количества сегментов корпуса, ср. коэффициенты Жуйана для *длины* и *ширины*: $D = 76$ vs. $D = 84$.

Анализ распределения *длины* и *ширины* по письменным сегментам НКРЯ в рамках нашего подкорпуса свидетельствует о том, что для обоих линейных параметров отмечается их типичность прежде всего для нехудожественной литературы; средний сегмент занимают публицистические тексты, на неоднозначность категоризации которых уже указывалось выше, и наиболее маргинальным сегментом для этих двух параметров будет художественная литература, что, на наш взгляд, коррелирует с типично физической, а не метафорической природой этих двух обозначений размера (ср. Таблицу

27). Тест хи-квадрат в обоих случаях свидетельствует в пользу статистической значимости распределения, ср. показатели теста для *длины* ($\chi^2 = 683.70$, $df = 2$, $p < .001$) и *ширины* ($\chi^2 = 198.30$, $df = 2$, $p < .001$) соответственно.

	длина	ширина
<i>нехудожественная</i>	968 (60.2 %)	680 (47.9 %)
<i>публицистика</i>	528 (32.8 %)	491 (34.6 %)
<i>художественная</i>	112 (7 %)	248 (17.5 %)
<i>Всего</i>	1608 (100 %)	1419 (100 %)

Таблица 27. *Длина X-а vs. ширина X-а: распределение по письменным сегментам в НКРЯ*

Более детальное сопоставление отмечаемых реализаций *длины* и *ширины* в искомых конструкциях по типу текстов на этот раз отвечает положению о том, что существует взаимосвязь между распределением линейных параметров в различных типах текстов. Ряд тенденций прослеживается на материале выборки по НКРЯ, ср. Таблицу 28.

		Функциональный стиль									Всего
		художественная	учебно-научная	производственно-техническая	публицистика	церковно-богословская	официально-деловая	реклама	электронная коммуникация	бытовая	
длина X-а	физическая	108	814	77	505	2	4	23	20	6	1559
	метафорическая	4	20	0	23	0	0	0	2	0	49
		112	834	77	528	2	4	23	22	6	1608
ширина X-а	физическая	238	455	120	475	2	51	17	2	16	1376
	метафорическая	10	9	6	16	1	0	0	0	1	43
		248	464	126	491	3	51	17	2	17	1419

Таблица 28. *Длина X-а vs. ширина X-а: распределение по функциональным стилям в НКРЯ*

Если для *длины* самым частотным ареалом распространения является тип учебно-научных текстов ($N = 814$ или 50.6 %), то для *ширины* этот тип текстов – второй ареал по

частоте употреблений ((N = 455 или 32 %). Как и в случае двух предыдущих параметров, публицистика выступает в роли «общего котла» употреблений, который притягивает как чисто параметрические, так и метафорические реализации параметров. Как видим, художественная литература представляет, скорее, более редкий контекст для физических значений *длины* (N = 108 или 6.4 %) и более частотный – для тех же значений *ширины* (N = 238 или 16.7 %), что, в принципе, может объясняться ранними семантическими расширениями, для которых характерно употребление *ширины* в значении *широты* (ср. НКРЯ: *ширина размаха, ширина духа, ширина ума*).

Итак, сопоставив данные корпуса с разными группами и контекстами употреблений двух невертикальных линейных размеров – *длины* и *ширины*, – попытаемся в последующих разделах дать подробный разбор возможных кандидатов на обладание этими параметрами, а также проследить сближения и расхождения в категоризации носителей признаков.

5.4. Параметр и прототип

Принятая в предыдущих двух главах категоризация объектов по принципу таких классификационных категорий, как ТИП объекта, ФИЗИКА объекта и ПРАГМАСЕМАНТИКА объекта, будет также лежать в основе предлагаемого описания.

5.4.1. Тип X-а: попытка классификации: таксономический класс, топологический тип и функция

Длинные и *широкие* объекты имеют в указанных выше работах (см. раздел 5.1.) две традиции описания: с одной стороны, за отправную точку категоризации объектов выбирается их **топологический тип** (Рахилина 2000, 2010₂; Махова, Ляшевская, Десятова 2009); с другой стороны, именно в случае *длины* и *ширины* основное внимание получает **форма** (Vogel 2004) и **функция** измеряемых объектов (Vandeloise 1988, Vogel 2004). Напомним коротко, какие типы объектов выделяются в данных подходах.

В категоризации обозначений размера по топологическим типам, предлагаемой в (2000, 2010₂), объекты, которые характеризуются как *длинные*, подразделяются на два класса – вытянутые предметы «жесткой» конфигурации (*доска, гвоздь, ноги*) и гибкие

веревкообразные предметы (*волос, хвост, корни*) (см. также выше 5.1.). Как видим, эта классификация охватывает прежде всего предметные носители признака *длина* и не покрывает, например, такие пространственные обозначения, как *улица, дорога* или *канава*, которые тоже могут измеряться по *длине*.

В то же время в экстенционал *широких* объектов, помимо поверхностей (*стол, доска*) и отверстий (*щель, нора*), войдут также такие пространства, как *степь* или *поле*, которые в современном русском языке покрываются, как правило, *широтой* и реже *шириной*¹⁶⁷ (Рахилина 2000: 126, 2010₂: 127). При этом *ширина* используется для более точного указания на протяженность пространства (ср. *ширина степи достигает 450 км*), а *широта* подчеркивает его «бесконечность», ср. (103):

(103) Заморский гость, навеки отравленный *широтой* ее *степей*, дыханием болот, молчанием снегов. [И.Г. Эренбург. Портреты современных поэтов (1922)]

Как уже упоминалось в 5.1., сторонники функционального подхода и, в частности К. Ванделуаз, совмещают топологический тип объекта и его форму с функцией (Vandeloise 1988). Так, например, проводится параллель между линейными объектами жесткого (*кочерга*) и веревкообразного (*нить*) типа и *объектами-путями* (PATHS) (там же), которые в нашей работе будут обозначаться *проводниками* в соответствии с их главной функцией – способствовать перемещению других объектов. В свою очередь *объекты-проводники*¹⁶⁸ могут быть двухмерными и трехмерными, что также коррелирует с различиями в их основных функциях: согласно К. Ванделуазу, двухмерные объекты *тропинки, дорожки, трассы* – это объекты, по которым проходят человек, животное, транспорт и проч., в то время как трехмерные *трубы, тоннели, провода* будут объектами, через которые проходят, например, *вода, машины, ток* и т.д (там же).

В нашей работе мы попытаемся учесть положения, касающиеся топологического типа, формы и функции объектов, однако, как и в предыдущих главах, нас будет прежде всего интересовать таксономическая классификация возможных носителей *длины* и

¹⁶⁷ По данным НКРЯ, все примеры возможной сочетаемости *ширины* с «бесконечными» пространствами датируются XIX веком, ср.: «Долго царила она [нечистая сила] там, но крест и там преследовал ее и заставил искать недоброго места в глубине лесов и в *ширине степей Руси*» [А.Ф. Вельтман. Светославич, вражий питомец Диво времен Красного Солнца Владимира (1837)].

¹⁶⁸ В работе (Vogel 2004: 324) данный вид противопоставления иллюстрируется парой 'неполые объекты-пути' (*улица, дорога*) (PATHS) vs. 'полые объекты-пассажи' (PASSAGES) (*шланг, туннель*).

ширины. Далее, на основе прототипической выделенности тех или иных таксономических классов мы попытаемся сделать обобщения относительно прототипической функции параметров. Таким образом, в отличие от предыдущих работ, предлагаемая нами категоризация объектов выстраивается на совмещении функции в большей степени с таксономией и в меньшей степени с топологическим типом (Vandeloise 1988) или формой объектов (Vogel 2004).

Кроме того, помимо главного вопроса – можно ли выделить прототипический таксономический класс объектов, измеряемых по *длине* / *ширине*, – нас будет также интересовать то, какое отражение этот вид когнитивной выделенности будет находить в конструкциях с *длиной* / *шириной* и можно ли выделить для данных линейных размеров базовый тип конструкции.

Параллельно будут ставиться такие вопросы, как потенциальная релевантность для *длины* и *ширины* мереологического компонента, а также наследуемость этих признаков при переходе от 'части' к 'целому' и наоборот. Эти вопросы будут рассматриваться попутно внутри ряда центральных таксономических классов объектов (5.4.1.1.1. – 5.4.1.1.4.).

5.4.1.1. Предметный X

За основу в предлагаемой ниже таксономической организации X-ов – объектов, которые претендуют на обладание параметрического признака, – была взята семантическая разметка НКРЯ с включением мереологической составляющей. В ряде случаев ярлыки семантической разметки были заменены в целях нашей работы более точными указаниями на категории объектов. В частности, принятый в НКРЯ семантический ярлык 'пространство и место' был заменен на обозначение 'топографические объекты', в нашей категоризации включающие не только естественные элементы ландшафта (*река, ручей, ущелье*), но и те топографические объекты, которые представляют собой плод деятельности человека (*улица, дорога, канал*). Ср. Таблицы 29 и 30.

Как показывают результаты сопоставления таксономических классов объектов, характеризующихся по *длине* и *ширине*, набор типичных классов объектов, занимающих первые позиции, будет одинаков как для *длины*, так и для *ширины*, с той лишь разницей, что порядок следования объектных классов будет (за небольшими исключениями) иной.

Во-первых, выясняется, что одной из важных точек соприкосновения *длины* и *ширины* является их довольно высокая сочетаемость с именами топографических объектов и их частей, причем в случае *ширины* – закрепленность за пространственными носителями особенно наглядна (N = 505 или 38.8 %) (Таблица 30). В случае *длины* первенство топографических X-ов также очевидно, несмотря на то, что перевес в сторону обозначений ‘пространства и места’ здесь менее ощутим (N = 169 или 16.1 %) (Таблица 29).

Тип X-а	примеры	частота	%
топографические объекты и их части	<i>улица, проспект, дорога, река, канал</i>	169	16.1
инструменты и части инструментов	<i>верёвка, зонд, лезвие, ключ, жгут</i>	143	13.6
здания, сооружения и их части	<i>мост, барак, стена, дворец, дом, зал</i>	137	13.0
человек и части тела	<i>волос, ступня, тело, ноги, пальцы, руки</i>	119	11.3
одежда, обувь и их части	<i>брюки, юбка, пиджак, рукав, подол</i>	69	6.6
растения и части растений	<i>ветвь, корень, листья, побег, привой</i>	65	6.2
транспорт и части транспорта	<i>поезд, вагон, судно, отсек, лодка</i>	63	6.0
механизмы, приборы и их части	<i>датчик, двигатель, мельница, конвейер</i>	59	5.6
животные и части тела животных	<i>когти, лапы, крылья, рога, хвост, хобот</i>	59	5.6
оружие	<i>автомат, клинок, меч, патрон, пистолет</i>	48	4.6
текст и части текста	<i>слово, предложение, колонка, текст</i>	39	3.7
вещества, материалы и кванты вещества	<i>лава, целлюлоза, пепел, материал</i>	26	2.3
мебель и части мебели	<i>ванна, зеркало, стол, ящик, половик</i>	21	2.0
отверстия	<i>трещина, прокол, щель, отверстие</i>	12	1.1
музыкальные инструменты	<i>струна, гриф, рожок</i>	8	0.8
сосуд	<i>аквариум</i>	5	0.5
еда и напитки	<i>колбаса, продукт</i>	1	0.1
Varia	<i>элемент, предмет</i>	8	1.0
Всего		1051	100

Таблица 29. Тип предметного объекта в генитивной конструкции *длина* X-а по НКРЯ

Следующие два класса прототипических объектов – ‘инструменты’ и ‘здания и сооружения’ – представлены в конструкциях с *длиной* в примерно одинаковой пропорции (N = 143 или 13.6 % vs. N = 137 или 13 %) (Таблица 29). Далее, 11.3 % (N = 119) от всех употреблений составляют сочетания с частями тела человека (подробнее см. ниже 5.4.1.1.4.). Остальные группы сочетаний – ‘одежда и обувь’, ‘растения’, ‘транспорт’ и проч. – по частоте встречаемости в генитивных конструкциях с *длиной* покрывают менее 7 % от

общего числа употреблений и, соответственно, будут относиться к маргинальным для данного параметра реализациям.

В конструкциях с *шириной* за самой выделенной группой топографических объектов следуют 'здания и сооружения' (N = 159 или 12.2 %) (*ширина стены, ширина ворот*), а также имена частей тела (N = 152 или 11.7 %) (*ширина лба, ширина плеч*) (ср. Таблицу 30). Следующими по частоте вхождений в генитивные конструкции с *шириной* будут обозначения 'транспорта' (N = 106 или 8.2 %) (*ширина корабля, ширина судна*) и 'инструментов' (N = 105 или 8.1 %) (*ширина косы, ширина лезвия*). Периферийное положение занимают комбинации с *шириной*, в которых частота встречаемости в нашем подкорпусе не превышает 5 %. Сюда относятся: сочетания с 'отверстиями' (*ширина щели, впадины, трещины*), 'одеждой' (*ширина брюк, ширина пояса*), 'растениями' (*ширина листа, насаждения*), 'механизмами' (*ширина сеялки, лопасти*), 'мебелью' (*ширина буфета, кресла*) и проч. артефактами. Ср. Таблицу 30:

Тип X-а	примеры	частота	%
топографические объекты и их части	<i>дорога, улица, пляж, река, сад, залив, вал</i>	505	38.8
здания, сооружения и их части	<i>арка, дворец, окно, свод, стена, ворота</i>	159	12.2
человек и части тела	<i>лоб, грудь, плечи, нос, рот, скулы, бедра</i>	152	11.7
транспорт и части транспорта	<i>корабль, автомобиль, судно, салазки, танк</i>	106	8.2
инструменты и части инструментов	<i>цепочка, коса, лезвие, лопата, резец, перо</i>	105	8.1
отверстия	<i>щель, впадина, порез, зазор, трещина</i>	61	4.7
одежда, обувь и их части	<i>брюки, платье, пояс, подошва, тесьма</i>	49	3.8
растения и части растений	<i>крона, заросли, лист, насаждение</i>	48	3.7
механизмы, приборы и их части	<i>сеялка, барабан, лопасть, устройство</i>	23	1.8
вещества, материалы и кванты вещества	<i>пласт, стой, плёнка, лист (металла)</i>	21	1.6
животные и части тела животных	<i>крыло, плавник, туша, стернит, тело</i>	20	1.5
мебель и части мебели	<i>буфет, сиденье, кресло, шкаф, ванна</i>	16	1.2
текст и части текста	<i>страница, письмо, строка, столбец</i>	12	0.9
посуда	<i>тарелка, котёл, сосуд</i>	6	0.5
объект искусства	<i>икона, картина, изделие</i>	6	0.5
оружие	<i>пистолет, приклад, рукоятка</i>	5	0.4
музыкальные инструменты и их части	<i>колокол</i>	1	0.1
еда и напитки	<i>арбуз</i>	1	0.1
Varia	<i>строй, штрих</i>	4	0.3
Всего		1300	100

Таблица 30. Тип предметного объекта в генитивной конструкции *ширина* X-а по НКРЯ

Обозначив прототипические и периферийные контексты для реализации объектной *длины* и *ширины*, попытаемся объяснить сочетаемое поведение измеряемых объектов внутри отдельно взятых таксономических классов, а также выяснить, возможно ли их объединение в более крупные блоки на основе таких критериев, как 'функциональность' и 'критичность'.

5.4.1.1.1. Топографические объекты

Как показывает статистика нашего подкорпуса, *длина* и *ширина* – параметры, которые наиболее часто выбираются в описании такого гетерогенного класса, как 'топографические объекты' (ср. первый ранг в Таблицах 29 и 30). Особого упоминания заслуживает также то, что в случае *ширины* класс 'топографических объектов' составляет почти 40 % (N = 505) от общего числа объектных описаний (N = 1300). Выше уже говорилось о том, что к этой группе мы будем относить не только элементы природного ландшафта (*река, бухта, ущелье*), но и природно-антропогенные объекты, т.е. объекты, созданные или видоизменённые человеком (*канал, дорога, улица* и проч.).

Как оказывается, для топографических объектов особенно значимо упоминаемое выше разграничение объектов на линейные и двух- или трехмерные. В данной категории «чисто» линейные объекты – достаточно редкое явление, так как большинство обозначений пространств и мест традиционно обладают еще одним дополнительным измерением и тогда становится возможным указание *ширины* (*длина/ширина улицы, длина/ширина тропинки* и т.д.). К линейным объектам мы будем относить *линии* и *отрезки*, которые входят в этот круг употреблений, как правило, в обозначении частей, относящихся к родовому объекту – их 'целому', ср.: *линия берега, отрезок пути, фронт работ*.

Двух- или трехмерные топографические объекты зачастую концептуализируются в языке по типу линейных (*дорога, улица, тропинка*), так как их форма напоминает линию и их измерение производится вдоль формы – именно это сходство даёт им одинаковое право на обладание как минимум одним единственным возможным параметром – *длиной* – в тех случаях, когда описание по *глубине* или *высоте* затруднено или невозможно. Так, например, даже среди топографических объектов находятся примеры наличия у

нелинейного объекта одного единственного параметра – *длины*, ср. *длина сосульки* (пример из (Lafrenz 1983: 76)).

С точки зрения критерия ‘функциональности’, возможно еще одно разграничение топографических объектов на так называемые *объекты-пути* и *объекты-пассажи*. Как те, так и другие берут на себя функцию своеобразных *проводников* других объектов (см. выше 5.1. и 5.4.1.). Как мы помним, согласно К. Ванделуазу, двумерные объекты – это объекты по которым проходят другие объекты, а трехмерные объекты – это объекты, через которые проходят другие объекты. Соответственно, можно сделать вывод о том, что только те обозначения пространства и места будут измеряться по *длине* и *ширине*, концептуальное осмысление которых содержит представление об образной схеме ПУТИ. Так, например, *горы* не предполагают включенности в их семантическую структуру образной схемы ПУТЬ. Следовательно, можно ожидать, что сочетаемость этого типа объекта с *длиной* и дополняющей её *шириной* будет затруднена, ср. *длина / ширина горы*, однако запрет на сочетаемость снимается, если *длина* будет обозначать, например, линейную часть объекта (*длина горного хребта, длина горной цепи*).

Развивая основное положение концепции К. Ванделуаза о том, что измерение объекта по *длине* и *ширине* всегда сопряжено с идеей потенциального прохождения (potential passing) объектом X определенного отрезка пути, выражаемого его *длиной / шириной*, можно сформулировать еще одно следствие этого наблюдения. Если *длина*, как в случае объектов-путей, так и в случае объектов-проводников, традиционно сопряжена с представлением о потенциальном прохождении вдоль всего отрезка пути, от его начальной до конечной точки, то *ширина* не всегда кодирует прохождение по всему отрезку пути. Представляется, что в случае сочетаемости *ширины* с объектами-проводниками идея потенциального прохождения соотносима только с начальной точкой движения, т.е. *ширина*, в отличие от *длины*, будет сигнализировать потенциальную достаточность расстояния между двумя крайними точками (линиями, телами) для прохождения через него других объектов (*ширина прохода, тротуара, коридора, лестницы, траншеи*).

Таким образом, если для *длины* функциональная составляющая тесно связана с идеей мобильности и потенциального прохождения вдоль всего объекта, выполняющего функцию проводника, – активного или пассивного, – то для *ширины* функциональный компонент подчеркивает необходимость достаточного расстояния между двумя крайними

точками в начальной точке пути, так как в ином случае недостаточная *ширина* будет мешать продвижению вперед.

Из этого следует, что функциональность, в особенности для топографических объектов, в случае *длины* и *ширины* будет важнее критичности, ассоциируемой преимущественно с *высотой*.

Кроме того, роль потенциального прохождения объясняет также, почему указание на *ширину* всегда присутствует в параметрическом описании отверстий (*ширина норы, трещины, зазора*), на долю которых приходится незначительно, но более многочисленный ряд употреблений ($N = 61$ или 4.7 %), чем в случае *длины* ($N = 12$ или 1.1 %). В частности, внутри класса 'топографических объектов' по типу отверстий концептуализируются *ущелья, впадины, рвы, ямы* и всякого рода *дыры* и *ниши* в поверхности земли или любой другой поверхности.

Следующий раздел посвящен второй по частоте группе предметных Х-ов *длины* – инструментам, занимающим в ранге объектов, характеризующихся по *ширине*, лишь пятую позицию (см. выше Таблицы 29 и 30). При этом *инструменты* будут толковаться нами в самом широком понимании как особая группа таксономической категоризации предметных имен, в которой ярлык 'инструменты и приспособления' совпадает с функциональной принадлежностью инструментов к классу артефактов, включающему не только инструменты в узком смысле (*лопата, шило, молоток, ножницы, весло*), но и механизмы и приборы, транспортные средства, оружие, музыкальные инструменты, мебель, посуду, а также одежду и обувь.

5.4.1.1.2. Инструменты

Ярлык *инструменты* имеет в категоризации объектов двоякое применение: во-первых, под 'инструментами' понимается узко-специальный таксономический класс, включающий такие объекты, как *кабель, труба, пила, молоток, катушка* и проч., и, во-вторых, обозначение 'инструменты' – по аналогии с обозначением 'проводники' – отсылает к главному для этих объектов назначению, а именно их функциональной значимости в человеческой жизнедеятельности.

В отличие от, казалось бы, статичных *объектов-проводников*, которые лишь косвенно связаны с идеей движения, способствуя перемещению других объектов,

инструменты остаются неподвижными и, несмотря на это, могут обладать как *длиной*, так и *шириной*. Это значит, что идея потенциального продвижения применима здесь лишь отчасти. Попробуем установить, какие дополнительные факторы будут способствовать многомерности измерений и как эти факторы укладываются в общую систему релевантных характеристик.

С точки зрения топологии¹⁶⁹ инструменты, измеряемые по *длине*, представляют собой весьма гетерогенный класс объектов: они могут быть отнесены к гибким веревкообразным предметам, или **стержням-веревкам** (*длина веревки, длина шнура*), к вытянутым предметам жесткой формы, или **стержням-столбам** (*нож, доска, бревно, лопата*), а также к **дугам** (*длина кольцевой, длина римского Колизея*), **полосам** (*длина пояса, длина ленты, длина полотнища*) и **пластинам** (*длина доски, длина подошвы*). Всем этим топологическим типам присуща *длина*, так как главная предпосылка ее существования у этих типов объектов, – это их вытянутость. Однако, в отличие от вытянутых топографических объектов, вытянутость инструментов имеет другую функциональную значимость. Если в случае объектов-путей и объектов-проводников вытянутость тесно связана с идеей потенциального прохождения других объектов *вдоль* по объекту X или *через* него, то вытянутость инструментов трактуется как потенциальное прохождение самого инструмента относительно другого предмета в процессе его применения, ср. *длина шила, длина ленты, длина нити, длина смычка*¹⁷⁰. В целом эта же идея присутствует в теории потенциального прохождения по К. Ванделуазу (Vandeloise 1988), которая получает в нашей работе дальнейшее развитие, если учесть, что мы разбиваем потенциальное прохождение на активное, или прохождение самого объекта X через объект Y (*лопата, шило, игла, смычок, стрела*), и пассивное прохождение, т.е. прохождение других объектов через объект X (*туннель, дорога, провода, кабель, мост*).

Ширина, в отличие от *длины*, кодирует функционально значимую поверхность предметов, что как нельзя лучше иллюстрируется на примере инструментов. Другими словами, для реализации *ширины* необходимо наличие у объекта поверхности, что, следовательно, ограничивает круг *широких* объектов такими топологическими типами, как **поверхности** (*ширина стола, постели, картины*), **полосы** (*ширина ремня, пояса, ленты*), и **пластины** (*ширина ладони, подошвы*).

¹⁶⁹ Ср., в частности, инвентарь топологических типов в (Десятова и др. 2008) и (Махова и др. 2009).

¹⁷⁰ Эта идея близка концепции К. Ванделуаза, согласно которой движение линейных объектов, обладающих *длиной*, может быть независимым (движение червяка) и зависимым (движение нити), ср. (Vandeloise 1988: 412-413).

Как указывают словарные толкования (см. выше 5.2.), помимо измерения функционально значимой поверхности предметов, *ширина* может отсылать к протяженности чего-либо в поперечнике, причем эта протяженности в поперечнике нередко относится к диаметру таких топологических типов объектов, как **круги и шары**. Так в рамках таксономического класса 'инструменты и приспособления' *ширина* может отсылать к диаметру *шайбы, катушки, рулона, шляпки гвоздя, тарелки, котла* и проч.

Таким образом, доминантность таксономического класса 'инструментов и приспособлений' в указаниях на параметры невертикальной оси измерения коррелирует с особой ролью критерия функциональной значимости для параметров *длина* и *ширина*. При этом, если *длина* подчеркивает функционально значимую протяженность вытянутых объектов, в семантике которых присутствует отсылка на образную схему ПУТЬ, *ширина* указывается, скорее, в тех случаях, когда функционально значимой оказывается сама поверхность инструментов, характеризующихся по *ширине*.

5.4.1.1.3. Здания и сооружения

Таксономический класс 'здания и сооружения' в процентуальном отношении одинаково представлен в ряду объектов, характеризующихся по *длине* (N = 137 или 13 %) и *ширине* (N = 159 или 12.2 %). В итоге указания на *ширину* зданий и сооружений, а также их частей, по частоте употреблений в нашем подкорпусе выводят этот класс объектов в случае *ширины* на второе место после топографических объектов и в случае *длины* – на третье (см. выше Таблицы 29 и 30).

Важное отличие этого класса объектов от предыдущих носителей признака касается именно употреблений *ширины*, в то время как *длина* обнаруживает функции, сходные с функциями описанных таксономических классов – топографических объектов и инструментов. Так, выделяемая нами функция потенциального прохождения теряет свою релевантность в случае 'зданий и сооружений'. И, действительно, на первый план в этих типах употреблений выдвигается такое свойство *широких* объектов, как их **фасадность** (см. выше указание на Рахилина 2000, 2010₂; Wierzbicka 2006b).

Анализ примеров НКРЯ позволяет сформулировать еще одно немаловажное уточнение, касающееся фасадов *широких* объектов: для целого ряда таксономических классов указание на протяженность в поперечнике, как правило, сопряжено с указанием

на фасад как оборонительную часть объектов – как пространственных (*ширина вала, водяного рва, канавы, гравийной полосы безопасности, оборонительной линии*), так и ‘инструментов’ (*ширина проволоки, щита, окантовки, обода*), ‘зданий’ (*ширина ворот, крепости*) и ‘транспорта’ (*ширина броненосца, бампера*). Т.е. функциональность *ширины* в случае целого ряда объектов диктуется соображениями иного толка: протяженность между двумя крайними точками имплицитно отсылает не к представлению о потенциальном прохождении, а к представлению о потенциальном **контакте** или **столкновении**¹⁷¹. Таким образом, для *ширины* мы будем выделять два вида функциональной значимости, по всей видимости, редко допускающие совмещение, – потенциальное прохождение и потенциальный контакт. Так, например, для ‘топографических объектов’ и ‘инструментов’ существенным будет потенциальное прохождение (активное или пассивное), в то время как для ‘зданий и сооружений’ первостепенное значение приобретает потенциальный контакт¹⁷².

Далее, в соответствии с намеченной в предыдущих главах ориентированностью на метеорологический компонент, т.е. схему ‘часть’ – ‘целое’, внутри разных таксономических классов принцип преимущества признака при переходе от ‘части’ к ‘целому’ и наоборот, вопреки предположению, высказанному в 4.5.1.1. («Здания и сооружения» на примере параметра *высота*), будет реализовываться по-разному. В частности, выше, на материале *высоты*, высказывалась точка зрения, согласно которой преимущество параметров наблюдается только в случае параметров вертикальной оси (*высота* и *глубина*). Для параметров невертикальной оси подобная преимущество параметрического признака при переходе от ‘части’ к ‘целому’ не усматривается, ср. выше пример Э. Ланга *Длина ступеней соответствует ширине (*длине) лестницы* (см. выше раздел 4.5.1.1.).

Важное исключение из этого правила составляют, на наш взгляд, отношения ‘часть-целое’ на примере таких негоризонтальных параметров, как *длина* и *ширина*. Как показывает наш материал, преимущество *длины* и *ширины* будет зависеть от топологического типа объекта, а также от его ориентированности в пространстве. Если

¹⁷¹ Аналогичную трактовку потенциального контакта (potential encounter) можно найти в (Vandeloise 1988, 1991) на примере анализа употреблений французских предлогов *avant/après*.

¹⁷² Безусловно, можно представить себе ситуацию, в которой наблюдалось бы совмещение разных видов функциональности. Например, *ширина* многих инструментов (*бритва, коса, пила, сенокосилка, снегозаборник*) предполагает совмещение представлений о некоем потенциальном пути и потенциальном контакте с препятствием, в роли которого может выступать *щетина, трава, дерево* или *снег*.

для 'части' и 'целого' наблюдается совпадение ориентированности по вертикали или горизонтали, то вероятность перехода параметра от 'части' к 'целому' и наоборот будет высокой. Так, например, *длина шва* создается чередованием *стежков*, *длина поезда* складывается из *длины вагонов*, а *длина отрезка*, как мы знаем, равна сумме *длин* частей.

Ширина обнаруживает сходную преемственность частями физического признака целого, однако *ширина*, как можно наблюдать, намного реже используется в описании частей объектов, отдавая предпочтение 'целому'. В то же время *ширина* целого, как мы помним из примера Э. Ланга, может складываться из *длин* составляющих его частей, но только с одним небольшим уточнением: как в случае *ступенек лестничного марша*, так и в случае других предметов, пространственная ориентированность частей которых не совпадает с вертикальной или горизонтальной ориентированностью целого, переход от 'части' к 'целому' и наоборот в таких случаях приводит к обязательной смене параметра. Обратный случай представляет *длина театрального ряда*, которая может складываться из *ширины кресел*, хотя здесь мы уже имеем дело с другим типом объектов, структура которых складывается из цепочечного ряда отдельно стоящих объектов, что также может иметь следствия для выбора параметрической номинации части и целого.

Обратимся теперь к другому типу частей – частям тела человека.

5.4.1.1.4. Части тела

Группа объектов ряда 'человек и части тела человека', как оказалось, заслуживает отдельного рассмотрения. Выше, на примере *глубины* (3.6.1.3.) мы смогли убедиться, что части тела представляют особые случаи концептуализаций; нередко категоризация частей тела по топологическим типам осложняется тем, что некоторые имена частей тела принадлежат сразу нескольким топологическим типам (*нос* как выступ, стержень и контур (Махова и др. 2009) или допускают двойную категоризацию¹⁷³ (*широкий лоб* vs. *высокий лоб*). Неоднозначность категоризации по топологическим типам сказывается на том, что имена частей тела могут считаться с разными обозначениями размера и формы.

Из работ, посвященных сочетаемости частей тела с пространственными прилагательными в разных языках (Linde-Usiekniewicz 2000c), включая русский (Rachilina

¹⁷³ О частях тела с точки зрения топологии см. Десятова и др. (2008); Махова и др. (2009).

1997), следует, что *длинный* и *широкий* предпочитают сочетаемость с теми именами частей тела, которые с точки зрения топологии максимально приближаются к форме прототипов *длинных* и *широких* объектов.

Напомним, что *длинный* выбирает, скорее, вытянутые части тела жесткой конфигурации, или **стержни-столбы** (*длинные ноги, длинный нос*), и части тела, уподобляющиеся гибким, веревкообразным предметам, т.е. **стержням-веревкам** (*длинные волосы, длинная шея*). Следует добавить, что *длинный* может характеризовать имена частей тела, по своей форме напоминающие **дуги** (*длинные ресницы*), а также **пластины** (*длинная стопа, длинные ногти*).

Широкий, напротив, описывает части тела, выступающие в роли **поверхностей** (*широкая спина, широкий лоб*) или **отверстий** (*широкая пасть, широкий рот*). При этом важно указать, что одна из возможных импликаций *широких* поверхностей, – это указание на опорную функцию частей тела, характеризующихся *шириной* (*широкие плечи, широкая грудь*). По всей видимости, опорная функция *широких* предметов, включая части тела, ассоциируемые также с силой и крепостью¹⁷⁴ (*широкие бедра, широкий таз, широкий торс*), будет универсальна и для ряда предметных Х-ов, в особенности из разряда 'здания и сооружения' (*ширина моста, ширина дамбы, ширина свода, ширина плотины* и мн.др.).

Более того, как уже упоминалось выше, на примере таксономического класса инструментов (5.4.1.1.2.), *широкий* может описывать диаметр объектов, по своей топологической форме приближающихся к **кругам** и **шарам** (*смотреть широкими глазами*). Этот тип употреблений встречается и в ряду с номинальными концептуализациями частей тела (*смотреть во всю ширину глаз; изменение ширины зрачков*).

Тем не менее, номинальные концептуализации размера частей тела в генитивных конструкциях представляют несколько иной случай. Если в семантику параметрического прилагательного заложена шкала признака и, как правило, оно обозначает отклонение от определенной нормы ожидания или ситуативной нормы, то в сочетании с частями тела указания на размер свидетельствуют, скорее, о дисбалансе пропорции (Leisi 1967: 99;

¹⁷⁴ Ср. в этой связи интерпретацию концепта WIDTH в английском языке на примере прилагательных *wide* и *broad*: "Shoulders are *broad* in order to carry weight not only literally but also metaphorically so they must be strong, a *chest* is *broad* as it must be large and strong in order to protect valuable organs such as the heart and the lungs, and the *hips* of a woman are *broad* as they must be wide enough as well as strong in order to carry and give birth to children" (Athanasiadou 2001: 6) (*курсив мой* – А.М.).

Lafrenz 1983: 69). Другими словами, *длинный нос* или *длинные ноги* не содержат отсылки к норме *длины носа* или, скажем, *ног*, а, скорее, указывают на то, что в пропорциональном отношении к другим частям тела лица или туловища эта часть тела воспринимается как *длинная*. В то же время, наш анализ генитивных описаний *длины* и *ширины* показал, что параметрическое существительное не маркирует отклонение от нормы или пропорции, т.е. сочетания *длина ступни* или *ширина лба* еще не предполагают, что *ступня* будет *длинной* по отношению к другим частям ноги, а *лоб* *широким* для лица.

Таким образом, в описании частей тела при сопоставлении размерного прилагательного с размерным существительным, с одной стороны, наблюдается аналогия образования номинальных обозначений размера, тождественных адъективным обозначениям параметров (*длинные ресницы* ↔ *длина ресниц*; *длинные ноги* ↔ *длина ног*). С другой стороны, совершенно очевидно, что мы не измеряем специально *длину носа* или *ширину рта*, несмотря на то, что *нос* с точки зрения языка может быть *длинным*, а *рот* – *широким*.

Предметный X: резюме

Итак, в своем подходе к описанию языковых единиц, обладающих *длиной* и *шириной*, мы попытались совместить таксономию, топологию и функциональность. Как мы смогли убедиться, *длина* и *ширина* охватывают самый широкий перечень объектов, как с точки зрения таксономической категоризации, так и с точки зрения топологического типа. Кроме того, наблюдается четкая корреляция между некоторыми таксономическими классами объектов и их функциональной характеристикой. В частности, удалось установить выделенность для параметров *длина* и *ширина* такого таксономического класса, как топографические объекты, к одним из главных прагмасемантических эффектов которых можно отнести действие критерия функциональности.

Критерий функциональности значим практически для всех типов объектов, измеряющихся по *длине* и *ширине*, однако в зависимости от параметра мы будем иметь дело с разными видами функциональности. С этой точки зрения целесообразным представляется выделять четыре функциональных класса объектов: проводники, инструменты, контейнеры и опоры, которым соответствуют объекты разных

топологических типов и разных таксономических классов. При этом один и тот же объект может принадлежать сразу двум функциональным классам. Например, *ладонь* можно отнести как к контейнеру, так и к инструменту измерения, а *плечи*, помимо основной для них функции опоры, опять-таки могут выступать как эталон измерения (*стать на ширину плеч*).

В случае *длины* включается представление о потенциальном прохождении чужеродного объекта (траектора) через объект X (ориентир) или вдоль него. В случае же *ширины* на первый план выходит такая интерпретация *широких* X-ов, при которой фасадность рассматривается в связи с представлением о потенциальном контакте или столкновении объекта X с еще одним участником ситуации. И тогда, *ширина* (*косы, снегозабора, водолома, плотины, рва*) будет реализовываться в функции защиты фасада или преодоления потенциальной или реальной помехи, в качестве которой могут выступать *трава, снег, вода* и проч. барьеры.

Включение мереологического компонента в анализ предметных X-в *длины* и *ширины* показывает важное расхождение между параметрами вертикальной оси измерения (*высота* vs. *глубина*) и параметрами невертикальной оси (*длина* vs. *ширина*). Если для параметров, ориентированных по вертикали, наблюдается преемственность признака при переходе от 'части' к 'целому' и наоборот, то для невертикальной *длины* и *ширины* нельзя сформулировать общего алгоритма преемственности признака. *Длина* объекта X может складываться из суммы *длин* его частей и наоборот, однако подобное наследование параметра требует одинаковой ориентированности дочерних и родовых объектов в пространстве и симметрии ингерентных пропорций; в довершение, оно также привязано к топологическому типу и форме X-а и его частей, которые в идеале должны совпадать. *Ширина*, в отличие от *длины*, скорее, целостный параметр, чем частный, однако и здесь правила перехода будут зависеть от ряда упомянутых факторов (ориентированность в пространстве, топологический тип, пропорция, форма).

5.5. Метафоры *длины*: пространство → время

Корпусный портрет *длины* включает не только базовое, прототипическое значение предметной протяженности, при которой две крайние точки объекта X лежат на наибольшем расстоянии друг от друга, но и метафорическое значение протяженности во

времени. Из 1608 употреблений *длины* в нашей выборке, 49 или всего 3 % приходится на метафорические контексты. Как, в частности, уже указывала Р. Гжегорczykowa на примере польских прилагательных *długi* и *krótki* (Grzegorzczukowa 2003: 243), в основе семантического переноса по схеме 'пространство' → 'время' лежит представление о линейности времени, а также о том, что время легко поддается делению на отрезки или промежутки времени.

Помимо обозначений отрезков времени (*длина года, дня, ночи, интервала, паузы, перемены, антракта* и проч.), *длина*, вслед за прилагательным *длинный*, может обозначать процессы, действия и состояния, длящиеся определенный промежуток времени (*длина мероприятия, беседы, реформы, проповеди*). Важным представляется здесь, на наш взгляд, то, что временная *длина*, как и *длина* предметная, охватывает некий обозримый промежуток времени – свойство, заимствованное ею, по всей видимости, у *длины* физической, которая, как уже не раз отмечалось, полностью находится перед глазами наблюдателя, т.е. две крайние точки объекта должны находиться в пределах видимости (ср. также Рахилина 2000, 2010₂).

Ряд метафорических употреблений *длины* допускает двоякую интерпретацию. Так, *длина книги, фильма, ролика, письма или фразы* может трактоваться как длительность *прочтения книги, просмотра фильма или ролика, зачитывания письма или произнесения фразы*. Тем не менее, здесь не исключается и интерпретация по пространственной модели, когда *длина* содержит намёк на пространственную составляющую *длины* X-а, занимающего много места, будь то *бумага, киноплёнка или печатный лист*¹⁷⁵.

В области семантических расширений *длина* обнаруживает наибольшее сближение с *долготой*, обозначающей, помимо географической координаты (*восточные, западные долготы*) и фонетического свойства звука (*долгота гласной*), также продолжительность и длительность отрезков времени (*долгота дня, срока, пауз, пережитых лет*), впрочем все временные значения *долготы* в НКРЯ (N = 90) относятся к XVIII-XIX вв. и реже к началу XX в., ср.:

¹⁷⁵ Ср. подобное наблюдение в (Grzegorzczukowa 2003: 243) относительно интерпретации польских выражений *długa powieść, długie przedstawienie* и ряда др.

- (104) Такая необыкновенная *долгота царствования* не будет казаться удивительной, если только примется в рассуждение то, что тогда государи выбирались крепкого, сильного и дебелого сложения [...] [С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции (1768)]

Еще одно семантическое сближение *длины* и *долготы* в обозначении промежутков времени возникает за счёт способности *долготы* обозначать размер, однако, как показывает НКРЯ, это значение равным образом будет тяготеть к периферии, в особенности, если учесть, что все искомые контексты относятся также к XVIII-XIX вв., ср.:

- (105) Будда, стоя или лежа, занимает всю *высоту* или всю *долготу* храма. [А. Д. Салтыков. Письма из Индии (1841)]
- (106) Реки, и во-первых, Нева, которая есть наиглавнейшая; начало своего течения производит из Озера Ладожского и впадает в Море Варяжское разными устьями; разстояние *долготы* сея реки на шестьдесят верст. [А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)]

Как видим, границы семантической сферы действия *длины* и *долготы*, по крайней мере до начала XX в., еще были достаточно размытыми: *долгота* могла употребляться как в размерном, так и во временном смысле – значения, утраченные ею сегодня.

5.6. Метафоры *ширины*: сближения с *широтой*

Анализ распределений прямых и переносных значений *ширины* говорит в пользу того, что, в отличие от параметрического прилагательного *широкий*, которое является базой для целого ряда семантических расширений, метафорические сдвиги на основе *ширины*, – весьма редкое явление. Как мы помним из Диаграммы 12 (раздел 5.3.), на долю метафорических значений *ширины* приходится всего 3 % (N = 43) от общего числа употреблений (N = 1419). Эта асимметрия главным образом объясняется тем, что в русском языке существует специальное слово *широта*, которое покрывает все семантические сдвиги *ширины* с развитием абстрактного пространственного значения (*широта кругозора*, *широта взглядов*, *широта души*). Однако такого четкого

разграничения семантических сфер действия этих двух лексем язык не маркирует; в особенности примеры конца XIX – начала XX вв. свидетельствуют, скорее, о том, что *ширина* и *широта* обнаруживали максимальную приближенность значений. Именно поэтому зафиксированные 3 % реализаций *ширины* в метафорах приходятся на устаревшие употребления, когда *ширина* свободно могла употребляться в значении современной *широты*, сочетаясь с абстрактными понятиями (*ширина взглядов, души, духа, русского характера, русской жизни, русской натуры*), а *широта* могла иметь предметное пространственное значение, как в (107):

(107) Несмотря на *широту тротуаров*, мы с трудом могли двигаться, так как со всех сторон нас теснили прохожие. [С.В. Ковалевская. Нигилистка (1884)]

Заметим, что употребления *широты* в значении физической протяженности пространственного объекта, как правило, сопровождаются, дополнительной семантикой простора, достаточного количества места, как в приведенном выше *широта тротуаров*. Здесь *широта* описывает пространство, заключенное в еще обозримые границы. В то же время представление о просторе и наличии пространства может иметь попутный семантический эффект отсутствия ограничений, безграничности, необозримости краев и границ, ср. (108) – (109):

(108) Характер русский – не из бездорожий. Из *широты освоенных полей*. Из горизонта. [Михайловское – мир волшебный (2004) // «Театральная жизнь», 2004.06.28]

(109) Смотришь на медленные, неуверенные изменения горного берега, на неизменную *широту лугов*, на зеленые хороводы леса [...] — смотришь и думаешь, что не может быть на земле столь просто и ласково красивых мест, каковы эти вот — тихие берега реки. [Максим Горький. На пароходе (1913)]

Итак, рассмотрев основные случаи сближений значений *ширины* и *широты*, можно констатировать разные типы семантических переходов: во-первых, размер физического объекта переносится на сферу обозначения *широкого* пространства в интеллектуальной области (*ширина круга* → *широта кругозора*); во-вторых пространственная *ширина* может метафорически отсылать к характеристикам нефизических свойств человека,

ассоциируемых с раздольем, открытостью, тягой к крайностям¹⁷⁶ (*ширина характера, ширина натуры, ширина русской души*), впрочем, в таком случае в современном русском языке требуется замена слова *ширина* на *широта*.

5.7. В необъятную ширь vs. в неведомую даль

А.Д. Шмелёв, анализируя пространственную составляющую «русской души», обращает также внимание на то, что в русском языке слова *даль* и *ширь* содержат представление о зрительном восприятии пространства. При этом указывается на существенные семантические расхождения внутри данной пары слов. Ср. (Шмелёв 2002а: 77; Шмелёв 2002б: 349):

Даль скорее одномерна (а для указания на разные направления используется множественное число *дали*), тогда как *ширь*, подобно *простору*, простирается во все стороны (поэтому множественное число этого слова неупотребительно). *Даль* – слово скорее лирическое, созерцательно-мечтательное – ср. *Были дали голубы, / Было вымысла в избытке* (Окуджава); *ширь* исполнена энергии и воспринимается эпически – ср. *Какой во всем простор гигантский! / Какая ширь! Какой размах!* (Пастернак)

Отвлекаясь от лирической и эпической интерпретации *дали* и *шири*, добавим, что в случае *дали* на первый план выходит идея зрительного представления безграничного пространства, а сама идея отсутствия границ у пространства, маркируемого *далью*, сопряжена с представлением об отсутствии конца, края. По всей видимости, это основное свойство *дали*, разнящее её с *длиной*, предпочитающей точное числовое измерение и видимость концов, краёв пространства.

Данные НКРЯ показывают, что пик частотности *дали* по основному корпусу приходится на 1820-е гг., и по корпусу текстов этого периода частота на миллион словоформ, например, на 1840 г., составила более 35¹⁷⁷, ср. График 3.

¹⁷⁶ Подробнее о *широте русской души* и *широте национального характера* см. в (Шмелёв 2002а, Шмелёв 2002б; Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2005).

¹⁷⁷ Тем не менее, эти цифры не вполне объективно отражают реальное изменение словоупотребления, так как они, как выясняется, базируются на омонимии форм *даль* – *Даль* и снабжаются в ЧСРЯ специальной пометой (*).

График 3. *Даль*. Изменение частоты на один миллион словоупотреблений (НКРЯ: 1800-2010 гг.)

Наибольшее число вхождений со словоформой *ширь* приходится на 1920-е гг. (ср. График 4), когда наибольшая частота на миллион словоформ составила более 5; для сравнения, по данным ЧСРЯ, среднее на миллион словоформ в случае *шири* равняется 1.6.

График 4. *Ширь*. Изменение частоты на один миллион словоупотреблений (НКРЯ: 1800-2010 гг.)

Таким образом, пик употреблений как для *дали*, так и для *шири* датируется началом XIX-го в.

Что касается конструкционного оформления, как *даль*, так и *ширь* могут участвовать в генитивных конструкциях, как с предметными, так и с непредметными именами (*даль залива, даль огней, даль лет* vs. *ширь помещения, ширь пруда, ширь жизни*), однако отношения между референтами именной группы, оформляемой генитивом, не сводятся здесь только к признаковым отношениям, оставляя зазор для

целого ряда возможных интерпретаций (пространственное (*даль огней*), временное значение (*даль жизни*) и проч.)

В ситуациях, когда с предметным или непредметным X-ом одинаково возможна как *даль*, так и *ширь* (*даль будущего* vs. *ширь будущего*), внутри этой пары выявляется несколько семантических различий: *даль* проецирует зрительный образ будущего, развернутого в горизонтальной оси, параллельной направлению движения говорящего вперёд, – будь то продвижение, ориентированное во времени или в пространстве, – в то время как *ширь* предполагает не только необъятность измеряемого, но и отсутствие целенаправленного взгляда или движения (ср. *необъятная ширь будущего*).

Как уже указывалось выше, форма множественного числа возможна как для слова *даль* (*океанские дали, болотные дали, одному ему ведомые дали* и т.д.), так и для слова *ширь* (*океанские шири, неоглядные шири, необъятные шири*), хотя внутри указанной пары множественные формы будут представлять маргинальные частоты (*шири* N = 80 vs. *дали* N = 19).

Чаще всего *даль* и *ширь* фигурируют в направительных конструкциях с предлогом *в* (*в неведомую даль; в необъятную ширь*), которые содержат отсылку на траекторию перемещения и прохождение некоторого отрезка ПУТИ. Насколько топологическая или образная схема ПУТЬ симптоматична для указанной параметрической пары, будет рассмотрено в следующем разделе на примере базовых конструкций с *длиной* и *шириной*.

5.8. Семантические типы и конструкции: конструкционный профиль *длины* и *ширины*

Анализ на выявление соответствия между разнообразием конструкций, в которых участвуют *длина* и *ширина*, и их семантикой, позволил сделать два важных для нас вывода: во-первых, *длина* и *ширина* обнаруживают полную симметрию конструкций; во-вторых, конструкции, типичные для этой пары параметров, будут коренным образом отличаться от конструкций с участием *глубины* и *высоты*, что, на наш взгляд, является еще одним аргументом в пользу суммарной трактовки параметров невертикальной оси измерения.

Общие семантические предпосылки на обладание *длиной* или *шириной*, как было показано в 5.1., вполне очевидны – это общность образных или топологических схем, а также аналогичный перечень таксономических классов объектов, измеряемых по *длине* и/или *ширине* (см. 5.4.). Прототипичность схемы ПУТЬ для носителей признака *длина* и *ширина* позволяет нам сформулировать одну из «рабочих» гипотез относительно конструкций с участием этих двух параметров. Так, можно предположить, что *длина* и *ширина* будут прежде всего притягивать конструкции направительного типа, которые, вероятно, будут преобладать в конструкционном профиле этой параметрической пары. Для выражения траектории движения русский язык обладает целым арсеналом средств: направительность и перемещение по траектории в нашем случае дополняется пространственной семантикой предлога. Так, например, аккумулятив параметрического имени встречается в синтаксическом оформлении целого ряда пространственных ролей: например, конструкции типа *в длину / в ширину X-а (скатерть во всю длину стола / улыбка во всю ширину лица)* предполагают не только прохождение некоторого отрезка пути, но и распространенность параметрического признака на всём отрезке пути от начальной до конечной точки (именно поэтому этот тип конструкции наиболее близок локализации вдоль ориентира, т.е. пролативу¹⁷⁸ – см. ярлык PROLATIV в Таблице 31).

Еще одно значение, близкое, на наш взгляд, семантической зоне пролатива оформляется дательным падежом и прослеживается в параметрических конструкциях типа *по (всей) длине / ширине X-а*, ср.: *пробки по всей длине Ленинградского шоссе; расставить напитки по всей длине стола; по всей ширине реки лежат балки с торчащими гвоздями*. Как можно заключить из примеров, этот тип значения включает дистрибутивный компонент, предполагающий распределительное отношение, которое может переноситься и на отношения между траектором и ориентиром. Данный тип конструкции с распределительной семантикой в дальнейшем мы будем обозначать дистрибутивом (ярлык DISTRIBUTIV), несмотря на то, что идея дистрибуции в этом виде конструкций не является главным показателем значения; на первый план здесь, скорее, выходит представление о траектории движения вдоль всего участка ориентира, а не дискретность траектора.

¹⁷⁸ О совмещении падежей и локализаций см. Плунгян (2000, 2010); подробный обзор семантики показателей со значением траектории движения (пролатива) предлагается, в частности, в Ганенков (2000).

Кроме того, схема ПУТЬ реализуется и в таких конструкциях размера с *длиной* и *шириной*, которые мы условно назовем *дименсивом* (ярлык DIMENSIV) вслед за Золотова (2001: 203). В этом типе употреблений указание на параметр метонимически выступает в роли не только эталонной единицы измерения (*ноги на ширине плеч*), но и ситуативной, ср. *дверь приоткрылась на длину звякнувшей цепочки*.

Таким образом, схема ПУТЬ является неотъемлемой частью значения *длина* во всех типах конструкций, а в случае *ширины* идея наличия определенной траектории движения наслаивается на такие образные схемы, как КОНТАКТ и БЛОКАДА (Blockage)¹⁷⁹, ср. Таблицу 31.

топологическая схема	конструкция	название	ярлык	примеры
путь	<i>длина / ширина X-а</i>	номинативная	Nominativ	<i>длина улицы</i>
путь		беспредложная		<i>длина тоннеля</i>
контакт				<i>ширина ворот</i>
блокада				<i>ширина рва</i>
контакт & блокада				<i>ширина снегозаборника</i>
путь	<i>в длину / ширину X-а</i>	аккузативная	Prolativ	<i>в(о) (всю) длину улицы</i>
	<i>X pred в длину / ширину</i>	предложная		<i>в(о) (всю) ширину стола</i>
				<i>прыжок в длину</i>
				<i>стебли растут в ширину</i>
путь	<i>на длину / на ширину X-а</i>	аккузативная	Dimensiv	<i>на длину цепочки</i>
		предложная		<i>на ширину плеч</i>
путь	<i>по длине / ширине X-а</i>	дательная	Distributiv	<i>по (всей) длине бордюра</i>
		предложная		<i>по (всей) ширине стола</i>

Таблица 31. Генитивные конструкции с участием параметров *длина* и *ширина*

Приведенные в Таблице 31 четыре типа конструкций с *длиной* и *шириной* – беспредложная номинативная и три вида предложных конструкций (*пролатив*, *дименсив* и *дистрибутив*) – будут отнесены нами к базовым конструкционным оформлением

¹⁷⁹ Полный перечень образных схем представлен в (Johnson 1987: 126).

длины и ширины, в которых реализуются прототипические для описываемой пары параметрических признаков топологические или образные схемы. Обратим также внимание на то, что все варианты конструкционного оформления могут апеллировать сразу к нескольким образным схемам. Например, сам генитив *длина улицы* или *ширина тротуара*, помимо обязательного указания на ПУТЬ, может содержать отсылку на потенциальное прохождение траектором некоторого отрезка ПУТИ *вдоль, по* или *через* ориентир; именно поэтому представляется необходимым включать в рассмотрение и указание на потенциальный КОНТАКТ траектора с ориентиром и различные варианты развития сценария (преграда, блокада, прохождение и др.).

Проверка нашей гипотезы о когнитивной выделенности схемы ПУТЬ для данной пары линейных обозначений размера на материале НКРЯ показала, что сама идея сведения семантики параметра и конструкций с его участием неслучайно заслуживает более пристального рассмотрения, а также то, что имеет смысл рассматривать признаки *длина* и *ширина* в одной паре. Как показывает сопоставление конструкционных профилей *длины* и *ширины*, существует очевидная корреляция между разными типами конструкций с участием этой пары признаков, см. ниже Диаграмму 15.

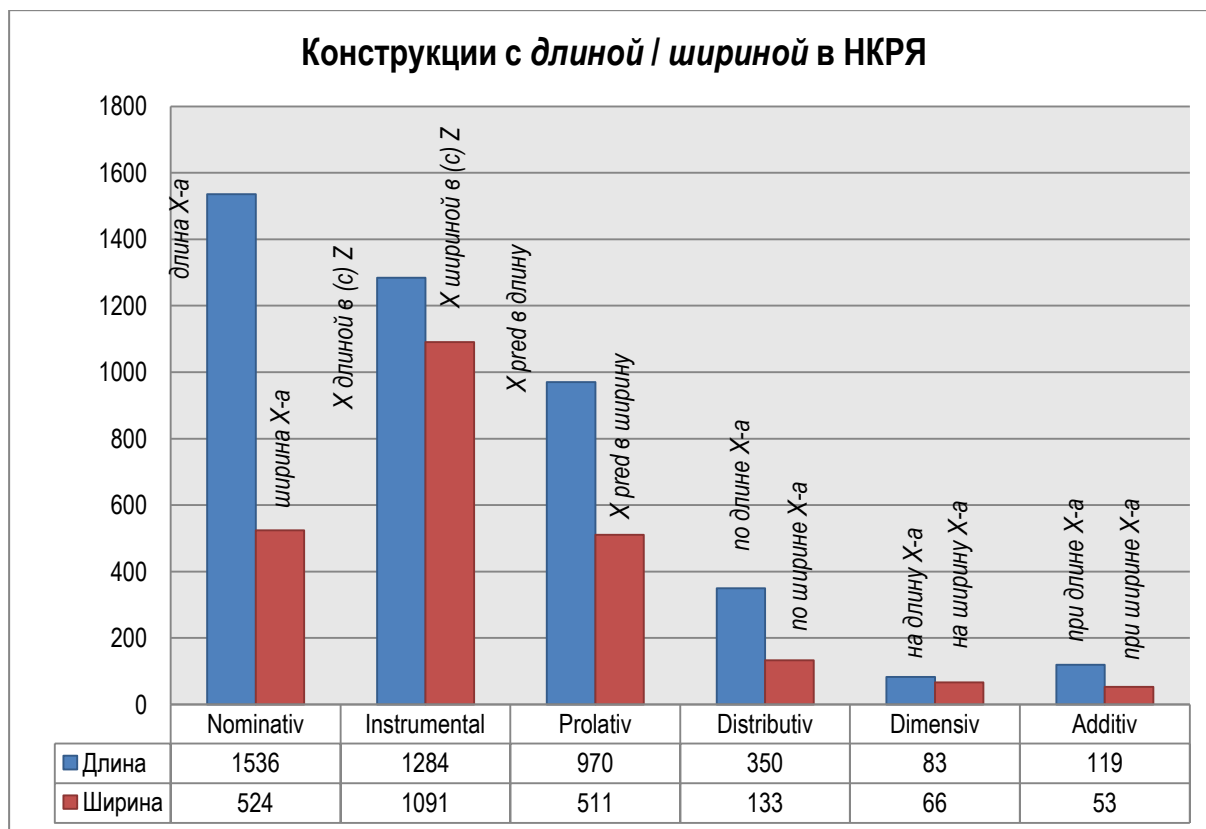

Диаграмма 15. Распределение длины и ширины по конструкциям в НКРЯ

Как видим, наибольшую частотность в НКРЯ обнаруживают в случае *длины* – беспредложные номинативные конструкции типа *длина X-а*, причем *длина* встречается в этом типе описаний в три раза чаще (N = 1536), чем *ширина* (N = 524), а в случае *ширины* на первый план выходят конструкции размера со структурой *X Y-ом с (в) Z* (N = 1091), занимающие второй ранг по встречаемости в НКРЯ; и здесь *длина* опять будет доминировать (N = 1284).

Из трех видов описанных выше предложных конструкций (пролатив, дименсив и дистрибутив) чаще всего в НКРЯ встречается пролатив (*во всю длину ковра, во всю ширину площади*), с вполне ожидаемым перевесом конструкций с *длиной* (N = 970) в этом типе измерений по сравнению с конструкциями с *шириной* (N = 511), для которых значение траектории движения будет менее типично.

Остальные типы измерений для указанной параметрической пары можно отнести к маргинальным, ср. в частности, дименсив (*на длину аршина, на ширину плеч*), дистрибутив (*по (всей) длине бордюра, по (всей) ширине стола*) и более редкий *аддитив*¹⁸⁰ (*при правильно подобранной длине накладные ногти могут продержаться достаточно долго; при небольшой ширине канав грунт уплотняют*), общая доля которых в конструкционном профиле *длины* и *ширины* не превышает 5 % от общего числа вхождений.

Сравнение результатов распределения долей в НКРЯ и в нашей выборке также выявило прототипичность номинатива для данного типа измерений, ср. незначительные отклонения в частоте: N = 473 для *длины* vs. N = 541 для *ширины*. (Таблица 32 vs. Таблица 33).

¹⁸⁰ Как уже объяснялось выше на примере конструкций с *высотой* (4.12.) термин «аддитив» в нашем понимании охватывает как комитативы с предлогом *с* (*шов с маленькой длиной стежка; кресла с достаточной шириной сиденья*), так и каузативы-концессивы с предлогом *при* (*При длине волос 5 см. наращивать волосы не рекомендуется; При ширине лестницы более 110 см. желательно сделать дополнительное ограждение по стене*).

Падежные конструкции с <i>длиной</i>										Всего
	Номин.	Дистрибутив	Аккузатив	Инструмент.	Аддитив	Другие	Пролатив	Дименсив	Локатив	
проводники	93	32	20	3	3	53	8	0	1	213
инструменты	312	59	74	23	42	154	7	14	1	686
контейнеры	50	8	13	0	6	18	8	3	0	106
опоры	18	3	8	1	1	12	2	0	1	46
	473	102	115	27	52	237	25	17	3	1051

Таблица 32. *Длина X-а физическая: распределение по генитивным конструкциям*

Падежные конструкции с <i>шириной</i>										Всего
	Номин.	Аккузатив	Инструмент.	Аддитив	Другие	Дистрибутив	Локатив	Пролатив	Дименсив	
проводники	210	44	1	19	44	16	1	45	2	382
инструменты	240	65	1	49	161	28	0	32	24	600
контейнеры	51	19	0	3	19	0	0	43	3	138
опоры	40	10	4	2	26	7	59	12	20	180
	541	138	6	73	250	51	60	132	49	1300

Таблица 33. *Ширина X-а физическая: распределение по генитивным конструкциям*

Первые позиции распределения симметричны. Диаграмме 15: номинатив является самым частотным конструкционным оформлением в этой паре параметров, причем независимо от функции объекта – проводники это, инструменты, контейнеры или опоры. В принципе, гипотеза о том, что определенные функции объектов будут чаще встречаться в определенных видах конструкций не подтвердилась. Надо полагать, что проверку этой гипотезы следовало бы провести на выборке большего объема, однако относительно низкая представленность в НКРЯ редких для *длины* и *ширины* конструкций не позволяет говорить о том, что указанные функциональные группы X-ов будут предпочитать конструкции определенного типа.

Отдельного комментария требует неравномерность представленности некоторых типов конструкций в зависимости от параметра. К примеру, дистрибутив (*по длине / ширине X-а*), согласно нашим ожиданиям, встречается в конструкциях с *длиной* в два раза чаще ($N = 102$), чем в конструкциях с *шириной* ($N = 51$). В то же время дименсив более типичен для *ширины* ($N = 49$), чем для *длины* ($N = 17$), что, скорее всего, объясняется большей фразеологизованностью и, соответственно, частотностью в этом

типе концептуализаций мер-эталонов с *шириной* (следует принимать во внимание частотность фраземы *на ширине/у плеч*, на долю которой приходится 72 употребления в НКРЯ – число, сопоставимое с общим количеством дименсивов с *шириной*).

Обращает на себя внимание выделенность пролатива для *ширины* (N = 132) и его периферийность для *длины* (N = 25), причем к пролативным показателям следует, вероятно, отнести и характерную сочетаемость *ширины* с квантором всеобщности *весь* (*во всю ширину X-а*), без которого этот параметр в нашей выборке не фигурирует в данном типе употреблений. То же верно и для *длины*: *во всю длину X-а* представляет единичные случаи пролатива в нашей подвыборке (*во всю длину дома, дорожки, доски*).

Таким образом, как и в случае *высоты* (4.12), номинативные конструкции будут преобладать в конструкционном профиле описываемой пары обозначений размера. По всей видимости, указание на физический параметр более естественно для позиционно «сильных» слотов и, в частности, для слота субъекта и кодируемого аккумулятивом объекта. В то же время предложные реализации (пролатив, дистрибутив, дименсив, аддитив) с этой парой параметров, несмотря на их периферийность в корпусе, отдают предпочтение дистрибутиву в случае *длины* (N = 102) и пролативу в случае *ширины* (N = 132).

5.9. Выводы по *длине* и *ширине*

В довершение корпусного портрета параметров *длина* и *ширина* следует еще раз коротко обозначить факторы, влияющие на выбор этих обозначений размера, а также охарактеризовать особенности параметризации по невертикальной оси измерения, опираясь на выбранные нами *tertia comparationis*, такие как ТИП, ФИЗИКА и ПРАГМАСЕМАНТИКА объекта.

Длину и *ширину* можно по праву отнести к более «вещным» параметрам, чем параметры вертикальной оси: выясняется, что 97% вхождений с участием этой пары параметров приходятся на описания физических характеристик; из них можно выделить круг прототипических предметных употреблений и периферийных отпредикатных, а также контексты, в которых *длина* и *ширина* выступают в качестве научной (*ширина резонанса*), метрической (*длина метра*) или метрологической единицы (*длина аршина*). В то же время высокий процент физических контекстов еще не говорит о малоупотребительности

метафорических переосмыслений на базе *длины* и *ширины*, если принять во внимание, что в большинстве метафорических контекстов реализуются квазисинонимы *длины* и *ширины*, такие как *долгота* (5.5) и *широта* (5.6.) и значительно реже – *даль* и *ширь* (5.7.).

На первый взгляд, *длина* и *ширина* охватывают объекты самого широкого диапазона, как с точки зрения геометрии, таксономической принадлежности, так и с точки зрения топологического типа. Так, по *длине* и *ширине* могут описываться как линейные, так и *n*-мерные объекты, а перечень топологических типов X-ов весьма разнообразен: если *длина* предпочитает топологическими классы ‘стержни-столбы’ и ‘стержни-верёвки’, а также ‘дуги’ и ‘пластины’, то фаворитами *ширины* будут прежде всего ‘поверхности’, ‘отверстия’ и – реже – ‘круги’ и ‘шары’.

Несмотря на негомогенность референтов с точки зрения ТИПА и ФИЗИКИ объекта, на основе данных НКРЯ было установлено, что оба параметра обнаруживают явное предпочтение таксономического класса ‘топографические объекты’, включающие в нашей категоризации наряду с естественными элементами ландшафта (*горы, река*) также объекты, возникшие как результат человеческой деятельности (*мост, улица, траншея*). Другими прототипическими классами объектов будут ‘инструменты’ и ‘здания и сооружения’, а также их части.

Как и в предыдущих Главах, предлагаемая таксономическая классификация предметных X-ов составлена нами на базе данных НКРЯ с включением мереологического компонента, что, на наш взгляд, даёт более полную картину организации значения по классам признаков объектов. Как выясняется, существенным отличием от обозначений вертикального размера является то, что *длина* и *ширина* кодируют также имена частей тела человека и животных, и собственно «частно-целостный» подход позволяет объяснить разницу в употреблении адъективных и номинальных концептуализаций в описании размеров человека и животных.

Более того, включение мереологической составляющей позволяет сделать важное уточнение, касающееся гипотезы слабой преемственности признака в случае параметров невертикальной оси измерения (ср. 5.4.1.1.3. и 4.5.1.1.): очевидно, что без отдельных исследований мы не можем сформулировать некий общий алгоритм наследования признака, однако уже на основе имеющихся в нашем распоряжении примеров можно утверждать, что преемственность признака *длина* и *ширина* требует не только

совпадения топологического типа и ориентированности в пространстве дочерних и родовых объектов, но и симметрии внутренней «анатомии» объекта.

Своеобразным мостиком для совмещения таких, казалось бы, разных факторов является ПРАГМАСЕМАНТИКА – она даёт нам много подсказок к «увязыванию» перечисленных наблюдений. Представляется целесообразным выделять четыре типа функциональных классов объектов, описываемых по *длине* и *ширине*: проводники, инструменты, контейнеры и опоры, каждому из которых приписывается соответствующая функция – проводники обеспечивают прохождение траектора *вдоль*, *по* или *через* ориентир; каждый инструмент имеет определенную функциональную принадлежность; основная функция контейнеров – хранение вещей, а опоры служат для поддержания баланса.

В то же время, было показано, что *длина* и *ширина* – более «функциональные» параметры, нежели *высота* и *глубина*, так как критерий функциональной значимости получает в случае первой пары дополнительное наполнение. Помимо функциональности в смысле *потенциального прохождения* траектора через ориентир, значимого прежде всего для параметра *длина*, – точки зрения, уже высказывавшейся в литературе по параметрам, – нами была установлена значимость для *ширины* такого прагматически существенного критерия, как *потенциальный контакт*. Представляется, что следствием этого критерия будет прагматическая выделенность в случае *ширины* функции *защиты фасада* (фасадных объектов) и прагматическая установка на преодоление потенциальной или реальной помехи. Таким образом, впервые в прагматически обусловленные факторы выбора параметрического слова предлагается включать функцию защиты как важную прагматическую доминанту *ширины*.

Другое прагматически важное следствие задаёт позиция Наблюдателя, являющаяся неотъемлемой частью интерпретации, в особенности в ситуациях, когда разграничение *длины* и *ширины* затруднено (ср. латеральное vs. срединное положение наблюдателя). Кроме того, в этой Главе мы попытались связать давно устоявшееся в литературе положение о фасадности *широких* объектов с обозначенными функциями защиты и преодоления барьера или препятствия.

Конструкционный профиль параметров *длина* и *ширина* строится на совмещении образных схем и конструкций с участием этих обозначений размера. Нами были выделены базовые для этой пары топологические схемы (ПУТЬ, КОНТАКТ, БЛОКАДА),

которые прослеживаются и в семантике конструкций с *длиной* и *шириной*. С нашей точки зрения, прослеживается взаимосвязь между центральными семантическими компонентами *длины* и *ширины* и конструкциями с их участием. Так, предложные оформления *длины* и *ширины*, несмотря на маленький объем выборки, обнаруживают полное совпадение конструкций: как для *длины*, так и для *ширины* характерна задействованность в конструкциях с пролативом, дистрибутивом, дименсивом и аддитивом (5.8.). При этом *пролатив* и *дистрибутив* можно отнести к типичным способам отсылки к протяженности объектов, как по *длине*, так и по *ширине*.

Анализ статистически релевантных показателей выявляет как симметрию, так и асимметрию распределений *длины* и *ширины* по НКРЯ. Для обоих параметров отмечается их значительно бóльшая представленность в нехудожественной литературе (см. 5.3.), что, в принципе, коррелирует с типично физической, а не метафорической природой этих параметрических имен. Несмотря на то, что *длина* по количеству вхождений более частотный параметр, чем *ширина*, такие показатели дисперсии, как коэффициент Жуйана, свидетельствует о том, что эта пара параметров встречается в несколько меньшем количестве сегментов письменного корпуса ($D = 76$ для *длины* vs. $D = 84$ для *ширины*), чем *высота* и *глубина*, покрывающие более 90% сегментов корпуса.

Представляется, что материал этой Главы как нельзя лучше иллюстрирует расхождение наивно-языкового и научного измерения. На примере научных единиц легко убедиться в том, что некоторые носители признаков *длина* и *ширина* особенно хорошо годятся в меры-эталоны, причем *длина* чаще выступает в роли метрической и метрологической единицы (*длина меридиана, аршина, метра*), а *ширина* лучше годится в антропоцентрические меры, базирующиеся на стандартных размерах частей тела человека (*ширина плеч, ладони* и т.д.).

В заключение этой Главы еще раз подчеркнем, что в научной параметризации любой линейный или *n*-мерный объект можно измерить по *длине* и/или *ширине*. Вследствие этого метрическое определение *длины* и *ширины* ограничивается указанием на то, что *длина* измеряет максимальный невертикальный, а *ширина* – минимальный невертикальный размер предмета.

Другое дело – языковая параметризация. Мы смогли убедиться в том, что язык не произвольно «дозирует» указания на размер, а следует своим собственным принципам концептуализации размера. Выше отмечалось, например, что части тела, как правило,

содержат отсылку на один салиентный размер и реже характеризуются сразу по всем показателям (ср. невозможность одновременного выражения *высокий широкий лоб).

Одно из важных, на наш взгляд, наблюдений касается того, что существительные как указания на размер, возможно, чаще употребляются в точной параметризации, чем прилагательные, – отсюда невозможность выразить *длиной* и *шириной* необъятность *полей*, *степеней* и других безграничных или слабо ограниченных пространств, для которых неприменимы слова точного типа измерения.

ГЛАВА 6. ТОЛЩИНА

6.1. Толщина в первом приближении: существующие теории и подходы

Толщина, в отличие от прототипа параметра – *длины*, – занимает скорее периферийное положение в системе линейных обозначений размера и может по праву получить титул «антипрототипа» параметрического имени¹⁸¹. В этой Главе мы попытаемся объяснить, почему *толщина* стоит особняком в системе обозначений размера и какое место она занимает не столько в научной, сколько в наивно-языковой параметризации.

Начиная с пионерской работы М. Бирвиша (Bierwisch 1967) *толщину*, а вернее её адъективные реализации – немецкие прилагательные *dick / dünn*, – принято относить к самому маленькому измерению объекта. Более того, в формальных описаниях параметрической лексики М. Бирвиша и Э. Ланга она фигурирует как вторичный [\pm Second] и второстепенный размер [\pm Main]¹⁸² (Bierwisch 1967, 1987; Lang 1987, 1989, 1991, 2001).

Итак, в системе М. Бирвиша и Э. Ланга *толщина* (нем. *Dicke*) характеризуется по трём семантическим критериям: 1. *Толщина* как указание на величину одного или нескольких измерений, которая превосходит норму пропорции ср., например, *толстая доска*, где *толстый* маркирует размер, второстепенный по отношению к *длине* и *ширине* – двум главным измерениям в случае *доски*. 2. *Толщина* как плотность (density), которая в понимании М. Бирвиша определяется как «сопротивляемость вторжению» (resistance to penetration) (Bierwisch 1967: 32); это значение, в частности, реализуется в сочетаниях *толстый слой* или *толстый материал* и основывается на представлении об оптической непроницаемости слоёв для света, ветра, влажности, тепла/холода и т.д. (Lang 1987: 385). 3. *Толщина* (в немецком) может описывать консистенцию объекта – значение, кодируемое

¹⁸¹ В частности, в статье Х. Вейдта и Б. Шлибен-Ланге высказывается мнение, что немецкое прилагательное *dick* относится скорее к прилагательным, описывающим качество предмета, а не размер, поэтому неверно относить его к классу параметрических прилагательных (Weydt & Schlieben-Lange 1995: 734).

¹⁸² Напомним, что термин *вторичный* (secondary) размер предполагает, что есть *первичные* (primary) измерения, которые в большинстве случаев совпадают с максимальной протяженностью объекта (первичны, например, параметры вертикальной оси и *длина*). В иерархии семантических маркеров размера, разработанной М. Бирвишем, как первичные, так и вторичные пометы относятся к главным измерениям [\pm Main]. Функция же второстепенных (subsidiary) параметров [\pm Main], таких, как *толщина*, в сущности сводится только к добавлению объема: указание на них возможно только тогда, когда известны главные измерения.

в русском языке словом *густой*, – ср. нем.: *dicke Suppe* ('густой суп'), *dicker Nebel* ('густой туман'), *dicker Qualm* ('густой дым').

Еще одно значение прилагательного *dick*, специфическое для немецкого языка, содержит отсылку к общей величине трехмерных объектов, имеющих форму шара, у которых нет второстепенных измерений, т.е. таких как *мяч* ('dicker Ball') или *яблоко* ('dicker Apfel'); в русском языке вместо *толстый* в данном типе описаний будет использоваться прилагательное общего размера *большой*.

Многие положения формального описания пространственных параметров М. Бирвиша были в дальнейшем уточнены Э. Лангом (Lang 1987, 1989, 1991, 2001). В частности, Э. Ланг вводит для обозначений *толстых* / *тонких* объектов дополнительный семантический маркер SUB ('субстанция'), который в системе Э. Ланга присваивается пяти категориям объектов (Lang 1987: 384-385): (1) основное свойство, как правило, не ограниченных пространственными границами слоёв – это их непроницаемость¹⁸³ (для света, влажности, тепла/холода и проч.), ср.: *dicker Stoff* 'толстый материал', *dicke Eisdecke* 'толстый слой льда'; (2) вторую группу составляют вещества, в случае которых SUB указывает на их консистенцию, ср. выше *dicker Nebel* ('густой туман'), *dicke Suppe* ('густой суп'); (3) к третьей категории относятся сплошные объекты жесткой формы (*книга, доска, дверь, шайба*), применительно к которым SUB указывает на самое слабо выделенное измерение, имплицитно отсылая к их массивности и крепости; (4) в отношении референтов цилиндрической формы SUB описывает «срез» объекта, т.е. и диаметр, который будет перпендикулярен максимальному измерению (*сигарета, луч, нога, палка*); (5) в концептуализации полых объектов-контейнеров SUB может измерять как *толщину* оболочки (*ваза, тростник*), так и сам объем полости¹⁸⁴.

В последующих работах помимо семантической пометы SUB Э. Ланг вводит еще один критерий MIN (Lang 2001) – исключительно параметрический семантический маркер, который присваивается наименьшей протяженности трехмерного объекта X в случаях, когда параметры MAX и ACROSS неприменимы (подробнее о семантических пометах см. выше раздел 2.2.). Таким образом значение непроницаемости для внешних влияний и пропорциональное значение разделяются на два разных типа; тем не менее, как замечает

¹⁸³ Именно это свойство объясняет несовместимость *толщины* и *глубины*, так как «проницаемость» автоматически включает в действие *глубину* (Lang 1987: 386).

¹⁸⁴ На двузначность *толщины* в случае описаний контейнеров (*толщина материала* vs. *толщина диаметра полости*) указывалось также в (Lafrenz 1983: 138).

Э. Ланг, „in some languages MIN terms (*thick-thin, dick-dünn*) extend to „substance“-related dimensions outside IPS [Inherent Proportion Schema – A.M.] like density or consistency (*thick forest, ~ cream, ~ fogs*)“ (Lang 2001: 1254).

В соответствии с принятой в системе Э. Ланга типологической дифференциацией языков на языки, ориентированные по пропорции (proportion based), и языки, ориентированные по наблюдателю (observer based) (подробнее об этом см. в разделе 2.2., а также в Lang 2001: 1269), в зависимости от типа языка критерий MIN будет получать разное лексическое покрытие. Так, например, языки с установкой на пропорцию (греческий, мандаринский или русский) чаще всего имеют широкий диапазон терминов MIN (Lang 2001: 1271), чего нельзя сказать о языках с установкой на наблюдателя (корейский, японский) или языках смешанного типа (финский, английский, немецкий), в которых минимальный набор обозначений наименьшего размера покрывает разные семантические домены. Для иллюстрации автор приводит универсальное английское *thick – thin*, покрывающее все значения русских пар прилагательных *тучный – худощавый, толстый – тонкий, густой – редкий, плотный – жидкий* (там же).

В работе (Zubin & Svorou 1984), посвященной сравнительному анализу пространственных обозначений в английском, немецком и греческом языках, предлагается иной подход к описанию *толщины*. В частности, приводится пример греческого языка, в котором семантическая зона *толщины* «обслуживается» тремя прилагательными – *πυκνός, παχύς* и *χοντρός*. На основе принципа очерчивания границ вещества или массы авторы выстраивают континуум носителей *толщины* (boundedness continuum) – от объектов с четко ограниченной формой до безграничных пространств. Континуум опирается на наивно-языковом представлении о массе как трехмерном теле, ограниченном пространством. В итоге авторы выделяют шесть групп объектов, которым присваивается *толщина*, ср. Илл.19:

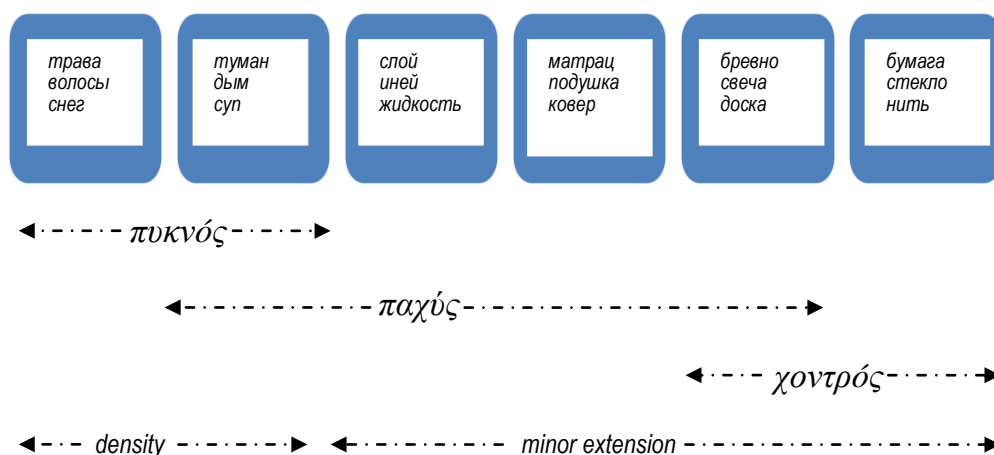

Иллюстрация 19. Континуум референтов *толстый* в греческом языке (по Zubin & Svorou 1984: 355)

Таким образом, *χοντρός* присваивается в большинстве случаев объектам жесткой конфигурации с четкими границами (*χοντρό κερί* ‘толстая свеча’)¹⁸⁵; *πυκνός* представляет противоположный полюс континуума, описывая предметы неограниченной формы, характеризующиеся густотой, плотностью, и связанные с идеей ‘сопротивления вторжению’ (непроницаемость, труднопроходимость и т.д.) (*πυκνά μαλλιά* ‘густые волосы’); в то же время *παχύς* представляет середину континуума и присваивается объектам, масса которых (в наивно-языковом представлении) превосходит норму (*παχύ μαξιλάρι* ‘толстая подушка’), хотя не совсем понятно, каким образом авторы объясняют переход значения в случае *παχύς* от обозначения консистенции или плотности объектов до размерного значения.

К. Ванделуаз (Vandeloise 1993) предлагает альтернативный подход к *толщине*, который объясняет взаимосвязь между этими двумя, казалось бы, разными типами значений: консистенция и плотность объектов, с одной стороны, и обозначение наименьшего измерения объекта с другой. Ключевое слово интерпретации К. Ванделуаза – это *сопротивляемость* (resistance). Идея сопротивляемости как компонента значения размерного слова *dick* была заимствована им у М. Бирвиша (ср. Bierwisch 1967: 32), однако в теории К. Ванделуаза она получает дальнейшее развитие. Сравнивая семантическую зону *толщины* в немецком, французском и греческом языках, автор приходит к выводу, что следует различать два типа сопротивляемости – «сопротивляемость вторжению» (resistance to penetration) и «сопротивляемость поломке» (resistance to breaking) (Vandeloise

¹⁸⁵ Благодарим за примеры Vicky Karayanni.

1993: 39). В случае «сопротивляемости вторжению» активизируется представление о густоте и плотности объекта X (ср. франц. *un fourré épais* 'густые заросли'); в то же время «сопротивляемость поломке», напротив, апеллирует к размерному значению *толщины*, как, например, в сочетании *толщина сигареты*.

Толщина в характеристике человека и животного (*dicker Mann*, *толстый кот*) не укладывается в трактовку «сопротивляемости». Скорее всего, здесь, как признаёт сам К. Ванделуаз, перенос значения с предметной сферы на сферу человека мотивируется схожестью формы тела с топологической формой цилиндр – одного из прототипических предметных кандидатов на обладание *толщиной* (Vandeloise 1993: 43).

В русском языке, несмотря на наличие специфичных для обозначений консистенции терминов *густой* – *редкий* и *плотный* – *жидкий*, семантическая зона *толщины* весьма гетерогенна и охватывает самые разные типы объектов. С точки зрения топологии сюда принято относить: (1) **стержни** и **верёвки** (*палка*, *канат*); (2) **пластины** (*доска*, *ковёр*); (Рахилина 2000: 126; 2010₂: 127). Отдельно, по мнению Е.В. Рахилиной, следует трактовать сочетания *толстый конверт* или *толстый кот*, так как антонимом к *толстый* в указанных сочетаниях будет не *тонкий*, а *тощий* (*тощий карман*, *бумажник* и т.д.), причем, по наблюдению автора, далеко не все животные допускают сочетаемость с *толстый*, ср.: *толстая жаба*, *хомяк*, *крыса*, но ??*толстый волк*, *дельфин*, *слон* и т.д. «Что касается животных, то здесь, по-видимому, важнейшей является идея прожорливого или специально откормленного зверя (плюс обычно отрицательная коннотация)» (Рахилина 2000: 121; 2010₂: 123).

Как видим, существующие описания семантической зоны *толщины* главным образом посвящены адъективным обозначениям размера. Насколько эти топологические типы прототипически *толстых* предметов будут сохраняться или переноситься в случае номинальной *толщины*, будет рассмотрено ниже. Однако прежде чем перейти к обзору потенциальных кандидатов на обладание *толщиной* в русском языке, обратимся к словарным толкованиям.

6.2. Толщина в словарях

Словарные толкования *толщины* выводят на первый план параметрическую, или физическую, составляющую этого измерения. В качестве второго значения указывается возможный перенос на описание размера человека, а точнее отклонение от среднего объема тела. Ср. толкования:

<i>толщина</i>	–	величина поперечного сечения чего-л. Т. досок, стен, льда, ствола (МАС)
	–	протяженность, величина чего-н. в поперечнике (РСС)
	–	см. <i>толстый</i> (СО, СОШ)
<i>толщина</i>	–	тучность, полнота. Непомерная, необъятная т. Твоя т. совсем незаметна! (МАС)

На первый взгляд, *толщина* имеет простую семантическую сеть значений, в особенности по сравнению с разветвленной семантической структурой *глубины* и *высоты*, которые внутри первичного размерного значения развивают еще дополнительную сему дистантности (*глубина*₂, *высота*₂). Другое важное отличие *толщины* от предыдущих параметров касается отсутствия семантических напластований (метафор, метонимии). Несмотря на то, что, как уже указывалось выше (6.1.), *толщина* может быть параметром человека или определённых животных, это значение остается параметрическим. Заметим, что в антропоморфных отсылках *толщина* не может употребляться в генитивной конструкции, ср.: **толщина Маши*, **толщина мальчика*, **толщина кота*. В такого рода употреблениях вместо *толщины* появляются *тучность*, *полнота* или *пухлость*.

Более проблематичной представляется отсылка в толкованиях к значению прилагательного *толстый* (см. СО, СОШ). Очевидно, что далеко не всегда сочетаемость с *толстый* будет переноситься на сочетаемость со словом *толщина*, ср. вполне симметричные переносы *толстый слой* → *толщина слоя*, *толстый ствол* → *толщина ствола* и выбивающиеся из ряда *толстые крылья* → ??*толщина крыльев* (невозможность номинальной концептуализации) и, наоборот, ??*толстый лист* → *толщина листа*, ??*толстая арка* → *толщина арки*, ??*толстая лыжа* → *толщина лыжи* (невозможность адъективной концептуализации).

Насколько НКРЯ помогает разобраться в описании референтов *толщины*, покажет следующий раздел.

6.3. Толщина в НКРЯ¹⁸⁶

Из всех обозначений размера *толщина* – самый низкочастотный параметр в НКРЯ. По общему числу вхождений она занимает пятое место в системе обозначений линейных размеров: в Основном корпусе объёмом 209 203 107 словоупотреблений зарегистрировано 4 271 вхождение *толщины*, что соответствует незначительному приросту среднего на один миллион вхождений по сравнению со статистикой ЧСРЯ; $F(ipm) = 19.8 \rightarrow 20.41$ (ср. данные Таблицы 16 в разделе 3.12.).

Из общего числа вхождений *толщины* ($N = 4\,271$) были сначала вычленены генитивные конструкции типа *толщина X-а* (поиск по запросу *толщина & Gen*), на долю которых приходится 1 564 употребления. Из общего числа генитивов с *толщиной* была сделана выборка в первые 1 396 примеров, из которых 89 (6 % первичной выборки) составили статистические шумы. В итоге в окончательный объём выборки *толщины* в генитивной конструкции вошли 1 307 примеров. К статистическим «шумам», как и в предыдущих случаях, были отнесены:

- характеристический генитив в конструкциях вида *женщина с необычайной толщины белой шеей*.
- послеложные конструкции типа *X Y-ом (с/в) Z*, ср. *коса с руку толщиной*.
- согласованные определения *толщины*, выраженные причастным оборотом или относительные придаточные предложения: *толщина, превосходящая всякое воображение*.
- инверсия при аппроксимативных конструкциях, например: *толщина порядка микрометра*.
- случаи неснятой омонимии, ср.: *на этой белой толщине были заметны крупные мягкие морщины*.

¹⁸⁶ Число вхождений в НКРЯ, зарегистрированных в мае 2012 г.

Распределение прямых и переносных значений *толщины* в данном типе конструкции дало следующую картину, ср. Диаграмму 16.

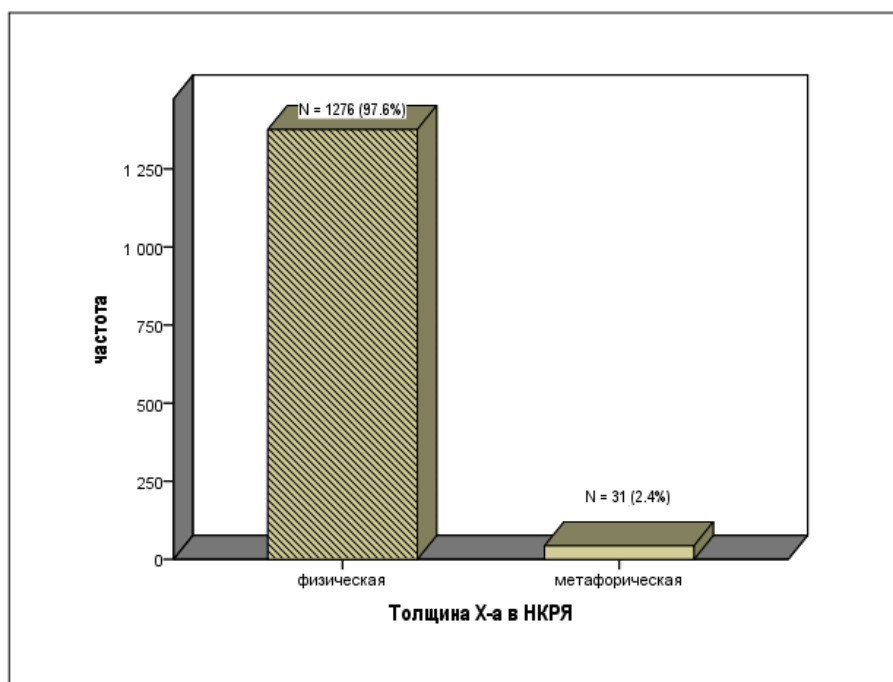

Диаграмма 16. Толщина X-а. Распределение прямых и переносных значений в НКРЯ

Итак, как видно из Диаграммы 16, *толщина* на 97.6 % – физическая величина и лишь на 2.4 % – метафорическая. Статистическая значимость этого расклада подтверждается результатами теста хи-квадрат ($\chi^2 = 1185.94$, $df = 1$, $p < .001$). Из зарегистрированных 2.4 % семантических сдвигов на базе *толщины* ($N = 31$) было зафиксировано всего три типа (types) употреблений – *толщина кошелька*, *толщина романа (произведения, дела)*, *толщина кожи*.

Очевидно, что *толщина кошелька* метафорически отсылает к состоятельности его обладателя, а *толщина кожи* – к невосприимчивости не столько к внешним воздействиям, сколько к эмоциональным. ср. (110) – (111):

- (110) Так что никогда не слушай самоуверенных дур, у которых величина самомнения зависит от *толщины кошелька* мужа! [Татьяна Моспан. Подиум (2000)]

- (111) Тогда организм правителя неизбежно должен изменить аппарат своих эмоций, защититься от отрицательных эмоций *толщиной кожи*. [Виктор Конецкий. На околонучной параболе (Путешествие в Академгородок) Повесть (1978)]

В то же время *толщина романа (произведения, дела)* даёт еще один пример возможного метафорического переноса на базе физического признака, при котором размерная характеристика печатного источника (*книга, журнал, судебное дело*) присваивается имени источника либо его жанру. Дополнительный эффект, который можно наблюдать при таком переносе, – это побочное значение длительности, допускающей двойную трактовку: длительность написания и связанная с ней импликация – длительность прочтения, ср. (112)-(113):

- (112) Потом он говорил в Шолохове: — Я завидую Шолохову. И не только *толщине его романов*, хотя это большое дело уметь написать толстый роман, но и его темам и образам. [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1943-1946)]
- (113) По числу допрошенных лиц и по *толщине дела* будут судить о верности исследования. [Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)]

Толщина, как показывает анализ распределения возможных её носителей, – на 100% предметный параметр. Доля физических значений ($N = 1276$) весьма гомогенна. В нашей выборке не зафиксированы примеры использования *толщины* в качестве метрической или метрологической единицы, хотя, безусловно, ряд антропоцентрических эталонов продуктивен именно на базе *толщины*¹⁸⁷. Сюда могут относиться конструкции размера самого разного типа, ср. наиболее прототипичные для мер-эталонов конструкции с творительным типа $X\ Y\text{-ом (с/в)}\ Z$ (*коса с руку толщиной*), а также дименсивы в сочетаниях V на *толщину X-а (приспустить стекло на толщину пальца)*.

Далее, наш материал не содержит примеры использования *толщины* в сочетании с отпредикатными существительными. Как и можно было бы предположить, процессы, действия и состояния обычно не описываются по *толщине*, в отличие от дистантных *глубина* и *высота* (*глубина бурения, высота метания*).

¹⁸⁷ Подробнее об антропоцентрических эталонах на базе параметрических имен см. (Семенова 2000; Шеманаева 2008а, 2008b; Мель 2009; Рахилина 2010).

Статистические показатели частот употребления *толщины* в НКРЯ, и, в частности, коэффициент А. Жуйана (D), позволяют сделать вывод о том, что *толщина*, – несмотря на относительно низкую абсолютную частоту вхождений в корпусе, – покрывает не меньшее количество текстов разных параметров ($D = 88$), чем рассмотренная выше пара *длина* ($D = 76$) и *ширина* ($D = 84$) (по показателям из ЧСРЯ 2009).

По степени представленности *толщины* в письменных сегментах НКРЯ¹⁸⁸ можно отметить заметный перевес текстов нехудожественной литературы (54.7 %); менее маркированный сегмент ‘публицистика’ и (32.8 %) и маргинально представленные контексты художественной литературы (12.5 %), ср. Таблицу 34 ($\chi^2 = 349.85$, $df = 2$, $p < .001$).

	толщина
нехудожественная	715 (54.7%)
публицистика	429 (32.8%)
художественная	163 (12.5%)
Всего	1307 (100%)

Таблица 34. Толщина X-a: распределение по письменным сегментам в НКРЯ

Более детальный анализ пропорциональности вхождений *толщины* с расщеплением нехудожественного типа текстов на отдельные функциональные стили дает основания для ряда обобщений: во-первых, обращает на себя внимание преобладание *толщины* в текстах учебно-научного типа ($N = 513$ или 39 %) и её периферийность в художественной литературе ($N = 153$ или 11.7 %); во-вторых, довольно частотную сферу употребления *толщины* представляют, как и в случае остальных параметров, публицистические тексты, включающие наряду с публицистическими статьями из газет и журналов (в том числе научных), также мемуарно-биографическую литературу (эссе, интервью), поэтому колонка ‘публицистика’ и покрываемые ею доли вхождений можно отнести к среднему сегменту письменных текстов, интерпретация которых требует осторожности, так как им свойственны черты как научного, так и художественного стиля. Ср. Таблицу 35.

¹⁸⁸ Представительность указываемых данных тем более достоверна, если учесть, что по пропорциональности охвата текстов на долю художественной литературы приходится 44 %, на долю публицистики – 36 %, на долю нехудожественной литературы – 20 % письменного массива НКРЯ, ср. информацию в разделе «Статистика» на сайте www.ruscorpora.ru (см. также 4.3.).

		Функциональный стиль									Всего
		художественная	учебно-научная	производственно-техническая	публицистика	церковно-богословская	официально-деловая	реклама	электронная коммуникация	бытовая	
Толщина X-а	физическая	153	513	131	409	2	9	34	14	11	1276
	метафорическая	10	0	0	20	0	0	0	1	0	31
Всего		163	513	131	429	2	9	34	15	11	1307

Таблица 35. Толщина X-а: распределение по функциональным стилям в НКРЯ

Как видим, тенденции, намеченные в предыдущих Главах (3.3; 4.3; 5.3), подтверждаются и на примере *толщины*. Наиболее физические по типу референтов параметры встречаются чаще в текстах научно-технического типа, в то время как для параметров, продуктивных для разного типа семантических наращений (прежде всего *глубина*), будет характерен «перевес» художественной литературы (ср. статистику *глубины* в 3.3.).

6.4. Параметр и прототип

Выбранный нами подход к категоризации возможных обладателей параметрического признака по ТИПУ, ФИЗИКЕ и ПРАГМАСЕМАНТИКЕ объекта будет опираться на сопоставление таких классификационных критериев, как таксономический класс объекта, его топологический тип и приписываемая ему функция.

6.4.1. Тип X-а: попытка классификации: таксономический класс, топологический тип и функция

Две традиции описания размерных прилагательных, которые были взяты нами за основу в предыдущих разделах, – **топологический тип** (Рахилина 2000, 2010₂; Десятова и др. 2008; Махова и др. 2009) и **функциональная характеристика** предмета – будут выбраны за отправную точку и в категоризации референтов *толщины*. Дополнительным критерием анализа в нашем подходе является **таксономический класс** объектов. В этом разделе на

основе сопоставления таксономии, топологии и функциональности мы попытаемся показать, насколько связаны между собой разные сферы употребления *толщины* и можно ли выделить прототип носителя признака *толщина*.

Упомянутая в начале (6.1.) обособленность *толщины* внутри системы параметрических имен в какой-то степени прослеживается и в наборе таксономического класса объектов, характеризующихся по *толщине*. Как можно убедиться на основе Таблицы 36, таксономические классы объектов, характеризующихся по *толщине*, дают несколько другую картину, чем в четырех предыдущих случаях. Перечень объектов будет отличаться не только по своему составу, но и по порядку следования самых частотных подгрупп.

Как иллюстрирует Таблица 36, абсолютным фаворитом описаний *толщины* в генитивных конструкциях является до сих пор малопредставленный класс 'веществ и материалов' (N = 627 или 49.1 %), ср.: *толщина пыли, снежного покрова, ледяного пласта, земной коры, чернозема* и разного вида *слоёв, прослоек, покровов и отложений*. За ними почти в одинаковой пропорциональности, как и в случае *длины*, следуют 'инструменты и части инструментов' (N = 189 или 14.8 %) (*толщина спицы, пилы, веретена*), а также 'здания и сооружения' (N = 140 или 11 %) (*толщина арки, свода, стены*). Следующие две группы – 'растения' (N = 80 или 6.3 %) (*толщина ствола, пня, дуба*) и 'человек и части тела' (N = 64 или 5 %) (*толщина ног, руки, пальца, артерии, кожи, живота*) – покрывают 5 % и более от общего числа вхождений *толщины* в искомой конструкции. Ср. дальнейшие примеры из Таблицы 36.

Тип X-а	примеры	частота	%
вещества и материалы	<i>пыль, снег, лёд, отложения, покров, кора</i>	627	49.1
инструменты	<i>спица, веретено, колода, брус, якорь</i>	189	14.8
здания и сооружения	<i>перекрытие, столб, свод, арка, колонна</i>	140	11.0
растения	<i>ствол, дуб, ветка, пень, саженец, ножка гриба</i>	80	6.3
человек и части тела	<i>рука, ноги, палец, кожа, живот, волос, щеки</i>	64	5.0
транспорт	<i>дверь лимузина, стенка судна, бронь корабля</i>	54	4.2
одежда, обувь и их части	<i>ткань, нить, цепь, подошва, набойка, скафандр</i>	27	2.1
животное	<i>змея, рыба, яичная скорлупа, птичье перо</i>	16	1.3
оружие	<i>копье, ствол, стенка ружья, нож, гильза</i>	15	1.2
еда и напитки	<i>нарезка, ломоть, шпик, стенка перца</i>	13	1.0
природные объекты	<i>камни, скалы</i>	10	0.8
пространство	<i>экватор, стенка спутника</i>	9	0.7
механизмы и приборы	<i>экран, лента проката, трансформатор</i>	9	0.7
мебель	<i>зеркало, столешница, ковёр, подушка</i>	9	0.7
текст	<i>журнал, тетрадь, букварь, книга, письмо</i>	8	0.6
Всего		1276¹⁸⁹	100

Таблица 36. Тип предметного объекта в генитивной конструкции *толщина* X-а по НКРЯ

Объяснение вышеприведенному порядку следования объектов даёт топология, но лишь отчасти: на первый взгляд, диапазон топологических типов объектов, обладающих *толщиной*, даже превосходит по своей гетерогенности круг референтов более частотных параметров. Прототипически *толщиной* обладают разного рода **слои**, в виде которых накапливаются вещества (*снег, пыль, ил, лёд*) и наслаиваются материалы (*кора, штукатурка, лак* и т.д.).

Принято также измерять *толщину* объектов, топологический тип которых напоминает **пластины** (*доска, окно, зеркало, альбом*), **столбы-стержни**, т.е. объекты вытянутой формы жёсткой конфигурации (*дерево, колонна, столб, бревно*), **поверхности** (*страница, писчая бумага, полотно*), **верёвки** (*шнур, струна, проволока, волос*), **выступы** (*ступени, зубы, рога, губы*), а также разного рода закрытые **контейнеры** (*конверт, пакет, письмо, капсула*). При этом X-ы, кодируемые *толщиной*, иногда могут принадлежать сразу нескольким топологическим типам, что напрямую сопряжено с большей вариативностью конструкций, в которых выступает слово. Особенно интересный

¹⁸⁹ Эта цифра относится не к абсолютному числу выборки (N = 1307), а только к прямым — в нашем случае предметным — употреблением *толщины* в корпусе, ср. Диаграмму 16.

для лингвиста случай представляют имена частей тела, на которых мы остановимся подробнее ниже (см. 6.4.1.2.). Приведем лишь один пример. В работе (Махова и др. 2009), посвященной частям тела с точки зрения топологии, уже указывалось на то, что *живот* в русском языке может концептуализироваться по топологическому классу поверхностей (*плоский живот, впалый живот, живот складками*) или выступов (*живот колесом, живот арбузиком*). Оказывается, что этими языковыми схематизациями *живот* не ограничивается. *Толщину живота*, по всей видимости, можно интерпретировать и как слой жира – интерпретация, которая связывает такие, казалось бы, разные семантические сферы прилагательного *толстый*, как слой вещества и человек. Подробнее об этой интерпретации см. в 6.4.1.2.

В случае объектов более сложных типов, состоящих из комбинации форм, может активизироваться одна какая-либо часть – как правило, та, функциональность которой задается самой ситуацией или канонической функцией объекта. Ср. пример такого геометрически сложного объекта, как *триумфальная арка*, языковое представление которой сводится к понятию непрямого стержня (см. также Рахилина 2000: 155; 2010₂: 155), ср. Иллюстрацию 20.

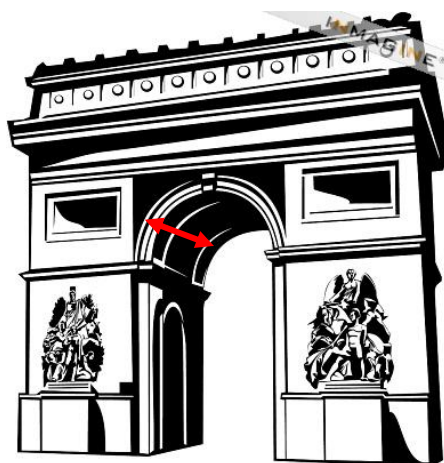

Иллюстрация 20. *Толщина* (триумфальной) арки

В связи с этим статистическое представление распределения обладателей *толщины* по топологическому типу – очень сложная задача. В этом смысле, *толщина*, как нам кажется, не имеет некоего топологического инварианта, однако «увязать» воедино такое разнообразие топологических типов объектов, измеряемых по *толщине*, по всей

видимости, можно. Все эти измерения концептуализируется в языке как срезы – неважно чего – слоёв, столбов-стержней, объектов верёвочного или цилиндрического типа, объёмов или шаров. Опять же, далеко не все значения *толщины* можно объяснить через образ «среза», а сведение перечня возможных референтов X-ов к их топологическому типу еще не объясняет таких асимметричных пар, как *толстый карандаш* vs. **толстая ручка* (примеры из Рахилина 2000: 128; 2010₂: 130) – и в том, и в другом случае мы имеем дело с одним топологическим типом – стержни-столбы. Тем не менее, одностороннее привлечение только топологии еще не снимает запреты на сочетаемость. Как и в случае остальных параметров, ответ на многие вопросы сочетаемостных запретов и разрешений с параметрами дает критерий **функциональности**. Насколько **функциональный** критерий релевантен и для *толщины* в русском языке, не раз указывалось в литературе, ср., в частности (Рахилина 2000: 131; 2010₂: 132-133):

Другой пример на ту же тему представляет пара *толстая стена* – **толстый забор* (ср. также **толстая калитка*, **толстая изгородь*, *??толстые ворота* и др.). Во всех этих случаях мы имеем дело с одинаковым образом вертикально повернутой плоскостью, сохраняющей параметр «толщина». Однако для забора толщина не значима: забор служит только для того, чтобы огораживать участок земли (ср. Рахилина 1990а); таким же образом, толщина не релевантна и для изгороди, для калитки, и т.д. Стены же строятся как раз для защиты и укрепления (ср. *прочные / крепкие стены*, но не **прочный / *крепкий забор* или *калитка*), и их основная функция непосредственно связана именно с параметром толщины.

Другая трактовка функциональности в отношении *толщины* предлагается в (Vandeloise 1993), где основная функция *толщины* сводится к описанию именно того измерения объекта, которое более всего подвержено поломке или вторжению влияний извне (вода, свет, холод, влажность и проч.). Следуя этой логике, К. Ванделуаз различает два вида сопротивляемости объектов типа *dick*, – «сопротивляемость поломке» ('resistance to breaking') и «сопротивляемость вторжению» ('resistance to penetration'). Если «сопротивляемость поломке» охватывает прежде всего такие типы объектов, как стержни-столбы (*дерево, спичка, спица, сигарета, карандаш, бревно*) и тонкие пластины (*страница, лист, стенка, льдина, стекло, экран*), то «сопротивляемость вторжению» отсылает в первую очередь к вектору траектории движения траектора от точки вхождения в вещество до его дна. В отличие от *глубины*, само движение недоступно взгляду

наблюдателя, так как слои представляют собой такие накопления вещества или наслаивания материала, основной залог существования которых, – это сопротивляемость световому, тепловому и механическому воздействию. Эти два вида сопротивляемости, с точки зрения К. Ванделуаза, налаживают необходимый прагматический «мостик» между размерным и «плотностным» значениями французского *épais* и немецкого *dick*.

Вслед за К. Ванделуазом, мы попытались найти обобщения внутри критерия функциональности. Как оказалось, в современном русском языке, несмотря на отсутствие в нем совпадений пространственных и «плотностных» имен (*толщина* vs. *густота*), ярлыки *толстый* и *толщина* также могут соотноситься с разными функциями объекта. Априорный анализ нашего материала показал, что есть зависимость между топологическим типом объектов и их функциональной принадлежностью. Рассмотрим такие корреляции на примере трех, наиболее специфичных для *толщины*, таксономических классов – ‘вещества’, ‘артефакты’ и ‘части тела’.

6.4.1.1. Слои вещества

Как видно из Таблицы 36, ‘вещества и материалы’ можно отнести к прототипу носителя признака *толщина* в генитивной конструкции размера: почти половина всех употреблений *толщины* в нашем подкорпусе приходится на этот таксономический класс (N = 627 или 49.1%)¹⁹⁰. Как вещества, так и материалы образуют ‘слои’, которые можно охарактеризовать как накопления вещества (*толщина снежного покрова*) или наслаивания материала (*толщина паркета, штукатурки, вязки*). Вообще, сам способ образования слоев во многом проливает свет на такую их характерную черту, как относительная непроницаемость для световых лучей и взгляда Наблюдателя (в отличие от *глубины*). Основная функция слоев, с нашей точки зрения, – это защита поверхностей от повреждения; кроме того, ‘слои’ могут являться результатом остаточных процессов (*толщина ила, пыли, налёта*) и здесь активизируется, скорее, функция, которую можно условно назвать «накопительной» – никакой защиты поверхности в этом случае не усматривается. Таким образом, более чем вероятно, что функция *толщины* не всегда

¹⁹⁰ Этот результат противоречит данным по прилагательному *tjock* (‘толстый’) в шведском языке, прототипом которого, как полагает А.Фогель, являются объекты цилиндрической формы (Vogel 2004: 199).

сводится к идее сопротивляемости воздействию извне по К. Ванделуазу, а особенности сочетаемости *толщины* с рядом предметных имен требуют дополнительных разъяснений.

На взаимосвязь *толщины* с обозначением веществ и массы вещества указывает также семантика близкого по значению слова *толща*, в толкование которого включается компонент 'слой', ср. (МАС): «толща = масса, слой какого-л. вещества, имеющие большую *толщину*» (*толща атмосферы, льда, земной коры*). Важное отличительное свойство *толщи* – это её маркированность и дистантность. В частности, *толща* не присваивается тонким слоям; в то же время слои, которые ею обладают, находятся, как правило, далеко от поверхности земли, ср. (МАС): *Песок на дне под толщей воды казался чуть зеленоватым* [Паустовский. Рождение моря].

Толщина, в отличие от *толщи*, не содержит указания на маркированность размера, – это свойство, по-видимому, действительно для всех её реализаций, независимо от описываемого таксономического класса или топологического типа объектов. Интересно при этом, что собственно прилагательное *толстый* обычно содержит намёк на отклонение от среднего размера (*толстая папка, свеча, живот, мальчик*). Таким образом, еще одним важным отличием данного обозначения размера является маркированность шкалируемого признака в случае параметрического прилагательного и ее отсутствие в случае параметрического существительного.

В следующем разделе мы остановимся на том, в чем собственно заключается общность таких референтов *толщины*, как 'слои' и 'имена частей тела'.

6.4.1.2. Человек и части тела

Анна Фогель (Vogel 2004: 177, 199) относит *толщину* к самым антропоцентричным параметрам. Объясняется такое обобщение прежде всего заметным преобладанием сочетаний *tjock* ('толстый') в шведском языке с обозначениями частей тела и общими указаниями на актуальный размер человека. Дополнительный антропоцентрический эффект этого обозначения размера возникает еще и оттого, что *толщина* напрямую сопряжена с тактильностью и обозначает только то измерение, которое можно измерить пальцами, частями руки (ср. *ладонь, локоть*) (Vogel 2004: 177) или такой антропоцентрической мерой, как обхват – им, например, измеряется *толщина деревьев*

(ср. Шеманаева 2008а: 145)¹⁹¹. Безусловно, с данной гипотезой А. Фогель нельзя не согласиться, в особенности она действительно для обозначения небольших по размеру объектов, хотя выше уже указывалось на то, что для измерения, скажем, больших по размеру слоев или слоев топологической зоны ВЕРХ (*слой осадков, облаков*) лучше годится *высота*, ср. сочетания *высота слоя осадков vs. толщина слоя грунта* (см. выше 4.13).

Как оказалось, части тела, измеряемые *толщиной*, в большинстве случаев концептуализируются в русской наивной картине мира по следующим типам: ‘стержни-столбы’ (*толщина ног, рук, туловища*), ‘слои’ (*толщина кожи, толщина живота*) и ‘верёвки’ (*толщина волоса*). Иногда части тела в генитивной конструкции могут выступать в роли ‘поверхностей’ (*толщина щёк*), ‘пластин’ (*толщина ладони*) или ‘выступов’ (*толщина зуба, губ*).

Выше уже приводился пример того, что Х-ы, кодируемые *толщиной*, могут иллюстрировать сразу несколько топологических типов (см. 6.4.1.). Части тела в этом смысле не являются исключением. В отличие от *живота*, *толщину* которого мы интерпретируем скорее как ‘слой’ жира, чем как ‘поверхность’, *щёки*, наоборот, мыслятся в языке как ‘поверхности’, но даже в случае этого топологического типа семантика отклонения массы части тела от среднего объема остаётся, ср. (114):

- (114) Катерина Ивановна сперва приняла его на слух за старика из двенадцатой квартиры и слишком поздно разглядела знакомую шевелюру и бороду, как бы поредевшую волосом от *толщины раздавшихся щек*. [Ольга Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995-1999)]

Этот и другие примеры показывают, что идея ‘слоя’ связывает такие, казалось бы, разные семантические сферы действия *толщины*, как ‘слой вещества’ и ‘часть тела’. Идея ‘слоя’ прочитывается и в толковании прилагательного *толстый*, описывающего размеры

¹⁹¹ Еще раз обратим внимание, что упоминаемые выше конструкции размера с творительным типа Х Y-ом (в) / (с) Z на базе *толщины* выступают чаще всего в сочетании с теми частями тела, которые по своему топологическому типу максимально приближены к одним из прототипичных референтов параметрического *толстый* – вытянутым стержням-столбам, ср. *рука, палец*. Намного реже встречается измерение «ногой», но для этого описываемый объект должен, как правило, принадлежать топологической зоне НИЗ, ср. *змея толщиной с ногу* (Мель 2009: 482).

человеческого тела. Так, НОСС и, в частности Е.В. Урысон, указывает на следующую особенность, ср. (НОСС: 1157-1158):

С точки зрения русской языковой картины мира тело человека имеет средний (нормальный) объем, если оно содержит определенное количество м я с а и некоторое количество ж и р а. Кроме того, тело среднего объема содержит определенное количество ж и д к о с т и.

Если следовать НОСС, «*толстый*» указывает как на большое, так и на о ч е н ь большое отклонение от среднего объема, не указывая специально ни на количество жира, ни на консистенцию тела» (там же). Интересно, что *толщина*, как правило, более нейтральна: в генитивных конструкциях она может выступать как немаркированная мера, ср. *отверстие в толщину человека*, и как очевидная отсылка к нестандартному размеру с отклонением в сторону большого полюса шкалы; причем в отсылках к *тучности* и *полноте* её обладателя *толщина*, вероятно, может встречаться и в контекстах о ч е н ь большого отклонения, ср. НКРЯ:

(115) Иван Прокофьевич Пыжов отличался *непомерной толщиной*, по совести говоря, таких толстяков я в своей жизни больше не встречал. [А.С. Макаренко. Книга для родителей (1937)]

С точки зрения функциональности *толщина* частей тела и обозначений тела человека тоже может подчиняться разным правилам. С одной стороны, легко убедиться, что в схематизацию *толщины* частей тела, концептуализируемых по типу столбов-стержней (*нога, рука, палец*), включена (но не всегда) идея «сопротивляемости поломке» (resistance to breaking). С другой стороны, в случае частей тела, отождествляемых с 'оболочками' (*толщина оперения, толщина стенок артерий*), активизируется смысл «сопротивляемости вторжению извне» (resistance to penetration). Но как тогда можно объяснить функциональность слоев в сочетаниях *толщина живота* или *толщина щек*? Именно в этом пункте, на наш взгляд, положение К. Ванделуаза о двух типах функциональности требует уточнений. Более логичным представляется выделять для трактовки *толщины* частей тела и тела человека или животного в целом дополнительную функцию, «рабочее» название которой будет **кумулятивная**, или **накопительная**.

Таким образом, наша интерпретация *толщины* – как предметной, так и антропоцентричной, – не через традиционно приписываемый человеку топологический тип столбов-стержней или объектов цилиндрической формы^{192 193}, а через понятие ‘слой’, объясняет, почему язык выстраивает в один ряд толстых объектов *человека, колонну, столб, дерево... и слои вещества*.

6.4.1.3. Артефакты

Ярлык ‘артефакты’ приводится здесь для обозначения предметных носителей признака *толщина* самого разного типа. Сюда мы будем относить таксономические классы типа ‘инструменты’, ‘здания и сооружения’, ‘транспорт’, ‘одежду’, ‘оружие’, ‘мебель’ и проч. Все эти объекты группируются вокруг определенных топологических типов, а внутри некоторых классов прослеживается одна общая функция. Приведем некоторые примеры.

Объекты, обозначаемые как ‘инструменты’, могут уподобляться самым разным топологическим типам: от ‘стержней-столбов’ (*толщина спички, иглы, вязальной спицы, черенка лопаты*) и ‘пластин’ (*толщина пилы, облицовочной плитки, экрана*) до ‘верёвок’ (*толщина троса, верёвки, струны, намотки, пружины*) и ‘оболочек’ (*стена ящика, стенка трубы*). Основной функцией *толщины* в случае ‘инструментов’ будет, по-видимому, сопротивляемость поломке. И, действительно, чем толще какая-либо часть инструмента, тем он надёжнее в использовании и тем дольше он служит.

Другой многочисленный класс обладателей *толщины* – ‘здания и сооружения’, а вернее, их части, так как *толщина*, по-видимому, редко описывает автономный объект (*толщина фонарного столба*), указывая, скорее, на измерения частей ‘зданий и сооружений’ – *стен, дверей, окон, балок, перекрытий* и проч. элементов внутренней архитектуры объекта. С точки зрения топологии чаще всего внутри этой группы встречаются ‘пластины’ (*толщина двери, стены, крыши, оконного стекла*), зачастую выполняющие функцию защиты от разного рода вторжений (других людей или

¹⁹² Такая интерпретация значений немецкого *dick* считается возможной в (Vandeloise 1993: 43), ср.: „Should the cylindrical-like shape of the human body be called upon here to justify the connection between *dick*2 and the third meaning of *dick*?”

¹⁹³ Другая точка зрения касательно сочетаемости немецкого *dick* с обозначениями тела человека высказывается в (Lafrenz 1983: 134-135). В частности, немецкое сочетание *ein dicker Bauch* (‘толстый живот’) по аналогии круглой формы ставится в один ряд с выражением *ein dicker Kopf* (дословно: ‘толстая голова’).

механических, звуковых и проч.), а также 'стержни-столбы' (*толщина балок, перекрытий, рам*), нередко отвечающие за прочность постройки.

Еще одну до сих пор не обсуждавшуюся функцию *толщины* объектов обнаруживает целый таксономический класс предметов 'одежда и обувь'. Если 'одежда' обыкновенно мыслится в языке как род 'оболочки', защищающей человека от воздействия солнца, ветра, холода и т.д., то основная функция 'обуви' – защита стоп от повреждения; именно поэтому основное качество обуви – это её износостойкость. Отметим, что из всех обозначений частей 'обуви' с *толщиной* наиболее частотным именем является *подошва*. В этом случае представляется более целесообразным уточнить свойство *толщины*, отсылающей к защитному слою, как «сопротивляемость трению».

Интересный для описания *толщины* случай представляют 'контейнеры', в случае которых *толщина* нередко двусмысленна, ср.: *толщина конверта, вазы, бутылки*. В этих случаях она может отсылать как к обозначению общего объема полого предмета, так и к обозначению *толщины* внешней стенки контейнера¹⁹⁴.

Сближения *толщины* с *высотой* наблюдаются не только в случае 'слоев' (*высота* vs. *толщина слоя*), но и в случае трехмерных объектов, ср. (Апресян 1974: 58):

Измерение, которое у полого предмета (например, *ящичка, шкатулки*) осмысляется как *высота*, у предмета точно такой же внешней формы, но со сплошной внутренней структурой, скорее будет осмысляться как *толщина* (ср. книгу, металлическую отливку)

Еще один нетривиальный аспект функциональности *толщины* освещается, в частности, в (Рахилина 2000: 132; 2010₂:133-134), где сближения *толщины* с *шириной* на примере сочетаний *толстая труба* vs. *широкая труба* взаимоисключаемы – в зависимости от того, какая поверхность более функциональна для Наблюдателя в заданной ситуации.

¹⁹⁴ Ср. также указание на свойство мягких 'контейнеров' в (Рахилина 2000: 121, 2010₂: 123): «*толстый бумажник, конверт*, но не **толстый сундук!*»

Предметный X: резюме

Итак, в предыдущем разделе мы попытались свести воедино разные классификационные критерии объектов, претендующих на статус носителей параметрического признака *толщина*. Как оказалось, выявляется взаимосвязь не только между таксономическим классом объектов и их топологическим типом, но и «сопряженность» объектов одного ряда с определенной функцией, приписываемой *толщине* этих объектов в наивно-языковой картине мира. Такие типы взаимосвязей представлены ниже в Таблице 37.

	Защитные функции <i>толщины</i>					Всего
	поломка	проникновение	кумулятивная	износостойкость	совмещенная	
Топологический тип объекта	слои	16	479	9	1	505
	столбы-стержни	133	21	14	3	171
	верёвки	44	3	0	0	47
	пластины	119	117	11	22	299
	контейнеры	0	14	1	0	15
	выступы	7	1	0	1	9
	поверхности	5	3	2	1	11
	отверстие	0	1	0	0	1
	оболочки	4	145	7	6	162
	шары	1	2	0	0	3
	полосы	8	4	1	4	17
	линии	0	7	1	0	8
	имена формы	1	2	4	0	7
	трубы	1	5	0	0	6
	объемы	2	8	0	0	10
	кольца-круги	3	0	1	1	5
		344	812	51	39	1276

Таблица 37. *Толщина X-a: топологический тип vs. функция*

Как видно из Таблицы, самая частотная референтная группа *толщины* – ‘слои’ (N = 505 или 39.5 %) – напрямую сопряжена с функцией сопротивляемости вторжению (N = 479 или 95 %), в то время как ‘столбы-стержни’ в 78 % случаев (N = 133) ассоциируются с сопротивляемостью *толщины* механической поломке. ‘Пластины’ (N = 299 или 23 % всех употреблений) представляют ситуации, когда возможны разные типы сопротивляемости: в

случае *стекла, витрины* или *зеркала* более значимой будет сопротивляемость механическому повреждению поверхности; другой вид функциональности симптоматичен для 'пластин', поверхность, которых должна быть непроницаемой для таких видов воздействий, как вода, свет, температура, влажность, шум и мн.др. (*толщина стены, листа бумаги, тротуарной плитки, надгробного камня* и т.д.). Нередко категория 'пластин' допускает двойную категоризацию, когда границы между этими двумя типами сопротивляемости размыты, в особенности, если мы говорим о *толщине брони корабля, борта лодки* или *лобового стекла*.

Обобщая наши наблюдения о разных таксономических, топологических и функциональных типах объектов-обладателей *толщины*, можно всё-таки констатировать некий инвариант значения – это образная схема ПОВЕРХНОСТЬ (SURFACE), лежащая в основе практически всех типов *толщины*. Как данная образная схема закреплена в языковых конструкциях с *толщиной*, мы рассмотрим в следующем разделе.

6.5. Семантические типы и конструкции: конструкционный профиль *толщины*

Конструкционный профиль *толщины* еще раз подтверждает сказанное выше: *толщина* – параметр, который в системе обозначений размера занимает своё, особое, место. На первый взгляд, набор генитивных конструкций с участием *толщины* почти идентичен конструкциям, выделяемым с *длиной* и *шириной* (см. 5.8.): помимо исходной номинативной беспредложной конструкции (*толщина X-а*) здесь также отмечаются предложные реализации типа аддитивов (*при толщине льда меньше 8-10 см рыбакам нельзя скапливаться в одном месте*), дистрибутивов (*расклеить ленты по толщине доски*), компаративов (*диагноз по толщине кошелька*), дименсивов (*стенки в толщину человеческой ладони; приспустить стекло на толщину пальца*) и пролативов (*во всю толщину стены; трещина через всю толщину краски*). Однако несмотря на почти идентичный набор конструкций, образные или топологические схемы в основе *толщины* будут другими, ср. Таблицу 38. Как видим, образная схема ПОВЕРХНОСТЬ (SURFACE) прослеживается во всех типах конструкций с *толщиной*; примером особого напластавания схем являются конструкции, в которых базовая образная схема ПОВЕРХНОСТЬ комбинируется со схемой ПУТЬ, ср. пролатив (*в толщину*), делающий акцент на

траектории движения вдоль указанного измерения, или весьма редкий для *толщины* дистрибутив, который, как правило, имплицитно предполагает контактное расположение траектора и ориентира, ср.: *расклеить ленты по толщине доски*.

топологическая схема	конструкция	название	ярлык	примеры
поверхность	<i>толщина X-a</i>	номинативная беспредложная	<i>Nominativ</i>	<i>толщина снежного покрова</i> <i>толщина столба</i> <i>толщина стекла</i>
поверхность путь	<i>в толщину X-a</i> <i>X pred в толщину</i>	аккузативная предложная	<i>Prolativ</i>	<i>во (всю) толщину стены</i> <i>через всю толщину</i> <i>рост стебля в толщину</i>
поверхность	<i>на толщину X-a</i>	аккузативная предложная	<i>Dimensiv</i>	<i>в толщину ладони</i> <i>на толщину пальца</i>
поверхность путь (контакт)	<i>по толщине X-a</i>	дательная предложная	<i>Distributiv</i>	<i>по толщине доски</i>
поверхность	<i>по толщине X-a</i>	дательная предложная	<i>Komparativ</i>	<i>по толщине кошелька</i>

Таблица 38. Генитивные конструкции с участием параметра *толщина*

Анализ конструкционного профиля *толщины* по данным НКРЯ показал, что самой частотной конструкцией с *толщиной* является конструкция размера с творительным (*X толщиной с (в) Z*), на долю которой приходится почти треть ($N = 1244$) всех вхождений *толщины* в корпусе, ср. Диаграмму 17. Заметим, что из представленных выше параметров эта конструкция выходила на первое место только в случае *ширины* ($N = 1091$), ср. выше Диаграмму 15 в 5.8.).

Второе место по частотности вхождений в НКРЯ занимают номинативные беспредложные конструкции (*толщина X-a*) ($N = 378$). Любопытно, что на третье место, несмотря на маргинальное число ($N = 108$), выходит аддитив, фигурирующий как с предлогом *при*, например, в случае каузативов-концессивов (ср. НКРЯ: *Орудия сопровождения следуют с пехотой при любой толщине снежного покрова*), так и с комитативным предлогом *с* (*ракетка с большой толщиной обода*).

Достаточно редко *толщина* фигурирует во всех остальных зафиксированных вариантах – компаративе, пролативе, дистрибутиве и дименсиве, на долю которых приходится менее 5 % от общего числа вхождений *толщины* в корпусе.

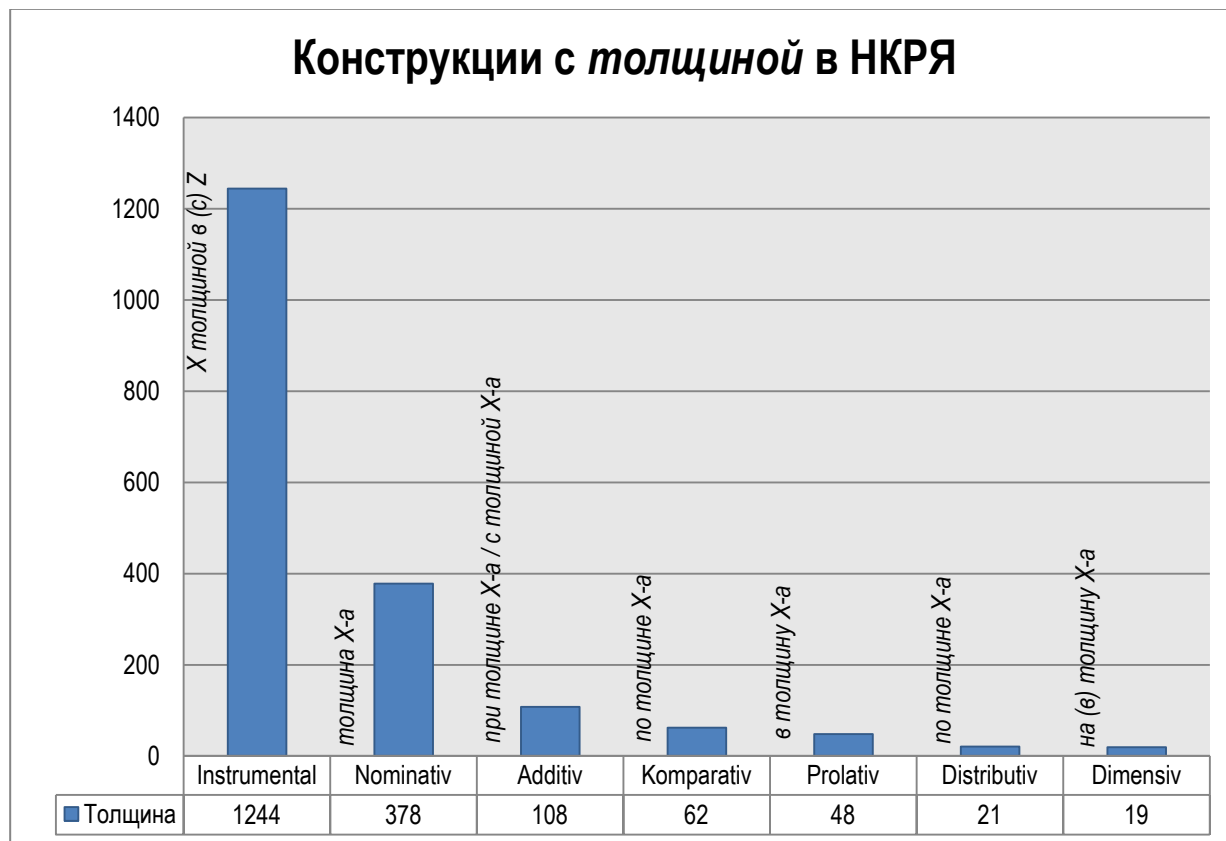

Диаграмма 17. Распределение *толщины* по конструкциям в НКРЯ

Ниже, в Таблице 39, приводятся результаты распределения конструкций в соотношении с приписываемой им функцией *толщины*. Аналогия следования конструкционных типов в НКРЯ и в нашей выборке – очевидна, если не считать, что в выборке почти не представлен типичный для *толщины* инструменталь, исключенный поисковой маской, и что самая большая группа вхождений *толщины* в колонке 'Другие' приходится не на конструкционные оформления, а на случаи глагольного управления.

	Падежные конструкции с <i>толщиной</i>								Всего
	Другие	Номинатив	Аддитив	Компаратив	Дименсив	Дистрибутив	Инструмент.	Пролатив	
поломка	175	123	21	12	10	1	2	0	344
проникновение	340	372	66	15	7	5	3	4	812
совмещенная	16	11	3	0	0	0	0	0	30
кумулятивная	22	23	2	2	1	0	0	1	51
износостойкость	12	15	6	3	1	1	1	0	39
	565	544	98	32	19	7	6	5	1276

Таблица 39. Толщина X-а физическая: распределение по генитивным конструкциям

Из конструкций номинатив, аддитив и компаратив в выборке занимают также первые позиции, что зеркально отражает результаты распределений по всему НКРЯ. Заметное предпочтение *толщина* отдает конструкциям, суммируемым нами как аддитивы (N = 98 или 7.6 %), т.е. всем тем конструкциям, основная функция которых – дополнительное указание на параметрический признак, выражаемое разными предлогами. Интересно, что в случае рассмотренных выше параметров аддитив занимает более периферийные позиции (≤ 5 %). Кроме того, периферийные позиции, как и в Диаграмме 17, занимают дименсив, дистрибутив и пролатив. Таким образом, конструкционный профиль *толщины* по данным выборки в принципе отражает картину распределения заданных конструкций по всему НКРЯ.

Сопоставление функций *толщины* с видом конструкций, в которых она реализуется, не выявило четких тенденций (ср. Таблицу 39). Основные типы защитных функций *толщины* – ‘сопротивляемость поломке’ (resistance to breaking) и ‘сопротивляемость проникновению извне’ (resistance to penetration) – чаще всего наблюдаются в позиции номинатива (N = 123 или 9.6 % vs. N = 372 или 29.1 %). Аддитив, по всей видимости, более характерен в случаях защиты от проникновения, чем в случаях защиты от поломки, однако полученные результаты необходимо проверить на более обширном языковом материале. То же касается всех остальных случаев, в которых функция ‘сопротивляемости проникновению извне’ обнаруживает явный перевес почти во всех типах конструкций (за исключением дименсива).

6.6. Выводы по *толщине*

В заключение еще раз коротко обозначим те факторы, которые, на наш взгляд, нетривиальны для выбора параметра *толщина*. Как по ТИПУ, ФИЗИКЕ, так и по ПРАГМАСЕМАНТИКЕ объекта *толщина* накладывает ряд определенных ограничений на выбор возможных кандидатов-носителей этого линейного признака. Мы пришли к выводу, что по целому ряду показателей *толщина* действительно стоит особняком в системе параметрических обозначений размера, не только потому, что это самый минимальный и самый низкочастотный параметр из всех пяти линейных обозначений размера.

Как мы помним, в литературе по размерам *толщину* относят к самому «антропоцентричному» из всех пяти обозначений размера. Это определение опирается прежде всего на данные по прилагательному – так, например, материал некоторых языков показывает, что *толщина* антропоцентрична прежде всего благодаря прототипичности обозначений размеров человека посредством прилагательного *толстый* (Lafrenz 1983: 134; Weydt & Schlieben-Lange 1995: 734; Vogel 2004: 177, 199). Наш материал показывает, что критерий ТИП объекта, характеризующегося *толщиной*, еще не дает оснований для причисления этого параметра к самому антропоцентричному. Если *длину* и *ширину* можно отнести к самым «вещным» параметрам, то *толщина*, скорее, самый «вещественный» размер: оказывается, что прототипом носителя *толщины* являются ‘вещества и материалы’ (*толщина пыли, снежного покрова, асфальта, чернозёма и т.д.*), концептуализируемые в языке по типу слоев – на их долю приходится почти половина всех контекстов *толщины* (49.1 %). С нашей точки зрения, именно прототипичность ‘слоев’ для *толщины* связывает базовое «вещественное» значение в случае существительного с прототипичным для прилагательного антропоцентричным X-ом.

Другое дело – сам тип измерения, задаваемый *толщиной*. Гипотеза о том, что *толщина* – самый тактильный из всех пяти параметров, так как она обозначает только ту протяженность, которую можно измерить пальцами, частями руки или обхватом, по всей видимости, подтверждается, по крайней мере, двумя аргументами. Во-первых, удалось установить, что базовой образной или топологической схемой, лежащей в основе наивно-языковых концептуализаций *толщины*, является схема ПОВЕРХНОСТЬ. Во-вторых, как показывает конструкционный профиль *толщины* (6.5.), конструкции с творительным типа X *толщиной* с (в) Z будут самыми прототипичными, не имеющими равноценных аналогов

внутри генитивных конструкций. Центральность этого типа конструкций для антропоцентричного измерения с участием разных типов эталонов на базе частей тела подробно была описана в (Шеманаева 2008a). Таким образом, на основе этих двух показателей антропоцентричность *толщины* – неоспорима.

Включение мереологического компонента в анализ данных выборки показывает, что *толщина* почти на 79 % – частный параметр (*толщина коры, покрытия, пальца, стебля, столешницы*) и лишь на 21 % – целостный (*толщина дерева, дуба, копья, колонны, епископа*) ($\chi^2 = 438.34$, $df = 1$, $p < .001$), что вполне объяснимо за счет прототипичности таксономического класса ‘вещества и материалы’, представители которого обыкновенно мыслятся как часть целого. Как и в случае *длины* и *ширины* преемственность параметрического признака наблюдается только в случае таких сложноструктурных объектов, части которых имеют одинаковую внутреннюю структуру и иллюстрируют тот же топологический тип, что и целое, ср.: *толщина книги складывается из толщины страниц, толщина покрытий – из толщины слоев, а толщина веревок – из толщины волокон*.

ФИЗИКА объекта, как выясняется, также играет роль в случае *толщины*. И даже если такие факторы, как ориентированность объекта в пространстве, наличие или отсутствие четкой формы, постоянная vs. непостоянная характеристика объекта, по всей видимости, малозначимы для *толщины*, то конфигурация объекта, как показывают случаи сближения *толщины* и *высоты*, более критична (ср. *толщину* сплошных и *высоту* полых объектов, которые могут маркировать одно и то же измерение).

В работе предлагается рассматривать ПРАГМАСЕМАНТИКУ, или прагматически и семантически обусловленные факторы выбора объекта-обладателя *толщиной*, с точки зрения четырех видов функциональной значимости. В частности, критерий функциональности, до сих пор применявшийся к *толщине* без учета целого ряда различий, требует более дифференцированного подхода. Помимо выделяемых К. Ванделуазом центральных для *толщины* защитных функций – функции ‘сопротивляемости поломке’ (resistance to breaking) и функции ‘сопротивляемости проникновению’ (resistance to penetration), для сочетаний, таких как *толщина щёк* или *толщина подошвы*, мы предлагаем брать в рассмотрение дополнительные виды функциональной значимости: во-первых, *толщина* может быть сопряжена с накопительной, или кумулятивной функцией, релевантной прежде всего для обозначений общего размера, а также частей тела человека и животного (в этот круг употреблений могут относиться и обозначения еды, ср.

толщина ломтя хлеба, толщина шпика); во-вторых, существует особый круг употреблений, в котором указание на *толщину* объекта X отвечает функции износостойкости ('сопротивляемость трению') (*толщина подошвы, набойки, линолеума*). Как видим, *толщине* приписывается самый разнообразный набор защитных функций в зависимости от типа физического воздействия извне – будь то сила притяжения, трение или световое, тепловое и т.д. воздействие. Кроме того, наш материал показывает, что существует корреляция между топологическим типом объекта и защитной функцией *толщины*: если *толщина* 'слоев' в первую очередь препятствуют оптическому и др. видам проникновения извне, то *толщина* 'пластин' и 'стержней-столбов' прежде всего задаётся сопротивляемостью поломке, т.е. воздействию механической силы со стороны другого предмета.

Главный вопрос, который нас интересовал, – будет ли *толщина* параметром скорее наивно-языкового или точного измерения, – не имеет однозначного ответа. Несмотря на то, что по статистике *толщина* на 97.6 % – физический параметр с более высоким покрытием в нехудожественных типах текста (54.7 %) и с относительно небольшим количеством семантических напластований (2.4 %), она, как правило, не выступает в роли метрической или метрологической единицы, предпочитая антропоцентрические меры-эталон (толщина пальца, ладони, и проч.).

Традиционное представление о том, что в номинальные концептуализации размера не заложена шкала признака, не вполне соответствует языковой действительности, и *толщина* – хороший тому пример. Если прилагательное *толстый* и его синонимы (*полный, пухлый, тучный, жирный*) (ср. НОСС: 1158-1159) чаще всего маркируют небольшое, большое или очень большое отклонение от среднего объема, то существительное *толщина* такого прочтения не имеет, отсылая лишь к обозначаемому параметру (ср. *толстое бревно* vs. *толщина бревна*). Однако легко обнаружить контексты, не вписывающиеся в указанное правило. Как показывают данные НКРЯ, *толщина* может маркировать разные степени отклонения от нормы, но для таких реализаций необходимы дополнительные маркеры функции Magn, как, например, прилагательные *непомерный, необъятный, невообразимый* и особое синтаксическое окружение (ср., например, типичный для таких контекстов характеристический родительный: *X непомерной/необъятной толщины*). Тем не менее, сочетаемость *толщины* с частями тела всё-таки может быть маркирована, если в качестве X-а

выступает часть тела, традиционно коннотируемая с *толщиной* (ср. *толщина живота, щек*) или часть тела, в семантику которой встроено представление о большом размере (ср. *толщина ляжки, чрева, пуза*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы попытались дать целостный и в то же время частный обзор номинальных концептуализаций размера в русском языке на основе пяти линейных обозначений – *глубина*, *высота*, *длина*, *ширина* и *толщина* – в рамках генитивной конструкции Y (параметр) X-а.

Для обозначенных целей был выбран метод описания параметрической единицы на основе корпусного портрета с включением статистического, словарного и семантического анализа, а также конструкционного профиля искомых обозначений размера. Понятие конструкционного профиля параметра, принятое в данной работе вслед за (Janda & Solovyev 2009), направлено на выявление соотношения прототипических значений слова и конструкций, в которых эти значения реализуются.

Применительно к параметрическим существительным прототипичность сводится к выявлению прототипичного обладателя искомого признака. Для этого нами была разработана система описания параметров на основе таких критериев, как ТИП, ФИЗИКА и ПРАГМАСЕМАНТИКА объекта. ТИП объекта X, претендующего на обладание параметром, задается прежде всего топологическим типом, т.е. закрепленной в языке эталонной проекцией объекта, не всегда совпадающей с научной системой измерений. ФИЗИКА X-а – ярлык, введенный нами для обозначения таких существенных для параметризации факторов, как число линейных измерений объекта, его ориентированность или направленность в пространстве, конфигурация, внутренняя анатомия и проч. свойств, обусловленных физическими характеристиками обладателя признака. Под ПРАГМАСЕМАНТИКОЙ объекта мы понимаем ту совокупность факторов, которые представляют точку зрения Наблюдателя и/ли Пользователя. Сюда мы будем относить как уже устоявшееся в литературе понятие функциональной значимости, так и другие антропоцентрические эффекты, которые, на наш взгляд, еще не привлекали внимание когнитивистов. Так, помимо *функциональности*, впервые вводится понятие *критичности*, в частности, для объяснения «пороговой» семантики параметра *высота*.

Включение мереологического компонента в интерпретацию размера отчасти даёт объяснение наблюдаемому явлению переноса признака от 'части' к 'целому' и наоборот.

Однако семантика преемственности параметрического признака требует более пристального изучения и проверки на более обширном языковом материале.

Метод конструкционного профилирования параметрического имени, как нам кажется, имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционным описанием размерной лексики в отрыве от конструкций с её участием; при этом, как мы смогли убедиться, особое место отводится роли конструкции в снятии двусмысленности (в особенности для параметров вертикальной оси) и в моделировании частных типов измерений внутри параметров.

Последовательный анализ каждого отдельно взятого параметра в свете конструкций с его участием позволяет сделать следующие важные обобщения:

ГЛУБИНА

- Из всех пяти линейных обозначений размера *глубина* – самый частотный и самый «метафорический» параметр, дающий почву для развития целого ряда семантических напластований (на базе как размерного (*глубина*₁), так и дистантного (включая *глубину*₂) значений), которые составляют 75 % от общего количества вхождений *глубины* в выборке. Из всех пяти размерных наименований *глубина* ближе всего соприкасается с *высотой*, обнаруживая параллели не только в наличии дистантных значений, общности схем семантических переносов, но и в наборе конструкций, которые «обслуживают» эти два параметра.
- Главный носитель признака *глубина* – топологический тип 'контейнер', к которому относятся объекты самого разного рода, – от трёхмерных ёмкостей, углублений и ниш, до отверстий и слоёв вещества. Дистантная *глубина* может присваиваться как объектам (*глубина приманки*), так и процессам, производимым на *глубине* (*глубина ловли*). Нередко размерное или дистантное прочтение нейтрализуется в беспредложной генитивной конструкции *глубина X-а* (*глубина норы*); предложные же генитивные конструкции, наоборот, способствуют снятию двусмысленности.
- В наборе генитивных конструкций с *глубиной* нами был выделен особый тип базовой «контейнерной» конструкции вида *в глубине X-а* (и её производных – направительной *в глубину X-а* и исходно-отложительной *из глубины X-а*), которые соответствуют определению конструкции в смысле Теории Грамматики Конструкций (Ч. Филлмора и его последователей – А. Гольдберг и др.) и основному свойству

некомпозициональности языковых единиц этого типа. Было установлено, что эта конструкция задает особый тип измерения, при котором даже непрототипические для контейнерной схемы объекты могут выступать в роли «вместилища» (*в глубине острова, в глубине арки, в глубине стола*).

ВЫСОТА

- *Высота*, как и *глубина*, – параметр вертикальной оси измерения, по многим показателям зеркально отражающий *глубину*: ей также свойственно, помимо размерного (*высота*₁), дистантное значение (включая *высоту*₂), а семантические наращения *высоты* образуют целый ряд аналогий с *глубиной* (количественно-качественные переходы, «содержательная» и пространственная составляющая). Конкурентами *высоты* в обозначении одного и того же измерения могут выступать *длина* и *толщина*: так, максимальный неvertикальный размер («лежачих») предметов кодируется *длиной*, а в случае некоторых типов объектов (например, слои вещества) пальму первенства может получить и *толщина*.
- Тем не менее, этот линейный размер обнаруживает и асимметрию к *глубине*: *высота* является на 80% параметром физического размера и обнаруживает более широкую сферу семантического действия, кодируя не только вертикальный размер предметных имен, но и человека.
- Значимость антропоцентрической составляющей для *высоты* проявляется, с нашей точки зрения, не столько в ориентированности вертикально вытянутых объектов на антропоморфную вертикаль, сколько в выделяемом нами критерии *критичности* как важной прагматической доминанты *высоты*, программирующей «пороговую» семантику этого параметра и мотивирующей выделенность конструкции 'уровня' (*на высоте X-а*) и её модификаций (*с высоты X-а, на высоту X-а*) в конструкционном профиле *высоты*.

ДЛИНА и ШИРИНА

- *Длина* и *ширина* трактуются в работе как пара параметров неvertикальной оси измерения, при этом *длина* измеряет максимальный неvertикальный, а *ширина* –

минимальный невертикальный размер предмета. По сравнению с параметрами вертикальной оси, указанная пара больше соответствует прототипу параметрического имени, так как в 97 % употреблений реализуется первичное, размерное значение и лишь в 3 % – метафорическое.

- Было показано, что *длина* и *ширина* представляют собой пограничные параметры двух картин мира – научной и наивно-языковой. Было, в частности, установлено, что *длина* – единственный из пяти параметров, чаще всего выступающий в роли научной, метрической и метрологической единицы (*длина меридиана, аршина, метра*), в то время как *ширина* в большей степени антропоцентрическая мера (*ширина плеч, ладони*).
- Данные НКРЯ показывают, что типичными обладателями как *длины*, так и *ширины* являются прежде всего 'топографические объекты', к которым относятся не только элементы природного ландшафта, но и антропогенные объекты, а также здания, сооружения и инструменты. Исходя из того, что функциональная составляющая является неотъемлемым элементом интерпретации параметров, предлагается выделять четыре типа функциональных классов объектов – *проводники, инструменты, контейнеры* и *опоры*, – каждому из которых приписывается одна функциональная доминанта: *проводники* обеспечивают прохождение траектора *вдоль, по* или *через* ориентир; каждый *инструмент* имеет свою «рабочую» сторону; основная функция *контейнеров* – хранение вещей, а *опоры* служат для поддержания баланса. Более того, мы показали, что функциональный критерий в описании *длины* и *ширины* в трактовке К. Ванделуаза (Vandeloise 1988) нуждается в уточнении: наряду с выделяемой автором функциональностью в смысле потенциального прохождения (potential passing), релевантной прежде всего для *длины*, представляется необходимым автономное описание функциональной составляющей *ширины*. Функциональность *ширины*, как удалось показать, связана с представлением о потенциальном контакте, на основе которого можно выделить особую защитную функцию *ширины* – защита фасада (фасадных объектов) и связанную с ней прагматическую установку на преодоление потенциальной или реальной помехи.
- Конструкционный профиль *длины* и *ширины* обнаруживает полное совпадение синтаксического оформления; при этом несколько бóльший удельный вес

пролатива (*в(о) (всю) длину / ширину X-а*) и дистрибутива (*по (всей) длине / ширине X-а*), на наш взгляд, подтверждает положение о корреляции этих конструкций с их базовыми образными схемами: ПУТЬ – в случае *длины* и КОНТАКТ / БЛОКАДА – в случае *ширины*.

ТОЛЩИНА

- Толщина как самый минимальный и самый низкочастотный параметр из пяти линейных обозначений размера образует, на наш взгляд, периферию системы параметрических имен.
- Важной особенностью *толщины* является её антропоцентричность, пронизывающая разные уровни языка. Как показывает наш анализ, *толщину*, действительно, можно отнести к самым антропоцентричным наименованиям размера, но не только в смысле высокой сочетаемости с обозначениями человека и частей тела, – что верно только для прилагательного (ср. Vogel 2004). Материал номинальных концептуализаций *толщины* дополняет картину «человеческого фактора» в языке. Как нам кажется, основная образная схема *толщины* – ПОВЕРХНОСТЬ – проливает свет, во-первых, на прототипичность конструкций размера с творительным типа *X толщиной с (в) Z*, где позиция *Z* заполняется, как правило, антропоцентрическим эталоном (*палец, рука, обхват*) (ср. Шеманаева 2008а) и, во-вторых, выполняет роль связующего элемента между такими, казалось бы, разными значениями *толщины* как описание слоя вещества (*толщина ила, снежного покрова*) и описание размера части тела (*толщина живота, щёк, ляжки*).
- Идея функциональности *толстых* объектов в теории К. Ванделуаза (Vandeloise 1993) получает в нашей работе дальнейшее развитие: выясняется, что не все вхождения «покрываются» такими выделяемыми им защитными функциями *толщины*, как сопротивляемость поломке (resistance to breaking) и сопротивляемость проникновению (resistance to penetration). Для объяснения круга употреблений *толщины* с таксономическими классами 'части тела' (*толщина щёк, брюха*) и 'еда' (*толщина колбасы, сыра*) нами вводится понятие кумулятивной, или накопительной, функции; кроме того, в отдельном круге употреблений (например, таксономический класс 'одежда и обувь' или 'механизмы и приборы') *толщина*, на

наш взгляд, помимо сопротивляемости проникновению, выполняет еще и функцию, сопротивляемости трению (ср. износостойкость обуви, деталей механизмов и др.).

Подводя итог приведенным выше выводам по отдельно взятым параметрам, попытаемся сделать обобщения, касающиеся системы параметрических имён в целом. Несколько огрубляя картину, организацию параметров внутри данного лексикографического типа на основе совмещения таксономии, топологии и конструкционного профиля имени схематично можно представить в Таблице 40.

параметр	образная схема	прототипичная конструкция
глубина	КОНТЕЙНЕР	в глубине X-а из глубины X-а в глубину X-а
высота	УРОВЕНЬ	на высоте X-а с высоты X-а на высоту X-а
длина	ПУТЬ	в длину X-а по длине X-а
ширина	КОНТАКТ / БЛОКАДА	в ширину X-а по ширине X-а
толщина	ПОВЕРХНОСТЬ	X толщиной с (в) Z

Таблица 40. Номинальные концептуализации размера: параметры и конструкции

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для каждого параметра будет характерен свой собственный тип измерения, определяемый топологической или образной схемой исходной семантики имени и задаваемый определенным типом конструкции. Более того, наглядными становятся сближения и расхождения как внутри системы номинальных концептуализаций размера, образующих континуум «параметричности», так и между номинальными и адъективными обозначениями:

- *Глубина* и *высота* как параметры вертикальной оси измерения образуют одну подсистему размерных обозначений и одинаково хорошо используются в сочетаниях с именами, как предметной, «вещной», так и абстрактной лексической сферы; при этом самая «метафорическая» *глубина* тяготеет, скорее, к

абстрактному типу измерения, в то время как *высота*, наоборот, предпочитает физический тип.

- *Длина и ширина* как параметры невертикальной оси образуют свой собственный блок, который, по всей видимости, можно отнести к прототипическому центру измерительной системы: оставляя немалую часть семантических наращений за *долготой* и *широтой*, *длина* и *ширина* скорее тяготеют к полюсу чисто «технических» параметров, однако с ними возможен и наивно-языковой тип измерения.
- *Толщина* стоит особняком в системе обозначений размера, оставаясь, как мы смогли убедиться, излюбленным параметром наивно-языковой концептуализации.
- Выясняется, что важное отличие параметрических существительных от параметрических прилагательных заключается в том, что существительные не обладают шкалой признака, аналогичной прилагательному. Если параметрическое прилагательное, как правило, обозначает отклонение от среднего размера или объема, то параметрическое существительное обычно приобретает маркированность либо в сочетании с прилагательными функции *Мaгн* (*огромный, непомерный, неслыханный*), либо в конструкциях с признаковой семантикой (ср. характеристический родительный *Х необъятной толщины*). Впрочем, наш анализ корпуса показал, что отклонение от нормы отчасти заложено в семантическую структуру *высоты* и *глубины*, а превышение размеров среднего объема в случае *толщины* в большинстве случаев наблюдается тогда, когда она сочетается с именем части тела, традиционно коннотируемой с *толщиной* (*толщина живота, щёк*), или части тела, в семантику которой встроена сема 'больше среднего' (*ляжка, пузо, брюхо, чрево* и проч.). Как оказывается, *длина* и *ширина* ведут себя совсем по-другому: как «истинные» прототипы параметров они не выявляют семантики «преувеличения» и могут маркировать отклонение от нормы только в сочетании с указанным выше набором языковых средств. Иначе, по-видимому, обстоит дело с *долготой* и *широтой*, чаще всего ассоциируемых с 'большой' протяженностью во времени или в пространстве.

Для когнитивистов обозначения размера представляют особый интерес, так как этот пласт лексики находится на стыке научной и наивно-языковой картины мира. Каждая из них

выбирает имеет свой инструментарий средств измерения, подчиняется своим собственным законам, использует характерный набор эталонов и конструкций. Но главное отличие наивно-языковой картины заключается в том, что в ней измерение преломляется сквозь призму человека и языка, и в этом смысле оно необъективно отражает реальную геометрию размера. Даже если с научной точки зрения любой предмет можно измерить по всем имеющимся в нем измерениям, то это еще не значит, что так будет в языке, ср. в этой связи цитату из (Vandeloise 1993: 46): „But once at home, even the mathematician will speak of the width of its razor for its larger horizontal dimension“. Как мы смогли убедиться, в наивной параметризации объектам приписывается, как правило, только один салиентный размер, независимо от того, как трактует эту протяженность наука. В этом смысле определение прототипического параметрического имени как существительного, допускающего сочетаемость с антропоцентрическими эталонами (1.2.), действительно только для наивно-языковой параметризации.

Представленный в данной работе перечень критериев, отвечающих за языковую реализацию того или иного параметра, можно брать за основу более обширного типологического исследования параметрических имён на материале близкородственных славянских или других генитически неродственных языков.

Помимо выявления возможных типологических параллелей, диссертация может стать подготовительной платформой для решения дальнейших задач в области семантики параметрических обозначений:

- системное сопоставление роли параметрического прилагательного и существительного в указаниях на размер.
- выяснение специфики генитивных отношений между X-ом, т.е. носителем признака, и самим свойством, а также выявление запретов и ограничений в особом типе генитивных конструкций – генитиве признака, заслуживающем, на наш взгляд, отдельного описания.
- усовершенствование инструментария описания параметрических конструкций как многоуровневых концептуализаций размера.
- диахронический анализ сдвига значения на примере параметрической лексики и формализация характерных для неё схем семантических переходов.

- моделирование универсальных типов наивно-языкового измерения на основе базового набора конструкций с участием параметрических имен.

Безусловно, дальнейшие перспективы исследования не ограничиваются выявлением универсальности и специфичности наивной параметризации русского языка. И, хотя набор параметров в каждом языке – и русский язык тому не исключение – ограничен, Грамматика Параметров еще ждет своего часа.

Словари

БАС	<i>Словарь современного русского языка: в 17 т. Москва/Ленинград. 1948-1965.</i>
БТС	<i>Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург. 2000.</i>
МАС	<i>Малый академический словарь русского языка. Т. I-IV. Гл.ред. А.П. Евгеньева. (2-е изд., испр. и доп.). Москва. 1981-1984.</i>
НОСС	<i>Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва. 1997, 2000, 2004.</i>
РСС	<i>Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1-4. Москва. 1998-2007.</i>
СЕф	<i>Современный толковый словарь русского языка. В трёх томах. Гл.ред.: Т.Ф. Ефремова. Москва. 2006.</i>
ССС	<i>Словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. (3-е изд., испр.). Москва. 2005.</i>
СО	<i>Толковый словарь русского языка. Под ред. С.И. Ожегова. (21-е изд., перераб. и доп.). Москва. 1989.</i>
СОШ	<i>Толковый словарь русского языка. Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. Москва. 1992.</i>
СРЯ-XVIII	<i>Словарь русского языка XVIII века. Гл.ред.: Ю.С. Сорокин. Ленинград. 1984-1991. – Вып. 1–6; СПб. 1992 –... – Вып. 7–...</i>
СУш	<i>Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I-IV. Москва. 1934-1940.</i>
ТКС	<i>Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Гл. ред. И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Вена. 1984.</i>
ЧСРЯ	<i>Частотный словарь русского языка (по материалам Национального корпуса русского языка). Гл.ред. О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. Москва. 2009.</i>

Корпуса

НКРЯ	Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)
BNC	British National Corpus (http://corpus.byu.edu/bnc/)
DWDS	Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (www.dwds.de)

Литература

Алпатов, В.М. (1993). Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку. В: *Вопросы языкознания* 3, 15-26.

Апресян, В.Ю, Апресян, Ю.Д. (1993). Метафора в семантическом представлении эмоций. В: *Вопросы языкознания* (3), 27-35.

Апресян, Ю.Д. (1971). О регулярной многозначности. В: *Известия АН СССР, с. серия литературы и языка* 6, 509-523.

Апресян, Ю.Д. (1974). *Лексическая семантика*. Москва.

Апресян, Ю.Д. (1980). *Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл Текст»*. Wien (= Wiener Slawistischer Almanach; Sbd 1).

Апресян, Ю.Д. (1983). Синтаксические признаки атрибутивных конструкций с обязательным зависимым при атрибуте. В: *Wiener Slawistischer Almanach* 11, 25-29.

Апресян, Ю.Д. (1986). Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. В: *Семиотика и информатика* 28 (перепечатано в: Апресян 1995а, т.II, 629-650).

Апресян, Ю.Д. (1995а). *Избранные труды*. Москва.

Апресян, Ю.Д. (1995b). Образ человека по данным языка: попытка системного описания. В: Ю.Д. Апресян (1995). *Избранные труды*. Москва, 348-388.

Апресян, Ю.Д. (2005). О семантических правилах. В: *Болгарская русистика* 3, 3-11.

Апресян, Ю.Д. (отв. ред.) (2006а): *Языковая картина мира и системная лексикография*. Москва.

Апресян, Ю.Д. (2006b). Типы соответствия семантических и синтаксических актантов. В: *Проблемы типологии и общей лингвистики*. Санкт-Петербург, 15-27.

Апресян, Ю.Д. (2009). *Исследования по семантике и лексикографии*. Москва.

Апресян, Ю.Д. (2010а). Принципы лексикографического описания многозначных слов. В: Т.М. Николаева (отв. ред.): *Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова*. Москва, 217-233.

Апресян, Ю.Д. (отв. ред.) (2010b). *Проспект активного словаря русского языка*. Москва.

Арутюнова, Н.Д. (1988). *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. Москва.

Арутюнова, Н.Д. (отв. ред.) (2005): *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. Москва.

Арутюнова, Н.Д., Левонтина, И.Б. (отв. ред.) (2000): *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва.

Богуславский, И.М., Иомдин, Л.Л., Крысин, Л.П. (ред.) (2011): *Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна*. Москва.

Борщев, В.Б. (1996). Семантические типы размера. В: *Московский лингвистический журнал* 2, 80-96.

Борщев, В.Б., Парти, Б.Х. (1999). Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации. В: Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.): *Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика*. Москва, 159-172.

Борщев, В.Б., Парти Б.Х. (2011). Генитив меры в русском языке, типы и сорта. В: И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.): *Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна*. Москва, 95-137.

Булыгина, Т.В., Шмелёв, А.Д. (2000). Числительные в русском языке: лексикографические лакуны. В: Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (отв. ред.): *Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна*. Москва, 289-306.

Вежбицкая, Анна (1999). *Семантические универсалии и описание языков*. Москва.

Воротников, Ю.Л. (1999). *Степени качества в современном русском языке*. Москва.

Гак, В.Г. (2000). Пространство вне пространства. В: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина (отв. ред.): *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва, 127-134.

Ганенков, Д.С. (2000). Типология падежных значений: семантическая зона пролатива. В: *Грамматикализация пространственных значений. (Исследования по теории грамматики, вып. 2)*. Москва, 35-56.

Гарбуль, Людмила (2009). *Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Вильнюс.

Гращенков, П.В. (2004). Двойной генитив в русских именных группах. В: И.М. Кобозева, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей (отв. ред.): *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2004» (Верхневолжский, 2 – 7 июня 2004 г.)*. Москва.

Денисов, П.Н., Морковкин, В.В. (отв. ред.) (2005): *Словарь сочетаемости слов русского языка*. Москва.

Десятова, А.В., Ляшевская О.Н., Махова, А.А. (2008). Конструкция с творительным формы «Х У-ом». В: А.Е. Кибрик (глав. ред.): *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2008» (Бекасово, 4 – 8 июня 2008 г.)*. Москва, 133-139.

Ефремова, Т.Ф. (2006). *Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: около 160 000 слов*. Москва.

Журинский, А.Н. (1971). О семантической структуре пространственных прилагательных. В: А.А. Леонтьев (отв. ред.): *Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования*. Москва, 96-124.

Зализняк, Анна А. (2004). Феномен многозначности и способы его описания. В: *Вопросы языкознания* 2, 20-45.

Зализняк, Анна А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. (2005). *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва.

Золотова, Г.А. (2001). *Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва.

Иванова, Л.И. (1981). *Полисемия русских прилагательных линейного пространственного измерения (категориальная специфика, семемная организация, семантические процессы)*. Автореф. ... канд. филол. н. Воронеж.

Иомдин, Л.Л. (1990). Русский предлог ПО: этюд к лексикографическому портрету. В: Z. Saloni (ed.): *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 241-260.

Иомдин, Л.Л. (1991). Словарная статья предлога ПО. В: *Семиотика и информатика* 32, 94-120.

Иорданская, Л.Н. (2004). Лингвистика частей тела. В: *Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского*. Москва, 397-406.

Иорданская, Л.Н., Мельчук, И.А. (2007). *Смысл и сочетаемость в словаре*. Москва.

Исмаилов, К.А. (1978). *Пространственные прилагательные в английском языке в сопоставлении с каракалпакскими пространственными прилагательными*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 13-26.

Йокояма, О.Б. (2005). *Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов*. Москва.

Князев, Ю.П. (1996). Степени сравнения и точки отсчета. В: А.В. Бондарко (отв. ред.): *Качественность, количественность. Теория функциональной грамматики*. Санкт-Петербург, 129-145.

Князев, Ю.П. (2007). *Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе*. Москва.

Крейдлин, Г.Е. (1990). Метонимический перенос и условия его реализации. В: Z. Saloni (red.): *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*, 185-193.

Крейдлин, Г.Е. (2001). Кинесика. В: С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин (отв.ред.): *Словарь языка русских жестов*. Москва-Вена.

Крейдлин, Г.Е. (2004). *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. Москва.

Крейдлин, Г.Е., Переверзева, С.И. (2009). Тело и его части как объекты семиотической концептуализации. В: *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag*. München – Berlin – Wien, 369-384.

Кржижкова, Е. (1974). Количественная детерминация прилагательных в русском языке. В: *Синтаксис и норма*. Москва, 122-144.

Кронгауз, М.А. (2004). Норма: семантический и прагматический аспекты. В: Ю.Д. Апресян (отв. ред.): *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*. Москва, 137-141.

Кубрякова, Е.С. (1999). Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке). В: *Известия АН. Серия литературы и языка* 58 (5-6), 3-12.

Кузнецова, Ю.Л. (2005). Дистрибутивная конструкция с предлогом *по* в русском языке. В: Н.Д. Арутюнова (ред.): *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. Москва, 616-637.

Кузнецова, Ю.Л., Велейшикова, Т.В. (2010). Современные корпусные исследования языка: новые подходы. В: *Вопросы языкознания* 6, 108-124.

Кузнецова, Ю.Л. (2011). *Статистический профиль как отражение семантических ограничений*. Тезисы конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» (Санкт-Петербург, 24-26 марта, 2011 г.).

Куцова, Г.И. (2004). *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва.

Куцова, Г.И. (2005). Ситуативная норма в значении прилагательных, наречий, предикативов: семантика и конструкции. В: И.М. Кобозева, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей (отв.ред.): *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2005»* (Звенигород, 1-6 июня, 2005 г.). Москва.

Куцова, Г.И. (2006). Валентности и конструкции прилагательных. В: Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей (отв.ред.): *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2006»* (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.). Москва, 323-328.

Летучий, А.Б. (2008). Часть тела/форма «кулак»: функции, концептуализация, место в системе частей тела. В: *Вестник РГГУ. Серия «Языкознание»*. Московский лингвистический журнал 10, 91 – 108.

Ли Су Хён (2005). *Когнитивный анализ русских конструкций с именными квантификаторами*. Дисс. ...канд. филол. наук. Москва, РГГУ.

Ли Су Хён, Рахилина, Е.В. (2005). Количественные квантификаторы в русском и корейском: моря и капли. В: Н.Д. Арутюнова (ред.): *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. Москва, 425-439.

Ляшевская, О.Н. (2004). *Семантика русского числа*. Москва.

Ляшевская, О.Н., Шаров, С.А. (2009). *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. Москва.

МАС (1981-1984). *Малый академический словарь русского языка в четырех томах* под ред. А.П. Евгеньевой. (90 тыс.слов). Москва.

Махова, А.А., Ляшевская, О.Н., Десятова, А.В. (2009). Части тела с точки зрения топологии: корпусное исследование. В: А.Е. Кибрик (глав. ред.): *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009»* (Бекасово, 27 мая – 31 мая 2009 г.). Москва, 313-320.

Мельчук, И.А. (1964). *Машинный перевод и прикладная лингвистика* 8 (Труды 1 МГПИИЯ).

Мельчук, И.А. и А.К. Жолковский (1984). *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики* (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14). Вена.

Мель, А. (2009). Часть тела как эталон в измерительных конструкциях русского языка. В: Tilman Berger et al. (Hrsg.): *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache*. München, 475-490.

Мель, А. (2011). К синонимии конструкций *размера* и *величины* в русском языке. In: *Polyslav* 14 (= Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik), 154-163.

Мечковская, Нина (2005). Образная концептуализация градуально-количественных представлений в русской фразеологии. In: Helmut Jachnow, Tina Drechsler (Hrsg.): *Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduierung*. (= Slavistische Studienbücher 14) Wiesbaden, 58-153.

Немченко, В.Н. (2011). *Грамматическая терминология. Словарь-справочник*. Москва.

Николаева, Т.М. (1983). Качественные прилагательные и отражение 'картины мира'. В: Л.Н. Смирнов (ред.): *Проблемы лексикологии* (= Славянское и балканское языкознание 8), 235-244.

Норман, Борис (2001). Градация в русском языке. In: Helmut Jachnow, Boris Norman und Adam E. Suprun (Hrsg.): *Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien*. (= Slavistische Studienbücher 12) Wiesbaden, 381-403.

Норман, Борис (2004). Наивно-математическая картина мира и ее отражение в языке. В: А.П. Володин (отв. ред.): *Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В.С. Храковского*. Москва.

Норман, Борис (2005). Паремии с градуальным значением в русском языке. In: Helmut Jachnow, Tina Drechsler und Zilka Idrizović (Hrsg.): *Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduierung*. (= Slavistische Studienbücher 14) Wiesbaden, 297-357.

НОСС (1997). Апресян, Ю.Д. (отв.ред.): *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Первый выпуск. Москва.

НОСС (2000). Апресян, Ю.Д. (отв.ред.): *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Второй выпуск. Москва.

НОСС (2004). Апресян, Ю.Д. (отв.ред.): *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. (2-е изд., испр. и доп.). Москва-Вена.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. (1997). *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. Москва.

Падучева, Е.В. (1985₁, 2010₂). *Высказывание и его соотношенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений*. Москва.

Падучева, Е.В. (1998). Парадигма регулярной многозначности глаголов звука. В: *Вопросы языкознания* 5, 3-23.

Падучева, Е.В. (1999). Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола *назначить*. В: Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (отв. ред.): *Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика*. Москва, 488-502.

Падучева, Е.В. (2004). *Динамические модели в семантике лексики*. Москва.

Падучева, Е.В. (2010). Метонимия как сдвиг фокуса внимания. В: Т.М. Николаева (отв.ред.): *Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова*. Москва, 234-250.

Пайар, Д., Селиверстова, О.Н. (отв. ред.): *Исследования по семантике предлогов*. Москва.

Перцова, Н.Н. (1990). К понятию «вещной коннотации». В: Вяч.Вс. Иванов (ред.): *Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. (Сборник статей к 60-летию профессора В.А. Успенского)*. Москва, 96-105.

Плотников, Бронислав (2001). Квантитативная градуальность в естественных языках. В: Alexander Kiklevič (Hrsg.): *Количественность и градуальность в естественном языке // Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache*. (= Die Welt der Slawen 11). München, 11-19.

Плунгян, В.А. (2000). *Общая морфология. Введение в проблематику*. Москва.

Плунгян, В.А. (2010). *Введение в грамматическую семантику*. Москва.

Плунгян, В.А., Рахилина, Е.В. (2000). По поводу «локалистской» концепции значения: предлог *под*. В: Д. Пайар, О.Н. Селиверстова (отв. ред.): *Исследования по семантике предлогов*. Москва, 115-133.

Поцелуевский, Е.А. (1974). Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и сочетаний с ними. В: В.М. Солнцев (ред.): *Проблемы семантики*. Москва, 229-247.

Поцелуевский, Е.А. (1977). Сравнительная степень и свободное употребление прилагательных. В: *Вопросы языкознания* 5, 62-71.

Рахилина, Е.В. (1990). По поводу лингвистической мереологии. В: *Семиотика и информатика*, вып. 30, 75-79.

Рахилина, Е.В. (1990а). Словарная статья слова ЗАБОР. В: *Семиотика и информатика*, вып. 32.

Рахилина, Е.В. (1990b). *Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке)*. München.

Рахилина, Е.В. (1995). Семантика размера. В: *Семиотика и информатика*, вып. 34, 58-81.

Рахилина, Е.В. (1997а). Атрибутивные конструкции с русскими прилагательными размера: частный случай. В: B. Nilsson, E. Teodorowicz-Hellman (red.): *Nazwy barw i wymiarów*. Stockholm Slavic Papers 6. Sztokholm, 121-128.

Рахилина, Е.В. (1997b). Określanie wymiarów części ciała w języku rosyjskim. W: R. Grzegorzczakowa, Z. Zaron (red.). *Semantyczna struktura słownictwa i wypowiedzi*. Warszawa, 91-96.

Рахилина, Е.В. (1999). О переносных значениях прилагательных размера (*глубокий ум – высокий интеллигент*) // НТИ, сер.2, № 10, 40-45.

Рахилина, Е.В. (2000₁, 2010₂) *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва.

Рахилина, Е.В. (2004). Контейнер и содержимое в русском языке: наивная топология. В: *Языковые значения: Методы исследования и принципы описания (памяти О.Н. Селивёрстовой)*. Москва, 233-257.

Рахилина, Е.В. (2007). Типы метафорических употреблений глаголов плавания. В: Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (отв. ред.): *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. Москва, 76-105.

Рахилина, Е.В. (2010). *Лингвистика конструкций*. Москва.

Рахилина, Е.В., Плунгян, В.А. (2011). Ю.Д. Апресян как теоретик грамматики конструкций. В: И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.): *Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна*. Москва, 548-557.

Ревзин, И.И. (1973). К семантическому анализу степеней сравнения в славянских языках. В: А.А. Зализняк (отв. ред.): Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. Москва, 61-67.

Романова, Г.Я. (1975). *Наименование мер длины в русском языке*. Москва.

Руденко, Елена (2001). Градационность семантики глагола: от лексического значения к грамматическому. В: Alexander Kiklevič (Hrsg.): *Количественность и градуальность в естественном языке // Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache*. (= Die Welt der Slawen 11). München, 149-161.

Русская грамматика (1982). Шведова, Н. Ю. (отв. ред.). Том I. Москва.

Рябцева, Н.К. (2000). Размер и количество в языковой картине мира. В: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина (отв. ред.): *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва, 108-116.

Семенова, С.Ю. (1996). Параметрические имена с нестандартной актантной структурой. В: *Московский лингвистический журнал* 2, 371-379.

Семенова, С.Ю. (2000). О некоторых свойствах имен пространственных параметров. В: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина (отв. ред.): *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва, 117-126.

Семенова, С.Ю. (2005). Параметризация как метод познания и как языковой механизм. В: Н.Д. Арутюнова (ред.): *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. Москва, 466-476.

Спиридонова, Н.Ф. (1999). Русские диминутивы: проблемы образования и значения. В: *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*. Т. 58 № 2.

Срезневский, И.И. (1893-1912). *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. I-III. Санкт-Петербург.

Сятковский, Станислав (2001). Градуальность в языке и речи: русский грамматический элатив и его польские эквиваленты. В: Alexander Kiklevič (Hrsg.): *Количественность и градуальность в естественном языке // Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache*. (= Die Welt der Slawen 11). München, 47-60.

Тафель, Карин (2001). Некоторые размышления о связи между количественностью и градуальностью. В: Alexander Kiklevič (Hrsg.): *Количественность и градуальность в естественном языке // Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache*. (= Die Welt der Slawen 11). München, 201-207.

Тошович, Б. (2005). Квантитативная категоризация и категориальная квантификация. В: Н.Д. Арутюнова (ред.): *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. Москва, 104-126.

Трибушинина, Елена (2008). Несколько аксиом о прилагательных-антонимах: контраргументы из русского языка. В: *Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists*. Ohrid: Linguistics (SSGL 34). Amsterdam-New York: Rodopi, 461-488.

Урысон, Е.В. (1995). Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия». В: *Вопросы языкознания* 3, 3-16.

Урысон, Е.В. (1998). «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы. В: *Семиотика и информатика* 36, 226-261.

Урысон, Е.В. (2000). Понятие нормы в метаязыке современной семантики. В: Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (отв. ред.): *Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна*. Москва, 243-252.

Урысон, Е.В. (2005). *Большой и маленький: шкала размера в русском языке*. В: Н.Д. Арутюнова (отв.ред.): *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. Москва, 475-494.

Урысон, Е.В. (2006). Семантика величины. В: Ю.Д. Апресян (отв.ред.): *Языковая картина мира и системная лексикография*. Москва, 713-758.

Урысон, Е.В. (2011). *НОРМА, ОБРАЗЕЦ, СТАНДАРТ, ЭТАЛОН, ШАБЛОН: заметки о полисемии*. В: И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.): *Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна*. Москва, 347-355.

Усманов, Р.Ш. (2008). Семантика и прагматика параметрических прилагательных (на материале английского, русского, башкирского и турецкого языков). В: *Вестник Башкирского Университета* 13, №4, 964-966.

Успенский, В.А. (1979). О вещных коннотациях абстрактных существительных. В: *Семиотика и информатика* 11 (перепечатано в: *Семиотика и информатика*, 1997 (35)), 142-148.

Храковский, В.С. (1999). Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. В: *Теория языкознания. Русистика. Арабистика*. Санкт-Петербург, 112-163.

Червенкова, И.В. (1975). О показателях меры признака (на материале современного русского литературного языка). В: *Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии*. София, 7-111.

Шеманаева, О.Ю. (2006). Точные и приблизительные оценки размеров предметов в русском языке. В: Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей (отв.ред.): *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2006»* (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.). Москва, 567-572.

Шеманаева, О.Ю. (2007). Конструкции измерения уровня с предлогом *по* в русском языке. В: *Научно-техническая информация. Серия 2, №4*, 35-45.

Шеманаева, О.Ю. (2008а). *Конструкции размера в типологической перспективе*. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, РГГУ.

Шеманаева, О.Ю. (2008b). "Снег рыхлый по колено ей": семантические особенности конструкции измерения уровня с предлогом *по* в русском языке. В: *Вестник РГГУ* 6. Серия «Языкознание». Московский лингвистический журнал 10, 120-156.

Шмелёв, А.Д. (2002a). *Русская языковая модель мира: материалы к словарю*. Москва.

Шмелёв, А.Д. (2002b). *Русский язык и внеязыковая действительность*. Москва.

Шмелёв, А.Д. (2005). Параметры количественной оценки в естественном языке. В: Н.Д. Арутюнова (ред.): *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. Москва, 511-520.

Яковлева, Е.С. (1994). *Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия*. Москва.

Aarts, Bas [et al.] (2005). *Fuzzy Grammar*. Oxford.

Armstrong, Sharon Lee, Gleitman, Lila R., Gleitman, Henry (1983). What some concepts might not be. In: *Cognition* 13 (3), 263-308.

Athanasiadou, Angeliki (2001). The conceptualisation and the construal of the concept of *width* in English. In: Enikő Németh T. (ed.): *Cognition in Language Use. Selected Papers from the 7th International Pragmatics Conference*. Antwerp, 1-11.

Barnden, John A. (2010). Metaphor and metonymy: making their connections more slippery. In: *Cognitive Linguistics* 21, 1-34.

Bartlett, Elsa Jaffe (1976). Sizing things up: the acquisition of the meaning of dimensional adjectives. In: *Journal of child language* 3, 205-219.

Bartsch, R. and T. Vennemann (1973). *Semantic structures. A study in the relation between semantics and syntax*. Frankfurt am Main.

Berez, Andrea L. & Stefan Th. Gries (2009). In defence of corpus-based methods: A behavioral profile analysis of polysemous *get* in English. In: *Proceedings of the 24th Northwest Linguistics Conference* (University of Washington Working Papers in Linguistics 27), 157-166.

Biederman, Irving (1987). Recognition-by-Components: A Theory of Human Image Understanding. In: *Psychological Review* 94.2, 115-147.

Bierwisch, Manfred (1967). Some semantic universals of German adjectivals. In: *Foundations of Language* 3, 1-36.

Bierwisch, Manfred und Ewald Lang (1987). *Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven*. Berlin.

Bierwisch, Manfred (1987). Semantik der Graduierung. In: Bierwisch, Manfred und Ewald Lang (Hrsg.): *Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven*. Berlin, 91-286.

Bierwisch, Manfred (1996). How Much Space Gets into Language? In: Paul Bloom et al. (eds.): *Language and Space*. Cambridge/MA, 31-76.

Bierwisch, Manfred and Ewald Lang (1989). *Dimensional Adjectives: Grammatical Structure and Conceptual Interpretation*. (Springer Series in Language and Communication 26), Berlin – Heidelberg – New York.

Black, Max (1962). *Models and Metaphors: studies in language and philosophy*. Ithaca.

Bloemen, Johan & Van Haver, Dirk (1981). Petit et grand: le problème de la norme implicite. In: *Travaux de linguistique* 8, 7-25.

Bogusławski, Andrzej (1994). Measures are measures. In defence of the diversity of comparatives and positives. In: *Sprawy słowa / Word Matters*. Warszawa, 323-329.

Bolinger, Dwight (1972). *Degree words*. The Hague.

Borschev, V.P. & Partee, B.H. (2001). Genitive Modifiers, Sorts, and Metonymy. In: *Nordic Journal of Linguistics* 24.2, 140-160.

Borschev, V.P. & Partee, B.H. (2004). Genitives, types, and sorts. In: Ji-Yung Kim, Yu. A. Lander, B.H. Partee (eds.): *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. Amherst (MA), 29-43.

Brewer, William F. & Stone, J. Brandon (1975). Acquisition of spatial antonym pairs. In: *Journal of experimental child psychology* 19, 299-307.

Chafe, W.L. (1970). *Meaning and the structure of language*. Chicago.

Clark, Eve V. (1972). On the child's acquisition of antonyms in two semantic fields. In: *Journal of verbal learning and verbal behavior* 11, 750-758.

Clark, Herbert H. (1973). Space, Time, Semantics, and the Child. In: Timothy E. Moore (ed.): *Cognitive Development and the Acquisition of Language*. New York and London, 27-63.

Coleman Lisa & Kay, Paul (1981). Prototype semantics: The English word *lie*. In: *Language* 57 (1), 26-44.

Coventry, Kenny R. & Simon C. Garood (2004). *Saying, Seeing, and Acting: The Psychological Semantics of Spatial Prepositions*. New York.

Cresswell, M. (1976). The semantics of degree. In: Barbara H. Partee (ed.): *Montague Grammar*. New York, 261-292.

Crosby, Alfred W. (1997). *The Measure of Reality. Quantification and Western Society, 1250-1600*. Cambridge.

- Cruse, D. Alan (1980). Antonyms and gradable complementaries. In: Dieter Kastrovsky (Hrsg.): *Perspektiven der lexikalischen Semantik*. Bonn, 14-25.
- Cruse, D. Alan (1990). Prototype theory and lexical semantics. In: S.L. Tsahatzidis (ed.): *Meanings and prototypes. Studies in linguistic categorization*. London & New York, 382-402.
- Dewell, Robert B. (2005). Dynamic patterns of CONTAINMENT. In: Beate Hamp & Joseph E. Grady, (eds.): *From perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Berlin/New York, 369-393.
- Dirven, René/Taylor, John R. (1988). The Conceptualisation of Vertical Space in English: The Case of *Tall*. In: B. Rudzka-Ostyn (red.): *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, 379-402.
- Divjak, Dagmar (2006). Ways of intending: Delineating and structuring near-synonyms. In: Stefan Gries and Anatol Stefanowitsch (eds.): *Corpora in Cognitive Linguistics*. Vol. 2. *The Syntax-Lexis Interface*. Berlin, 19-56.
- Divjak, Dagmar & Stefan Th. Gries (2006). Ways of trying in Russian: Clustering behavioral profiles. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 2, 23-60.
- Durrell, Martin (1988). Zu einigen deutschen und englischen Dimensionsadjektiven. Eine vergleichende Analyse. In: Horst H. Munske [et al.] (eds.): *Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien*. Berlin & New York, 93-115.
- Ebeling, Karen S., and Susan A. Gelman (1994). Children's use of context in interpreting 'big' and 'little'. In: *Child Development* 65, 1178-1192.
- Eilers, Rebecca E., Oller D. Kimbrough & Ellington, Judy (1974). The acquisition of word-meaning for dimensional adjectives: the long and short of it. In: *Journal of child language* 1, 195-204.
- Eisenberg, P. (1975). *Oberflächenstruktur und logische Struktur. Untersuchungen zur Syntax und Semantik von Adjektivkonstruktionen des Deutschen*. Berlin.
- Evans, Vyvyan (2007). *A Glossary of Cognitive Linguistics*. Salt Lake City.
- Evans, Vyvyan and S.S. Pourcel (eds.) (2009): *New directions in cognitive linguistics*. Amsterdam and Philadelphia.
- Fillmore, Ch.J. (1965). *Entailment rules in a semantic theory*. POLA Report 10. Ohio.
- Fillmore, Ch.J. (1985). Syntactic intrusions and the notion of grammatical construction. In: *Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* 11, 73-86.
- Galeote Moreno, Miguel Ángel, Peraita Adrados, Herminia & Ponce, Elena Checa (1999). Adult performance in naming spatial dimensions of objects. In: *The Spanish Journal of Psychology* 2 (1), 39-54.

Garrod, Simon, Ferrier, Gillian, Campbell, Siobhan (1999). *In and on: investigating the functional geometry of spatial prepositions*. In: *Cognition* 72, 167-189.

Gathercole, Virginia C. (1982). Decrements in children's responses to *big* and *tall*: a reconsideration of the potential cognitive and semantic causes. In: *Journal of experimental child psychology* 34, 156-173.

Geeraerts, Dirk (1988). Where does prototypicality come from? In: Brygida Rudzka-Ostyn (ed.): *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia, 207-229 (также в книге: Geeraerts, Dirk (2006). *Words and other wonders. Papers on lexical and semantic topics*. Berlin, 27-47).

Geeraerts, Dirk (1993). Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries. In: *Cognitive linguistics* 4, 223-272 (также в книге: Geeraerts, Dirk (2006). *Words and other wonders. Papers on lexical and semantic topics*. Berlin, 99-148).

Geeraerts, Dirk (2006). *Words and other wonders. Papers on lexical and semantic topics*. Berlin.

Geeraerts, Dirk (2010). *Theories of lexical semantics*. Oxford.

Gelman, Susan A., Ravn, Karen E. & Maloney, Laurence T. (1985). When "big" does not refer to overall size. Dimensional adjectives in context. In: *Papers and Reports on Child Language Development* 24, 62-69.

Girke, Wolfgang (1998). Maß- und Merkmalskomparativ, pragmatischer Positiv und schlummernde Prädikationen. In: Tilman Berger und Jochen Raecke (Hrsg.): *Slavistische Linguistik 1997. Referate des XXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens*. Blaubeuren, 26.-28.8.1997, 81-100.

Goddard, Cliff (1998). *Semantic Analysis: A practical introduction*. Oxford.

Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka (2002). Semantic Primes and Universal Grammar. In: Cliff Goddard & Anna Wierzbicka (eds.): *Meaning and Universal Grammar: Theory and Empirical Findings*. Amsterdam, 41-85.

Goldberg, A. (1995). *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago.

Goldberg, A. (2006). *Constructions at Work: The Nature of Generalizations in Language*. Oxford.

Goy, Anna (2002). Grounding Meaning in Visual Knowledge. A Case Study: Dimensional Adjectives. In: Kenny R. Coventry & Patrick Olivier (eds.): *Spatial Language. Cognitive and Computational Perspectives*. Dordrecht, 121-145.

Greimas, Algirdas Julien (1966). *Sémantique structurale: recherche de méthode*. Paris.

Gries, Stefan Th. (2006). Corpus-based methods and cognitive semantics: The many meanings of *to run*. In: Stefan Th. Gries & Anatol Stefanowitsch (eds.): *Corpora in cognitive linguistics: Corpus-based approach to syntax and lexis*, Berlin and New York, 57-99.

Gries, Stefan Th. (2008). Dispersions and adjusted frequencies in corpora. In: *International Journal of Corpus Linguistics* 13 (4), 403-437.

Gries, Stefan Th. & Dagmar S. Divjak (2009). Behavioral profiles: A corpus-based approach towards cognitive semantic analysis. In: V. Evans and S.S. Pourcel (eds.). *New directions in cognitive linguistics*. Amsterdam and Philadelphia, 57-75.

Gries, Stefan Th. et al. (eds.) (2010). *Corpus-linguistic applications: current studies, new directions*. Amsterdam/New York.

Gries, Stefan Th. & Naoki Otani (2010). Behavioral profiles: A corpus-based perspective on synonymy and antonymy. In: *International Computer Archive of Modern and Medieval English* 34, 121-150.

Grzegorzczkova, Renata (1996). Badania semantyczno-porównawcze w aspekcie diachronicznym. W: *Semantyka a konfrontacja językowa*. Warszawa, 219-226.

Grzegorzczkova, Renata & Zofia Zaron (red.) (1997). *Semantyczna struktura słownictwa i wypowiedzi*. Warszawa.

Renata Grzegorzczkova & Krystyna Waszakowa (red.) (2000-2003). *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne*. Część I-III. Warszawa.

Hagège, Claude (1993). *The language builder: An essay on the human signature in linguistic morphogenesis*. Amsterdam.

Hampe, Beate (ed.) (2005). *From Perception to Meaning. Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Berlin/New York.

Hanks, Patrick (1996). Contextual Dependency and Lexical Sets. In: *International Journal of Corpus Linguistics* 1, 75-98.

Hanks, Patrick (2006). Metaphoricity is gradable. In: Stefanowitsch, Anatol & Stefan Th. Gries (eds.): *Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy*. (Trends in Linguistics. Studies and monographs 171) Berlin, 17-35.

Harris, Paul L. & Folch, Leonor (1985). Decrement in the understanding of *big* among English- and Spanish-speaking children. In: *Journal of child language* 12, 685-690.

Herskovits, Annette (1986). *Language and spatial cognition. An interdisciplinary study of the prepositions in English*. Cambridge.

Herskovits, Annette (1988). Spatial Expressions and the Plasticity of Meaning. In: Brygida Rudzka-Ostyn (ed.): *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, 271-297.

Herskovits, Annette (1997). Language, spatial cognition, and vision. In: Oliviero Stock (ed.): *Spatial and temporal reasoning*. Dordrecht.

Hlebec, Boris (1983). A Lexico-semantic Study of English One-dimension Adjectives. In: *Anali filološkog fakulteta* 15, 243-280.

Hlebec, Boris (1986). Sources of shared polysemy in English spatial adjectives. In: *Studia Anglica Posnaniensia* 18, 205-222.

Hoffman, D. D. & Richards, W. A. (1984). Parts of recognition. In: *Cognition* 18, 65-96.

Hlebec, Boris (1986). Sources of Shared Polysemy in English Spatial Adjectives. In: *Studia Anglica Posnaniensia* 18, 205-222.

Hundsnurscher, Franz/Splett, Jochen (1982). *Semantik der Adjektive des Deutschen. Analyse der semantischen Relationen*. (= Forschungsberichte des Landes Nordrhein-Westfalen 3137). Opladen.

Iordanskaja, Lidija, Mel'čuk, Igor' (2004). The Meaning and Cooccurrence of Russian NEMNOGO 'a little'. In: Ю.Д. Апресян (отв. ред.): *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*. Москва, 112-127.

Iordanskaja, Lidija, Paperno, Slava (1996). *A Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body*. Columbus.

Jackendoff, Ray (1983). *Semantics and Cognition*. Cambridge (MA).

Jackendoff, Ray (1990). *Semantic Structures*. Cambridge (MA).

Jackendoff, Ray (1991). *Languages of the Mind: Essays on Mental Representation*. Cambridge (MA).

Jackendoff, Ray (1996). The architecture of the Linguistic-Spatial Interface. In: Paul Bloom et al. (eds.): *Language and Space*. Cambridge/MA, 1-30.

Jackendoff, Ray (1997). *The Architecture of the Language Faculty*. Cambridge, Massachusetts.

Jackendoff, Ray (2010). *Meaning and the lexicon. The parallel architecture 1975-2010*. Oxford.

Jackendoff, Ray & Barbara Landau (1991). Spatial language and spatial cognition. In: Ray Jackendoff. *Languages of the Mind: Essays on Mental Representation*. Cambridge (MA), 1-30.

Jakubowicz, Mariola (2010). *Drogi słów na przestrzeni wieków* (= Prace Slawistyczne 131). Warszawa.

Janda, Laura (2011). Metonymy in word-formation. In: *Cognitive Linguistics* 22, 359-392.

Janda, Laura A. & Solovyev, Valery D. (2009). What constructional profiles reveal about synonymy: A case study of Russian words for SADNESS and HAPPINESS. In: *Cognitive Linguistics* 20-2, 367-393.

Janus, Elżbieta (1975). "Bardzo" – "wielki" – "duży". W: Elżbieta Janus (red.): *Słownik i semantyka. Definicje semantyczne* (= Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej XXXIX). Wrocław, 145-156.

Janus, Elżbieta (1981). *Wykładniki intensywności cechy (na materiale polskim i rosyjskim)*. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk.

Johnson, Mark (1987). *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago.

Johnson, Mark & George Lakoff (2002). Why cognitive linguistics requires embodied realism. In: *Cognitive Linguistics* 13, 245-263.

Juilland, A., Brodin, D., Davidovitch, C. (1970). *Frequency dictionary of French words*. The Hague/Paris.

Kaiser, Gudrun (1979). 'Hoch' und 'gut' – Überlegungen zur Semantik polarer Adjektive. In: *Linguistische Berichte* 59, 1-26.

Kay, P. & Fillmore, Ch.J. (1999). Grammatical constructions and linguistic generalizations: The What's X doing Y? Construction. In: *Language* 75-1, 1-33.

Keenan, Edward L. & Faltz, Leonard M. (1985). *Boolean semantics for natural language*. Dordrecht.

Keil, Frank and John J. Carroll (1980). The Child's Acquisition of "tall": Implications for an Alternative View of Semantic Development. In: *Papers and Reports on Child Language Development* 19, 21-28.

Kennedy, Christopher (1999). *Projecting the Adjective. The Syntax and Semantics of Gradability and Comparison*. New York & London.

Kennedy, Christopher and Beth Levin (2008). Measure of change: The adjectival core of degree achievements. In: McNally, Louise and Christopher Kennedy (eds.): *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics, and Discourse*. Oxford.

Kiklevič, Alexander (2001) (Hrsg.): *Количественность и градуальность в естественном языке // Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache*. (= Die Welt der Slawen 11). München.

Klimonow, Wladimir D. (1984). Semantische und formale Struktur der Dimensionsadjektive in typologisch unterschiedlichen Sprachen. In: *Untersuchungen zur slawischen Phraseologie II* (= Linguistische Studien, Reihe A. 120), 217-254.

Kor Chahine, Irina (1999). Les Adjectifs Spatiaux Russes: d'une représentation exacte vers la sémantique réelle // *Revue des Études Slaves* LXXI/2, 407-421.

Kövecses, Zoltán (1990). *Emotion concepts*. New York/Berlin.

Kövecses, Zoltán (1995). The „Container“ Metaphor of Anger in English, Chinese, Japanese and Hungarian. In: Zdravko Radman (ed.): *From a Metaphorical Point of View. A Multidisciplinary Approach to the Cognitive Content of Metaphor*. Berlin/New York, 117-145.

Kövecses, Zoltán (2000). *Metaphor and emotion: language, culture, and body in human feeling*. Cambridge.

Kövecses, Zoltán (2002₁, 2010₂). *Metaphor: a practical introduction*. Oxford.

- Kövecses, Zoltán (2005). *Metaphor in culture: universality and variation*. Cambridge.
- Kövecses, Zoltán (2010). A new look at metaphorical creativity in cognitive linguistics. In: *Cognitive Linguistics* 21, 663-697.
- Labov, William (1973). The boundaries of words and their meaning. In: Charles-James N. Bailey & Roger W. Shuy (eds.): *New Ways of Analyzing Variation in English*. Washington D.C., 340-373.
- Lafrenz, Peter Goerges (1983). *Zu den semantischen Strukturen der Dimensionsadjektive in der deutschen Gegenwartssprache*. Göteborg.
- Lakoff, George (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago.
- Lakoff, George (1988). Cognitive Semantics. In: Umberto Eco et al. (eds.): *Meaning and Mental Representations*. Bloomington, 119-154.
- Lakoff, George & Mark Johnson (1980). *Metaphors we live by*. Chicago.
- Lakoff, George & Mark Johnson (1990). *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought*. New York.
- Landau, Barbara & Ray Jackendoff (1993). „What“ and „Where“ in Spatial Language and Spatial Cognition. In : *Behavioral and Brain Sciences* 16:2, 217-265.
- Lang, Ewald (1987). Semantik der Dimensionsauszeichnung räumlicher Objekte. In: Bierwisch, Manfred & Ewald Lang (Hrsg.): *Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven*. Berlin, 287-458.
- Lang, Ewald (1989). The semantics of dimensional designation of spatial objects. In: Manfred Bierwisch & Ewald Lang (eds.): *Dimensional adjectives: Grammatical structure and conceptual interpretation* (Springer Series in Language and Communication 26), Berlin – Heidelberg – New York, 263-417.
- Lang, Ewald (1990a). Primary Perceptual Space and Inherent Proportion Schema. In: *Journal of Semantics* 7.2, 121-141.
- Lang, Ewald (1990b). Sprachkenntnis, Objektwissen und räumliches Schließen. In: *Zeitschrift für Linguistik und Literaturwissenschaft* 78, 59-97.
- Lang, Ewald (1993). The meaning of German projective prepositions: A two-level approach. In: Cornelia Zelinsky-Wibbelt (ed.): *The Semantics of Prepositions. From Mental Processing to Natural Language Processing*. Berlin – New York, 249-291.
- Lang, Ewald (2001). Spatial Dimension Terms. In: M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher (eds.): *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*. Vol. 2. Berlin, 1251-75.

Lang, Ewald – Kai-Uwe Carstensen – Geoffrey Simmons (1991). *Modelling Spatial Knowledge on a Linguistic Basis. Theory – Prototype – Intergration*. (Lecture Notes in Artificial Intelligence 481), Berlin – Heidelberg – New York.

Langacker, R.W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites*. Stanford, CA.

Langacker, R.W. (2000). *Grammar and Conceptualization*. Berlin & New York.

Langacker, R.W. (2003). Dynamicity, Fictivity, and Scanning: The Imaginative Basis of Logic and Linguistic Meaning. In: *Korean Linguistics* 18, 1-64.

Lehrer, Adrienne (1974). *Semantic fields and lexical structure*. Amsterdam.

Leisi, Ernst (1953). *Der Wortinhalt: Seine Struktur im Deutschen und Englischen*. Heidelberg.

Levinson, Stephen (1996). Language and Space. In: *Annual Review of Anthropology* 25, 353-382.

Linde-Usiekniewicz, Jadwiga (1997). Określanie kształtu i wielkości części ludzkiego ciała w języku polskim i angielskim. In: Renata Grzegorzczkova i Zofia Zaron (red.): *Semantyczna struktura słownictwa i wypowiedzi*. Warszawa, 81-89.

Linde-Usiekniewicz, Jadwiga (2000a). *Określenia wymiarów w języku polskim*. Warszawa.

Linde-Usiekniewicz, Jadwiga (2000b). Polskie przymiotniki wymiaru *głęboki – płytki*. In: Renata Grzegorzczkova & Krystyna Waszakowa (red.): *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne*. Część I. Warszawa, 137-148.

Linde-Usiekniewicz, Jadwiga (2000c). Przymiotniki wymiaru w połączeniu z nazwami części ciała w językach: polskim, rosyjskim, ukraińskim, szwedzkim, wietnamskim i japońskim. In: Renata Grzegorzczkova & Krystyna Waszakowa (red.): *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne*. Część I. Warszawa, 167-194.

Linde-Usiekniewicz, Jadwiga (2001). Semantyczne uwarunkowania własności składniowych rzeczownikowych nazw wymiarów. In: *Nie bez znaczenia. Prace ofiarowane prof. Z. Saloniemu*. Białystok, 187-194.

Linde-Usiekniewicz, Jadwiga (2002). Dimension terms in Polish. In: H. Weydt (éd.): *Langue – Communauté – Signification. Approches en Linguistique Fonctionnelle. Actes du XXVème Colloque International de Linguistique Fonctionnelle*. Frankfurt am Main, 217-221.

Linde-Usiekniewicz, Jadwiga (2003). Co jest osobliwego w polskich określeniach wymiarów? In: Renata Grzegorzczkova & Krystyna Waszakowa (red.): *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne*. Część II. Warszawa, 259-275.

- Lowe, David G. (1985). *Perceptual organization and visual recognition*. Boston – Mass. a.o.
- Löbner, Sebastian (2002). *Understanding semantics*. London.
- Lumsden Jr., Ernest A. & Poteat, Barbara W.S. (1968). The salience of the vertical dimension in the concept of "bigger" in five-and six-year-olds. In: *Journal of verbal learning and verbal behavior* 7, 404-408.
- Lyons, John (1977). *Semantics*. Cambridge.
- MacLaury, Robert E. (1995). Vantage theory. In: J.R. Taylor & R.E. MacLaury (eds.): *Language and the cognitive construal of the world*. (=Trends in Linguistics. Studies and Monographs 82), 231-275.
- MacLaury, Robert E. (1997). *Colour and cognition in Mesoamerica. Constructing categories as vantages*. Austin.
- MacLaury, Robert E. (2002). Introducing vantage theory. In: *Language Sciences* 24, 493-536.
- MacLaury, Robert E. (2003). Vantages on the category of vertical extent: John R. Taylor's "high" and "tall". In: *Language Sciences* 25 (3), 285-288.
- Maloney, Laurence T. & Gelman, Susan A. (1987). Measuring the influence of context: The interpretation of dimensional adjectives. In: *Language and Cognitive Processes* 2, 205-215.
- Marr, David (1982). *Vision: a computational investigation into the human representation and processing of visual information*. San Francisco.
- Marr, D. & Nishihara, H.K. (1978). Representation and recognition of the spatial organization of three-dimensional shapes. In: *Proceedings of the Royal Society of London B* 200, 269-294.
- Marr, D. & Vaina, Lucia. (1982). Representation and recognition of the movements of shapes. In: *Proceedings of the Royal Society of London B* 214, 501-524.
- Mielczuk, Igor A. (1972). O określaniu większej/mniejszej złożoności semantycznej wyrazów przy różnych relacjach słowotwórczych. In: Anna Wierzbicka (red.): *Semantyka i słownik* (Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej XXVII). Wrocław, 59-77.
- Mosiolek-Kłosińska, Katarzyna (1997). Antropocentryzm leksyki „zwierzęcej”. In: Renata Grzegorzczkova i Zofia Zaron (red.): *Semantyczna struktura słownictwa i wypowiedzi*. Warszawa, 71-78.
- Motsch, Wolfgang (1971). *Syntax des deutschen Adjektivs*. Berlin.

Murphy, Gregory L. (1993). The conceptual basis of antonymy and synonymy in adjectives. In: *Journal of memory and language* 32:3, 301-319.

Neubauer, Fritz (1977). Aspekte der Klassifikation von Adjektiven. In: Klaus Heger und János S. Petöfi (Hrsg): *Kasustheorie, Klassifikation, semantische Interpretation. Beiträge zur Lexikologie und Semantik*. Hamburg, 231-259.

Neustupný, Jiří V. (1966). On the analysis of linguistic vagueness. In: *Travaux linguistiques de Prague* 2, 39-51.

Partee, Barbara (1995). Lexical semantics and compositionality. In: Lila R. Gleitman & Mark Liberman (eds.): *An invitation to cognitive science: Language 1*. Cambridge, MA, 311-360.

Pinker, Steven (1984). Visual cognition: An introduction. In: *Cognition* 18, 1-63.

Rachilina, Jekaterina (1997). Określanie wymiarów części ciała w języku rosyjskim. In: Renata Grzegorzczkowska i Zofia Zaron (red.): *Semantyczna struktura słownictwa i wypowiedzi*. Warszawa, 91-95.

Pulman, S.G. (1983). *Word meaning and belief*. London.

Rachilina, E.V. (1997). Określanie wymiarów części ciała w języku rosyjskim. In: Renata Grzegorzczkowska & Zofia Zaron (red.) (1997). *Semantyczna struktura słownictwa i wypowiedzi*. Warszawa, 91-95.

Rachilina, E.V. (2003). The case of Russian Genitive case reopened. In: W. Browne, J. Kim, B. Partee, R. Rothstein (eds.): *Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst meeting 2002*. Ann Arbor, 433-450.

Rachilina, E.V. (2004). On genitive and 'stability': evidence from Russian. In: Ji-Yung Kim, Yu.A. Lander, B. Partee (eds.): *Possessives and beyond: Semantics and syntax*. (UMOP 29). Amherst, MA, 45-58.

Ravn, Karen E. & Gelman, Susan A. (1984). Rule usage in children's understanding of "big" and "little". In: *Child Development* 55, 2141-2150.

Reczek, J. (1968). *Bohemizmy leksykalne w języku polskim do końca XV wieku*. Wrocław – Warszawa – Kraków.

Rips, Lance J. & Turnbull, William (1980). How big is big? Relative and absolute properties in memory. In: *Cognition* 8, 145-174.

Roßberg, Klaus (2005). Dimensionsadjektive. In: D. Alan Cruse et alii (eds.): *Lexikologie: Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen*, 2. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 21 (2)), Berlin, 1548-62.

- Rosch, E. (1975). Cognitive reference points. In: *Cognitive Psychology* 7, 532-547.
- Rosch, E. [et al.] (1976). Basic objects in natural categories. In: *Cognitive Psychology* 8, 382-439.
- Rosch, E. (1978). Principles of categorization. In: Eleanor Rosch & Barbara B. Lloyd (eds.): *Cognition and categorization*. Hillsdale, NJ, 27-48.
- Rosch, E. & Mervis, C.B. (1975). Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. In: *Cognitive Psychology* 7 (4), 573-605.
- Rudzka-Ostyn, Brygida (ed.) (1988). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia.
- Sapir, Edward (1944). Grading: A Study in Semantics. In: *Philosophy of Science* 11, 93-116.
- Sharoff, S. (2006). How to handle lexical semantics in SFL: a corpus study of purposes for using size adjectives. In: Susan Hunston and Geoff Thompson (eds.): *System and corpus: exploring connections*. London, 184-205.
- Silverstein, Michael (1976). Hierarchy of features and ergativity. In: Robert M. W. Dixon (Ed.): *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra, 112-171.
- Sinha, Chris & Jensen de López, Kristine (2000). Language, culture and the embodiment of spatial cognition. In: *Cognitive Linguistics* 11 (1/2), 17-41.
- Sinha, Chris & Thorseng, Lis A. (1995). A coding system for spatial relational reference. In: *Cognitive Linguistics* 6 (2/3), 261-309.
- Sokolova, Svetlana & Lewandowski, Wojciech (2010). Constructional profile of the verbal prefix ZA-: a comparative study of Russian and Polish. In: Atle Grønn & Irena Marijanovic (eds.): *Russian in Contrast* (= Oslo Studies in Language 2 (2)), 365-391.
- Sowa, Timo & Ipke Wachsmuth (2009). A Computational Model for the Representation and Processing of Shape in Coverbal Iconic Gestures. In: Kenny R. Coventry, Thora Tenbrink and John Bateman (eds.): *Spatial Language and Dialogue*. Oxford, 132-146.
- Spang-Hanssen, Ebbe (1990). La sémantique des adjectifs spatiaux. In: *Revue Romane* 25:2, 292-309.
- Spang-Hanssen, Ebbe (1991). Naming the dimensions of a spatial object. In: J. Darski und Z. Vetulani (Hrsg.): *Sprache — Kommunikation — Informatik*. (Akten des 26. Linguistischen Kolloquiums). Band 1. Poznań, 195-200.
- Spang-Hanssen, Ebbe (1993). Géométrie et fonctionnalité dans la description des adjectifs de dimension. In : *Cahiers de Grammaire* 18, 93-107.
- Stassen, L. (1985). *Comparison and Universal Grammar*. Oxford/New York.

Stefanowitsch, Anatol (2006a). Corpus-based approaches to metaphor and metonymy. In: Stefanowitsch, Anatol & Stefan Th. Gries (eds.): *Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy*. (Trends in Linguistics. Studies and monographs 171) Berlin, 1-16.

Stefanowitsch, Anatol (2006b). Words and their metaphors: A corpus-based approach. In: Stefanowitsch, Anatol & Stefan Th. Gries (eds.): *Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy*. (Trends in Linguistics. Studies and monographs 171) Berlin, 63-105.

Stefanowitsch, Anatol & Stefan Th. Gries (eds.) (2006): *Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy*. (Trends in Linguistics. Studies and monographs 171) Berlin.

Stolz, Christel (1996). *Spatial dimensions and orientation of objects in Yucatec Maya*. Bochum.

Ström, Anna (2000). Łączliwość przymiotników oznaczających wymiary z nazwami odzieży w języku szwedzkim. In: Renata Grzegorczykowa & Krystyna Waszakowa (red.): *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne*. Część I. Warszawa, 195-210.

Ström, Anna (2001). The construal of geometrical shapes as linguistically manifested by dimensional adjectives. In: Enikő Németh T. (ed.): *Cognition in Language Use. Selected Papers from the 7th International Pragmatics Conference*. Antwerp, 432-447.

Svorou, Soteria (1994). *The Grammar of Space*. (Typological Studies in Language 25) Amsterdam.

Sweetser, Eve (1990). *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge/New York.

Tafel, Karin (2001). Zum Wesen von Graduierung und deren Bedeutung für die menschliche Gemeinschaft. In: Helmut Jachnow, Boris Norman und Adam E. Suprun (Hrsg.): *Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien*. (= Slavistische Studienbücher 12) Wiesbaden, 20-38.

Talmy, Leonard (1983). How language structures space. In: H. Pick, L. Acredolo (eds.): *Spatial orientation: theory, research, and application*. New York, 225-282 (перепечатано в: Vyvyan Evans, Benjamin Bergen & Jörg Zinken (eds.) (2007): *The Cognitive Linguistics Reader*. London, 766-830.

Talmy, Leonard (2000). *Toward a Cognitive Semantics. Volume I: Concept Structuring Systems. Volume II: Typology and Process in Concept Structuring*. Cambridge (MA).

Talmy, Leonard (2003). The representation of spatial structure in spoken and signed language. In: Karen Emmorey (ed.): *Perspectives on Classifier Constructions in Sign Language*. Mahwah, NJ, 169-195.

Talmy, Leonard (2005). The fundamental system of spatial schemas in language. In: Beate Hamp & Joseph E. Grady, (eds.): *From perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Berlin/New York, 199-234.

Taylor, John R. (2003). Near synonyms as co-extensive categories: 'high' and 'tall' revisited. In: *Language Sciences* 25, 263-284.

Teller, Paul (1969). Some discussion and extension of Manfred Bierwisch's work on German adjectivals. In: *Foundations of language* 5, 185-217.

Tenbrink, Thora (2009). Identifying Objects in English and German: a Contrastive Linguistic Analysis of Spatial Reference. In: Kenny R. Coventry, Thora Tenbrink and John Bateman (eds.): *Spatial Language and Dialogue*. Oxford, 104-118.

Tendahl, Markus (2009). *A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics*. Basingstoke.

Tissari, Heli (2003). *LOVEscapes: Changes in prototypical senses and cognitive metaphors since 1500* (= Mémoires de la Société Néophilologique de Helsinki 62). Helsinki.

Tribushinina, Elena (2008a). *Cognitive Reference Points: Semantics Beyond the Prototypes in Adjectives of Space and Colour*. Utrecht.

Tribushinina, Elena (2008b). EGO as a cognitive reference point: the case of *невысокий* and *низкий*. In: *Russian Linguistics* 32 (3), 159-183.

Tribushinina, Elena (2010). Vantages on scales: a study of Russian dimensional adjectives. In: *Language Sciences* 32, 241-258.

Tribushinina, Elena (2011a). Boundedness and relativity. A contrastive study of English and Russian. In: *Languages in Contrast* 11:1, 106-128.

Tribushinina, Elena (2011b). Reference points in adjective-noun conceptual integration networks. In: Sandra Handl & Hans-Jörg Schmid (eds.): *Windows to the mind: metaphor, metonymy and conceptual blending*. Berlin, 269-290.

Trost, Igor (2006). *Das deutsche Adjektiv*. Hamburg.

Tsohatzidis, S.L. (ed.) (1990). *Meanings and prototypes. Studies in linguistic categorization*. London & New York.

Ungerer, Friedrich & Schmid, Hans-Jörg (1996₁, 2006₂). *An Introduction to Cognitive Linguistics*. Harlow.

Vandeloise, Claude (1986). *L'Espace en français. Sémantique des prépositions spatiales*. Paris.

- Vandeloise, Claude (1988). Length, Width, and Potential Passing. In: B. Rudzka-Ostyn (red.): *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, 403-427.
- Vandeloise, Claude (1991). *Spatial Prepositions: A Case Study from French*. Chicago & London.
- Vandeloise, Claude (1993). The role of resistance in the meanings of thickness. In: *Leuvense Bijdragen* 82, 29-47.
- Vandeloise, Claude (1994). Methodology and analyses of the preposition *in*. In: *Cognitive Linguistics* 5 (2), 157-184.
- Vandeloise, Claude (2003). Containment, support, and linguistic relativity. In: Hubert Cuyckens, René Dirven and John R. Taylor (eds.): *Cognitive Approaches to Lexical Semantics* (= Cognitive Linguistic Research 23). Berlin & New York, 393-425.
- Vandeloise, Claude (2004). *La dimension en français: de l'espace à la matière*. Paris.
- Vandeloise, Claude (2005). Force and Function in the Acquisition of the Preposition *in*. In: Laura Carlson and Emile Van Der Zee (eds.): *Functional Features in Language and Space: Insights from Perception, Categorization, and Development*. Oxford, 219-231.
- Varela, F., Thompson, E. & E. Rosch (1991). *The Embodied Mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge.
- Varnhorn, Beate (1993). *Adjektive und Komparation. Studien zur Syntax, Semantik und Pragmatik adjektivischer Vergleichskonstrukte*. (= Studien zur Deutschen Grammatik 45). Tübingen.
- Vater, Heinz (1996). *Einführung in die Raum-Linguistik* (= KLAGE : Kölner linguistische Arbeiten, Germanistik 24). Hürth.
- Vogel, Anna (2004). *Swedish Dimensional Adjectives*. Stockholm.
- Weydt, Harald / Schlieben-Lange, Brigitte (1995). *Hoch – tief – niedrig*. Primäre und metaphorische Bedeutungen von antonymischen Adjektiven. In: Ulrich Hoinkes (Hrsg.): *Panorama der Lexikalischen Semantik*. Tübingen, 715-743.
- Weydt, Harald / Schlieben-Lange, Brigitte (1998). The meaning of dimensional adjectives. Discovering the semantic process. In: *Lexicology* 4.2, 199-236.
- Wienold, Götz & Rohmer, Ulrich (1997). On Implications in Lexicalizations for Dimensional Expressions. In: Keiichi Yamanaka & Toshio Oohori (eds.): *The Locus of Meaning: Papers in Honor of Yoshihiko Ikegami*. Tokyo, 143-185.

Wierzbicka, Anna (1972a). *Semantic Primitives*. Frankfurt am Main.

Wierzbicka, Anna (1972b). W poszukiwaniu semantycznego modelu czasu i przestrzeni. W: Anna Wierzbicka (red.): *Semantyka i słownik*. (= Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej XXVII). Wrocław, 151-163.

Wierzbicka, Anna (1985). *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor.

Wierzbicka, Anna (1996). *Semantics. Primes and Universals*. Oxford.

Wierzbicka, Anna (1997). *Understanding Cultures through Their Key Words*. New York.

Wierzbicka, Anna (2006a). *Semantyka. Jednostki elementarne i uniwersalne*. Lublin.

Wierzbicka, Anna (2006b). Shape in grammar revisited*. In: *Studies in Language* 30: 1, 115-177.

Wierzbicka, Anna (2007). Shape and colour in language and thought. In: Andrea C. Schalley & Drew Khlentzos (eds.): *Mental States. Volume 2: Language and cognitive structure*. Amsterdam/Philadelphia, 37-60.

Wingender, Monika (2005). Wesen und Funktion der Graduierung in der Sprache. In: Helmut Jachnow, Tina Drechsler und Zilka Idrizović (Hrsg.): *Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduierung*. (= Slavistische Studienbücher 14) Wiesbaden, 42-57.

Witkowski, Wiesław. (1999). *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków.

Witkowski, Wiesław. (2006). *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków.

Wurzel, Wolfgang Ulrich (1987). Zur Morphologie der Dimensionsadjektive. In: Bierwisch, Manfred und Ewald Lang (Hrsg.): *Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven*. Berlin, 459-516.

Yokoyama, Olga (1986). *Discourse and word order*. Amsterdam.

Zadeh, L.A. (1965). Fuzzy sets. *Information and Control* 8, 338-353.

Zubin, David A. & Choi, Soonja (1984). Orientation and Gestalt: Conceptual Organizing Principles in the Lexicalization of Space. In: David Testen, Veena Mishra and Joseph Drogo (eds.): *Papers from the Parasession on Lexical Semantics* (= CLS-20). Chicago, 333-345.

Zubin, David A. & Svorou, Soteria (1984). Perceptual schemata in the spatial lexicon: a cross-linguistic study. In: David Testen, Veena Mishra and Joseph Drogo (eds.): *Papers from the Parasession on Lexical Semantics* (= CLS-20). Chicago, 346-358.

Zwicky, Arnold M. & Sadock, Jerrold M. (1975). Ambiguity tests and how to fail them. In: John P. Kimball (ed.). *Syntax and Semantics* 4, 1-36.

LEBENS LAUF

von Anna Möhl aus St. Petersburg, Russland

Geboren am 11. August 1979 in Velikije Luki, Russland. Ab 1991 Lyceum in Velikije Luki, Russland. Sprachaufenthalt in Grossbritannien im Winter 1994. 1996 Abschluss mit Goldmedaille. 1987 bis 1994 Besuch der Musikschule (Klavier).

1996 Beginn des Studiums in Englischer Philologie und Pädagogik an der Pädagogischen Herzen Universität in St. Petersburg, Russland. Im Rahmen der Universitätsausbildung verschiedene Lehrerpraktika in Englisch und Deutsch am Gymnasium 209 in St. Petersburg. Abschluss des Studiums im Juli 2001 mit ‚summa cum laude‘.

Oktober 2001 Beginn des Zweitstudiums der Slavistik und Englischen Sprach- und Literaturwissenschaft an der Universität Zürich. Sprachaufenthalt in Polen (Kraków) im Sommer 2002. Im Wintersemester 2002/2003 als Lektorin für Russische Sprache und seit 2002 als Tutorin für Russische Sprach- und Literaturwissenschaft sowie für Russische Phonetik tätig.

Von November 2003 bis Mai 2005 Übersetzungsprojekt „Ein unbekanntes Russland: Kulturgeschichte vegetarischer Lebensweisen von den Anfängen bis zur Gegenwart“ in Zusammenarbeit mit Prof. Dr. Peter Brang (Autor).

Dezember 2006 Abschluss der Slavistik und Englischen Sprach- und Literaturwissenschaft an der Universität Zürich. Januar 2007 Anstellung als Assistentin am Slavischen Seminar Universität Zürich und gleichzeitiger Beginn des Doktoratsstudiums im Bereich Slavische Sprachwissenschaft. Sprachaufenthalt in Polen (Gdańsk) im Sommer 2007.

Von FS 2007 bis HS 2012 Lehrtätigkeit an der Universität Zürich in Fächern: Altkirchenslavisch (FS 2007, FS 2008), Altrussisch (FS 2008), Linguistik des Körpers (HS 2008), Einführung in die Sprachwissenschaft (FS 2010, HS 2011, HS 2012), Quantifikation und Graduierung (FS 2011) sowie Sprachkurse Russische Grammatik (HS 2011, HS 2012) und Russische Lektüre 3A (FS 2012).